63.521(411)
T35

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ.
Тобольскаго
УѢЗДНАГО УЧИЛИЩА.
Хронол. катал. № 5[illegible]5
Систем. катал. Отд. III № 126.
КТМ23929/434

63.521(=411)
Т-35
№ 76739-90 1/54
№ 126.

БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА.

9
Т 35.

ЧАСТЬ VI.

III. Отд.
№ 5726

I. ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.
II. НЕДѢЛЯ ВАЙ.
III. ПАСХА.
IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.
V. СЕМИКЪ.
VI. ТРОЙЦЫНЪ ДЕНЬ.
VII. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
VIII. ПЕРВОЕ МАЯ.

01 84
Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 3050
02
Сост. А. Терещенки.
08
тобольского Уездного Училища.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 3 апрѣля 1846 года.

Цензоръ А. Очкинъ.

I. ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Вѣрованія людей въ верховное существо. Смѣшеніе праздниковъ съ языческими отправленіями. Царь горохъ или царь бобъ. Татьяна крещенская. Ксенія полузимница или полухлѣбица. Евдокія свиститъ. Герасимъ грачевникъ. Сороки. Алексѣй Божій человѣкъ. Благовѣщеніе. Св. Антипій цѣлитель. — Іоаннъ воинъ, каратель воровъ. Жены мироносицы. Юрьевъ день: значеніе Георгія и его подвиги. Древнія названія Георгія и его отправленія. Измѣненія юрьевскихъ обычаевъ. Юрьевы сроки и нѣкоторыя повѣрья. Власьевъ день. Волосъ божество. Св. Власій, земледѣльческій праздникъ. Опахиваніе. Іеремій запрягальникъ. Мавра разсадница. Св. Николай, хранитель отъ бѣдъ. Никита, стражъ гусей. Ѳеодоссія колосяница. Акилина гречишница. Борисъ и Глѣбъ грозные. Петръ рыболовъ. Прокопій жатвенникъ. Илья громоносный. Пантелеймонъ зажинный. Архидіаконъ Стефанъ. Ѳекла заревница. Сергій, хранитель курей. Божая матерь и Покровъ. Св. Пятница. Симеонъ и Іуда. Анастасія, хранительница овецъ. Кузьма-Демьянъ, безсребренники. Кузьминки. Екатерина женодавца. Василій великій. Пророкъ Наумъ. Спиридонъ, солнце-поворотъ. Савватій и Зосима, хранители пчелъ. Царь Давидъ, укротитель гнѣва. Заключеніе.

I. ОБРАЗЦЫЕ ПРАЗДНИКИ.

I.

ОБРЯДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Вѣрованіе людей въ верховное существо.

Первоначальное состояніе людей было запечатлѣно дикостію, суевѣріями и созданіемъ собственной вѣры, и ни одного не было гражданскаго общества, которое бы жило безъ своего верховного существа. По понятію народовъ, такое существо могло отвращать жестокіе удары отъ людей и хранить ихъ отъ бѣдствій, благотворить добрымъ и карать злодѣевъ. Но когда божественная вѣра просвѣтила языческіе умы, тогда она повсюду сблизила гражданъ между собою. Между тѣмъ разность обрядовъ вѣроисповѣданія создала особыя свои понятія, которыя, соотвѣтственно степени образованію народа, болѣе или менѣе утверждали крѣпость политическаго тѣла, потому во многихъ странахъ свѣта, доселѣ сохранились въ простонародіи чествованія дней угодниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ благотворителей или карателей, ибо они наказываютъ, не уважающихъ ихъ святость, истребленіемъ хлѣба и травы на поляхъ: громомъ, молніею, дождемъ и засухою, или ниспосылаютъ изобиліе на богобоязливаго поселянина. — Простолюдины воображаютъ, что угодники, обитая на небѣ, имѣютъ человѣческій видъ, одѣваются и живутъ тамъ, какъ люди; но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что постоянно находятся

въ дружбѣ между ангелами и добрыми людьми, и нисходятъ на землю, чтобы смотрѣть за поведеніемъ и трудолюбіемъ поселянъ. Таковые угодники могутъ принимать на себя разные виды, являться среди грома и бурь въ молніеносныхъ одеждахъ, или на конѣ верхомъ, или парящими на облакахъ въ видѣ ангеловъ. Народъ увѣренный, что ничего не совершается безъ предстательства святыхъ, приноситъ имъ жертвы и оказываетъ почести совершенно Божескія. Въ дни угодниковъ не работаетъ, боясь прогнѣвить ихъ. Крестьянинъ скорѣе согласится работать въ другой церковный праздникъ, нежели въ день праздника своего святого. Каждая деревня, каждый городъ, или лучше сказать, каждый приходъ имѣетъ своего защитника. Простосердечіе Русскихъ не простиралось однако такъ далеко, какъ католиковъ. Священники римскіе съ намѣреніемъ поддерживали вѣрованіе до фанатизма, и подкрѣпляли суевѣрія до безумной невѣроятности. Чтобы яснѣе это понять, то скажемъ, что католическое духовенство заставляло народъ оказывать чествованія, гораздо болѣе папамъ, нежели святымъ, — чествованія равныя Богу. Кто бы этому могъ повѣрить? Пусть бы не просвѣщенные боготворили папу, но это дѣлали просвѣтители и блюстители христіянъ, какъ называютъ себя католическіе отцы, которые вкореняли еще общее мнѣніе, что власть папъ выше царей самодержавныхъ; что папы раздаютъ земныя и небесныя блага, что они могутъ низводить монарховъ съ престола, возмущать противу нихъ гражданъ, разрѣшать ихъ отъ присяги въ вѣрности, раздавать земли, государства и всѣ обитатели міра, суть подданные папъ. Эти мнѣнія подтвердили во всей силѣ, папы: Бонифаціи VIII, Григорій VII Гильдебрандъ и Александръ VI. — Іезуитъ Азаріо утверж-

далъ, что папа непосредственно получаетъ власть отъ Бога, Коего онъ есть намѣстникъ на землѣ, а всѣ государи принимаютъ престолъ отъ папъ. На канунѣ Р. Х. папа благословлялъ мечъ и посылалъ государю, въ ознаменованіе, что папѣ дана власть на землѣ и на небѣ: карать и миловать. Монахъ Граціанъ писалъ, что папа есть солнце, а императоръ луна. Леонъ Аллацій говоритъ, въ сочиненіи своемъ de perpetua consensione: папа ни отъ кого не зависитъ, онъ судитъ весь міръ, а самъ не судится ни кѣмъ. Хотя бы онъ несправедливо управлялъ, должно ему повиноваться; онъ издаетъ законы, перемѣняетъ ихъ по своей волѣ и опредѣляетъ самую вѣру. Хотя бы онъ хотѣлъ заблудиться, однако никакъ не можетъ, потому что онъ не причастенъ слабостямъ. Если бы ангелъ указалъ ему, то онъ не сдѣлалъ бы, потому что онъ имѣетъ власть Іисуса Христа. Онъ даже долженъ предавать смерти противныхъ его мнѣнію, и сожигать.—Предлагали даже вопросы богословамъ на рѣшеніе: можетъ ли папа раздавать повелѣнія ангеламъ? Кто милостивѣе: папа или Христосъ? Богословы не знали, какъ рѣшить; долго разсуждали, спорили и потомъ сами впали въ сомнѣніе: точно ли папа простой человѣкъ, или какъ Іисусъ Христосъ?—Наконецъ рѣшили, что папа не есть Богъ и не человѣкъ, но средина между ними: имѣетъ естество божеское и человѣческое. — Другіе говорили, что папа совсѣмъ не человѣкъ, но Божій намѣстникъ. Августинъ Стеуръ, папскій библіотекарь, первый сказалъ: *папа есть Богъ на земли*. Феликсъ увѣрялъ, что папа безгрѣшенъ, какъ Богъ, и можетъ все творить, какъ Богъ. Папа есть начало всѣхъ началъ, почему не должно изслѣдовать его могущества, когда не изслѣдовано начало. Людовикъ Гомесъ утверждалъ: папа можетъ неправедное сдѣлать праведнымъ. Барбарій пи-

салъ, что папа выше всякаго права и что онъ все можетъ дѣлать противу права. Белларминъ проповѣдывалъ, что еслибы папа укрѣплялъ пороки, а добродѣтель изгонялъ; то церковь должна вѣрить, что пороки суть добро а добродѣтель зло.

Таковыми ученіями были напоены сердца несчастныхъ католиковъ, которые почитали святыхъ гораздо менѣе, нежели папъ. (*) Цѣлая Европа томилась въ дикой неволѣ заблужденій до XVI вѣка и народъ католическій содѣлался суевѣромъ до изступленія, но Русскій никогда не доходилъ до такого богопочитанія: онъ любилъ священниковъ, какъ своихъ наставниковъ, чтилъ и чтитъ угодниковъ Богіихъ за ихъ святыя дѣла, и отнюдь не ставитъ ихъ не только выше Бога, но выше самыхъ ангеловъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что все это есть твореніе рукъ Божіихъ, и потому, воздавая почитаніе угодникамъ, чествуетъ въ нихъ величіе Божіе.

Смѣшеніе праздниковъ съ языческими отправленіями.

Многіе праздники и забавы, смѣшаны съ языческими отправленіями. Греки и Римляне ознаменовывали свои празднества радостію, чрезъ принесеніе жертвъ, христіяне же запечатлѣли святостію религіи; но всѣ праздники, у всѣхъ народовъ, отличаются состояніемъ государства, его образованностію, его жизнію, привычками и страстями, изъ коихъ нечувствительно проистекли измѣненія. Земледѣльцы и воины, просвѣщенные люди и дикари, имѣютъ разныя понятія о своихъ торжествахъ, но радость, при встрѣчѣ праздника, гораздо продолжительнѣе въ простонародіи, нежели въ высшемъ сословіи.

Самые дни повсемѣстнаго празднества, приправлен-

(*) Болтинъ: Примѣч. на истор. Леклерка т. 1. с. 140-146.

ны къ мѣстности и времени. — Въ глубокой древности они совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдѣлками. Повсюду они, составляя отдохновеніе отъ работъ, содѣлались извѣстными подъ именемъ праздниковъ (*)

Первые пастыри нашей церкви, ревностно истребляли идоловъ и суевѣрныя вѣрованія, между тѣмъ языческія заблужденія не отставали отъ своихъ привычекъ. Татарское владычество возобновило суевѣрные обряды. *Паганскіе обычаи, коби бѣсовскія, игры, радуницы, русалье и кудесничество*, запрещенныя Стоглавомъ, не могли быть совершенно искоренены.—Что въ одномъ мѣстѣ выходило изъ употребленія, по мѣрѣ развитія чистоты правовъ, то въ другомъ чествовалось съ упорствомъ. — Попынѣ *Волосъ* считается хранителемъ скотовъ, канунъ Иваповскаго дня, купалою и производителемъ земныхъ плодовъ; *Агрипина*, слыветъ купальницею. — Лѣшіе суть страшилища людей; полевые, жители полей; домовой дѣдушка, есть стражъ домовъ; ярило, участникъ страстей. — Пророкъ Илія превращенъ въ небесную грозу, св. Іеремія въ запрягальника, св. Ѳеодосія въ колосяницу и проч., — всѣ они носятъ отпечатокъ превратныхъ понятій народа.

Отъ чего народъ далъ особыя названія праздни-

(*) Праздникъ означаетъ свободное отъ всѣхъ занятій время а совершеніе или способъ, какъ отправляютъ его, называется торжествомъ, которое заключается въ обрядѣ болѣе или менѣе пышномъ или таинственномъ. Иные думаютъ, что торжество произходитъ отъ свеоготескаго слова *торгъ* (torg), которое обратилось потомъ въ нашъ торгъ. Но словопроизводству нельзя утверждать, но оно очень вѣроятно, потому что торгъ всегда сближалъ людей между собою и велъ ихъ, хотя косвеннымъ путемъ, къ взаимной радости.

камъ? — Славяне, издревле земледѣльческій народъ, имѣли въ язычествѣ своихъ боговъ покровителей, которые, по мнѣнію ихъ, споспѣшествовали ихъ благосостоянію, какъ въ полѣ, такъ и въ семейномъ бытѣ. Со введеніемъ христіянской вѣры, они долго уклонялись отъ чествованія церковныхъ праздниковъ. Правительственная власть употребляла усилія, а суевѣріе и преданность къ старымъ обычаямъ, слили съ христіянскими понятіями языческія чествованія, потому къ именамъ многихъ святыхъ, придали свои особыя значенія и прозванія.

Если присоединить къ этому закоренѣлые предразсудки, суевѣрные толки по разнымъ примѣтамъ, вещамъ и дѣйствіямъ, извлекаемымъ изъ явленій природы и дѣйствій человѣка; (*) то все это суть слѣдст-

---

(*) Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ предразсудковъ:

1. *Звенитъ въ ухѣ.*

Когда звенитъ въ ухѣ, тогда должно перекреститься, и ничего не загадывать, какъ поступаютъ другіе: потому что ангелъ хранитель записываетъ въ то время грѣхи въ книгу живота, и представляетъ Богу; при запискѣ ихъ онъ споритъ съ дьяволомъ, и кто не перекрестится, тогда ангелъ уступаетъ сатанѣ душу и отходитъ отъ нея съ рыданіемъ.

2. *О преимуществѣ одного плеча предъ другимъ.*

У каждаго изъ насъ сидитъ въ правомъ плечѣ ангелъ хранитель, а въ лѣвомъ дьяволъ; первый ведетъ къ добру а второй ко злу.

4. *Пѣніе куръ по пѣтушиному.*

Если куры поютъ по пѣтушьему, особенно цыплята, то

вія того состоянія, въ какомъ находился народъ нашъ до образованія своего. Но, не должно думать, чтобы одинъ нашъ народъ былъ преданъ предразсудочнымъ истолкованіямъ, — это общая черта простого сословія

считается не добрымъ предзнаменованіемъ,—непремѣнно случится въ домѣ несчастіе, которое отвратить только можно: схвативъ курицу или цыпленка, мѣрятъ имъ отъ передняго угла стѣны до порога, и гдѣ какая часть тѣла ляжетъ, ту отрубить: прійдется голова,—голову; прійдется хвостъ,—хвостъ. Думаютъ, что тутъ то кроется зловѣщій духъ. — Другіе, услышавъ пѣніе курицы или цыпленка, отвѣчаютъ ему: *на свою голову*! и немедленно зарѣзываютъ.

4. *Распусканіе дуба, и цвѣтеніе черемухи и серены.*

Когда распускается дубъ или его отростки, равно когда разцвѣтаетъ черемуха и серена, тогда появляется холодъ. Если весна холодная, то приписываютъ ея дѣйствіе этимъ растеніямъ.

5. *Вой собакъ.*

Въ какую сторону воютъ собаки, въ той сторонѣ быть пожару: если передъ домомъ, то въ домѣ. Если собака воетъ передъ окошками, особенно больного, то непремѣнно смерть ему. Вообще вой собакъ считаютъ дурнымъ знакомъ.

6. *Заецъ, священникъ, похороны и ведра пустыя.*

Если перебѣжитъ дорогу заецъ или перейдетъ священникъ, то случится не доброе. Чтобы отвратить несчастіе, надобно переломить прутикъ на двое, и каждую половину бросить на обѣ стороны; но обороны отъ священника никакой нѣтъ. Равномѣрно предзнаменуется несчастіе, если священникъ поставитъ свою палку въ передній уголъ. — Встрѣчу съ священникомъ, принимаемую въ простонародіи за худое предзнаменованіе, ненначе объяснить можно какъ тѣмъ, что Владиміръ I.

во всѣхъ государствахъ. Взгляните на низшее сословіе среди самыхъ просвѣщеннѣйшихъ странъ, и тамъ найдете тысячи нелѣпыхъ вѣрованій. Но чувству всегда отрадно чествовать празднества, съ обрядными от-

---

облекъ духовенство особой властію, отъ чего священникъ сдѣлался тогда судьей, и что первые христіяне Руссы были подвергаемы ими наказанію, за невыполненіе христіянскихъ обязанностей. — Встрѣчу съ похоронами и пустыми ведрами, всегда объясняютъ къ злополучію. Иные, повстрѣчавшись съ священникомъ, особенно съ похоронами, до того теряются, что бросаетъ ихъ въ потъ, блѣднѣютъ, или бѣжатъ отъ испуга домой и молятся Богу объ отвращеніи несчастія. Въ тотъ день не выходятъ уже изъ дома. — Встрѣчу съ пустыми ведрами истолковываютъ, что начатое дѣло будетъ пустое и не исполнится.

7. *О дичи.*

Многіе ни за что не станутъ ѣсть дичи, и почитаютъ того безразсуднымъ, кто бьетъ ее. Другіе не ѣдятъ ничего застрѣленного или убитого, а непремѣнно должно быть зарѣзано. Застрѣленную дичь потому считаютъ къ употребленію грѣшнымъ, что она птица вольная: Богъ ее кормитъ и Богъ бережетъ ее, и не должно того ѣсть, чего не выкормилъ самъ.

8. *Стриженіе овецъ.*

Кто острижетъ овецъ до Семенова дня, у того овцы не будутъ мерзнуть во всю зиму; а кто не острижетъ, у того всѣ перемерзнутъ.

9. *Подсолнечныя зерна.*

Старые люди не позволяютъ грызть зеренъ изъ подсолнишника, будтобы грызущіе ихъ, дѣлаютъ противное Богородицѣ.

правленіями, какъ бы они ни казались несогласными съ чистотою истины. Благочестіе управляетъ человѣкомъ, а это не только сладостно, но утѣшительно для него. Встрѣчаемыя же многія суевѣрныя отправленія, при

---

10. *Киданіе денегъ и хлѣба.*

Утверждаютъ, кто бросаетъ деньги во время игры, или хлѣбъ послѣ обѣда, или въ другое время; тотъ гнѣвитъ Іисуса Христа.

11. *Каша.*

Если стоящая въ печкѣ каша, выйдетъ вонъ; то случится въ домѣ несчастіе.

12. *Воздушныя явленія.*

Если поселянину случится увидѣть сѣверное сіяніе, огненные столбы, блуждающіе огни и комету, то они наводятъ на него трепетъ: они, по его мнѣнію, означаютъ не къ добру. Явленіе кометъ для нихъ всего ужаснѣе; онѣ предвѣщаютъ бѣдствія людямъ: войну, голодъ, моровую язву и наконецъ представленіе свѣта. Въ блуждающихъ огняхъ видятъ вертящуюся нечистую силу.

13. *Огонь на могилахъ.*

Часто бываетъ видно, около могилъ, блескъ огня, который иногда поднимается шаромъ съ искрами, иногда блеститъ звѣздочкою или въ родѣ свѣчи. Тогда заключаютъ, что это скитается по свѣту душа умершаго безъ покаянія, не зная, что это происходитъ отъ накопленія фосфорическихъ веществъ.

14. *Связь мельника съ чортомъ.*

Увѣряютъ до слезъ, что всякій мельникъ имѣетъ сношеніе съ дьяволомъ, если не дружеское, то покрайней мѣрѣ видится

совершеніи празднествъ, должно приписать простотѣ нравовъ, а отнюдь не упорному и закоренѣлому народу, который будтобы не желаетъ выттн изъ невѣжества. Нѣтъ, образованіе не достигло еще до всего народа, да-

---

съ нимъ, когда захочетъ; но лучшее время для свиданія, это полночъ, въ которую онъ съ нимъ бесѣдуетъ, а днемъ перешептывается, глядя въ глубину воды, подъ колесомъ; что мельникъ посылаетъ чорту, одинъ разъ въ годъ подарокъ,—откормленную черную свинью, и если этого онъ не сдѣлаетъ, то дьяволъ разрываетъ сначала его плотину, которую не можетъ насыпать ни одинъ мельникъ безъ его пособія, и наконецъ замучиваетъ его во снѣ.

15. *Крикъ ворона и филина.*

Если каркаетъ воронъ на чіемъ либо домѣ, то въ этомъ домѣ умереть кому нибудь. Тоже самое, если кричитъ филинъ, особенно когда садится на крестъ церкви. Тогда всѣ увѣряютъ, что въ томъ приходѣ умретъ непремѣнно кто нибудь изъ церковно-служителей, —

16. *Зимнее убѣжище ласточекъ.*

Нѣкоторые утверждаютъ, что ласточки улетаютъ зимой на небо, а другіе увѣряютъ, что онѣ кроются зимою въ колодезяхъ или озерахъ, сцѣпившись ногами другъ за друга.

17. *Ласточкино сердце.*

У кого въ дому вьетъ ласточка гнѣздо, тотъ называется благодатнымъ. Если кто выйметъ изъ ласточки сердце, и будетъ носить его при себѣ; тотъ будетъ любимъ всѣми, особенно женщинами.

18. *Летучая мышь.*

Когда летучая мышь выдернетъ у кого либо волосъ изъ

же въ такой степени, чтобы половина его знала читать и писать.

Излишне было бы утверждать, что изскаженныя обрядныя празднества не останутся навсегда въ просто-

---

головы, и положитъ его на сухое дерево; тотъ весь изсохнетъ и умретъ.

19. *Возвращеніе съ половины дороги.*

Если кто съ половины дороги, или и менѣе, возвратится домой за вещію имъ забытою; тотъ не будетъ имѣть успѣха въ начатомъ имъ дѣлѣ.

20. *Сорока и кошка.*

Щекотаніе сороки и умываніе кошки, означаютъ прибытіе гостей. Но когда валяется кошка, тогда означаетъ наступленіе вѣтра.

21. *Качаніе лошади.*

По тому мѣсту, гдѣ качалась лошадь, не должно ходить и ничего лить, чтобы не пристала къ тѣлу немочъ: чесотка и лишаи.

20. *Чесаніе глаза, переносицы, кончика носа, усъ и губъ.*

Когда чешутся глаза, тогда будешъ плакать; переносица,—услышишъ объ умершемъ; кончикъ носа—будешъ пить водку, а усы или губы, цѣловаться съ кѣмъ нибудь.

23. *Чакуша.*

Кто найдетъ чакушу, тотъ долженъ бросить ее подъ печь, тогда не появятся въ избѣ ни сверчки, ни тараканы.

пародіи: уже измѣнилось много съ того времени, когда появились хорошіе пастыри; когда общежитіе проникло въ избы, а образованіе начинаетъ дѣйствовать по-

---

24. *Иканіе.*

Кому икается, тотъ думаетъ, что объ немъ вспоминаютъ знакомые или родные. – При иканіи, какъ равно при зѣваніи, крестятся, чтобы чортъ не влѣзъ въ душу.

25. *Молоко.*

Не подавай на столъ молока, которое стояло въ непокрытомъ кувшинѣ, потому что нечистая сила уже пила изъ него. – Убавится молока въ коровѣ, если перебѣжитъ черезъ кувшинъ звѣрокъ ластка.

26. *Соль и ножъ.*

Не вмокай и не бери изъ солонки соль вмѣстѣ, съ кѣмъ бы то нибыло, и не дари никого ножемъ, иначе поссоришься. Въ первомъ случаѣ, чтобы избавиться отъ ссоры, надобно засмѣяться обоимъ, а во второмъ, давая ножъ, сказать: чуръ этого ножа.

27. *Образъ и крестъ.*

Дурной знакъ, кто даритъ кого либо образомъ или крестомъ, – непремѣнно къ смерти получившаго.

28. *Кольцо и перстень.*

Кто даритъ кольцемъ или перстнемъ молодую дѣвушку, тому не жениться на ней.

29. *Покупка лошади и коровы.*

У кого черные волосы, тотъ не долженъ покупать свиой

всюду, хотя издалека. Но что особенныя обрядныя празднества, много уже измѣнены, то это можно видѣть изъ отправленій ихъ: въ иныхъ мѣстахъ они или оставлены, или уже соединены съ чистотою Евангелія, или,

---

лошади, – она убѣжитъ отъ него, или уворуютъ ее.–Кто купилъ корову, тотъ проведи ее въ свой дворъ въ калитку, чрезъ положенный поясъ. При покупкѣ какой бы то ни было скотины, надобно спрашивать про ихъ недостатки: когда онѣ объявятся, тогда уничтожатся пороки, какъ то: упрямство, лѣнь, подниманіе на дыбы и брыканіе. –

30. *Лихоманка и желтуха.*

Кого бьетъ лихоманка, тотъ окури себя копытомъ; а у кого желтуха, смотри на живую щуку въ водѣ,–все пройдетъ.–Многіе думаютъ прогнать лихорадку испугомъ, потому внезапно бросаются на больного съ ножемъ или прицѣливаются ружьемъ. Одинъ мужъ, желая избавить свою жену отъ лихоманки, схватилъ ружье и сталъ цѣлить въ нее. Она начала кричать а онъ нарочно приблизился, чтобы напугать ее сильнѣе; она стала болѣе кричать, а онъ еще болѣе сталъ пугать, прицѣливаться, вертѣть ружьемъ, и во время шутокъ, курокъ спрыгнулъ и жена упала: онъ убилъ ее. – Вотъ способъ изгнанія лихоманки! – По разнымъ мѣстамъ даютъ ей разныя названія, а именно: *трясучки, трясавицы, комухи, комахи*, Величаютъ еще Лихоманкой Ивачовной, чтобы она не обидѣлась, или бояться назвать, чтобы она не растрепала еще болѣе. Въ Малороссіи названія проистекаютъ отъ мѣста полученія, наприм. *пидтынныця*, когда она нападетъ на сонного человѣка подъ тыномъ (плетнемъ); *веретенныця*, когда пряха допрялась до лихорадки; *тоевая*, полученная отъ спанія на навозной кучѣ; *степная*, полученная на степѣ; *садовая огородная*, *крынычная*, (колодичная), *рѣчная* и т. п. – Сохранилось повсюдное повѣрье, что у лихорадки девять крылатыхъ сестеръ, конхъ нечистый духъ спускаетъ съ цѣпей, чтобы помучить людей. – Если лихорадка пролетомъ коснется губъ, то онъ обмечутся, а если она коснется до всего человѣка, то напа-

что въ одномъ мѣстѣ чествуется особенно, то въ другомъ уже со всѣмъ неизвѣстно.

Царь-горохъ или царь-бобъ. У католиковъ существуетъ праздникъ трехъ царей (генваря 6, по нов. исчислен.), который совпадаетъ съ

детъ трясавица; но чтобы она не возвратилась къ больному, то ему надобно намазать свое лице сажей, – этого она пугается. – Иные переодѣваются въ вывороченное или чужое платье, чтобы она не узнала; переѣзжаютъ тихомолкомъ изъ дома въ домъ, чтобы она не нашла его; пишутъ на дверяхъ и окнахъ, безъ вѣдома больнаго: *дома нѣтъ*, чтобы этимъ обмануть лихорадку и спрятать отъ нее больного, котораго потомъ окуриваютъ его же паромъ. – Въ предохраненіе еще отъ лихорадки, носятъ на шеѣ змѣинную или ужовую кожу, ожерелье изъ змѣиныхъ головокъ или восковые шарики, надѣланные изъ страстной свѣчи. –

31. *Яйца.*

Грѣхъ ѣсть яйца, снесенныя до маслянницы.

32. *Ковшъ банный.*

Грѣхъ великій, кто пьетъ изъ ковша, который употребляется въ банѣ при сливаніи воды на тѣло.

33. *Украденная собака.*

Кто укралъ собаку, тотъ смѣряй ея хвостъ ниткою, – тогда она не убѣжитъ.

34. *Насѣдка.*

Когда насѣдка сидитъ на яйцахъ, и въ то время умретъ кто нибудь, тогда замираютъ ея яйца.

35. *Вертѣніе вихря.*

Если внезапно поднимается вихрь, или закружится вѣтеръ

нашимъ Рождествомъ Христовымъ. — Сѣверо-западная часть Германіи и вообще всѣ послѣдователи католицизма, долгое время чествовали этотъ праздникъ, какъ средину зимы и начало новаго года. Это

клубомъ: то должно воткнуть въ его средину ножъ и произнесть: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его! — Или: съ нами Богъ! — Вертѣвшійся здѣсь дьяволъ, застонетъ и побѣжитъ собакою или кошкою, или оборотится въ вѣдьму. — Тогда бей ее! — Убьешъ, будешъ счастливъ; не убьешъ, она побѣжитъ сорокою и скроется. —

36. *Паукъ.*

Спускается паукъ и прямо предъ вами, — будетъ гость неожиданный, или получится неожиданно радостная вѣсть, письмо, деньги, повышеніе, награда и т. п.

37. *Свистъ.*

Свиститъ сверчокъ въ комнатѣ, — не къ доброму. Кто свиститъ въ избѣ,— явный знакъ къ опустѣнію дома. При свистѣ старые люди блѣднѣютъ, крестятся и говорятъ: съ нами Богъ!—Они думаютъ, а старухи увѣряютъ до слезъ, что съ свистящимъ свиститъ нечистая сила.

38. *На кудыкину голову.*

Вопросъ *куда*, почитается многими дурнымъ предвѣщаніемъ. Если кто собрался въ дорогу и проходящій спроситъ его: *куда собрался ѣхать?* или идущаго: *куда идешь?* то послѣдній отвѣчаетъ: на *кудыкину голову*!—выражая этимъ: чтобъ пропала твоя голова, спрашивавшая куда. Потому что ему слѣдовало бы спросить: *далеко ли ѣдешь?* или: *далеко ли идешь?*— Многіе боятся произнесть куда, находя въ немъ связь съ нечистой силою. Вопрошенный при отъѣздѣ, откладываетъ свою поѣздку до утра, а идущій воротится назадъ, проворчавъ съ досадой.

2050

время года доселѣ называется на скандинавскомъ полуостровѣ, *большой новой годъ*, и *бобовой праздникъ*. (*) Названіе перваго произошло отъ того, что тогда совершали торжественные обряды, при наступленіи новаго года, и забавлялись святочными переряживаніями, а названіе послѣдняго отъ обычая подавать, въ этотъ день, первое блюдо съ бобами. Кто первый получалъ его, тотъ назывался *царь бобъ*. — У насъ въ Россіи есть обычай подавать, въ большіе праздники, жареный на столъ горохъ, разумѣется между простолюдинами, печь пироги съ горохомъ или варить кашу по поламъ съ горохомъ. — Послѣднее болѣе происходитъ въ Малороссіи, — но это и тамъ не есть всеобщее обыкновеніе, а одно мѣстное. — Жареный или какъ называютъ въ Малороссіи смаженый горохъ и каша съ горохомъ, есть очень вкусное кушанье. — Употребленіе же гороха такъ древнее, что говоря о какомъ либо не запамятномъ событіи, обыкновенно выражаются: *о, это было за царя гороха*, или *во времена царя гороха*. Можно думать, что горохъ былъ любимѣйшимъ и обыкновеннѣйшимъ кушаньемъ въ самое древнее время; что онъ замѣнялъ долгое время зерновый хлѣбъ. До нынѣ изъ гороховой муки пекутъ лепешки и гороховики, дѣлаютъ кисель и пр. Принявъ въ соображеніе глубокую давность употребленія гороха, можно сказать приблизительно къ истинѣ, что самое названіе царя-гороха произошло отъ господствовавшаго употребленія гороха. —

Нѣкоторые находятъ въ царѣ-горохѣ историческій миѳъ, но эта сказка, выдуманная простодушными нянюшками. —

(*) Das große neue Jahr und Bohnenfest.

Татьяна названа крещенскою потому, что въ это время стоятъ большіе морозы и по ея празднику (генваря 12) замѣчаютъ объ урожаѣ и неурожаѣ: если бываетъ морозно и небо ясное, то означаетъ урожай; если вѣетъ гнилый вѣтеръ (южный) или вѣетъ теплая мятель, то будетъ засуха и неурожай. Татьяна крещенская. генв. 12.

Въ этотъ день заключаютъ объ урожаѣ и о цѣнахъ на хлѣбъ, на весь предстоящій годъ. Если цѣны поднялись, то хлѣбъ будетъ дорогъ; если не поднялись, то хлѣбъ будетъ дешевъ. — Ксенія полузимница или полухлѣбица. генв. 24.

Евдокія свиститъ, говоритъ простолюдинъ. Многія животныя пробуждаются тогда отъ зимняго сна, и своимъ свистомъ и крикомъ возвѣщаютъ о наступленіи весны. Въ Россіи прежде всѣхъ возвѣщаетъ весну сурокъ, называемый въ Малороссіи байбакъ. Евдокія свиститъ. март. 1.

Въ день преподобн. Герасима прилетаютъ грачи съ теплыхъ мѣстъ, которые возвѣщаютъ собою наступленіе осени. Въ ознаменованіе этого пекутъ изъ тѣста грачи. Герасимъ грачевникъ. март. 4.

Въ великій постъ наступаетъ день сорока мучениковъ, называемыхъ въ простонародіи *сороки*. Они иногда раздѣляютъ постъ по поламъ. На канунѣ сорока мучениковъ, матери не даютъ спать дѣтямъ своимъ, заставляя ихъ слушать, какъ переломится постъ, и самы утверждаютъ, что слышали, какъ онъ треснулъ по поламъ. — Въ этомъ онѣ увѣряютъ дѣтей, просящихъ скоромной пищи, которую имъ не даютъ, говоря имъ, что уже говѣть не долго. — Ребятишекъ покрываютъ еще рѣшетомъ и бьютъ сверху палкой, чтобы они слышали, какъ переломится постъ пополамъ. Сороки. март. 9.

По среди великаго поста пекутъ еще кресты, и съ этими крестами сажаютъ кого либо на почъ на печъ, чтобы онъ подслушивалъ, какъ перейдетъ половина

поста. Когда что нибудь треснетъ въ переднемъ углѣ избы, тогда означаетъ, что постъ перешелъ свою средину. Другіе пекутъ кресты по числу мужескаго пола въ семействѣ, не исключая малолѣтнихъ, и одинъ деревянный или мѣдный крестъ запекаютъ въ пшеничной лепешкѣ: кому она достанется, тотъ долженъ засѣвать ею хлѣбъ въ слѣдующую весну.—Есть обыкновеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что дѣти, взлѣзая на кровлю съ жаворонками, печенными изъ пшеничной муки, съ крикомъ зовутъ къ себѣ весну и жаворонковъ. Въ самый день праздника пекутъ изъ тѣста жаворонки, въ напоминаніе того, что они прилетаютъ къ этому времени. — Говорятъ, что въ этотъ день сорока кладетъ въ свое гнѣздо 40 палочекъ. —

Хлѣбныя изображенія дѣлаютъ еще въ воспоминаніе подвиговъ Іоанна списателя лѣствицы (март. 30), и потому въ честь его пекутъ пшеничныя маленькія лѣстницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (саратовской губерн. аткарскаго уѣзда, въ селѣ Судачьемъ) пекутъ женщины пироги, которые украшаются поперегъ тѣстяными перекладинами, и это печеніе называется *лѣсенками*. Ихъ приносятъ въ церковь, послѣ обѣдни; служатъ надъ ними молебень съ водоосвященіемъ, а народъ окропляется св. водою. Часть лѣсенокъ остается въ пользу священнослужителей, а остальное отдается нищимъ.—Лѣсенки пекутъ еще въ день Вознесенія Іисуса Христа. Значеніе этого обычая есть милостыня, которая есть лѣствица духовная для восхода души на небо.

Алексѣй Божій человѣкъ. март. 17.

Св. Алексѣй, сынъ одного богатого римскаго вельможи (*), жилъ въ Римѣ въ V столѣтіи. Будучи еще юно-

(*) Родители св. Алексѣя были: Евфиміанъ и Агланда;

шею, онъ проводилъ дни и почи въ моленіи, и когда его обручили съ дочерью царскою, тогда онъ, въ день самой свадьбы, оставилъ ее: бѣжалъ изъ родительскаго дома и отправился чрезъ Киликію въ малую Азію. — Буря застигла его на морѣ; онъ былъ выброшенъ на берегъ и въ рубищѣ нищаго прибылъ въ свой домъ,— гдѣ его не узнали, но дали пріютъ. Онъ во всю жизнь ходилъ нищимъ и постоянно молился Всевышнему. Около 27 лѣтъ провелъ онъ скрытно у своихъ родителей, которые только послѣ смерти его узнали, что онъ былъ ихъ сынъ. Примѣрное его благочестіе, отреченіе отъ земныхъ сокровищъ и суетной славы, и пламенное служеніе одному Богу, увѣковѣчили его добродѣтели, съ названіемъ Божіяго человѣка. —

Нѣкоторые смѣшиваютъ Алексія митрополита московскаго, жившаго въ XIV вѣкѣ, съ св. Алексіемъ. Нашъ Алексій былъ сынъ богатаго черниговскаго боярина Ѳедора Бяконта и крестникъ В. К. Іоанна калиты. Онъ такъ же прославился святостію и услугами, оказанными имъ отечеству. Между многими примѣрами, достаточно привесть одинъ. Когда Тайдула, жена хана Чанибека, страдала тяжкою болѣзнею; тогда ханъ писалъ къ В. К. Іоанну II. «мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ» — Св. Алексій поѣхалъ въ орду (въ 1357 г.), съ надеждою на Бога.—Тайдула выздоровѣла отъ его молитвъ и прозрѣла. — Это чудо, прославило его еще болѣе. При жизни называли его святымъ, а послѣ смерти это прозваніе утвердилось за нимъ навсегда. —

Въ простонародіи говорятъ, что со дня праздника

имя жены св. Алексѣя не показано. – Четья минея подъ 17 март.

Алексѣя Божіяго человѣка, разверзаются всѣ подземные потоки. Говорятъ еще: Алексѣя съ горъ потоки. Это значитъ, что въ день этого святаго (марта 17) начинаетъ течъ вода съ горъ. Или: съ горъ вода а рыба со стану. Въ это время рыба трогается съ зимовья и трется подъ берегами. (*)

Благовѣщеніе. март. 25. Праздникъ Благовѣщенія, совершаемый вездѣ единообразно, соединенъ съ нѣкоторыми особенностями. По хорошему его дню, судятъ о хорошей веснѣ и замѣчаютъ: каково было Благовѣщеніе, таковъ будетъ первый день Пасхи. Замѣчаютъ еще, если въ Благовѣщеніе морозъ, то будетъ много огурцовъ. Въ орловской и калужской губерніяхъ священники деревенскіе пекутъ, на праздникъ Благовѣщенія, просвиры изъ простой ржаной муки, собранной отъ поселянъ. Ихъ раздаютъ послѣ обѣдни, по нѣсколько; мужикъ съѣдаетъ на тощахъ одну или двѣ, а прочія оставляетъ для засѣва хлѣба. Во время засѣва онъ вынимаетъ изъ за пазухи Благовѣщенскую просвиру, крестится и съѣдаетъ ее; потомъ начинаетъ засѣвать поле. Старые люди говорятъ, что въ день Благовѣще-

---

(*) Простолюдины замѣчаютъ, что въ день Маріи египетской (апрѣл. 1.) горятъ снѣга и играютъ овраги, отъ того говорятъ: зажги снѣга, заиграй овражки.—Въ день св. Продіона (апр. 8) говорятъ: заставь соху, пора пахать овесъ. Замѣчаютъ еще, когда заквакаютъ лягушки, тогда пора сѣять овесъ; когда появятся крылатые муравьи, тогда начинаютъ сѣютъ овесъ. Овесъ сѣять хоть въ воду, да впору; а рожь подожди часокъ, да посѣй въ песокъ. — Снѣгу много, хлѣба много.— Въ великій четвертокъ морозъ, такъ и подъ кустомъ овесь, а озимь въ засѣку, т. е. не върь всходамъ съ осени.—Въ день муч. Ирины (апр. 16.) подмываются берега, отъ того говорятъ: съ Ирины разрой берега.

нія, какъ и въ первый день Пасхи, играетъ солнце предъ восходомъ. Матушки и бабушки посылаютъ въ просонкахъ дѣтей своихъ и внучатъ, посмотрѣть на это удивительное явленіе, но они никогда не видятъ его, а между тѣмъ разсказываютъ всѣмъ, какъ солнце вертѣлось по небу, каталось, раскидывало лучи, собирало ихъ и вновь играло ими.

Къ дню Благовѣщенія, какъ къ дню Пасхи, обновляютъ одежду и домашнія вещи. Со дня Благовѣщенія считаютъ за грѣхъ вздувать огонь, ужинать при огнѣ и спать въ избахъ. Мастеровые перестаютъ *засижи-вать* (работать при огнѣ), и дѣлаютъ свой шабашъ съ заходомъ солнца. Воры стараются украсть что нибудь въ этотъ день, чтобы удачно воровать во весь годъ.

Есть еще повѣрье, что въ этотъ день, какъ равно въ день Пасхи, никакая птица не вьетъ гнѣзда. Одинъ только окаянный воробей не знаетъ этого праздника, потому что воробей есть представитель жидовства, какъ ласточка представительница христіянства. — Если курица снесетъ яйцо и положитъ его къ насѣдкѣ, то непремѣнно родится уродъ.

Въ Литвѣ почти во всякомъ домѣ, исправляютъ пиръ, Встрѣчая домашняго друга, аиста, который прилетаетъ тогда изъ за моря, всѣ радуются ему, ибо онъ своимъ появленіемъ возвѣщаетъ наступленіе весны. Тогда же поднимается медвѣдь изъ зимней берлоги, и своимъ ревомъ возвѣщаетъ весну. — Суевѣры утверждаютъ, во многихъ мѣстахъ Россіи, когда какая либо птица проспитъ Благовѣщенскую заутреню, или въ этотъ день завьетъ гнѣздо; тогда отнимаются у ней крылья, на нѣсколько дней. Этого никто не можетъ видѣть, кромѣ вѣдьмъ, которыя тогда не летаютъ а сидятъ смирно дома. —

Св. Антипій, цѣлитель зубовъ. апрѣл. 11.

У крестьянина болятъ зубы, онъ не вырвестъ ни одного больного, но только, подержитъ на немъ мелкую серебреную монету, нѣсколько времени; потомъ пробиваетъ ее наскозь и вѣшаетъ на икону св. Антипія (*). Болятъ у него глаза, или онъ оглохнетъ отъ чего либо, прибѣгаетъ съ молебнемъ къ св. Антипію. Если онъ не помогаетъ, то молится Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ, или дѣлаетъ какой либо обѣтъ; но если и послѣ этого не проходитъ болѣзнь, то уже никакихъ не принимаетъ пособій, и на ваши предложенія отвѣтитъ: нѣтъ батюшка, вѣрно такъ Богу угодно; да будетъ Его святая воля. (**)

Іоаннъ воинъ, каратель воровъ. апрѣл. 18.

Повсемѣстное вѣрованіе въ *Ивана воина* или *Ивана воинственника*, столь сильное, что простолюдины прибѣгаютъ къ нему съ мольбою и жалобою, чтобы онъ разсудилъ: кто правъ а кто виноватъ Обворуютъ ли кого, но воръ не извѣстенъ, а только въ подозрѣніи, немедленно обращаются служить молебень Іоанну воину.

(*) Когда у ребенка долго не рѣжутся зубы, тогда суевѣры прокалываютъ черному пѣтушку гребешокъ, костянымъ или деревяннымъ гребнемъ и кровью его намазываютъ десны. Совѣтуютъ еще надѣвать ребенку ожерелье изъ раковыхъ жерновинокъ или носить фіялковый корень. Когда у дѣтей падаютъ зубы, тогда велятъ стать спиной къ печкѣ, кинуть зубъ черезъ себя и сказать: мышка, мышка! на тебѣ зубъ костяной, а мнѣ дай желѣзный. — Или: на тебѣ репяной, а мнѣ дай костяной.—Велятъ стричъ ребенка на шубѣ, — богатъ онъ будетъ. Если ребенокъ въ первый разъ пойдетъ, то надобно черкнуть ножемъ по землѣ, между его ногъ, и это называется перерѣзать путы.

(**) Другіе, для отвращенія зубной боли, носятъ на шеѣ черную ленточку, или же поутру Лазарева воскресенья, обращаются лицемъ къ востоку солнца, и не переводя духа, произносятъ три раза: воскресенье Лазарево, субботній день! скажи мнѣ Лазарь: чѣмъ зубы лѣчить, недугъ ломать? —

И это такой ужасъ наводитъ на вора, что онъ тотъ часъ сознается, боясь страшнаго гнѣва карателя воровъ. Обидетъ ли кто, т. е. раззоритъ, или со злости наведетъ враговъ на домъ, сей часъ прибѣгаютъ къ Ивану воину: онъ наводитъ на нихъ трепетъ, и рѣдкій преступникъ не сознается, когда заставляютъ его поклясться именемъ Ивана воина. Прежде служенія молебна, обыкновенно обращаются къ подозрительнымъ особамъ и увѣщаваютъ ихъ признаться; не признаются, приступаютъ къ ворожбѣ. Ворожей или ворожея, беретъ псалтырь, перелистываетъ и бьетъ ножемъ въ средину каждого листа, какъ будтобы ищетъ указанія или обличенія. Потомъ останавливается, смотритъ на роковую страницу и указываетъ: вотъ онъ! а, вотъ и другой! онъ не здѣсь, а спрятался.—Если ворожея указала, и послѣ нея станутъ отрекаться, то въ этомъ случаѣ заставляютъ ихъ поклясться Иваномъ воиномъ, въ томъ, что они правы. Если же они виноваты, то воинственникъ неменуемо ниспосылаетъ кару на клявшихся несправедливо, даже и на тѣхъ, коими клялись. Увѣряютъ, что послѣ несправедливой клятвы, постигаетъ виновниковъ величайшее насчастіе, а невинные, коими клялись, умираютъ медленно. — Смерть невинныхъ, вынуждаетъ преступниковъ открыться. Говорятъ, что не было примѣра, чтобы открылись обидчики и воры. — Въ день праздника этого святого, поселяне отправляютъ молебни и молятъ о своемъ защищеніи отъ всѣхъ напастей, особенно отъ воровъ и обидчиковъ. —

Мнѣ случалось видѣть изображеніе Іоанна воинственника на старинныхъ икопахъ, половины XVII вѣка. Онъ представленъ скачущемъ на конѣ и съ мечемъ въ правой рукѣ. Таковое изображеніе нарисовано и на одномъ знаменѣ, конца XVII вѣка. — Тамъ написанъ

св. Іоаннъ золотомъ и серебромъ, безъ шапки, но скачущимъ вправо на бѣломъ конѣ и съ мечемъ въ правой рукѣ; верхняя одежда на немъ развѣвающаяся епанча а сподняя на подобіе латъ. Внизу каймы надпись: «пѣснями восхвалимъ: чудодѣйствуя бо вручаетъ богатодарно скорбящіе люди, и молится Господу Богу, отъ всякихъ бѣдъ спасти правовѣрныя.» —

Жены мироносцы.

День женъ мироносецъ, называется бабьимъ праздникомъ. Въ это время женщины отправляются гулять въ рощу, или на лугъ. Одна изъ женщинъ ходитъ, на канунѣ этого праздника, собирать по домамъ яйца, изъ коихъ готовятъ яишницу. — Приносятъ еще съ собою на гулянье разное съѣстное и вино, и гуляютъ до поздней ночи. Пѣсни и пляски, занимаютъ первое мѣсто среди пирующихъ. —

Праздникъ женъ мироносецъ, происходитъ всегда на третій недѣлѣ послѣ пасхи. —

Значеніе Георгія и его подвигъ.

Празднованіе Юрьева дня совершается два раза въ году: весною апрѣля 23, и осенью ноября 26. —

Св. Юрій, содѣлавшись предметомъ празднованія церкви и гражданъ, находится въ особомъ уваженіи между земледѣльцами. —

Св. великомученикъ Георгій, уроженецъ каподокійскій, (жившій въ концѣ III вѣка по Р. Х.), считается покровителемъ стадъ и земледѣлія. Самое греческое слово *георгóсъ*, *геóргіосъ*, означаетъ земледѣльца.— Святый Георгій обыкновенно представляется на бѣломъ конѣ, поражающій копьемъ дракона, потому что ему приписываютъ спасеніе дѣвицы отъ дракона въ ливійскихъ степахъ, которая была принесена ему на жертву; но Георгій поразилъ его копьемъ въ то время, когда онъ разинулъ чудовищную пасть и готовился проглотить ее. —

Драконъ есть таинственное значеніе: подъ нимъ ра-

зумѣютъ сокрушеніе языческаго служенія, на развалинахъ коего возродилась христіянская церковь. — Въ старославянской легендѣ подтверждается это самое значеніе :

Свати Ири (Юрій) знамена Христа Спасителя,
А дракъ сатана, злего непрителе;
Панна цирковъ святу знамена;
Ктера есть крови Христову выкупѣна (*)

Побѣдоносецъ Георгій въ большомъ уваженіи у русскихъ и грузинскихъ земледѣльцевъ. Греки, Италіянцы, Французы, Нѣмцы и Англичане равно чтутъ праздникъ Георгія. Въ Россіи онъ украшаетъ еще государственный гербъ и есть одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ орденовъ; его изображеніе выбиваютъ, съ государственнымъ гербомъ, на деньгахъ. Древнія московскія деньги преимущественно выбивались: сначала съ изображеніемъ одного Георгія побѣдоносца, въ послѣдствіи присоединили къ нему греческій гербъ: чернаго двухглавого орла (въ концѣ XV вѣка), а наконецъ Императоръ Петръ I, украсивъ его знаками андреѣвскаго ордена, образовалъ Императорскій гербъ.

Древнія названія Георгія, и обрядныя отправленія.

Юрій, Гюрги и Гюргій употреблялися издревле у нашихъ предковъ, вмѣсто Георгій, а въ Малороссіи Юрко, въ червонной Россіи Ирьи. —

Греки ознаменовывали Юрьевъ день пастушескимъ празднествомъ. Тамъ земледѣльческія семейства закалывали для пиршества новорожденнаго изъ животныхъ, и потомъ выгоняли скотъ на пастьбище. На полѣ предавались веселію и простодушно вѣрили,

(*) Колларъ : Собр. червонно русскихъ пѣсенъ.

что св. Георгій есть покровитель скота и надежнѣйшій предохранитель отъ всякой заразы, падежа и похищенія отъ хищныхъ звѣрей.

Въ Исландіи и Финляндіи, поселяне празднуютъ Юрьевъ день со многими языческими обрядами: мущины поютъ пѣсни, а женщины поливаютъ молокомъ освященныя деревья. —

Въ Сербіи купаются до восхожденія солнца и выгоняютъ въ поле скотъ, освященною вербой. — Дѣвицы молятъ св. Георгія о дарованіи имъ жениховъ. —

Въ Сербіи, Иллиріи и Черногоріи поютъ еще молебни у колодцевъ, окрапываютъ святой водою скотъ и выгоняютъ его въ поле, какъ въ Россіи, святою вербой. Карпатороссы выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу, въ томъ предубѣжденіи, что послѣ этого вѣдьмы никакой не будутъ имѣть надъ ними силы, и не будутъ портить скотъ. (*)

Въ Булгаріи каждое семейство зарѣзываетъ молодого ягненка, и кровью его, которая не должна пасть на землю, помазываютъ крестообразно лобъ, щеки и подбородокъ дѣтей; потомъ, когда его сжарятъ, тогда священникъ совершаетъ молебень и благословляетъ ѣсть. Ему отдается лопатка ягненка и шкура. Оставшіяся косточки отъ съѣденнаго ягненка, зарываютъ въ землю. Въ Босніи, Герцоговинѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ турецкой славянщинѣ, такъ же жарятъ ягненка. Въ красной Россіи пастухи встрѣчаютъ Юрьевъ день съ пѣснями, варятъ въ полѣ молочную *кашу* и молятъ св. Георгія о предохраненіи скота отъ всякаго несчастія. Въ черной Россіи дѣлаютъ земледѣльцы разныя се-

---

(*) Север. арх. 1825 г., № 14. с. 114, и № 15. с. 221.

мейныя пирушки, а дѣвушки поютъ пѣсни. Послѣ пира ѣздятъ мущины на лошадяхъ, въ томъ мнѣніи, что св. Георгій раздѣляетъ съ ними это удовольствіе, какъ защитникъ всякого скота, и не допуститъ печистую силу портить его. Тамъ думаютъ еще, что демонъ сѣдлаетъ ночью тѣхъ лошадей, которыя не объѣзжены въ Юрьевъ день, и ѣздитъ на нихъ до полуночи, или до пропѣтія первыхъ пѣтуховъ. Въ Бѣлоруссіи допынѣ говорятъ: св. Юрій пасетъ коровъ, а Никола коней. Тамъ, рано по утру, выгоняютъ скотъ на траву, стараясь захватить росу: отъ нея скотъ дѣлается здоровымъ. За свое усердіе пастухи получаютъ отъ хозяиновъ пироги, разное печеное, яйца и молоко. Хозяинъ увѣренъ, что выгнанный скотъ на Юрьеву росу, принимается подъ защиту св. Георгія. —

Въ Малороссіи рано поутру выгоняютъ пастухи скотъ, освященной вербою. Въ иныхъ мѣстахъ собираютъ хозяева скотъ въ одно мѣсто, и отправляютъ молебень; священникъ окропляетъ водою и проситъ благословенія Божіяго, хозяины дарятъ пастуховъ паленицами (гречневымъ хлѣбомъ), печеными съ творогомъ; яйцами и разными жаркими, и просятъ ихъ беречь скотъ, поручая между тѣмъ особенному покровительству св. Георгія. Въ другихъ мѣстахъ втыкаютъ въ коровьихъ стойлахъ прутики *свяченой вербы* и страстныя свѣчи, въ томъ предубѣжденіи, что онѣ отгоняютъ печистую силу и вѣдьмъ, которыя очень портятъ рогатый скотъ. Этого еще мало: окропляютъ самыя стойла святой водою и накуриваютъ ладаномъ, чтобы оборотни, которые боятся ладану, не скрывались въ хлѣвахъ и загонахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, когда хлѣбъ поднимется довольно высоко на засѣянныхъ поляхъ, приписывая это вліянію Юрки, тогда служатъ на поляхъ молебни и окропляютъ поля святою водой. —

Тамъ думаютъ, что знахари и вѣдьмы, которыя на зарѣ Юрьева дня нарочно выходятъ въ поле, растилаютъ по росѣ холстъ и набрасываютъ имъ на рогатый скотъ, отъ чего онъ дѣлается недойнымъ и тощимъ. Еще господствуетъ мнѣніе, что знахари и вѣдьмы, превращаясь въ разные виды животныхъ: теленковъ, собакъ, кошекъ и пр., сами высасываютъ у коровъ молоко. — Юрьевъ день въ такомъ уваженіи, что поселяне не смѣютъ выгнать въ поле скота, не совершивъ обычныхъ моленій. —

Во всей Россіи Юрьевъ день есть пастушескій и земледѣльческій праздникъ, и повсюду совершаютъ молебствіе, которое заключается семейнымъ угощеніемъ. Водка, пироги и яйца составляютъ непремѣнное кушанье, кромѣ другихъ яствъ, кои приготовляются по произволу и состоянію хозяиновъ. Послѣ Юрьева дни поселяне принимаются сѣять рожъ, ячмень и овесъ, и вообще это время есть начало а осенній Юрій конецъ всѣмъ полевымъ работамъ.

Во Франціи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, оканчивается работа въ сентябрѣ. Собираніе винограда, составляетъ тамъ земледѣльческій праздникъ, какъ нашъ Юрьевъ день, или какъ рубленіе и сѣченіе капусты, сопровождаемое особаго рода веселіемъ: дѣвицы ходятъ тогда въ праздничныхъ нарядахъ по домамъ и поютъ пѣсни. Домохозяева угощаютъ пирогами съ капустою и съ яйцами. — Въ олонецкой губерніи мальчики отправляются верхомъ на палочкѣ и съ колокольчикомъ въ рукѣ, подъ окна избы, и звенятъ; позвенѣвъ нѣсколько, отправляются къ другой избѣ и т. д., чтобы поздравить съ Юрьевымъ днемъ.—Скотъ не выгоняютъ въ этотъ день, по причинѣ глубокихъ снѣговъ въ полѣ.

Измѣненіе Юрьевскихъ

Не вездѣ Юрьевъ день сопровождается сходственными между собою обычаями. Въ Смоленскѣ жители

выходятъ за городъ, и прогуливаются на горѣ;въ тульской губерніи служатъ молебни у колодцевъ, окропляютъ скотъ св. водою и выгоняютъ его въ поле освященной вербою. Въ муромскомъ уѣздѣ (владимірской губ.) ставили образа и свѣчи вокругъ пашни, съ пѣніемъ. обычаевъ.

Воскликнемъ-те братцы!
Святую куралесу.
Дай же, Боже намъ,
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту.

Въ другихъ мѣстахъ Юрьевъ день извѣстенъ подъ именемъ *теплаго, двѣнадцати морозовъ, съ водой, съ кормомъ*. Отъ того говорятъ: Георгій везетъ корму въ торокахъ, а Николай возомъ. Вообще замѣчаютъ, если въ день Георгія идетъ дождь, то во весь годъ пойдетъ скотъ хорошо; т. е. не будетъ на него падежа. Въ подмосковныхъ губерніяхъ говорятъ поныпѣ: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ*; или *Егорій приходитъ съ двѣнадцатью морозами, а отходитъ съ тепломъ*. У двинскихъ и волгскихъ жителей: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*. Или: *Егорій съ мостомъ а Никола съ гвоздемъ*.—Здѣсь разумѣется праздникъ св. Николая (дек. 6.), а потому говорятъ еще о зимнемъ пути: либо недѣлю не доѣдешъ до Благовѣщенія, либо недѣлю переѣдешъ —Въ рязанской и тамбовской губерніяхъ: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*; въ тульской и орловской губерніяхъ: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ костромской губерніи: *въ поле стадо согнять и Егорья окликать*. Окликанье производится пѣснею:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,

Макарья величали.
Егорій ты нашъ храбрый!
Макаріи преподобный!
Ты спаси нашу скотину
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго. (*)

Причитанія къ имени Георгія, произошли безсомнѣнія отъ земледѣльческой поры, къ коей приправлены полевыя работы. За нѣсколько недѣль до Юрьева дня, поля зеленѣютъ быстро, трава растетъ скоро, и къ Егорію она уже готова для скота. Съ Николы трава идетъ на сѣнокосъ, и потомъ начинается свозка и уборка разнаго рода травъ и хлѣбнаго посѣва.

Въ Сибири бываетъ у рыбаковъ *Юровой* праздникъ, въ концѣ октября, когда рыбаки отправляются по рѣкѣ Иртышу для ловли красной рыбы (**).

Въ австрійской Галиціи существуютъ *грегоріянки*, для дѣтей деревенскихъ. Въ день св. Юрія, родители отдаютъ ихъ въ училищѣ, посему они называются *грегоріянками*. Ученики, собравшись въ день св. Юрія, предаются разнымъ забавамъ и шуткамъ.. Одного изъ своихъ товарищей они дѣлаютъ бакалавромъ, и опоясавъ его веревочкой, съ напизанными на ней ба-

---

(*) Снегир. Русск. простонар. праздникъ, вып. III. с. 74–76. выпуск. IV. с. 196.

(**) Письм. Русск. офицера. с. 4–5, изд. 1827 г.

ранками, бѣгаютъ за нимъ и рвутъ на немъ баранки.

Старый грегоріянка угощаетъ новаго, наливъ пива и накрошивъ туда баранковъ. Когда все съѣдятъ, тогда онъ приноситъ гарнецъ воды, смѣшенной съ толченнымъ кирпичемъ и обливаетъ сидящихъ а самъ между тѣмъ убѣгаетъ. Онѣ гоняются за нимъ, крича, что онъ розлилъ школьный медъ, и поютъ: Gre-gre-gre gory, pójdzcie dzieci do szkloy.

Въ прежнее время ученики спускали пѣтуховъ для драки и изъ своей среди избирали еще короля, котораго, нарядивъ въ шутовское платье, водили по разнымъ мѣстамъ. — Нынѣ ходятъ ученики отъ избы къ избѣ, и поютъ юрьевскія пѣсни:

Ja mały żaczek,
Wylazłem na krzaczek ;
I krzaczka wpadłem w wodę,
Zbiłem sobie o kamień brodę,
Zobaczył Pan Jesus z nieba,
Dał my kowaleszek chleba,
I obwarzanków kupe,
I białego sera łupę. —

Ja mały maluta,
Podubiłem pamputa ;
Chodziłem do nieba,
Za kawałkiem chleba.
Chciałem sie wrócić,
Nie chcieli mnie puścić.
Przyjmeie mię państwo za ciurę,
Będę ja łupał są siadową kurę.
Stoi ciura w płocie,
Będzie kij w robocie,
Juk urźnie malutę po za uchą,
Zaraz bida zostanie głuchą. —

Wylazłem na banie,
Powiadałem kazanie ;
Powiadałbym jeszcze,
Ale mi się jeść chce.
Zleciał Anioł z nieba,
Dał mi kromę chleba ;
A ja jemu za to:
Trzewiki na lato,
Buciki na zimę,
A sam choć, kiec pod pierzynę. — (*)

Юрьевы сроки и нѣкоторыя повѣрья.

Св. Георгій въ Россіи, призывается простолюдинами на помощъ во всѣхъ работахъ. Юрьевъ день, освященный благовѣніемъ народа, замѣчателенъ еще и тѣмъ, что въ прежнія времена наши предки совершали сроки два раза въ годъ: въ весенній и осенній Юрій, на переходъ поселянъ отъ одного владѣльца къ другому, пока Борисъ Годуновъ не сдѣлалъ ихъ крѣпостными. Переходные поселяне, не думая никогда содѣлаться крѣпостными, были чрезмѣрно изумлены, когда объявили имъ, за нѣсколько времени до Юрьева дня, что они должны оставаться на земляхъ тѣхъ владѣльцевъ, на коихъ жили ; что впредь они не смѣютъ переходить съ мѣста на мѣсто, и остаются крѣпостными за помѣщиками. — Они увидѣли, что Юрьевъ день уже не существуетъ для нихъ; что Юрьевъ день уже не тотъ для нихъ, что прежде; что Юрьевъ день истребленъ навсегда. — Эти чувствованія горести, невольно родили восклицаніе: *вотъ тебѣ и Юрьевъ день*!

Нѣкоторые думаютъ, что въ Юрьевъ день свиститъ ракъ, а потому, если хотятъ выразить что либо трудное и продолжительное, то говорятъ: *дожидайся Юрьева дня, пока ракъ свиснетъ*. — Замѣчаютъ еще, что если въ Юрьевъ день березовый листъ съ полушку, то

(*) Paul : Piesn. lud. polsk. w Galic. c. 26–29.

къ Успеньеву дню соберутъ хлѣбъ съ кадушку. — Нѣкоторые приписываютъ Георгію побѣдоносцу такое же караніе дьявола, какое пророку Иліи, а именно: гроза съ молніею бываетъ отъ того, что святый Георгій побѣдоносецъ борется съ чортомъ. Разъѣзжая на своей колесницѣ, онъ бьетъ чорта съ небесной высоты, громомъ и молніею. Дьяволъ тогда бѣгаетъ шибко по землѣ, такъ шибко, что пущенная стрѣла изъ лука, самой сильною рукою, не сравняется въ быстротѣ съ его бѣганьемъ. Онъ принимаетъ образъ человѣка, иногда четвероногаго животнаго или птицы, и въ то время отыскиваетъ повсюду человѣка, который бы думалъ о чемъ нибудь грѣшномъ, по этому, когда гремитъ гроза съ молніею, надобно кинуть всѣ дурныя мысли, думать объ одномъ Богѣ и Ему молиться, чтобы Онъ не допустилъ до грѣховныхъ помысловъ. Кто же подумаетъ объ обидѣ ближнему или о согрѣшеніи, въ того влетитъ бѣсъ, и Георгій, преслѣдуя его громомъ, убиваетъ человѣка, въ душѣ коего поселился нечистый. —

Въ Малороссіи употреблялись Юрьевы сроки, торги и разныя сдѣлки, посему вошло въ поговорку: *отъ тоби бабо и Юрьевъ день!* Но эта поговорка обратилась потомъ къ такому предмету, который требовалъ выполненія къ сроку, и не былъ выполненъ. Въ Россіи нынѣ говорятъ, въ такомъ же самомъ смыслѣ: *вотъ тебѣ и Юрьевъ день.* — У Сербовъ, Иллирійцевъ, Босняковъ, Герцеговинцевъ и Булгаровъ, дни св. Юрія были такъ же срочными. Австрійская императрица Марія Терезія, утвердила переходъ поселянъ (въ концѣ XVIII. вѣка), отъ одного владѣльца къ другому.

Святый Власій почитается простолюдинами за покровителя скотовъ, но онъ празднуется не вездѣ одинаково: въ иныхъ мѣстахъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а въ Св. Власій.

другихъ послѣ выгона скота въ поле, потому я поставилъ этотъ праздникъ послѣ св. Георгія.

Волосъ, божество. Волосъ или Велесъ, божество кіевскихъ Славянъ, былъ признаваемъ ими за *скотья бога*, но по принятіи св. крещенія Владиміромъ равноапостольнымъ, онъ, въ числѣ прочихъ кумировъ, брошенъ въ рѣку Почайну. —

День св. Власія празднуется церковью ферваля 11 (*).

(*) Церковь наша празднуетъ двухъ Власіевъ: святаго мученика февраля 3., и священномученика епископа севастійскаго, февраля 11. Святый мученикъ Власій, уроженецъ кесаріи каппадокійской, былъ пастухомъ скота и претерпѣлъ мученическую смерть. Священномучен. Власій, будучи епископъ въ Севастіи, терпѣлъ гоненія отъ невѣрныхъ, за творимыя имъ чудеса, и потомъ былъ изсѣченъ мечами. Однажды его встрѣтила женщина съ сыномъ, у коего стала въ гортани рыбная кость, и она умоляла спасти его: помилуй сына моего, рабе Спасителя нашего Іисуса Христа.– Власій помолившись, вложилъ руку въ гортань, говоря: «помоги, Господи, всѣмъ призывающимъ Тебя во истинну. – Услыши и мою молитву: изыми кость изъ гортани отрока сего, и исцѣли его. Если еще, что подобное случится съ человѣками или со скотомъ, и кто помянетъ имя мое, произнеся: Боже! помоги молитвами раба твоего Власія, тому, Ты Господи, ускори свою помощь.» Послѣ этихъ словъ отрокъ получилъ исцѣленіе. Въ другой разъ встрѣтила его со слезами вдова бѣдная, и жаловалась, что волкъ похитилъ у ней послѣдняго поросенка. Святый подумавъ, отвѣчалъ: не скорби и не плачь: тебѣ возвратится твой поросенокъ живъ и невредимъ. – По прошествіи нѣкотораго времени, волкъ принесъ въ зубахъ, ко вдовѣ, ея поросенка: цѣлаго и невредимаго.– Когда эта вдова узнала о страдальческой смерти св. Власія, тогда она созвала къ себѣ своихъ сосѣдовъ и съ ними помянула память Власія: потому что Богъ благословилъ ея домъ.–Ей стали подражать всѣ благочестивыя, помнная память св. Власія ежегодно. Въ тотъ день приносили

Въ Ростовѣ (ярославской губерніи) стоялъ истуканъ до начала XII вѣка, въ честь Власу. — Онъ такъ же почитался тамъ, какъ въ Новгородѣ: приносили ему въ жертву масло, которое по нынѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ новгородской губерніи, называется волоснымъ и волотнымъ. —

По всей Россіи и Малороссіи, день Власія есть земледѣльческій праздникъ, какъ св. муч. Флора и Лавра (августа 18), которые такъ же считаются покровителями домашняго скота; имъ служатъ обѣдни и окропляютъ скотъ св. водою. Въ орловской губерніи поселяне приносятъ печеный въ церковь хлѣбъ, который достается потомъ священнику, и сгоняютъ всѣхъ своихъ лошадей къ церквѣ. Священникъ, отслуживъ обѣдню, окропляетъ всѣхъ освященной водою. — Въ калужской губерніи съѣзжаются крестьяне, въ престольный праздникъ этихъ мучениковъ, верхами къ церквѣ, и отслуживъ молебень съ окропленіемъ, купаютъ лошадей и завиваютъ имъ гривы. Св. Власій земледѣльческій праздникъ.

Въ день св. Власія хозяева входятъ въ хлѣвы и окропляютъ крещенской водою: рогатый скотъ, овецъ, лошадей и даже курей; ставятъ по угламъ прутики освященной вербы, курятъ ладаномъ, думая изгнать нечистую силу и предохранить скотъ отъ падежа. Если захвораетъ у крестьянина скотъ, то онъ приноситъ въ хлѣвъ икону св. Власія и служитъ молебень, а когда

въ церковь свѣчи, ѳиміамъ, подавали милостыню нищимъ и убогимъ.—Оттолѣ начался этотъ обычай, и донынѣ продолжается.—Четья—минея, февр. 11, священномуч. Власія.

Простой народъ, чествуя память священномученика Власія, поручилъ скотъ его покровительству, и это произошло отъ вѣрованія въ творимыя имъ чудеса надъ хищными звѣрями.

украдутъ лошадь, тогда заступникамъ Флору и Лавру. Богатые хозяины приглашаютъ на домъ священника, въ праздникъ св. Власія, чтобы отслужить молебень и окропить скотъ св. водою. Такой точно ведется обычай въ Малороссіи, только съ большею расточительностію. Тамъ думаютъ, что въ это время *вулколаки* (оборотни), обращающіеся въ собакъ и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко: у коровъ, кобылъ и овецъ; наводятъ падежъ на рогатый скотъ и душатъ лошадей. — Чтобы избавиться отъ этого несчастія, то пригоняютъ скотъ и лошадей къ церквѣ; священникъ служитъ молебень и окропляетъ св. водою. По совершеніи молебня, начинается пиръ. Подаютъ пироги съ масломъ, вареное и печеное; пастухи угощаются усерднѣе предъ иными. У другихъ есть вѣрованіе, что нечистой силѣ противустоитъ домовой, который, если любитъ хозяина, то онъ носитъ его лошадямъ кормъ изъ сосѣднихъ сѣноваловъ. Если не любитъ, то ѣздитъ на лошадяхъ, мучитъ и отнимаетъ у нихъ кормъ. Это дѣлается между орловскими жителями. Иные утверждаютъ, что видѣли домового, который нѣсколько похожъ на дьявола, и что порой онъ бываетъ доброй и злой. — Разсказываютъ еще другъ другу, какъ домовой таскаетъ кормъ лошадямъ, завиваетъ имъ хвосты и гривы; какъ счипаетъ домашнихъ животныхъ и птицу, и безпокоятъ хозяина дома, если онъ не любимъ имъ. Въ этомъ случаѣ онъ стаскиваетъ его съ постели, тѣлеги и саней, или раскрываетъ его во время сна. Хозяинъ видя, что домовой не любитъ его, спрашиваетъ: къ добру ли это, или къ худу? Домовой отвѣчаетъ ему, только ночью, прежнимъ безпокойствомъ. Это значитъ, что онъ выживаетъ его изъ дома. Чтобы прекратить безпорядки домового, прибѣгаютъ къ молебнямъ, окропленію св. водою по всѣмъ угламъ дома и двора; въ иныхъ мѣстахъ заводятъ въ домъ покащика медвѣдя, и просятъ

его объ изгнаніи домового. Покашикъ приступаетъ къ дѣлу съ заговорами. Сперва онъ водитъ медвѣдя по всѣмъ угламъ двора и дома; потомъ стрижетъ съ него нѣсколько шерсти, зажигаетъ ее и обкуриваетъ весь домъ. Наконецъ водитъ медвѣдя по спинѣ того, кого безпокоитъ домовой. (*)

Въ Малороссіи совершалось слѣдующее языческое обыкновеніе. Когда созрѣвалъ хлѣбъ, тогда женщины отправлялись съ пѣснями въ поле, и одна изъ нихъ, взявъ въ горсть колосья, завивала ихъ узломъ. Прочія пѣли хороводную пѣснь на завитье вѣнковъ, а потомъ возвращались домой съ прежнимъ пѣніемъ. Это дѣлалось въ томъ предположеніи, чтобы рука лиходѣя и колдуна, не могла испортить хлѣбъ. Въ ракульскомъ приходѣ (въ г. Вельскѣ, вологодской губерніи) стоитъ среди лѣса церковь, во имя св. Власія, построенная по тому случаю, что тамъ явилась икона св. Власія, генваря 19. Поселяне съѣзжаются сюда праздновать и молиться, какъ заступнику скотовъ. Священникъ, отпѣвъ храмовую обѣдню, служитъ потомъ общій молебенъ, а частные для тѣхъ хозяевъ, которые съ поклономъ кладутъ предъ образомъ св. Власія, коровьяго масла по нѣсколько фунтовъ, такъ что набирается нѣсколько пудовъ. Часть масла отдается священнику съ причетомъ, а остальная поступаетъ въ пользу церкви.

На многихъ старинныхъ иконахъ мнѣ случалось видѣть св. Власія, сидящимъ на копѣ; вокругъ святого

(*) Медвѣдей водятъ по спинѣ и въ то время, когда и не безпокоитъ домовой.—Думаютъ, у кого болитъ спина или поясница, достаточно провесть его по больнымъ мѣстамъ, причемъ покащики произносятъ заговоры, имъ однимъ только извѣстные

были лошади, а вдали зеленое поле. Онъ представленъ здѣсь оберегателемъ лошадей; мученикъ написанъ сухощавымъ и съ длиннымъ лицемъ.

Опахиваніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время скотскаго падежа, прибѣгаютъ къ опахиванію. Оно состоитъ въ томъ, что знахари шепчутъ надъ больнымъ скотомъ разные заговоры, и потомъ окуриваютъ его сокровеной травою. Если это не помогаетъ, то вбиваютъ заколдованный колъ посрёди загона; если и это не помогаетъ, то обращаются къ Богу и служатъ молебни. Такъ все дѣлается у несчастныхъ суевѣровъ. Сначала прибѣгаетъ человѣкъ къ ворожеямъ и знахарямъ; потомъ, вспомнивъ Бога, какъ бы не зналъ Его прежде, устремляется къ Нему со слезами. Не всегда ли слѣдуетъ обращаться къ Нему?

Въ другихъ мѣстахъ скотскій падежъ, называемый коровьею смертью, сопровождается изгнаніемъ съ особыми дѣйствіями. Женщины, собравшись въ деревнѣ, даютъ знать, чтобы въ то время никто изъ мущинъ не смѣлъ показываться на улицѣ. — Тогда одна изъ молодыхъ дѣвокъ беретъ образъ св. Власія, и начинаетъ ходъ около деревни: за дѣвкою идутъ въ чинномъ порядкѣ женщины. Въ первомъ ряду идутъ женщины съ вѣниками, пучками соломы и сѣна; во второмъ ѣдетъ старая женщина на помелѣ, въ одной рубахѣ, съ распущенными волосами: ее окружаютъ бабы и пожилыя дѣвки съ ухватами и кочергами; въ третьемъ ряду бьютъ въ сковороды съ изступленнымъ крикомъ, пляшутъ и вертятся. Старухи, съ жаженными лучинами, окружаютъ обнаженную вдову, которая въ то время съ хомутомъ на шеѣ, и запряженную въ соху старуху, при косѣ находятся *незазорныя дѣвки* съ серпами и косами; обкуриваютъ ихъ разными знахарьскими травами *и опахиваютъ* вокругъ деревни три раза, съ за-

пряженной въ сохѣ старухою. Въ то время машутъ на перекресткахъ серпами и косами, думая этимъ дѣйствіемъ пересѣчь путь къ коровьей смерти. Пестовая толпа останавливается предъ каждымъ дворомъ, и стучитъ въ ворота, при страшномъ трескѣ и звонѣ, производимомъ отъ удара въ заслонки, сковороды и горшки; бѣшенно ревутъ и кричатъ: ай! ай! сѣки, руби смерть коровью; ай! ай! сѣки, руби. Вотъ она: ай! ай! Если при ихъ крикѣ выскочитъ отъ испуга собака или кошка, то имъ смерть неизбѣжная. — По совершеніи опахиванія, крѣпко вѣрятъ, что коровья смерть не воротится. —

Другой обрядъ, похожій на коровью смерть, совершается во время сильныхъ повальныхъ болѣзней. — Женщины и дѣвки выносятъ въ полдень наземъ, за село или за деревню, и складываютъ его въ кучу съ двухъ противуположенныхъ селенію концевъ, а потомъ зажигаютъ въ полночь. Къ одной заженной кучѣ везутъ дѣвки соху, въ бѣлыхъ рубахахъ и съ распущенными волосами, а одна дѣвка несетъ за ними образъ. Къ другой кучѣ несутъ женщины, въ черныхъ юбкахъ и грязныхъ рубахахъ, чернаго пѣтуха. Пришедши къ мѣсту, онѣ обносятъ пѣтуха вокругъ кучи три раза. Потомъ одна женщина, схвативъ пѣтуха, бѣжитъ съ нимъ на противуположенный конецъ селенія, и въ то время забѣгаетъ она къ каждому дому; остальныя женщины бѣгутъ за нею и кричатъ: а, ай! ату! згинь, пропади черная немочь! (*) Добѣжавши до кон-

(*) Въ окрестности Смоленска произносятъ тѣже самыя слова, только прибавляютъ: черная немочь, рачевская. — Рачевка есть предмѣстіе города Смоленска, и тамъ осталось преданіе, что когда свирѣпствовала *черная смерть*, тогда она впервые проявилась въ городѣ изъ рачевскаго предмѣстія. —

ца селенія, она бросаетъ пѣтуха въ тлѣющій паземъ. Дѣвки бросаютъ сухіе листья и хворостъ; потомъ, схватясь за руки, опѣ скачутъ вокругъ огня, приговаривая: сгинь! сгинь! пропади черная немочь! По сожженіи пѣтуха, впрягаются женщины въ соху, а дѣвки, неся предъ ними образъ, опахиваютъ имъ селеніе три раза. — Иныя дѣлаютъ еще иначе. Вечеромъ сгоняютъ внезапно весь скотъ на одинъ дворъ, и окружаютъ особой стражою. Съ разсвѣтомъ дня сами хозяева должны разбирать свой скотъ, выпуская осторожно по одной со двора. Если останется одна лишняя корова, то это ужъ ничія: это и есть моровая или коровья смерть. Ее немедленно взваливаютъ на полѣницу и сожигаютъ живьемъ.

Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что коровья смерть или сама набѣгаетъ, или ее завозятъ. Вотъ разказъ объ ней. Мужикъ ѣхалъ съ мельницы, поздней порою; на встрѣчъ ему плетется старуха и говоритъ: подвези меня дѣдушка. — Да куда тебя? — Вонъ, до этаго селенія, родимый, куда и ты чай ѣдешъ. — А кто же ты, бабушка? — Лѣчейка, родимый, каровъ лѣчу. — А гдѣ жъ ты лѣчила? — А вотъ лѣчила у Истоминой, да тамъ всѣ переколѣли. Что дѣлать! Недавно привезли меня, и я захватить не успѣла. —

Мужикъ посадилъ бабу на возъ и поѣхалъ; но пріѣхавши къ *ростанямъ* (перекрестку), забылъ свою дорогу, — а ужъ затемнѣло. Мужикъ, сотворивъ молитву; снялъ шапку и перекрестился. — Глядь, а бабы не бывало! Она, оборотясь въ черную собаку, бѣжала къ селенію и на завтра, въ крайнемъ дворѣ, пали три коровы. — Мужикъ привезъ коровью смерть.

Чтобы избавиться отъ коровьей смерти, то по мнѣнію крестьянъ необходимъ обрядъ опахиванья — Были примѣры самоотверженія: бросали жребій между

мущинами и женщинами, и на кого онъ падалъ, того зарывали живьемъ въ яму, съ пѣтухомъ и черною кошкою, въ полномъ убѣжденіи прекращенія мороваго повѣтрія. —

У простолюдиновъ доселѣ есть поговорка: *Власій сшиба рогъ съ зимы.* Это напоминаетъ намъ другую: *зима съ лѣтомъ встрѣчается*, что бываетъ въ Стрѣтеніе Господне (февраля 2). Простой народъ думаетъ, что зима сражается съ лѣтомъ, и послѣ долгой и упорной битвы, зима уступаетъ мѣсто лѣту. —

Іеремій, запрягальникъ мая 1.

Пророкъ Іеремія называется въ простонародіи запрягальникомъ, по той причинѣ, что съ этого времени производится большая сельская работа: очистка полей, садовъ, разсадка растѣній, копаніе грядей и засѣвъ. Полевыя работы совершаются помощію лошадей и поселяне полагаютъ, когда они и ихъ лошади приходятъ въ изнуреніе, тогда пророкъ Іеремія впрягаетъ невидимо животныхъ и самъ докапчиваетъ ихъ работы. Въ день праздника этого пророка, поселяне отправляютъ молебни и окропляютъ земледѣльческія орудія Богоявленскою водой, дабы кощуны и лиходѣи, не вредили имъ своими дьявольскими заговорами.

Мавра разсадница. мая 3.

Въ праздникъ мученицы Мавры начинаютъ садить росаду (молодую капусту), отъ чего она называется Маврою разсадницею, и засѣваютъ гряды огородными растѣніями. Обряднаго празднества не совершаютъ въ ея честь. Нѣкоторыя старыя женщины, послѣ росады и засѣва огородныхъ растѣній, варятъ молочную кашу и ѣдятъ ее на огородѣ. — Св. Мавру иногда называютъ Маврою молочною. Можетъ быть это отъ того, что тогда бываетъ самое сочное молоко и въ изобиліи. Пастухи варятъ на полѣ мавринскую кашу на молокѣ, которая почи-

тается самою лучшею и здоровѣйшею. Это мнѣніе весьма естественное, потому что тогда поля бываютъ покрыты мягкою и сочною травою; отъ ней скотъ очень скоро тучнѣетъ и доставляетъ превосходное молоко.—Въ Малороссіи никакихъ не соблюдаютъ обычаевъ послѣ росады. Тамъ окропляютъ святой водою огородныя травы, чтобы ихъ не портили черви и всякая гадина. Но это не есть повсюдное обыкновеніе: оно совершается однѣми старухами. Нынѣшнія женщины сажаютъ огородныя овощи безъ всякихъ обрядовъ, произнося только, послѣ работы: *роды Боже*, *или благослови Боже*.

Въ иныхъ мѣстахъ св. мученица Ирина (празднуемая мая 5), такъ же называется разсадницею.

Св. Николай, хранитель отъ бѣдъ. мая 9. и дек. 6.

Ни одинъ изъ угодниковъ не находится въ такомъ почитаніи, какъ св. Николай. Въ честь его повсюду находятся храмы и придѣлы. Нѣтъ избы, гдѣ бы не находилось его изображенія. Ему служатъ благодарственные молебни и къ нему прибѣгаютъ во всѣхъ напастяхъ, съ теплой мольбою. — Чудотворецъ Николай, есть посредникъ между Богомъ и людьми, и къ нему такое имѣютъ сильное вѣрованіе, что Русской, войдя въ церковь, устремляетъ свое набожное вниманіе на его образъ, и молится ему съ неменьшимъ усердіемъ, какъ самому Богу. Онъ обставливаетъ его икону свѣчами и кладетъ ему поклоны, со вздохами и глубокимъ чувствомъ почитанія.

Народъ страшится его гнѣва, и потому призываетъ его на помощь: «святый Николай угодникъ! помоги мнѣ. Святый чудотворецъ! покрой меня своимъ чудомъ и сохрани отъ всѣхъ несчастій.» — Въ Малороссіи слѣпцы, ходя по ярмонкамъ, выпрашиваютъ себѣ милостыню:

Ой хто, хто Миколая любить,
Ой хто, хто Миколаю служить:
Тому святый Миколай,
На всякъ часъ помогай.
Миколай!

Тѣже слѣпцы поютъ Лазаря:

Якъ бувъ соби Лазарь,
Такъ я его знавъ:
Була у его сира свита,
Такъ я и тую знавъ.
Якъ полетивъ Лазарь,
Да пидъ небесами.
Аллилуя! аллилуя! аллилуя!

Въ весенній день Николая (мая 9), конюхи выгоняютъ лошадей въ поле и служатъ тутъ молебень, а священникъ окропляетъ ихъ освященной водою.—Послѣ ѣздятъ верхомъ, чтобы нечистая сила не успѣла поѣздить прежде, ибо если начнетъ она ѣздить и обыкновенно ночью, то заѣзживаетъ до смерти. Въ вечеру поютъ пѣсни и веселятся, и смотрятъ, чтобы никто не дотрогивался ихъ лошадей. Если замѣчаютъ, что лошадь вздрогиваетъ, то произносятъ слова: кишъ, кишъ, дьявольская сила! Или: да воскреснетъ Богъ и разсточатся врази Его.

Между суевѣрными моряками считается два Николая: морской и мокрой. Первой управляетъ кораблями, а второй водами; оба невидимо присутствуютъ между ними. Нѣсколько разъ случалось мнѣ слышать отъ моряковъ, что они во время кораблекрушеній, единственно обязаны были спасеніемъ заступничеству св. Николая, который такую имѣетъ власть на моряхъ, что если не прибѣгнуть къ нему съ обѣтами, то вѣр-

пая погибель. Обѣты состоятъ въ наложеніи постничества, украшеніи его образа, чествованіи его праздника или въ сооруженіи въ его имя церкви. Празднества, отправляемыя въ честь св. Николая, бываютъ весеннія и зимнія: мая 9 и декабря 6. Зимнему Николаю оказываетъ Мордва особое почитаніе. Стоитъ указать ей на образъ св. Николая, и она устремится ставить свѣчи на перерывъ.

Моряки, во время бурь на водахъ, устремляются съ горячими моленіями къ св. Николаю, о избавленіи ихъ отъ кораблекрушенія.—Когда застигаетъ матросовъ кораблекрушеніе, тогда они выносятъ чудотворный образъ св. Николая на палубу, и умоляютъ его о спасеніи (*).

Митрополитъ Ефремъ установилъ, въ концѣ XI. вѣка, чтобы торжествовать мая 9, по случаю перенесенія мощей св. Николая изъ Ликіи въ итальянскій городъ Баръ. Праздникъ западной церкви, отвергаемый Греками, доказываетъ, что мы имѣли тогда дружеское сношеніе съ Римомъ.

Никита, стражъ гусей. мая 28.

Домашнія птицы такъ же охраняются, по мнѣнію простодушныхъ, особыми святыми. — Преподобный Никита, празднуемый мая 28, почитается стражемъ гусей и прочихъ домашнихъ птицъ, но особенно гусей. Простолюдины, поручая маленькихъ гусей мальчикамъ, отдаютъ ихъ подъ покровъ Никиты, который не допускаетъ къ нимъ хищныхъ птицъ: орла, ястреба или другихъ животныхъ.

(*) Въ день мученицы Гликеріи (мая 13.) появляются комары, потому она называется Лукерья–комарница; въ день св. Исидора (мая 14.) начинаютъ садить огурцы; въ праздникъ семи дѣвъ (мая 18), сѣютъ первый ленъ; въ праздникъ Константина и Елены сѣютъ ранній ленъ и позднюю пшеницу. —

Преподобная мученица Ѳеодосія, въ простонародіи *колосяница*, празднуемая мая 29, составляетъ повсемѣстное сельское торжество. Въ маѣ мѣсяцѣ хлѣбъ пускаетъ колосья, а съ мая 29 онъ почти повсюду начинаетъ наливаться зернами, по коимъ судятъ о богатствѣ жатвы, а въ день св. Іереміи (празднуемаго мая 31.) говорятъ: повѣсь сѣтево,—т. е. кончай посѣвъ!— Ѳеодосія, колосяница. мая 29.

Мученица Акилина, называемая пародомъ гречишницею, указываетъ время посѣва гречихи. Въ южныхъ странахъ Россіи цвѣтетъ въ это время гречиха: благовонный запахъ ея, безпрестанно привлекать къ себѣ рои пчелъ, которыя высасываютъ изъ нея чистѣйшую сладость и уносятъ въ свои ульи, для составленія лучшихъ сотовъ. — Акилина гречишница. іюн. 13.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи и Литвы, срѣзываютъ, наканунѣ дня Акилины, пучки гречихи, и приносятъ домой: ихъ затыкаютъ за образа и оставляютъ до будущаго года. — Въ праздникъ Акилины зажиточные хозяины собираютъ сосѣдей, угощаютъ ихъ и просятъ помочь имъ въ жатвѣ. Тамъ первая жатва начинается гречихою, потому гречишница доставляетъ земледѣльцу радость. По снятіи гречихи, освящаютъ первый ея умолотъ: одну часть оставляютъ дома до будущаго посѣва, а изъ другой пекутъ гречанники, которыми подчиваютъ своихъ работниковъ. Въ Россіи гречишница извѣстна потому, что около этого времени посѣвъ выбрасываетъ свои колосья, по коимъ судятъ объ урожаѣ хлѣба.

Въ день этихъ святыхъ большая часть народа не работаетъ, развѣ по необходимости, и называетъ этотъ праздникъ грознымъ. Утверждаютъ, что не разъ случалось видѣть, какъ внезапная буря разносила копны сѣна по полю или по водамъ; дождь портилъ совсѣмъ уже высохшее сѣно а молнія сожи- Борисъ и Глѣбъ, грозные. іюн. 24.

гала цѣлые стогы. Въ другихъ мѣстахъ день Бориса и Глѣба называется *барышъ день* и потому его празднуютъ, для полученія барышей во весь годъ.

Петръ, рыболовъ. іюн. 29. Рыбаки, закидывая свои сѣти, обращаются съ мольбою къ св. апостолу Петру, который посему называется Петромъ рыболовомъ. Если застигаетъ ихъ буря на рѣкахъ, то они также прибѣгаютъ къ нему. За избавленіе отъ опасности или за успѣшной уловъ, рыбаки возсылаютъ ему благодаренія. — Въ другихъ мѣстахъ складываются рыбаки на большую восковую свѣчу, и становятъ ее, во время обѣдни, *бывшимъ ловцамъ рыбъ и людей* (первымъ апостоламъ). — Ходятъ еще пастухи по домамъ для собиранія подачи, состоящей изъ яицъ, вотрушекъ, пироговъ (*) и т. п.

Нѣкоторые утверждаютъ, что въ день св. апостола Петра, солнце на восходѣ играетъ радугами. Чтобы видѣть это, то многіе восходятъ на гору и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ появленія солнца. Едва оно появится, толпа привѣтствуетъ его хоромъ:

Ой ладо! ой ладо!
На курганѣ соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ.
Хоть ты вѣй, не вѣй, соловей,
Не быть твоему гнѣзду совитому,
Не быть твоимъ дѣтямъ вывожатымъ;
Не летать имъ по дубравѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы.
Ой ладо! ой ладо!

(*) По мнѣнію народа день казанской Божіей Матери (іюля 1.) есть лучшее время для собиранія червца, который будтобы собирается тогда изъ всѣхъ мѣстъ подъ одинъ кустъ. — Замѣчаютъ, если въ день св. мучен. Мокрины ясно, то осень будетъ сухая; если мокро, то ненастная. —

Въ день великомуч. Прокопія поселяне празднуютъ общимъ міромъ, наступившую жатву. — На капунѣ Прокопія убиваютъ нѣсколько барановъ и пекутъ ихъ, а въ день праздника отслуживаютъ молебень, за счастливое окончаніе сельскихъ работъ и потомъ пируютъ. Великомучен. Прокопій, — жатвенникъ. іюл. 8.

Св. пророкъ Илія представляется народомъ громоноснымъ: онъ производитъ громъ и молнію. По его волѣ бываютъ дожди проливные и наводненія; засухи, бездождія и росы благотворныя. Во время бездождія и безведрія, молятся Господу, умоляя св. Пророка о ходатайствѣ. «Илія словомъ дождь держитъ на земли, и паки словомъ съ небесе низводитъ», говоритъ одна церковная пѣснь, «тѣмъ же молимъ Тя: Того молитвами щедре посли дожди водныя земли, съ небесе» (*). Иные ставятъ въ посудѣ на воротахъ, нѣсколько ржи или овса, и просятъ священника провеличать Илію, дабы онъ послалъ дождь, по этому случаю поютъ тропарь: *Илія славный*, и пр. Другіе величаютъ Илію Илія громоносный. іюл. 20.

(*) Канонъ, послѣдованія во время бездождія, пѣснь 8. — Говорятъ, что пророкъ, по переселеніи на небо, написалъ грозное посланіе изъ рая къ царю іудейскому Іораму, въ коемъ онъ предсказалъ гибель всему его дому, а самому Іораму лютую смерть. — Четьи минеи, въ концѣ; Воскресное чтеніе за 1839 г. № 18. с. 175–176. Есть преданіе, что пророкъ явится на землѣ вмѣстѣ съ Энохомъ, предъ вторымъ пришествіемъ Христа, въ томъ же тѣлѣ, какъ вознесся на небо; будетъ утѣшать благочестивыхъ и обличать антихриста. Это преданіе основано на словахъ пророка Малахіи ст. 4. 5. и 6, и евангел. Іоанна, апок. гл. II. с. 3–12. – Слова пророковъ, замѣчаетъ Воскресное чтеніе, с. 176, – не прямо говорятъ о второмъ пришествіи Иліи, и трудно представить, чтобы Илія могъ быть убитъ въ прославленномъ тѣлѣ. Лук. гл. 9 с. 31.

на свѣтлой недѣлѣ, когда священники ходятъ по домамъ съ молебнями. Въ Малороссіи думаютъ, когда громъ гремитъ, тогда Илія разъѣзжаетъ по небу на огненной колесницѣ и бросаетъ стрѣлы, а молніею поражаетъ укрывающагося чорта. Послѣднее мнѣніе господствуетъ во всей Россіи. Если громъ гремитъ, то вѣрятъ, что Илія ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ и убиваетъ стрѣлою дьявола, который повсюду тогда укрывается подъ разными видами, особенно подъ видомъ младенцевъ, и проситъ у людей убѣжища. — Если бы злой духъ спрятался и за образъ Божій, то и онъ и образъ, не будутъ пошажены. Громовая стрѣла, поразивъ чорта, уходитъ въ землю и тамъ остается три года. Послѣ находятъ ее на землѣ, въ видѣ кремня. — Въ страданіяхъ колотьемъ, окачиваютъ тотъ кремень водою, и этой водою обливаютъ больного. Нѣкоторые бѣгутъ къ рѣкѣ, во время грома, чтобы умыться, но перекрестясь напередъ. Старовѣры утверждаютъ: кто часто, или всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, тотъ не будетъ бояться грома. Услышавшіе въ первый разъ громъ, должны умываться съ серебра, отъ чего лице побѣлѣетъ, зарумянится и самъ поздоровѣетъ. — Многіе увѣряютъ, что они находили стрѣлы, которыя поражали людей, прогнѣвившихъ Бога. По этому то мужикъ, когда гремитъ громъ, съ ужасомъ крестится и читаетъ молитву, отъ чего произошла поговорка: *громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.* Считаютъ того бусурманомъ, кто не крестится при громѣ, и думаютъ, что чортъ, который во время грома бѣгаетъ повсюду, и ищетъ себѣ убѣжища отъ гнѣва Божіяго, переселяется въ неперекрестившагося, и тогда Богъ говоритъ дьяволу: *человѣка не пощажу, а тебя достану.* Илія считается еще почитателемъ жатвы, и потому говорятъ, «Св. Илія зажинаетъ

жниво», ибо это время, есть время всеобщей жатвы. Въ Малороссіи, послѣ дня св. Иліи (іюля 20), перестаютъ купаться, говоря: «Св. Илія смутывъ воду». Вѣроятно это потому, что вода нагрѣвается тогда и дѣлается нездаровою. — Въ Бѣлоруссіи думаютъ, что осень наступаетъ съ Ильина дня, и потому говорятъ: «на Илью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень». Конечно, это произошло отъ того, что солнце, сдѣлавъ съ іюня 10 поворотъ на осень, уменьшаетъ рабочіе дни, которые тогда дороги для поселянина.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи закалываютъ, на капунѣ Ильина дня, быковъ и теленковъ, и пируютъ въ честь пророка Иліи. Въ орловской губерніи поселяне ходятъ, въ самой Ильинъ день на поля, служить молебни: о ниспосланіи благословенія на успѣшное снятіе жатвы. — Замѣчаютъ: если въ день Иліи бываетъ дождь, то будетъ мало пожаровъ. Досужіе толкователи прибавляютъ: если не бываетъ грома, то непремѣнно убьетъ кого нибудь грозою или зажжетъ домъ.—Тѣже толкователи утверждаютъ, что въ этотъ день дана воля всѣмъ гадамъ и лютымъ звѣрямъ, а потому не должно выгонять скотъ въ поле.

Пермяки собираютъся въ день Иліи, изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, приводятъ сюда быка или теленка, закалываютъ и готовятъ общій пиръ. Въ день же Прокопія убиваютъ барана, и потомъ ѣдятъ жаренаго. Пророкъ Илія бываетъ умоляемъ отъ нихъ приношеніемъ быка, а великомуч. Прокопій приношеніемъ барана. Въ день Иліи не выгоняютъ скота въ поле, вѣря и увѣряя другихъ, что тогда свирѣпые звѣри и ядовитые гады, оставляя свои норы, рыскаютъ по полямъ и лѣсамъ, ища себѣ добычи.

Одинъ изъ самовидцевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, пришедши однажды къ богатому мужику пчеловоду,

въ селеніе (смоленскаго уѣзда), увидѣлъ, что онъ разставлялъ иконы, прилѣпливалъ къ нимъ свѣчи, накрывалъ столъ скатертью и ставилъ угощенія.—Мужикъ былъ очень радъ его посѣщенію, немедленно поставилъ для него на столъ: соты меда и свѣжіе огурцы, и просилъ съ поклономъ поѣсть чего нибудь, самъ же ставилъ въ то время въ передній уголъ лукошко съ рожью, и потомъ положилъ на столъ большую булку. А это къ чему, любезной мой? спросилъ онъ у него. — Да вотъ, мой батюшка *Хведоровичь*, отвѣчалъ онъ, со святыми прійдутъ *водосвятя, видишь сё льтажъ неуговорно Богу. Богъ благословилъ меня райками, дакъ хочу отслужить молебни св. Ілію. Посядитётка да покушайте въ доброе здоровье, а вотъ прійдетъ въ часинку отецъ Иванъ, и вамъ и яму будетъ вясели.* Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ священникъ, а въ слѣдъ за нимъ пришли со святыми. Крестьянинъ встрѣтилъ образа у воротъ своего дома, сдѣлалъ земный поклонъ и потомъ иконы перенесли черезъ него: онъ всталъ, перекрестился, поцѣловалъ образа и вдругъ нахмурился. Постоявъ нѣсколько минутъ въ смущеніи, онъ взялъ одну икону, внесъ въ избу и поставилъ на приготовленномъ въ переднемъ углѣ лукошкѣ, прочія же иконы поставилъ рядомъ. Зажгли свѣчи и началось водосвятіе; по окончаніи водоосвященія, священникъ сѣлъ за столъ, на коемъ стоялъ медъ, а о молебнѣ ни слова. — Очевидецъ этого дѣйствія, думая, что добрый старикъ забылъ свое обѣщаніе, напомнилъ ему: что же старикъ, ты хотѣлъ служить молебень св. Иліи? — *Хотьвъ бы дужа*, отвѣчалъ онъ, *да вишь батюшка не взявъ съ собою св. Ильи.* — Помилуй! да развѣ отслужить нельзя? возразилъ онъ. — Старикъ взглянулъ на священника, тотъ молчалъ. Потомъ мужикъ сказалъ: *ужъ до иного разу; нынту св. Ильи.* —

День св. Пантелеймона есть заживный праздникъ по всей Россіи. Снятые колосья съ полей, приносятъ въ церковь для освященія. Въ другихъ мѣстахъ кормятъ ими скотъ и собираютъ разныя цѣлебныя травы, которыя сушатъ и употребляютъ въ домашнемъ быту. Въ Малороссіи Пантелеймонъ извѣстенъ подъ именемъ *Палія* и *Паликопы*, потому что онъ палитъ и сожигаетъ молніею копны сѣна и скирды хлѣба у тѣхъ, которые не чтутъ его память. Въ этотъ день поселяне боятся работать. — (*)

Пантелеймонъ заживный. іюл. 27.

Для укрѣпленія лошадей въ силѣ и придапія имъ большей красоты, совѣтуютъ многіе, чтобы въ день архидіякона Стефана поить ихъ черезъ серебро. Ему посвящали, въ прежнее время, сѣно и овесъ. На одной византійской иконѣ онъ представленъ верхомъ; предъ нимъ кони у пруда толпятся и пьютъ воду. Должно думать, что онъ былъ нѣкогда хранителемъ лошадей. Константинопольскіе воины, во время существованія восточной имперіи, оказывали ему чествованіе. (**)

Архидіаконъ Стефанъ. августъ. 2.

(*) До Спаса Преображенія грѣшно ѣсть яблоки, а орѣхи прежде Воздвиженія. – Это основано на томъ, что яблоки и орѣхи очень рѣдко вызрѣзываютъ къ этому времени, и что дѣтей трудно удержать отъ лакомства, если не настращать ихъ и не увѣрить, что это грѣшно. –

(**) Въ день св Луппы (авг. 23.), морозомъ овесъ лупитъ.– Начинаютъ первые утренники, а тамъ морозы, послѣ оттепели михайловскіе (нояб. 1.) и введенскіе (ноябр. 21.), почему говорятъ: Введенье ломаетъ леденье.–Въ день Іоанна Предтечи (авг. 29.) не варятъ щей, потому что кочанъ капусты напоминаетъ усѣченную его голову.–При наступленіи Воздвиженія (сент. 14.) говорятъ: кафтанъ съ шубой сдвинутся,–т. е. наступаетъ время теплой одежды.

Θекла заревница. сент. 24.

Мученица Θекла, называемая *заревницею* и празднуемая въ сѣверо-восточной Росси, есть окончательная эпоха собиранія хлѣба съ полей. Съ перваго умолота варятъ кашу, которая называется домолоткою, и подчиваютъ его работниковъ. — Въ то время овинъ носитъ названіе имянинника, а молотельщики ѣдятъ въ честь его кашу, приговаривая: *хозяину хльба ворошокъ, а молотельщикамъ каши горшокъ.* — Названіе заревницы вѣроятно произошло отъ того, что работники выходятъ въ это время на работу, съ первой утренней зарею. Въ юго-западныхъ частяхъ Россіи заревница неизвѣстна.

Сергій, хранитель курей. сент. 25.

Изъ домашнихъ птицъ куры, доставляютъ въ общежитіи многообразную пользу. Изъ этого произошло въ простомъ народѣ повѣрье, что онѣ не портивны святымъ и находятся подъ покровительствомъ мучен. Сергія, который по сему называется хранителемъ курей. Его празднество бываетъ сентября 25. Ему ввѣряютъ сбереженіе ихъ, и просятъ у него благословленія на размноженіе курей. —

Божья Матерь Покровъ окт. 1.

Суевѣрные поселяне говорятъ, что Божая Матерь засѣваетъ поля, а Покровъ собираетъ плоды. Всѣмъ извѣстно, что этотъ праздникъ бываетъ осенью, октября 1. Съ этого времени начинаются свадьбы между поселянами, почему дѣвушки прибѣгаютъ къ Покрову съ молитвою, о дарованіи имъ жениха.

Молодыя дѣвушки молятся въ этотъ день, съ особымъ усердіемъ, и просятъ Матерь Божію о ниспосланіи имъ женіховъ. — Непремѣнно каждая ставитъ свѣчу предъ Ея образомъ, и весь день проводятъ дѣвушки въ своемъ кругу. Если попадаетъ къ нимъ случайно молодецъ, то замѣчаютъ его движенія и разговоры, по коимъ судятъ о будущемъ. Для этого дня дѣлаютъ

складчину и пируютъ, какъ можно веселѣе, говоря: Покровъ весело проведешъ, дружка милаго найдешъ. (*)

Св. Пятница. окт. 28.

Въ прежніе годы день пятницы былъ почти повсемѣстнымъ сборнымъ днемъ для торговъ. По городамъ и деревнямъ, съѣзжались земледѣльцы и купцы, для сбыта произведеній и совершенія торговыхъ сдѣлокъ, потому пятница обратилась въ одинъ изъ праздничныхъ дней, а простымъ народомъ она олицетворена подъ именемъ св. Пятницы: ей приписывали вліяніе на скотъ и поля, и приносили очистительныя жертвы; отправляли божественныя службы и хранили по домамъ образъ, съ изображеніемъ мученицы св. Пятницы: женщины худощавой, высокой ростомъ и съ лучезарнымъ вѣнкомъ на головѣ. — Уваженіе къ ней до такой степени простиралось, что считалось за великій грѣхъ работать въ этотъ день и предпринимать дальнюю дорогу, не отслуживши молебня. Считали равнымъ несчастіемъ отправляться въ путь въ понедѣльникъ. Въ языческія времена балтійскихъ Славянъ, князь и судья производили по понедѣльникамъ судъ и расправу, въ священныхъ рощахъ: тогда виновныхъ наказывали на мѣстѣ, въ самой понедѣльникъ. По принятіи христіянской вѣры, наши предки вѣроятно обязаны были являться по воскресеньямъ въ церковь; не исполнявшіе же этого, подвергались наказанію и понедѣльникъ былъ днемъ расплаты. — Отъ этого произошелъ предразсудокъ, что понедѣльникъ несчастный день. Пятница и понедѣльникъ, составляютъ попынѣ между простолюдинами и даже между многими образованными сословіями, предметъ особыхъ гаданій. — Въ эти оба

(*) Октября 28 Парасковіи льняницы,—съ этого времени начинаютъ повсюду мять ленъ.

дни ничего не рѣшаются предпринимать, бывъ увѣрены въ неуспѣхѣ; замѣчаютъ и гадаютъ на цѣлую недѣлю, по особымъ признакамъ разныхъ домашнихъ животныхъ, и изъ нихъ выводятъ особыя для себя предзнаменованія. — Если женщины пряли и шили, то св. Пятница наказываетъ ихъ незличимымъ погтоѣдомъ и заусеницею, или сводитъ имъ руки. Люди съ предразсудками, увѣряютъ, что тогда черти дерутъ лыки съ пальцевъ. Многія даютъ обѣтъ поститься въ понедѣльникъ и пятницу за какіе нибудь грѣхи, тяготящіе ихъ совѣсть, напримѣръ: если женщина заспитъ ребенка, то она налагаетъ на себя обѣщаніе впредь не дѣлать этого; ставитъ въ церквѣ, предъ образомъ св. Пятницы, свѣчу: молится за свои грѣхи и обѣщается вѣчно понедѣльничать, т: е; не ѣсть по понедѣльникамъ скоромнаго, класть по нѣсколько поклоновъ утромъ и вечеромъ (*) Другія изъ ревности къ

(*) Заспать младенца значитъ, когда безпечныя и крѣпко спящія или пьяныя женщины, кладутъ съ собою на постель младенцевъ, и во время сна задавливаютъ ихъ. Тогда онѣ вѣрятъ, что душа младенца не наслѣдуетъ уже царствія небеснаго. Посему таковой женщинѣ предписываютъ, нѣкоторые суевѣрные, стоять одной въ церквѣ три ночи сряду, въ очерченномъ мѣломъ кругѣ. Въ первую ночъ будутъ ходить около нея черти, нося ея младенца на рукахъ; во вторую, нося мимо нея, будутъ его давить, бить, щипать и говорить ей, что если она выйдетъ изъ круга, то отдадутъ ей младенца. Какъ скоро она перейдетъ кругъ, то сама сдѣлается добычею дьяволовъ. Въ третью ночъ будутъ его мучить въ ея глазахъ, уговаривая ее, чтобы она вышла изъ круга; когда же не послушаетъ ихъ, тогда измучатъ его до смерти. По пропѣтіи пѣтуховъ, они исчезаютъ, оставляя ей измученнаго младенца, котораго она показываетъ всѣмъ, и потомъ погребаетъ съ

благочестію, воздерживаются отъ всего мясняго, исключая, если пятница приходится въ какой нибудь годовой праздникъ: Рождество Христово и т. п.—Обѣтный понедѣльникъ и обѣтная пятница, суть во всеобщемъ употребленіи. —

Въ обѣтныя пятницы ничего не работаютъ. Иногда цѣлое общество налагало на себя обѣщаніе, — не приниматься ни за какую работу, по случаю постигавшаго ихъ бѣдствія, напримѣръ: падежа, неурожая, засухи,

---

должною почестію. Тогда душа младенца переходитъ въ рай. Это вѣрованіе, проистекшее отъ внушенія о должномъ попеченіи къ младенцамъ, грозитъ простодушнымъ и необразованнымъ матерямъ небеснымъ гнѣвомъ. Иначе душеніе дѣтей въ бѣдномъ состояніи, было бы повсемѣстное: гражданскій законъ не преслѣдуетъ совѣсти, но религіозное чувство сильнѣе дѣйствуетъ на виновныхъ. Мысль, что душа невиннаго будетъ мучима въ аду, пробуждаетъ раскаяніе и обращаетъ кающихся съ мольбою къ Богу.–Отъ чего происходитъ заспаніе младенца? Простой народъ такъ объясняетъ: дьяволы безпрестанно ищутъ души человѣческой, преимущественно невинной, а это есть душа младенца. Они опутываютъ мать грѣхами и доводятъ ее до того, что она, едва только успетъ съ своимъ ребенкомъ, какъ они подложатъ его подъ бокъ матери, ворочаютъ ее во всѣ стороны, пока она не наляжетъ на младенца и не задушитъ его. Это минута ихъ торжества. Они уносятъ съ рукоплесканіемъ задушеннаго, а на мѣсто его кладутъ чурбанъ, превращенный чертями въ мертвого младенца. Проснувшаяся мать рыдаетъ горько и произноситъ: грѣхи попутали меня!–Для очищенія души своей отъ грѣховъ, она прибѣгаетъ къ эпитиміи добровольной. –

Многіе постятся въ понедѣльникъ, въ томъ мнѣніи, что архангелъ Михаилъ не оставитъ ихъ своимъ заступленіемъ предъ Богомъ, въ послѣдній день суда. – Церковь наша отправляетъ службу въ каждый понедѣльникъ, въ честь архистратига Михаила.

сильныхъ дождей, появленія вредныхъ червей и пр., думая умилостивить этимъ св. Пятницу, которая, по мнѣнію простолюдиновъ, караетъ ихъ за неоказываніе ей почитанія и за невыполненіе обрядовъ молебныхъ. — Прежде даже писались заповѣдныя записи въ томъ, чтобы по воскресеньямъ и пятницамъ: *работы не работати, дѣла не дѣлати никакого чернаго; ни угодья, ни бѣлки, ни лѣсоважи, ни рыбы ловить; ни ягодъ, ни губней не носити.* — Были даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы, которыя носили на шеѣ, для предохраненія себя отъ чаръ и многихъ недуговъ; привязывали эти молитвы къ больной головѣ, полагая, что это лучшее средство и надежнѣйшее лѣкарство для излеченія своей боли. — (*) Въ первую пятницу послѣ пасхи, народъ собирался, въ прежніе годы, на ярморку или торгъ, и совершалъ около часовни молебни св. Пятницѣ. Самыя часовни именовались пятницами, которыя украшались иконою св. Параскевіи, потому между простолюдинами она именовалась, то св. Параскевію — пятницею, то просто св. Пятницею. — Во время церковныхъ обрядовъ выносили образъ св. Параскевіи, увѣшанный ленточками, монистами, цвѣтами и душистыми травами. — Народъ встрѣчалъ съ благовѣніемъ и толпой тѣснился лобызать изображеніе, въ надеждѣ избавленія отъ разныхъ недуговъ. — Цвѣты и травы, украшавшія образъ, хранились въ церквѣ, которыя потомъ варили и давали пить отваръ отчаяннымъ больнымъ, какъ вѣрное средство къ исцѣленію. — Въ праздникъ св. Параске-

(*) Параскева по гречески значитъ пятница, а Параскевеію наименована она потому, что родилась въ день пятницы.

віи, октября 28, отправляли соборомъ божественную службу, клали подъ ея образъ зеленые плоды для освященія, и хранили у себя дома до слѣдующаго года. (*) Во многихъ мѣстахъ Малороссіи существовалъ обычай, еще въ мое время, чтобы водить по деревнямъ женщину съ распущенными волосами, подъ именемъ пятницы. Раскольники стародубскіе (черниговской губерніи) водили ее даже во время церковныхъ ходовъ. Въ духовномъ регламентѣ сохранилось преданіе о празднованіи св. Пятницы, въ Стародубѣ (черниговской губерніи). Тамъ водили простоволосую женщину, подъ именемъ Пятницы, съ крестнымъ ходомъ, и приносили ей дары. — Строили ей часовни на перекресткахъ, и во время скотскаго падежа, моровой язвы или другаго какаго либо бѣдствія, прибѣгали къ ней съ молитвами. — (**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ почиталъ ее покровительницею брачныхъ союзовъ, а сельскія невѣсты прибѣгали подъ ея покровъ.

По разнымъ мѣстамъ Россіи пятница именуетя различно, а именно: *временною*, потому что праздникъ св. Параскевіи приходится иногда случайно въ пятницу; *обжорною*, бываемою на третьей недѣлѣ великаго поста, и *обжорною субботою* — отъ поминовенія по усопшимъ. У простаго народа считается девять главныхъ пятницъ: 1. *обжорная*, на тре-

---

(*) У Татаровъ было также въ употребленіи, чтобы написанную молитву, въ день пятницы, носить при себѣ. Вотъ молитва: *если дитя не спитъ по ночамъ, то напиши эту молитву въ день пятницы, и привяжи ее къ головѣ дитяти*, т. е. угланъ югламаса, бу дуани джюма кюнъ битибъ башинга магима лаги малахъ зарехъ аааа ги ааа гх ма аагх аааг аа атх аааа.

(**) Mottley: The hist. of the life of Peter the. Great c. 131.

тьей недѣлѣ великаго поста (*) 2. страстная, 3. спасовая, 4. временная, 5. разгульная, 6. молебная, 7. кающаяся, 8. праздничная, въ день св. Параскевіи и 9. девятая пятница. Въ уѣздахъ: шенкурскомъ (архангельской губерніи) и вельскомъ (вологодской губерніи), отправляютъ ежегодно празднество въ честь пятницы, на первой недѣлѣ Петрова поста, подъ именемъ девятой пятницы. Въ одной старинной часовнѣ, въ пяти верстахъ отъ Верховажья (вологодской губерніи), бываетъ крестный ходъ и молебствіе, потомъ угощеніе и игры. Дѣвушки и парни играютъ въ полукрестъ. Онъ составляется изъ двухъ круговъ: пары сначала сходятся, а потомъ пускаются попарно въ запуски. Безпарныя бѣгаютъ за парой и стараются ее разорвать, и тѣмъ окапчивается игра. Эта забава напоминаетъ намъ древнія малоазійскихъ Грековъ запуски, которыя употреблялись на олимпійскихъ играхъ и были воспѣваемы многими поэтами.

Обряды, отправляемые въ честь пятницъ, суть разнообразные: иные совершаютъ крестный ходъ около часовни и отпѣваютъ молебствіе, за коимъ слѣдуютъ угощеніе и игры. Другіе угощаютъ своихъ тещей и тестей, киселемъ съ масломъ: это дѣлаютъ молодые зятья въ разгульную пятницу, въ знакъ благодарности за полученіе отъ нихъ непорочной жены. —

На торгахъ производили міряне судъ и расправу, когда еще не было устроено единообразнаго гражданского судопроизводста, и самыхъ преступниковъ вы-

---

(*) Въ буевскомъ уѣздѣ, костромской губ., зятья угощаютъ своихъ тещей и тестей, на первой недѣлѣ великого поста, въ пятницу: киселемъ съ масломъ, привозимыхъ въ гробахъ, и тамъ эта пятница называется *обжорною*.

водили преимущественно въ то время на площадь, для совершенія надъ ними наказанія, потому что въ торговый день пятницы, самъ народъ собирался. Многія купеческія сдѣлки, производились постоянно въ этотъ день, и для таковыхъ оборотовъ было десять торговыхъ пятницъ, на кои съѣзжались всѣ покупщики и продавцы. Въ какое же время онѣ бывали? этого неизвѣстно. — Должно думать, что онѣ, по разности мѣста, имѣли свои опредѣленные въ году сборища, облегчавшія сельскіе съѣзды, служившіе урочнымъ временемъ для сбыта товаровъ и заключенія новыхъ условій.

Въ день этихъ святыхъ католики совершаютъ пиръ, за упокой усопшихъ, именуемый въ Бѣлоруссіи *дзяды*. Симеонъ и Іуда. окт. 28.

Пастухи почитаютъ мученицу Анастасію оберегательницею овецъ, и вѣрятъ, что она одна въ состояніи вырвать изъ когтей волка, беззащитную овцу, — посему прибѣгаютъ съ мольбой: о недопущеніи волка къ стаду овецъ. — Образъ мучен. Анастасіи ставятъ на деревѣ, въ томъ полѣ, гдѣ пасутъ овецъ и полагаютъ, что уже одного этого достаточно. — Другіе обращаются съ мольбою къ мученику св. Мамонту, такъ же оберегателю овецъ. Анастасія, хранительница овецъ. окт. 29.

Косьма и Даміанъ почитаются искусными врачами отъ сильныхъ недуговъ, и потому прибѣгаютъ къ нимъ съ молитвою, въ день праздника ихъ, ноября 1 (*). Нѣкоторые почитаютъ св. Косьму и Даміана, оберега- Кузьма-Демьянъ безсребренники. ноябр. 1.

(*) Косьма и Даміанъ были близнецы, прославились чудесами въ врачеваніи и подавали помощь больнымъ безденежно, потому прозваны безсребренниками. Еще празднуютъ ихъ день сент. 17. См. Чет. мин. нояб. 1. и сент. 17.

телями курей отъ всякаго похищенія. — Въ иныхъ мѣстахъ Косьма и Даміанъ считаются покровителями свадьбъ, что доказывается пѣснею:

Тамъ шелъ самъ Козьма-Демьянъ,
На свадьбу Агафоныча:
Ты святый ли ты Козьма-Демьяновичъ.
Да ты скуй ли ка намъ свадебку
Вѣковѣчную, не разрывную. —

Кузьминки. Перваго ноября бываетъ дѣвичій праздникъ, называемый кузьминками или *Кузьмой-Демьяномъ* (отъ имени святыхъ Косьмы и Даміяна). За недѣлю предъ этимъ праздникомъ дѣвки, которыя ходили на посидѣлки въ одну избу, дѣлаютъ между собою ссыпню (складчину). Онѣ выпрашиваютъ у своихъ родныхъ разной муки, хмѣлю, солоду, дровъ и варятъ пиво; потомъ собираютъ гречишной муки, а гдѣ нѣтъ ее, то пшеничной, для печенія блиновъ, пироговъ, однимъ словомъ: снабжаются всѣми нужными припасами для своего празднества. Чего не достанутъ, то уносятъ ночью изъ чужихъ дворовъ. Тогда многіе изъ домохозяевъ не досчитываются у себя куръ, не находятъ въ погребахъ молока, сметаны, яицъ и пр. Потомъ приглашаютъ къ себѣ на веселіе родныхъ, съ коими пируютъ, не забывая ни пѣсенъ, ни плясокъ. —

Празднество совершается вездѣ почти однообразно. Вотъ болѣе простосердечное веселіе, бываемое между пензенскими крестьянами.

Приготовивши запасы всякими правдами и неправдами, сбираются поклонницы Кузьмы-Демьяна въ назначенную ими избу, въ кумашникахъ (красныхъ сарафанахъ), въ китайчатыхъ или просто синихъ льняныхъ сарафанахъ, съ бѣлыми или пестрыми рукавами и круже-

вами; въ шелковыхъ фатахъ, повязанныхъ сверхъ ленты (*); въ *писанныхъ* лаптяхъ, плетенныхъ по верху ихъ маленькими лычками; въ бѣлыхъ тонкихъ льняныхъ онучахъ, называемыхъ праздничными. Богатыя бываютъ въ котахъ, отороченныхъ краснымъ сафьяномъ, съ лапатками (**); въ косникахъ (***) и съ лентами въ длинныхъ косахъ, мелко заплетенныхъ. Предъ полуднемъ онѣ зовутъ къ себѣ родныхъ, женскаго пола, покушать горячихъ блиновъ, которые печетъ постороняя женщина, а за неимѣніемъ ея, сами очередуются. Потомъ, налившн буракъ пива (****), надѣваютъ его на рычагъ и отправляются съ этимъ подаркомъ, при пѣніи пѣсенъ, къ своему старостѣ или управляющему; поздравляютъ его съ праздникомъ, (хотя этотъ праздникъ для другихъ ничуть не праздникъ); просятъ его принять отъ нихъ буракъ съ пивомъ, и пожаловать къ нимъ въ гости: откушать мягкихъ блиновъ и искушать моложаваго пивца. Отсюда онѣ идутъ съ пѣснями въ свою хату, и послѣ нѣкотораго времени, отправляются уже просить къ себѣ родныхъ изъ мужескаго пола.—Передъ вечеромъ, а иногда даже передъ обѣдомъ, всѣ собираются и садятся по старшинству за столъ, на которомъ навалены горы блиновъ, щедро намазанныхъ

(*) Лентою называется жесткая, шириною въ три вершка повязка, вышитая блестящею мишурой, у богатыхъ она вышивается серебромъ; поверхъ ленты повязываютъ свои фаты или платки, но такъ, чтобы маковка головы оставалась не закрытою.

(**) Лапатки шьются изъ разноцвѣтныхъ ситцевъ и онѣ имѣютъ подобіе сердца, шириною въ три а длиною въ четыре вершка; въ впадинѣ этого сердца, вышивается другое маленькое сердце, къ которому прикрѣплена ленточка.

(***) Косники связываются изъ разноцвѣтнаго бисера.—

(****) Буракъ похожъ на боченокъ.

масломъ. Догадливые родные приносятъ съ собою, вмѣсто подарка, штофы вина и тутъ же распиваютъ сами. Когда подносятъ гостямъ пиво, тогда поютъ дѣвушки:

Полно, полно намъ дѣвушки,
Чужо пиво пити!
Не пора ли намъ, подружки,
Свое затѣвати?
Канва (солодъ) на винѣ,
А хмѣль на тычинѣ;
На тычинѣ, на тычинѣ,
На самой вершинѣ.
Тычинушка низко гнется,
А хмѣль выше вьется;
Тычинушка обломилася,
А хмѣль опустился.
Опустился, обвалился
На мать сыру землю.

Вечеромъ, когда уйдутъ всѣ гости, дѣвушки играютъ въ свои игры, пляшутъ и поютъ съ оставшимися молодыми парнями. Послѣдніе наряжаются медвѣдями, домовыми, смертію, кому какъ вздумается, и стараются, чтобы не узнали ихъ. Узнанныхъ бьютъ безъ милосердія, пока не сбросятъ съ себя своего наряда.

Приглашеніе на праздникъ повторяется на другой день, но на третій зовутъ всѣхъ родныхъ, съ прежнимъ обрядомъ. Если староста или управляющій не былъ у нихъ въ первые два дни, то онѣ считаютъ это не милостію къ себѣ, потому падаютъ ему въ ноги и умоляютъ его. — Въ этотъ день дѣвушки угощаютъ его, съ утра до вечера; забавляютъ его пѣснями, плясками и переряживаніями. Поразгулявшіеся гости: мущины и женщины, принимаютъ потомъ участіе во всѣхъ заба-

вахъ. Тогда дѣвушки, давъ имъ волю потѣшаться, отправляются по частямъ къ своимъ подругамъ, при пѣніи громкихъ пѣсенъ. Одна часть встрѣчаетъ пѣснями другую, забавляетъ ее плясками, не забывая угощать; послѣ провожаетъ съ тѣмъ же пѣніемъ. Иногда собирается на улицѣ нѣсколько частей, тогда отъ пѣнія стонетъ небо и земля, по выраженію старухъ, потому что каждая сторона силится перекричать другую, думая этимъ понравиться женихамъ. Дружескія прогулки съ распѣвомъ, продолжаются до глубокой ночи.

Екатерина законодавца. нояб. 24.

На юго-западѣ Россіи существуетъ обыкновеніе, что предъ днемъ великомученицы св. Екатерины, холостые постятся и молятъ ее: о дарованіи имъ хорошей и доброй жены. Живущіе тамъ католики, совершаютъ это предъ 25 числомъ, потому что у нихъ праздникъ св. Екатерины бываетъ днемъ позже нашего. На самый праздникъ молятся усердно: о ея заступленіи. Послѣ обѣда бываетъ у нихъ пирушка, съ пѣснями и плясками, на подобіе свадьбы. Ложась спать, загадываютъ: приснится ли та, на которой желаютъ жениться? или: какая будетъ суженая? Сны объясняютъ не одни ихъ знатоки, но даже самыя бабы. (*)

(*) Въ Польшѣ дни великом. Екатерины и св. Андрея, считаются роковыми днями для молодыхъ людей, гадающихъ о судьбѣ своей. Мущины молятъ великомуч. Екатерину, а дѣвушки св. Андрея: о счастливомъ ихъ вступленіи въ бракъ. Въ прежніе годы мущины сажали сучья вишневаго дерева, въ темныя мѣста, и заботились, чтобы они принялись. Если вишня разцвѣтаетъ предъ Р. Х. или новымъ годомъ, то предзнаменуетъ счастливую жизнь и хорошую партію.

W wigilio S. Jendrzieja,
Spełniona moja nadzieja.

Василій великій. Выгоняя въ первый разъ въ поле скотъ, ставятъ свѣчу предъ образомъ Василія великаго, и его особенному надзору поручаютъ охраненіе свиней, посему пастухи чтутъ его и боятся прогнѣвить.

Bogdaj to sie sprawdziło,
Co mi się ongi wyśniła,
Że z rąk ojca dobrodzieja,
Zostałem wydana
Za pana Stefana.
Bo też to galant cacany,
Wąs misternie wymuskany,
Tak ułożona zgrabnie czupryna
Jakby za statnego miał kupidyna.

Подъ подушки клали бумажки, съ именами дѣвицъ или мущинъ. Кто поутру вытянулъ какую бумажку, та будетъ суженая или суженый. Но ложась спать приговаривали еще:

Lóżko moje depczę ciebie,
Panie Boże proszę ciebie,
Niech mi się ten przysni,
Kto mi będzie najmilszy. —

Дѣвушки въ Подлясіи, желая знать: кто будетъ ихъ мужемъ? произносятъ: 9. pacierzy stojąc, 9. klęcząc, 9. siedząc,— потомъ засѣваютъ конопляннымъ сѣмянемъ землю, приготовленную въ лубочномъ ящикѣ, и говорятъ:

Св. Андрей!
Я на тебѣ ленъ сію.
Дай мени узнаты,
Зъ кимъ буду сбирати.

Ложась спать, кладутъ подъ правое ухо кусокъ хлѣба, и тогда увѣрены, что каждая изъ загадавшихъ увидитъ своего

Пророкъ Наумъ почитается помощникомъ умственныхъ и механическихъ занятій. Крестьянинъ, думающій научить грамотѣ своего сына, идетъ сперва къ письменному человѣку спрашивать: *нѣтъ ли завтра какого мученика?* — Если онъ получитъ въ отвѣтъ, что завтра пророка Наума, то служитъ ему молебенъ и ведетъ сына къ учителю. Въ другой праздникъ онъ не охотно отдаетъ въ ученіе своего сына, потому что *одинъ пророкъ Наумъ наводитъ на умъ.* Пророкъ Наумъ. декаб. 1.

Преподобный Спиридонъ, въ простонародіи солнцеповоротъ, не есть праздникъ, а народное замѣчаніе, что съ этого времени солнце дѣлаетъ поворотъ на зиму. Повѣрье носится, что самъ Спиридонъ поворачиваетъ солнце на зиму, и наблюдаетъ, чтобы оно не скрывалось отъ людей. — Спиридонъ, солнцеповоротъ. дек. 12.

Польза отъ пчелъ извѣстна каждому. Еще въ глубокое время наши предки, когда были язычниками, оказывали почитаніе пчеламъ, и думали, что ихъ хранятъ невидимо добрые духи. Какимъ же образомъ два соловецкіе чудотворца: Савватій и Зосима, содѣлались въ народѣ хранителями пчелъ? — Неизвѣстно. — Обитатели сѣверо-восточной Россіи почитаютъ ихъ и приносятъ въ церковь для освященія, первые медовые соты. Намъ извѣстно, что эти два чудотворца жили въ концѣ XIV до половины XV в. Преподобный Савватій построилъ (1429 г.) на островѣ Соловецкомъ, Савватій и Зосима, хранители пчелъ.

суженого. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣгутъ дѣвушки, послѣ сѣянія льна, къ плетню и перебираютъ колья, при произнесеніи словъ: *то вдовецъ, то молодецъ.* На какомъ колѣ остановится послѣднее слово, такой будетъ мужъ. — Парни зная, что дѣвушки побѣгутъ къ плетню, вымазываютъ колья дегтемъ. — Goleb. Gr. i zab. ч. 2. с. 319–321.

расположенномъ на бѣломъ морѣ, мужескій Соловецкій монастырь. — Преподобный Зосима устроилъ монастырь. Отъ чего же именно этихъ угодниковъ, а не другихъ, почтили прозваніемъ хранителей пчелъ? Вѣроятно потому, что они первые перенесли сюда пчелъ, и старались о ихъ размноженіи. —

Царь Давыдъ, укротитель гнѣва.

Народъ весьма уважаетъ царя Давыда; почти каждый грамотный знаетъ наизустъ его вдохновенные псалмы. Во время напастей, бѣдствій и горестей, всякій утѣшаетъ себя его священными изреченіями; отправляясь въ дорогу, испрашиваетъ у него защиты отъ лютыхъ звѣрей и разбойниковъ, ибо думаютъ, что Давыдъ пѣніемъ и игрою на гусляхъ, усыпляетъ ихъ невидимо, и вездѣ онъ находится съ тѣми, которые прибѣгаютъ къ нему. Такое вѣрованіе къ Давыду (царствовавшему съ 1005-1055 г. до Р. Х.) произошло, нѣтъ сомнѣнія, отъ того, что онъ, будучи юношею—оруженосцемъ у царя Саула, укрощалъ гнѣвъ его сладостной игрою на гусляхъ; что въ одномъ сраженіи съ Филистимлянами онъ поразилъ Голіаѳа, камнемъ изъ праща; что онъ силою своего краснорѣчія, поражалъ ярость враговъ и наставлялъ на путь заблудшихъ. — Другіе, когда имъ икается или зѣвается, крестятъ ротъ и говорятъ: помяни Господи царя Давыда и всю кротость его. (*)

(*) Должно замѣтить, что многіе дни и приметы служатъ въ народѣ указаніемъ и истолкованіемъ погоды, напр. на канунѣ новаго года ставятъ 12 коробочекъ съ солью, или берутъ 12 луковицъ, изъ коихъ каждая бы имѣла 12 слоевъ; выдалбиваютъ каждую луковицу и насыпаютъ ее солью. Каждую коробочку или луковицу называютъ именемъ мѣсяца и на утро осматриваютъ: въ которой коробочкѣ размокла соль, тотъ мѣсяцъ будетъ дождливый или сырой.—По дню св. Платона и св. Ро-

Простой народъ, поручая многое изъ общежитія подъ покровъ св. угодниковъ и мученниковъ, прибѣгаетъ къ нимъ съ истинной вѣрою; но къ сожалѣнію, часто произноситъ молитвы неправильно, напримѣръ: *батюшка, Христово Воскресеніе*! — Предъ открытіемъ царс- Заключеніе.

мана (нояб. 17) заключаютъ о зимѣ. Если день теплый, то зима будетъ теплая; холодный,—зима холодная. Вообще о погодѣ замѣчаютъ: если солнце заходитъ красно, то день будетъ вѣтряный. Размноженіе комаровъ, мухъ, свѣтлая радуга и летающая паутина предзнаменуютъ хорошую погоду. Растилающійся дымъ по землѣ, — къ ненастью; несущійся прямо вверхъ,—къ хорошей погодѣ.—Отсыряетъ соль, къ ненастью.— Такія приметы и тысячи другихъ, составляютъ въ народѣ ходячій барометръ. Не только бездушные предметы, но многочисленныя дѣйствія животныхъ, указываютъ на измѣненіе погоды, ибо нельзя отвергнуть, чтобы животныя не предчувствовали перемѣну. Скотъ мычитъ и роетъ землю предъ бурею и дождемъ, собаки и кошки ѣдятъ траву, домашнія птицы и воробьи купаются въ пыли, лягушки квакаютъ сильно, вороны и галки летаютъ высоко, ласточки ширяютъ почти по землѣ— все это дѣлается къ непогодѣ. — Кошка спитъ, подвернувъ голову подъ брюхо,—будетъ морозъ, а лѣтомъ ненастье; скребетъ ли она лапами, къ мятели. Если кошка лѣзетъ въ печь, уголья разгораются сильно въ печкѣ, столбы вьются около солнца или очерчивается кругъ около солнца и луны; то предвѣщаютъ морозъ. — Если дерево или лучина трещитъ, когда горитъ, и мечетъ искры; то къ ненастью. Это замѣта вѣрная, потому что лучина отсырѣла. — Самъ человѣкъ предчувствуетъ ненастье: является боль въ ревматизмѣ, въ раненныхъ или ушибленныхъ членахъ, горятъ пальцы, болитъ голова, болятъ или чешутся мозоли. Есть люди, кои по особому чувству угадываютъ нахожденіе кошки въ комнатѣ, гдѣ бы она не спряталась. При появленіи змѣи отскакиваетъ самая злая собака, при появленіи кошки свертывается змѣя въ клубокъ и не защищается: кошка грызетъ ее безболзненно а индѣйки заклевываютъ змѣй —

кихъ врать, когда шаркнетъ отдернутая занавѣсь, произносятъ мущины: *шаркни Боже по душѣ, по тѣлу, по женѣ, по дѣткамъ, по моему здоровью.* Женщины говорятъ: *шаркни Боже по батькѣ, по маткѣ, по братьямъ, по сестрамъ, по моимъ животамъ, по моемъ здоровьи.* Нерѣдко имена двухъ святыхъ соединяютъ въ одно: св. мучен. Фрола и Лавра, произносятъ *Фрола Лавровичъ*; Косма и Даміанъ, *Кузьма Дамьичъ* и т. п. Люди, прозванные полуобразованными, обращаются къ мученикамъ и угодникамъ съ теплымъ чувствомъ и твердымъ упованіемъ, въ полученіи облегченія въ болѣзняхъ, горестяхъ, страданіяхъ и несчастіяхъ. Должно радоваться, что эти полуобразованные, сохранили вѣру и упованіе. — Надобно утѣшаться, что они не забываютъ почитать угодниковъ и мучениковъ. Вотъ перечень тѣхъ святыхъ, къ коимъ возносятъ чистосердечныя моленія (*). — О сохраненіи отъ пожара и молніи, св. Никитѣ новгородскому (праздн. генв. 31).—О здоровьи младенцевъ: преподобн. Симіону Богопріимцу (праздн. февр. 3) и пресвятой Богородицѣ тихвинской (праздн. іюня 26).—Отъ внезапной смерти: священномученику Харлампію (праздн. февраля 13), преподобному Онуфрію великому (праздн. іюля 12), священномученику Садоѳу (праздн. октября 19) и великомученицѣ Варварѣ (праздн. декабря 4).—Объ укрощеніи страстей: преподобному Мартиніану (празд. февраля 14), св. мученик. Ѳиландѣ (праздн. апрѣля 14) преподобному Іоанну многострадальному (праздн. іюля 26). О избавленіи отъ *тресавичныя болѣзни* (лихорадки): препод. Марѣ (праздн.

(*) По неимѣнію свѣдѣній: съ какими обрядами отправляются возванія? представляется сдѣсь, по возможности, одно годовое исчисленіе святыхъ, особенно чествуемыхъ народомъ.

февраля 14). мученицы Ѳотиміи самаряпкѣ (праздн. марта 20) и преподобному Василію новому (праздн. марта 27).—О прогнаніи лукавыхъ духовъ отъ людей и скота: св. Марѳу (праздн. февраля 16), и преподобному Ипфонпу (праздн. декабря 23). — О найденіи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ людей: мученику Ѳеодору Тирину (праздн. февраля 17). О избавленіи младенцевъ отъ оспы, мученику Конону саврійскому (праздн. марта 5).— О разрѣшеніи отъ неплодія и безчадія; преподобному Ипатію (праздн. марта 31.) и преподобному Роману чудотворцу (праздн. ноября 27) — О прозрѣніи слѣпыхъ, пресвятой Богородицѣ казанской (праздн. іюля 8). О избавленіи отъ муки, умершихъ безъ покаянія, преподобному Паисію великому (праздн. (іюля 19). — О исцѣленіи глазной боли: мученику Лаврентію архидіякону (праздн. августа 10), мученику Логину сотнику (праздн. октября 16) и мученику Мину египетскому (праздн. ноября 11). (*) — Объ освобожденіи роженицы отъ трудныхъ родовъ: пресвятой Богородицѣ ѳеодоровской (празд. августа 16) и великомученицѣ Екатеринѣ (праздн. ноября 24). — О избавленіи отъ запоя: Моисею Мурину (праздн. августа 24) и мученику Вонифантію (праздн. декабря 19). — Отъ

(*) Когда на глазу бываетъ ячмень, тогда суевѣры прокаливаютъ его зерномъ ячменя и бросаютъ курицѣ. Иные обводятъ ячмень обручальнымъ кольцомъ и читаютъ молитву; другіе давятъ ячмень кольцемъ, цѣлуютъ глазъ и потомъ плюютъ или повѣсивъ иглу на ниткѣ предъ глазомъ, смотрятъ на глазъ и плюютъ. Но чтобы вѣрнѣе согнать ячмень, то показываютъ больному глазу кукишъ, только, чтобы при этомъ никого не было, произнося три раза: ячмень, ячмень! вотъ тебѣ кукишъ. Что захочешъ, то себѣ купишъ. Купи себѣ топорокъ, переселись поперекъ (поперегъ). На, на, на. – Въ заключеніе проводятъ по глазу указательнымъ пальцемъ. –

головной боли св. пророку Іоанну Предтечѣ (праздн. августа 29). — Отъ пожара и молніи, пречистой Богородицѣ (праздн. сентября 14). — О избавленіи младенцевъ отъ родимца, св. великомученику Никитѣ (праздн. сентября 15). — О изученіи иконнаго писанія, св. апостолу Іоанну Богослову (праздн. сентября 26). — О сохраненіи отъ злаго очарованія, священномученику Кипріану и Устинію (праздн. октября 2). — О исцѣленіи отъ грыжи, великомученику Артемію (праздн. октября 20). О любви мужа къ женѣ, св. мученику Гурію, Роману и Авиву (праздн. ноября 15). — О избавленіи отъ скотскаго падежа, св. Медосту (праздн. декабря 18). — Объ истолкованіи сновидѣній и прекращеніи оспы, святымъ девяти мученикамъ. О согласіи мужа съ женою, св. Евангелистамъ. — Объ исцѣленіи больного и вообще отъ всѣхъ болѣзней, образу всѣхъ скорбящихъ. —

II. НЕДѢЛЯ ВАЙ.

Въѣздъ Спасителя въ Іерусалимъ. Древній обрядъ на вербной недѣлѣ. Суевѣрныя замѣчанія.

II.

НЕДѢЛЯ ВАЙ.

Въѣздъ Спасителя въ Іерусалимъ.

Спаситель, вьѣзжая на ослѣ въ Іерусалимъ для празднованія Пасхи, былъ встрѣченъ жителями, пришедшими сюда на праздникъ, съ финиковыми ваями (вѣтвями) и радостными восклицаніями: *осанна!* (спасеніе) *благословенъ грядый во имя Господне.*

Вѣровавшіе въ Него, свидѣтельствовали этимъ возглашеніемъ чудесное воскресеніе Лазаря, которое сотворилъ Іисусъ Христосъ, за нѣсколько дней до своего вьѣзда въ городъ. Многіе изъ Іудеевъ пришли сюда, чтобы видѣть нетолько Іисуса, но и воскресшаго Лазаря. — Постилали свои одежды и бросали пальмовыя вѣтви, гдѣ проѣзжалъ Христосъ. Это торжественное событіе, освященно христіянскою церковью годичнымъ воспоминаніемъ. Восточные христіяне постановили праздновать его каждогодно: одинъ изъ святителей являлся въ этотъ день на ослѣ, и народъ кричалъ: осанна! — бросалъ, во время его шествія, пальмовыя вѣтви. Константинопольскіе патріархи и римскіе папы, ввели потомъ этотъ обычай въ употребленіе, и при византійскомъ дворѣ раздавались подарки и мелкая монета вай, названная отъ торжественнаго обряда.

Вай значитъ собственно вѣтвь, потому и самая не-

дѣля, въ которую совершалось это дѣйствіе, проименована *недѣлью вай*. —

По разнымъ мѣстамъ Россіи эта недѣля называется: вербной субботою, вербнымъ воскресеньемъ и вербною недѣлью, по той причинѣ, что въ то время освящаютъ у насъ зеленую вербу.

Древній обрядъ на вербной недѣлѣ.

Нѣкоторые духовные писатели свидѣтельствуютъ, что Григорій В. учредилъ, въ концѣ VI вѣка, пальмовое воскресенье, которое при Карлѣ В. вошло въ употребленіе на всемъ западѣ, подъ тѣмъ же самымъ наименованіемъ (dominica palma). По принятіи нами христіянской вѣры отъ Грековъ, нѣтъ сомнѣнія, что и обычай празднованія вай, тогда же введенъ ими; но мы не ранѣе XVI вѣка встрѣчаемъ народное празднованіе.

Очень многіе обычаи остались бы въ неизвѣстности, если бы намъ не передали объ нихъ свѣдѣній современные писатели. —Англійскій посланникъ Гаклюйтъ, первый описываетъ (въ концѣ XVI вѣка.) шествіе митрополита, ѣхавшаго на конѣ —Въ недѣлю вай собирался народъ предъ обѣднею, въ Кремль. Изъ храма Успенія выносили тогда большое дерево, обвѣшанное разными плодами: яблоками, изюмомъ, смоквами и финиками; укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ, въ бѣлой одеждѣ, и пѣли молитвы. За санями шли юноши, съ зажженными восковыми свѣчами и большимъ фонаремъ; за ними несли двѣ восковыя хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали священники въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними бояре и сановники, наконецъ Государь и митрополитъ: послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на конѣ, на которомъ были придѣланы ослиныя уши изъ полотна; конь былъ покрытъ бѣлымъ полотномъ. —

Митрополитъ держалъ лѣвою рукою на колѣняхъ св. Евангеліе, окованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Копя велъ боярин; Царь Іоаннъ грозный держалъ одной рукою поводъ узды, а другой несъ вербу. Путь устилали сукнами. Многочисленное стеченіе людей, съ вербами въ рукахъ, сопровождало это шествіе. — Обойдя вокругъ главныхъ кремлевскихъ церквей, митрополитъ входилъ въ храмъ Успенія, служилъ обѣдню, потомъ давалъ обѣдъ Царю и вельможамъ.—Почти тоже самое говоритъ Маржеретъ, служившій въ смутныя времена Россіи: патріархъ ѣздилъ въ вербное воскресенье на ослѣ, сидя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостатку же ословъ, брали лошадь: покрывали ее бѣлымъ полотномъ, такъ что, кромѣ глазъ, ничего не было видно, и привязывали къ ней длинныя уши.—Царь велъ лошадь за поводъ, изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимъ; оттуда въ храмъ Богоматери. Во время шествія растилали особые люди одежду по дорогѣ, идя впереди святителя. Въ запискахъ Бера, между описаніями о церковныхъ обычаяхъ, въ 1627 г., сказано: на шестой недѣли поста бываетъ ввечеру и на утрени служба въ соборѣ, а предъ обѣднею патріархъ ѣдетъ на ослѣ къ Троицѣ на ровъ, и потомъ опять отправляется въ соборъ (*). — Этотъ обычай, какъ видно изъ описанія, давно употреблялся у насъ, но наши лѣтописи умалчиваютъ объ немъ.

Святители не ѣздили на ослѣ, а на конѣ, котора-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. изд. 1821. с. 466; Гайклютъ: Navig., Marger.: Estat de l'emp. de Russie et gr. duch. de Moscovie; Olear. Offt. begehrte Beschr. der neue. oriental. Reise., etc с. 104. изд. 1647. г.

го паряжали осломъ. — Обыкновеніе же, что Царь держалъ повода узды, есть восточное. Патріархи, представляя на востокѣ главу Церкви, требовали отъ императоровъ, чтобы они оказывали имъ почести, какія были оказаны Спасителю, при вьѣздѣ Его въ Іерусалимъ, потому народъ привѣтствовалъ ихъ: *осанна!* и бросалъ подъ ноги: травы и пальмовыя вѣтви, или покрывалъ путь дорогими сукнами, и провожалъ ихъ въ церковь съ пальмовыми въ рукахъ вѣтвями.

На западѣ также императоры водили коня, на коемъ сидѣлъ папа. — Въ римской церквѣ существовалъ обычай возить на колесницѣ рѣзаннаго изъ дерева осла, съ изображеніемъ сидящаго на немъ Іисуса Христа. Съ распространеніемъ реформатскаго вѣроисповѣданія, это обыкновеніе исчезло, и у Нѣмцевъ сохранились одинѣ названія: голубая пасха (der blaue Ostertag) и пальмовое воскресенье (Palm-Sonntag). — У католиковъ, живущихъ въ Россіи, празднуютъ вербную недѣлю по нашему обычаю.

По большимъ городамъ совершали епископы такое же дѣйствіе, какъ патріархи, а воеводы вели лошадь за узду. — Патріархъ Іоакимъ, разсмотрѣвъ на созванномъ имъ соборѣ въ 1678 г., *обрядъ шествія на ослятѣ*, призналъ его нововведеніемъ, и запретилъ архіереямъ производить его по городамъ, дозволивъ при шествіи носить одинъ образъ Христа. Іоакимъ не хотѣлъ знать, что это обыкновеніе было въ царствованіе Іоанна IV. Запретивъ шествіе на ослятѣ по городамъ, онъ самъ употреблялъ его въ Москвѣ. Наши первосвятители хотѣли пользоваться уваженіемъ, равнымъ Царямъ. Со смертію патріарха Адріана, въ 1700 г., прекратился обрядъ и въ самой Москвѣ, ибо въ послѣдствіи увидѣли, что это чествованіе оказывали не Христу, по одному патріарху. Историкъ Татищевъ говоритъ: я помню, какъ Госу-

дари: Іоаннъ и Петръ вели лошадь патріарха, принимая его за представителя Христа (*). Наши Государи, оказывали глубокое свое уваженіе къ духовной власти, еще при слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если Государь пріобщался Св. Тайнъ въ соборѣ, въ присутствіи патріарха; то онъ перевязывался въ олтарѣ оралемъ, и причащался какъ діяконъ. 2) По совершеніи большой панихиды, митрополитъ кушалъ у Государя, а Государь стоялъ у него за столомъ (**).

Сохранились нѣкоторые примѣры шествія на ослятѣ

(*) Изложеніе патріаршее и всего собора, о обрядѣ въ вербную недѣлю бываемомъ, учиненное лѣта 7.186, (1678 г.) мар. – Древн. вивл. ч. 6, с. 357.– 362. Успенск.: Опытъ о древн. Русскихъ с. 433.

(**) Въ патріаршество Іоакима, едва не былъ поставленъ въ Россіи папа. При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ находился учителемъ и придворнымъ проповѣдникомъ, монахъ Симіонъ Полоцкій, который, пользуясь особой царскою милостію и будучи преданъ къ католическому исповѣданію, склонилъ Государя на постановленіе въ Москвѣ папы. Въ это званіе онъ назначилъ изгнаннаго патріарха Никона, и полагалъ быть 4 патріархамъ: въ Новгородѣ, Ростовѣ, Казанѣ и на Крутицахъ а архіепископовъ произвести въ митрополиты. Предположеніе Симіона было бы произведено въ дѣйствіе, если бы Іоакимъ не возсталъ, по недоброжелательству къ нему. – Онъ обратился къ Царскимъ любимцамъ, просилъ ихъ отвратить пагубное предначертаніе, и исклонивъ ихъ на свою сторону, велѣлъ Андрѣю Лызлову сочинить записку, съ изложеніемъ сильныхъ доказательствъ, отъ угрожающаго вреда для Государства, и что, между прочимъ, это предосудительно для памяти Царя Алексѣя Михайловича, который самъ лишилъ Никона патріаршества, какъ недостойнаго этого званія. – Стараніемъ Іоакима уничтожено предначертаніе Симіона.– Успенск. Оп. о древн. Русскихъ. с. 430–431.

въ разныя Эпохи. Въ смутное время, когда Москва была въ рукахъ Поляковъ, патріархъ Гермогенъ, окруженный пѣшими и конными Поляками и Нѣмцами, которые стояли съ обнаженными мечами и заряженными пушками, шелъ съ красной площади въ Кремль. — Народъ боялся сопровождать его; нѣсколько бояръ и сановниковъ шли съ печальнымъ лицемъ; лошадь велъ вмѣсто Царя, князь Гондуровъ (*). — Посланникъ Олеарій, находясь въ Москвѣ въ 1636 г., такъ описываетъ вербное торжество. — Ходъ начинался изъ большаго Успенскаго собора, къ лобному на красной площадѣ мѣсту, съ коего патріархъ давалъ благословеніе народу; потомъ отправлялся въ церковь Василія блаженнаго, въ коей находился придѣлъ вшествія Христа въ Іерусалимъ, и по отслуженіи тамъ молебня, совершалъ шествіе тѣмъ же порядкомъ. — Впереди везли большую пизьменную колесницу, на коей стояло дерево, обвѣшанное множествомъ яблокъ, винныхъ ягодъ и изюмомъ; подлѣ дерева сидѣли четыре мальчика въ стихаряхъ и пѣли: осанна! благословенъ. — За симъ слѣдовало во множествѣ духовенство, во всемъ его облаченіи, съ крестами, хоругвіями и иконами; иные пѣли, а другіе кадили предъ народомъ. Потомъ шли гости и лучшее купечество; послѣ дьяки, бояре и князья; за ними самъ Царь, въ богатомъ одѣяніи съ короною на головѣ, и былъ поддерживаемъ подъ руки двумя первѣйшими боярами: кн. Ив. Борисовичемъ Черкасскимъ и кн. Алекс. Мих. Львовымъ. — За Государемъ ѣхалъ патріархъ на лошадѣ, покрытой сукномъ, которая представляла осла, и ее велъ за

(*) Древн. вивл. ч. X.

узду самъ Царь. На головѣ патріарха была круглая, изъ бѣлаго атласа, унизанная дорогими жемчугами, шапка. Въ правой рукѣ онъ держалъ, изъ драгоцѣнныхъ камеиьевъ, крестъ, коимъ осѣнялъ народъ, принимавшій благословеніе съ благоговѣніемъ; по бокамъ патріарха и позади его, шли митрополиты, епископы и другія духовныя особы; нѣкоторыя изъ нихъ несли книги, а другіе кадильницы. Около 50 юношей, одѣтыхъ въ платье, по большей части, краснаго цвѣта, снимали съ себя верхнее платье и растилали на пути. Во все шествіе продолжался, по всѣмъ церквамъ, колокольный звонъ (*).

Не всегда шествіе на ослятѣ происходило одинаковымъ порядкомъ. Патріархъ Іосифъ, (въ 1668 г.) отправившись на красную площадь, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и народа, остановился на лобномъ мѣстѣ, и послалъ протопопа и ключаря за осломъ, который стоялъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Патріаршій боярин спрашивалъ ихъ, а они ему отвѣчали словами евангелія. Потомъ, когда подвели осла, патріархъ взялъ въ одну руку евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ и, осѣнивъ Царя, сѣлъ на осла, котораго велъ Царь за поводъ. Шествіе направилось къ успенскому собору. Царь и народъ несли въ рукахъ вербы. По прибытіи въ соборъ, началась обѣдня (**).

(*) Mach.: A relation of three embassies of Carlisle, c. 295–298. Olear. Reiſe. c. 104–106, изд. 1647 г. in f.; Mottley: The history of the life of Peter the great, т. I, с. 124–125.; Herb.: Rer. Moscov. com. ed. Amst. 1557 г. с. 49. Petrejum: Hiſtor. und Bericht. von dem Großfürſtenthumb Muſchkow, c. 681–683., ed. Лейпц. 1620 г.

(**) Тріодіонъ 1666 г., говоря объ обрядѣ ваи, не упоминаетъ объ ослѣ. (Снегир. Русск. прост. праздн. и пр. вып III. с. 169)

Въ малолѣтство Царей Іоанна и Петра, шествіе это повторялось еще, и патріархъ дарилъ ихъ деньгами по 500 руб.; но со смертію послѣдняго патріарха Адріана, Петръ В. уничтожилъ этотъ обрядъ какъ унизительный для царскаго званія. Въ послѣдствіи, это церковное воспоминаніе замѣнено приношеніемъ зеленой вербы во храмъ для освященія ея. —

Каждый, съ особымъ чувствомъ благоговѣнія, идетъ къ заутрени, въ вербное воскресенье. По совершеніи приличнаго празднику богослужебнаго обряда, священникъ окропляетъ всѣхъ освященною *водой и помазываетъ* чело елеемъ (*).

Нынѣшняя вербная недѣля.

Вербная недѣля, по большимъ городамъ, составляетъ нынѣ не одинъ церковный обрядъ освященія вербъ во храмѣ, но нѣкоторымъ образомъ, гулянье. — На улицахъ и площадяхъ разставляютъ для продажи распустившіяся вербы и первые весенніе цвѣты. — Изъ живущихъ въ небольшихъ городахъ и деревняхъ, каждый ломаетъ для себя вербу, съ особыми примѣтами, и ѣстъ распустившійся цвѣтъ, — который называется кашею, почитая ее здоровою. Вкусъ вербной каши

(*) Посвящаемый въ патріархи совершалъ шествіе на ослѣ вокругъ города. (Древ. вивл. ч. 6. с. 245. изд 1788 г.) Не менѣе странный обрядъ, происходилъ въ недѣлю св. отецъ предъ Р. Х., подъ названіемъ *пещное дѣйствіе*, или воспоминаніе о трехъ отрокахъ: Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ, которые были брошены въ печь Вавилонянами, за непоклоненіе золотому истукану, но ангеломъ защищены, и они остались невредимыми. *Пещное дѣйствіе* совершалось только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли мѣстопребываніе епископы; въ послѣдствіи этотъ обрядъ уничтоженъ!—Времени уничтоженія неизвѣстно, но должно думать, что это случилось въ царетвованіе Преобразователя Россіи, ибо обрядъ совершался еще въ 1678 г.—(Новик. Древ. Вивл. ч. 6).

сладкій, но надобно, чтобы она была самая молодая. Въ столицахъ: въ Петербургѣ и Москвѣ продаются не только настоящія, но искуственныя вербы. Нигдѣ не бываетъ столь пышнаго и богато-разнообразнаго приготовленія для вербнаго воскресенія, какъ въ Петербургѣ. Съ четверга шестой недѣли до сумерекъ субботы, весь гостиный дворъ, внутри и внѣ, наполненъ искуственными произведеніями вербъ съ плодами, игрушками и разными деревьями южныхъ странъ: деревья лимонныя, абрикосовыя, апельсиновыя, померанцовыя, финиковыя и проч., украшенныя плодами, такъ сдѣланы прекрасно, что неопытный глазъ легко обманывается. Таковыя деревья продаются до 200 руб. Цвѣты въ горшкахъ: розы, гіацинты, тюльпаны, незабудки, резеда, лилея, гвоздика, восточный макъ и другіе, спорятъ съ природными цвѣтами, и только разочаровываютъ васъ тѣмъ, что не издаютъ запаха, яблоки, груши, апельсины, дыни, арбузы, хлѣбы, крендели, сухари удивляютъ васъ искуствомъ. Дѣтскія игрушки, въ блестящихъ измѣненіяхъ, духи, помада, курительныя душистыя свѣчи покрываютъ сотни столовъ. Картины, стеклянныя и восковыя изображенія, изъ разныхъ предметовъ царства животнаго, растительнаго и ископаемаго; каменныя и кристальныя яйца, окрашенныя разною краской; рѣзанные изъ разноцвѣтной бумаги херувимы на вербахъ, конфектныя лакомства, миндальныя и шеколадныя каврижки, женскія для работъ мелочныя вещи, съ изысканной отдѣлкою: наперстки, иголки, уборныя шкатулки и другія безчисленныя вещи украшаютъ гостиный дворъ, который превращается въ то время въ роскошный базаръ и пышное гулянье. Тысячи людей толпятся здѣсь отъ простаго человѣка до важнаго сановника. Сотни блестящихъ экипажей загромаживаютъ

собою всю часть невскаго проспекта, со стороны Гостинаго двора. — Посѣщающіе базаръ одѣваются въ богатыя одежды, и всякій выказываетъ свой вкусъ и всю изысканную роскошь. Прелестный полъ затмѣваетъ всѣхъ своими щегольскими нарядами.—Царскій домъ удостоиваетъ народное гулянье своимъ посѣщеніемъ. Въ вечеру субботы вербная выставка прекращается, и если она продолжается еще на седьмой недѣлѣ поста, то кой гдѣ, и то для распродажи оставшихся въ незначительномъ количествѣ вещей.

Въ Малороссіи существовало обыкновеніе совершать ходъ, изъ одной церкви въ другую, съ вербами въ рукахъ. По духовнымъ заведеніямъ воспитанники, одѣтые въ праздничное платье, также совершали вербное шествіе, въ сопровожденіи своего начальства. Въ Литвѣ и смежной съ нею Польшѣ, происходило тоже самое. Ученики носили пуки цвѣтовъ и вербы, перевязанные разноцвѣтными лентами.

Суевѣрныя замѣчанія.

Теперь совершаютъ у насъ одно освященіе вербы, которая бережется въ домахъ, съ особымъ почитаніемъ. Ее держатъ во весь годъ, за образами, или затыкаютъ углы коровьихъ сараевъ и стойла, чтобы вѣдьмы не портили скотъ.—Иные бьютъ слегка свой скотъ освященною бербою, предполагая, что тогда никакая не прикоснется къ нимъ нечистая сила. Таковое понятіе распространено въ большей части Россіи (*). — Когда выгоняютъ скотъ въ первой разъ въ поле, тогда выпровожаютъ его изъ загоновъ освященной вербою. Когда болѣютъ люди, или скотъ, тогда нѣкоторые, по

(*) Есть обыкновеніе, именно, саратовской губ., камышинскаго уѣзда, въ селѣ Лопуховкѣ, что пчеловоды не должны ужинать при огнѣ (въ вербную недѣлю), иначе не поведутся пчелы.

совѣту знахарей, варятъ вербу съ травами и даютъ пить отваръ. — Кто проспитъ вербную заутреню, того бьютъ освященной вербою, приговаривая: *не я бью, верба бьетъ, на красныя яйца, на мягкія перепечи*, или *верба хлёстъ, бей до слёзъ*. — Въ Малороссіи говорятъ: *не я бью, верба бье: за тыжъ день, за великъ день. — Будь здоровъ якъ верба!* Въ другихъ мѣстахъ есть обыкновеніе спрыскивать спящихъ водою, при чемъ произносятъ тѣже самыя слова, за исключеніемъ окончанія, которое замѣняетъ словами: *Будь здоровъ, якъ вода*. Эти приговорки зашли къ намъ изъ Литвы, гдѣ съ давнихъ временъ было въ обыкновеніи: ne ja biju, werba bije: za tyź deń, za welik deń. Chira w lés, zdorowie u kosci. — На Жмуди, въ Литвѣ, простой народъ тоже хлещетъ другъ друга вербою, приговаривая:

Ne asz muszu	Не я бью,
Werba musz,	Верба бьетъ;
Uź nediely,	Чрезъ недѣлю
Bus welikos. —	Великъ день придетъ.

Тамъ, выгоняя скотъ въ первый разъ на поле, поселянинъ креститъ скотъ и бьетъ каждаго освященною вербной вѣтвію, въ томъ мнѣніи, что отъ этого весь скотъ будетъ крѣпокъ и здоровъ.

III. ПАСХА.

Пасха въ ветхозавѣтной церкви. Пасха въ новозавѣтной церкви. Употребленіе крашенныхъ яицъ, и значеніе яйца между язычествомъ. Происхожденіе крашеннаго яйца, и его значеніе между христіянами. Колокольный звонъ. Ознаменованіе Пасхи богоугодными дѣлами. Пасха и куличъ. Пріуготовленіе къ свѣтлому воскресенію и суевѣрныя замѣчанія. Мѣстное совершеніе Пасхи.

III.

ПАСХА.

Въ ветхозавѣтной церкви пасха (отъ еврейскаго слова пасахъ) означаетъ обходъ, потому что ангелъ истребитель, поразившій смертію египетскихъ первенцевъ во всемъ царствѣ, въ одну ночь, миновалъ домы израильскіе. Истребленіе первенцевъ заставило Фараона Рамазеса отпустить Евреевъ въ обѣтованную землю, (Палестину), подъ предводительствомъ Моисея (за 1570. до Р. Х.) Предъ исходомъ изъ Египта, каждый хозяинъ изъ Евреевъ, долженъ былъ заколоть, по волѣ Божіей, непорочнаго и безъ всякихъ недостатковъ однолѣтняго агнца, и испечь его цѣлаго на огнѣ. Гдѣ семейство было малочисленное, что немогло съѣсть всего агнца, то повелѣвалось пригласить сосѣда, чтобы ничего не оставалось отъ ужина. Евреямъ сверхъ того приказано было одѣться по дорожному, взять въ руки посохи и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Кровію же агнца окропились ворота каждаго еврейскаго дома. Этимъ дѣйствіемъ были означены тѣ домы, которые Богъ пощадилъ. Пасха въ ветхозавѣтной церкви.

Въ новозавѣтной церкви пасха есть самъ Іисусъ Христосъ. — Въ праздникъ Воскресенія Христова благовѣстятъ въ полночь, и зажигаютъ повсюду огни и воскуриваютъ ѳиміамъ. На торжественный благовѣстъ немедленно стекается народъ во храмъ и возжигаетъ Пасха въ новозавѣтной церкви.

свѣчи. Священнослужители облекаются въ свѣтлыя ризы, и въ этомъ великолѣпномъ видѣ исходитъ церковь во срѣтеніе жениху своему, Христу; совершается крестный ходъ вокругъ храма и «Христосъ Воскресе!» возвѣщается радостно повсюду. Невидимо открываются райскія двери, и въ этотъ день примиренія неба и земли, дѣлаются всѣ друзьями. «*Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ*», провозглашается постоянно. Царскія врата въ продолженіи семи дней свѣтлой недѣли стоятъ открытыми. — Для празднованія пасхи сначала не было опредѣленнаго дня, и какъ она совпадала съ еврейскою, то положено совершать ее въ первый воскресный день послѣ іудейской, или послѣ перваго весенняго полнолунія. Такое празднованіе пасхи постановлено никейскимъ соборомъ, бывшимъ въ царствованіе Константина великаго (325 г.) Пасха никогда не бываетъ ранѣе 22-го марта и позже 25 апрѣля.

Привѣтствіе и христосованіе начинается прежде всего въ алтарѣ между священнослужителями; потомъ они выходятъ оттуда съ крестомъ, евангеліемъ и св. иконами, и становятся въ одинъ рядъ передъ царскими вратами, лицемъ къ народу. Тогда предстоящіе идутъ къ освященному собору, цѣлуютъ крестъ, евангеліе и иконы. Священнослужители привѣтствуютъ ихъ: *Христосъ Воскресе!* предстоящіе отвѣчаютъ: *Воистину Воскресе!* Цѣлованіе дѣлается всеобщимъ и радостная вѣсть о Воскресеніи соединяетъ сердца правовѣрныхъ узами братства. — Взаимное цѣлованіе соблюдается съ точностію патріархальною по губерніямъ, и не прежде выходятъ прихожане изъ церкви, пока всѣ не перецѣлуются.—Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками, и христосовался со всѣми, никого не разбирая. Позади

Суворова стояли деньщики съ корзинами крашеныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не принималъ. Во всю святую недѣлю онъ угощалъ всѣхъ безъ разбора пасхою и куличемъ.

Употребленіе крашеныхъ яицъ въ древнее время, и значеніе яйца между языческимъ.

Азійскіе и еврейскіе народы имѣли обыкновеніе, еще въ древнее время, ставить яйца на столъ, при началѣ новаго года, и дарить ими своихъ благодѣтелей. Для этого разкрашивали яйца разными цвѣтами, особенно краснымъ, который у Кельтовъ почитался самымъ лучшимъ. Въ прежніе вѣки новый годъ начинался съ весенняго равноденствія, съ того самого времени, когда христіяне учредили празднованіе пасхи, коей присвоено употребленіе крашенокъ. — Не должно думать, чтобы это введеніе было установлено безъ намѣренія. Въ Персіи, въ праздникъ новаго солнечнаго года, марта 20, жители привѣтствовали другъ друга окрашенными въ разную краску яйцами. (*) Такое обыкновеніе сохранялось долгое время во Франціи, Италіи и Испаніи, и это обыкновеніе, какъ нѣкоторые думаютъ, перешло въ Европу отъ Жидовъ. Во время своей пасхи, они ставили на столъ круто сваренныя яйца, знаменуя симъ птицу зизъ.—Естествоиспытатель Плиній говоритъ, что Римляне употребляли окрашенныя яйца при различныхъ игрищахъ, богослужебныхъ обрядахъ и очищеніи грѣховъ. Плутархъ изъясняетъ причину этого обыкновенія такимъ образомъ: яйцо представляетъ Творца всей природы, вседѣйствующаго и все въ себѣ заключающаго.—Оно, какъ солнце, которое все оживляетъ и рождаетъ, приносилось въ честь Бахусу. — Ученія древнихъ философовъ объ образованіи міра объясня-

(*) Le Brun: Voyages par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales, т. I. с. 191–192. in f.

лись изображеніемъ яйца. Египтяне представляли его подъ видомъ вселенной, и въ его образѣ покланялись благодѣтельствующему божеству Кнефу. Храмъ его находился на островѣ Элифантинѣ; истуканъ представлялся въ образѣ человѣка, съ гермофродитскими частями, — въ знакъ его совершенства во всѣхъ частяхъ. На головѣ его сидѣлъ ястребъ,—знакъ дѣятельности; во ртѣ держалъ яйцо, — знакъ оплодотворенія и щедротъ. Изъ этого яйца родился *фтасъ*, огонь, котораго Греки превратили въ Вулкана или Эфтанета. Это слово на коптскомъ языкѣ, коимъ говорятъ нынѣшніе Египтяне, значитъ воспромышляющій. Ученіе египетское объ яйцѣ перенесъ въ Грецію Орфей, (жившій за 1200 л. до Р. Х.). Греческіе и римскіе философы выражали яйцомъ дѣйствующую силу природы. Древніе Персы изъясняли изображеніемъ яйца происхожденіе міра. По ихъ мнѣнію, въ началѣ ничего не было, кромѣ Божества; всѣ существа плавали во тмѣ. Наконецъ родилось яйцо: ночь покрыла его своими крыльями; любовь, старшій сынъ Творца имѣлъ попеченіе о созрѣніи яйца. Когда оно достигло плодотворной силы, тогда раскрылась вселенная: солнце и луна, по своей тяжести, опустились со всѣми твореніями. Эту мысль о мірозданіи перенесъ къ персамъ съ востока Зороастръ, коего ученіе сохранено въ Зенда-Вестѣ,-священной книгѣ. Персы величали яйцо въ своихъ священныхъ пѣсняхъ и сохранили память его употребленіемъ окрашенныхъ яицъ. Они держали еще особо литыя яйца въ своихъ храмахъ, въ изображеніе всего раждающагося.

Происхожденіеокрашеннаго яйца, и его значеніе ме-

Обыкновеніе привѣтствовать, цѣловать и дарить другъ друга красными яйцами, есть поучительное воспоминаніе о первыхъ ученикахъ и ученицахъ Христовыхъ, которые въ первые дни, по воскресеніи Господа Спа-

сителя, привѣтствовали другъ друга вѣстію: Христосъ Воскресъ! а вѣрующіе отвѣчали: Воистинну воскресъ! и потомъ запечатлѣвали привѣтствіе лобзаніемъ Святой любви. Говорятъ, что Марія Магдалина, отправясь въ Римъ, послѣ вознесенія Христова, для проповѣданія евангелія, предстала предъ императора Тиверія (въ 334 г.), поднесла ему красное яйцо, и тутъ же начала предъ нимъ проповѣдь. Первенствующіе христіяне, подражая поступку Св. Магдалины, ознаменовали память Воскресенія Христа, между многими священными обрядами, введеніемъ обычая дарить другъ друга краснымъ яйцомъ. Впослѣдствіи это обыкновеніе сдѣлалось всеобщимъ въ церкви христіянской, и яйцо послужило изображеніемъ Воскресенія Христова и нашего (*). жду христіанами.

Яйцо, родившись отъ птицы, не остается тѣмъ, чѣмъ родилось; оно даетъ птичкѣ жизнь, сперва внутри себя, а потомъ производитъ ее на свѣтъ. Такъ Іисусъ Христосъ, возставъ изъ мертвыхъ, даруетъ жизнь сперва духу, а по концѣ временъ, воскреситъ и наши тѣла. Для чего же мы даримъ другъ друга краснымъ яйцомъ? Въ воспоминаніе крови Христа Спасителя, пролитой Имъ за насъ на крестѣ.

(*) Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ христосованіе и окрашиваніе яйцъ. Изъ писателей объ этихъ предметахъ, замѣчательные суть: Herb. Rer. Moscov. com., Paul. Iovii: Leg. Moscov.; Marger. Estat de l'emp. de Russie; Petrejum Hiſtor. und Bericht. von dem Großfürſtnethumb Muſchkow c. 683–685. Tanner Legat.; Olear. Reiſe; c. 106 ed. 1647 г.; Mach.: A relat. of three embasies of Carlisle; Mottley: The hist. of the life of Peter the great, т. I. подъ статьею: the celebration afcaster; Le Brun: Voyages par la Moscov. etc, т. I. c. 33.

Колокольный звонъ.

Во всю свѣтлую недѣлю, хранится въ церкви на налоѣ освященный хлѣбъ, называемый артосъ. Въ послѣдній день этой недѣли, торжественно благословляется артосъ и раздѣляется между присутствующими.

Всю свѣтлую недѣлю звонятъ до вечерни. Въ первый день пасхи читаютъ на разныхъ языкахъ, при колокольномъ звонѣ, изъ евангелиста Іоанна Богослова: *Въ началѣ бѣ слово.*

Россія имѣетъ въ году такіе торжественные часы, которые наполняютъ душу благоговѣйными размышленіями и возносятъ человѣка къ Творцу вселенной. Это есть воскресная полночь. Изъ мертваго безмолвія, вдругъ раздается необъятный міръ колокольныхъ звуковъ, быстро перекатывающихся въ поднебесномъ пространствѣ, и самое небо, кажется, внимаетъ тогда земному празднеству. Безбожные, поражаемые торжественностію колоколовъ, возносятся мыслію къ безконечному величію Воскресенія изъ мертвыхъ. Тутъ православная церковь лучше выразила свою мысль, нежели римско-католическая. Возьмемъ для сравненія Римъ и Петербургъ. Тамъ Воскресеніе Христово совершается въ полдень субботы, въ церкви св. Петра; стрѣляютъ изъ пушекъ съ крѣпости св. Ангела; народъ стрѣляетъ по городу изъ ружьевъ, пистолетовъ и превращаетъ величественный праздникъ въ забавную потѣху. Въ воскресенье вечеромъ, освѣщаютъ храмъ св. Петра, который тогда снизу до верху покрытъ огнемъ. Еще не все, — Итальянцы ждутъ чего то съ нетерпѣніемъ. Раздался троекратно звукъ колокола, сердца ихъ вздрогнули радостно; въ толпѣ веселой — шумъ, рукоплесканіе и Ave Maria, и Resurrezione, и gloria tibi, Domine, — носятся средп народа, устремившаго свои глаза на крестъ, который весь пылалъ огнемъ; куполъ, фронтонъ, колоны храма потонули въ огнен-

номъ морѣ освѣщенія. — Но это искуственное впечатлѣніе, поражающее чувство черни, никакъ не можетъ сравнитьтя съ торжественнымъ благовѣстомъ, выражающимъ первую пѣснь воскресенія: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!* — Воскресеніе наше совершается въ полночь, въ ознаменованіе, что изъ мрака смерти возсталъ вѣчный свѣтъ жизни. Для встрѣтенія Господа, мы призываемся въ церковь, — мы еще видимъ плащеницу, слышимъ надгробныя пѣнія, какія раздавались вчера, и продолжались во всю ночь сѣтованія и вопли Апостоловъ и мироносицъ; — наконецъ отворяются царскія врата, и священнослужители въ сіяющихъ ризахъ выходятъ вѣстниками всемірной радости, съ пѣніемъ: *Воскресеніе твое, Христе спасе, ангелы поютъ на небеси!* — Они идутъ съ хорухвіями, крестами а съ ними весь народъ; обходятъ храмъ три раза, и останавливаются предъ затворенными дверьми гроба, отъ котораго еще не отваленъ камень.— Самое начало величественное, выражаетъ необыкновенное провозглашеніе. Всѣ молитвословія и утреннія чтенія, сливаются въ одно пѣніе священной радости. Да празднуетъ весь міръ видимый и невидимый. — Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме новый, осіянный славою воскресшаго Господа. — Нынѣ пасха, нынѣ пробужденіе отъ смерти къ жизни. Нынѣ празднуемъ истребленіе смерти, разрушеніе ада и начало новой, вѣчной жизни. Воскликнете Господеви, вся земля да поклонится, и поетъ Тебѣ. Да исповѣдятся Тебѣ людіе, Боже, да исповѣдятся людіе вси. — Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его. — Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ! — Эти упоительно сладостныя и веселыя пѣснопѣнія оглашаютъ весь храмъ.

Въ 11 часовъ ночи, раздается съ Петропавловской крѣпости первый пушечный выстрѣлъ, въ половинѣ двѣ-

надцатаго второй, а ровно въ 12 третій. Не возможно выразить, какое происходитъ тогда въ душѣ радостное волненіе! — Блеститъ освѣщеніемъ столица, которая, можно сказать, тонетъ въ пожарѣ огней. Улицы, дотолѣ пустыя, безмолвныя и мертвыя, покрываются народомъ; перекатный гулъ колоколовъ, шумъ, грохотъ отъ безчисленныхъ экипажей, однимъ словомъ, куда не обратите свои глаза, все высказываетъ необыкновенный день праздника.

Нѣсколько разъ я прислушивался къ торжественному звону, и всякій разъ мнѣ слышалась новая музыка и новый хоръ ликующихъ голосовъ. Весь мой слухъ превращался въ безконечный міръ побѣдоносныхъ звуковъ, которые дѣйствуя не на одинъ слухъ, но и на душу, напоминаетъ каждому человѣку, что все соединилось воспѣть Воскресшаго изъ мертвыхъ. *Воскресеніе твое, Христе спасе, Ангелы поютъ на небеси*, а не только мы предстоящіе.

Первый благовѣстный звонъ, летитъ отъ Казанскаго собора, — отъ него разносятся благодатные звуки по всѣмъ храмамъ, и вся столица въ благоговѣйномъ трепетѣ отъ разнообразно игривыхъ тоновъ колоколовъ: Александро-Невской Лавры, Смольнаго монастыря, Спаса на сѣнной, Андрея первозваннаго, Св. Троицы, въ измайловскомъ полку; Спаса Преображенія, на литейной; Св. Николая Чудотворца и пр. и пр. Петербургъ заглушается безпрерывнымъ звономъ колоколовъ. Вообразите себѣ, какое должны произвесть на сердце впечатлѣніе московскіе колокола! Въ Москвѣ, гдѣ ихъ такъ много.

Празднованіе пасхи всегда было всеобщимъ и продолжительнымъ. Св. Апостолы завѣщали веселиться, первые семь дней, безъ исключенія. По мѣстнымъ же

карѳагенскимъ соборомъ постановлено (488 г.) просить христіянскихъ царей о воспрещеніи позорныхъ представленій въ Воскресенье и во всѣ прочіе свѣтлые дни. Тоже самое повторено шестымъ вселенскимъ соборомъ (въ 691 г.). Древніе христіяне знаменовали день пасхи богоугодными дѣлами: отворяли темницы и давали свободу менѣе важнымъ преступникамъ (*). Константинъ В. простиралъ свои милости не только на христіянскія, но на цѣлыя языческія области. Законами римскихъ императоровъ: Валентіана II, Ѳеодосія I., Аркадія (жившихъ съ 375-408) и Юстиніана (527—565) опредѣлено, чтобы градоначальники освобождали заключенныхъ изъ темницъ, и отпускали ихъ на волю, не ожидая высшихъ распоряженій правительства. Прощеніе однакожъ не распространялось на тѣхъ, которые вторично впадали въ преступленіе, потому что это значило бы давать поводъ, къ уничиженію самаго благодѣянія.—Не одно правительство, но и владѣтели рабовъ оказывали имъ свои милости: давали имъ полную свободу, подражая Господу Богу искупившему насъ отъ грѣховнаго рабства. Въ этотъ день всѣ наслаждались видимыми благодѣяніями. Пособія и благотворенія щедро сыпались на убогихъ, сирыхъ и нищихъ (**).—Ни что не святитъ столько этотъ день,

---

(*) У насъ повсюду соблюдаютъ благотворный обычай прощать своихъ враговъ. Существуютъ даже особыя общества благотворителей, какъ напримѣръ, въ Петербургѣ и Москвѣ, которые, жертвуя своимъ достояніемъ, собираютъ еще посильныя приношенія для выпуска должниковъ изъ темницъ.

(**) Въ Петербургѣ сохранился умилительный обычай, который, какъ говорятъ, существуетъ также во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ страстную недѣлю и въ недѣлю Свѣтлаго Воскресенія, разносятъ птичекъ въ клѣткахъ, какъ то: жаворонковъ, синицъ,

какъ ознаменованіе его христіянскою любовью: радовать благотвореніями бѣдныхъ, безпомощныхъ и несчастныхъ.—Русскіе! вы такъ добры и чувствительны къ несчастію каждаго ближняго, святите и этотъ день своими возвышенными благотвореніями. Много есть такихъ, которые встрѣчаютъ пасху со слезами. Пріидите и утѣшьте ихъ. Быть можетъ, многія семейства, томимыя голодомъ, истаеваютъ въ скорбяхъ, а жертва никогда такъ не пріятна Богу, какъ въ то время, когда она приносится чрезъ подаяніе помощи ближнему, хотя бы онъ былъ нашъ врагъ. Мы всѣ дѣти одного Отца Бога, потому всѣ равны предъ Нимъ. Милость Его осѣнитъ васъ, за исполненіе святыхъ его повелѣній: люби ближняго твоего, какъ самого себя. — А кто нашъ ближній? Каждый человѣкъ.

Пасха и куличъ.

Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ сѣверныхъ мѣстахъ Россіи, дѣлается пасха изъ творогу, на коемъ вырѣзываютъ крестныя или другія священныя изображенія. — Въ южной Россіи пасха приготовляется изъ хлѣба, со всею изысканностію, и то, что называется здѣсь пасхою, именуется на сѣверѣ куличемъ. По окон-

---

подорожниковъ и продаютъ ихъ, съ условіемъ на выпускъ. Благотворительная и вмѣстѣ трогательная мысль, и тѣхъ, которые ловятъ для продажи на выпускъ, и тѣхъ которые покупаютъ, чтобы освободить изъ неволи. – Должно думать, что обычай освобожденія птичекъ, введенъ нашими теремными затворницами, когда онѣ, услаждая свое заключеніе пѣніемъ звонко-голосистыхъ плѣнницъ, въ теченіе зимы, выпускали ихъ на волю въ свѣтлый праздникъ, когда выпускали изъ тюрьмы виновныхъ и должниковъ.–Я знаю много примѣровъ, что русскія дѣвушки собираютъ складчину на тотъ самый предметъ, чтобы откупить нѣсколько клѣтокъ и выпустить птичекъ на волю. Какая должна быть радость для освободительницъ!

чаніи освященія, пасху и куличь несутъ домой, и разговляются въ кругу своихъ семействъ (*).

Приготовленіе къ свѣтлому воскресенію и суевѣрныя замѣчанія.

Въ Малороссіи приготовляются *къ великому дню* (Свѣтлому Воскресенью), съ особымъ благоговѣніемъ.—Тамъ почти всѣ, въ продолженіе страстной недѣли, не только не употребляютъ ничего рыбнаго, но даже отказываются отъ самыхъ простыхъ яствъ и чая. Хлѣбъ съ водою составляетъ единственную ихъ пищу.—Въ чистый, или великій четвергъ, по отслушаніи чтенія 12 евангелій, которое начинается вечеромъ и продолжается до полночи, возвращаются домой съ цвѣтными зажженными свѣчами, нажигаютъ кресты на воротахъ, дверяхъ, стѣнахъ и по всему дому, чтобы діявольская сила, бѣснующаяся во всю страстную недѣлю, подъ видомъ разныхъ животныхъ и злыхъ людей, и хватающая ихъ на улицахъ, не похитила бы кого либо изъ семейства, или не причинила кому нибудь вреда. По погребеніи же Спасителя, до Его Воскресенія, черти распространяютъ повсюду ужасъ: они ходятъ по кладбищамъ, рыскаютъ вокругъ церквей и воютъ собачьимъ голосомъ. — Такую собаку немедленно гонятъ изъ дому. — Черти, шатаясь около Божіихъ храмовъ, чтобы пугать молящихся, или чтобы ихъ ловить, не смѣютъ входить въ домы, которые ограждены тогда крестами на дверяхъ, потолкахъ и стѣнахъ. Если ночью встрѣтится съ кѣмъ либо бѣгущая тѣнь, или представится что нибудь страшное, то надобно произнесть

(*) Когда духовенство ходитъ съ крестомъ по домамъ простолюдиновъ, тогда нѣкоторые изъ хозяевъ сыплютъ на столъ подъ скатерть соль, на то мѣсто, гдѣ должно лежать евангеліе или крестъ, и потомъ этой солью кормятъ скотъ, въ отвращеніе отъ него болѣзней и заразы.

три раза: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его*, и все пропадетъ. При слушаніи евангелія не должно дремать, иначе дьяволъ унесетъ въ адъ. Когда же дождутся Великаго дня, тогда ничто не можетъ сравниться съ неизъяснимой радостію: все оживаетъ и все радуется новою жизнью,—даже враги мирятся.

Есть повѣрье во всей Россіи, что воронъ, на зарѣ чистаго четверга, носитъ изъ гнѣзда своихъ дѣтей купать въ рѣкѣ. Кто окупется прежде птенцевъ, тотъ въ продолженіе всего года будетъ здоровъ. Проспавшихъ заутреню обливаютъ холодной водой.

Страстныя свѣчи хранятъ не въ одной Малороссіи, но во всей Россіи, для предохраненія дома отъ непредвидимаго бѣдствія. Въ Малороссіи льютъ свѣчи весьма толстыя и длинныя: бываютъ въ два аршина длины и около десяти фунтовъ вѣсу. При чтеніи евангелій, дѣлаютъ воскомъ отмѣтки на свѣчахъ, для означенія, сколько прочтено евангелій и сколько продолжалось стояніе въ церквѣ. Страстными свѣчами благословляютъ молодыхъ. Также, когда есть въ домѣ безнадежный больной, то ставятъ предъ иконою эти же свѣчи.

На святой недѣлѣ берутъ огонь изъ кадильницы и высыпаютъ его въ печь, думая, что онъ непремѣнно выгонитъ всю нечистую силу изъ покоевъ, и считаютъ его за нѣкую святость. Въ орловской губерніи существуетъ обыкновеніе, что на святой недѣлѣ ставятъ образъ Божіей Матери въ маленькую кадку, наполненную какимъ нибудь хлѣбомъ: рожью, овсомъ или гречихою, и кладутъ на верхъ зерна три сырыхъ яйца. Давъ имъ полежать нѣсколько времени, разсыпаютъ одну часть зеренъ по двору, а другую высыпаютъ въ жито.

Простолюдины вездѣ въ Россіи вѣрятъ, что когда

воробьи кричатъ въ чистый четвергъ, то это значитъ, что они радуются вмѣстѣ съ жидами о преданіи Спасителя. Крикъ ихъ: чи, чивъ,—переводятъ на слова: живъ, живъ! т. е., что Іисусъ Христосъ не распятъ, еще живъ, и ихъ щебетанье понимаютъ за постоянное возглашеніе о унесеніи тѣла Христова. По этому самому воробья почитаютъ проклятой птицею. — Нѣкоторые еще вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что въ то время, когда Христа распинали, воробьи приносили къ кресту тѣ гвозди, которые ласточки уносили отъ распинавшихъ (*). Въ наказаніе воробьи носятъ на ногахъ оковы никѣмъ невидимые, почему никогда не могутъ ходить, а все прыгаютъ.

Осину почитаютъ проклятымъ деревомъ, будтобы, по преданію Спасителя, удавился на немъ Іуда, почему листья осины, хотя бы никакого не было вѣтру вѣчно шевелятся и переговариваются между собою. Осина имѣетъ чрезвычайную силу противу колдуновъ и встающихъ почью изъ могилы: вбиваютъ колъ осиновой между ихъ плечъ, и тогда ни одинъ уже не встанетъ.

Утверждаютъ, что въ первый день Св. Воскресенья, всѣ черти связаны. Если послѣ утрени пройтти съ первымъ яйцомъ по угламъ двора, катая по каждому углу, то навѣрно найдете чорта, *въ шапкѣ невидимкѣ*, которую тотъ часъ должно схватить и надѣть на себя. Но при катаніи яйца, надобно имѣть большую осто-

---

(*) По этой самой причинѣ народъ считаетъ за грѣхъ бить ласточку; равномѣрно голубя, пигалицу и синичку: за убіеніе ихъ бываетъ падежъ на скотъ. — Убить воробья не грѣхъ, и не дай Богъ если воробей влетитъ въ покои,—это къ вѣрному бѣдствію.

рожность, чтобы чортъ не схватилъ: тогда катающій лишится яйца и продастъ Христа. Кто достанетъ шапку невидимку, тотъ, куда бы не пошелъ въ ней, не будетъ видимъ, и все можетъ дѣлать, что ему захочется.— Кромѣ чудесной шапки, каждому хочется имѣть *неразмѣнный цѣлковый*, коимъ только можно узнать въ церкви колдуна. Чтобы достать неразмѣнный цѣлковый, надобно вынесть въ полночь, въ первый день пасхи, черную кошку на перекрестки, на коихъ собираются черти, и бросить ее имъ, или вмѣсто кошки, бросить нитку съ узлами, а самому схватить лежащій здѣсь цѣлковый, и бѣжать не оглядываясь. Если черти успѣютъ развязать узелъ или разорвать кошку, за которую дерутся, и потомъ догонятъ убѣгающаго, то бѣда ему! Если не догонятъ, то цѣлковый останется при немъ, и чтобы онъ не покупалъ на него, всегда будетъ имѣть его въ своемъ карманѣ не размѣненнымъ. — Чтобы узнать колдуна, должно одѣться въ новое платье, съ ногъ до головы, и въ первый день заутрени на святой пасхѣ, стать съ первымъ вынятымъ изъ подъ курицы яйцемъ, на такомъ мѣстѣ, откуда можнобъ было видѣть весь народъ и замѣчать: не стоитъ ли человѣкъ съ рогами? — Колдуны не могутъ стоять въ человѣческомъ видѣ, но въ дьявольскомъ, потому что они предалися чертямъ. — (*)

(*) Способы узнаванія и видѣнія чертей распространены суевѣрными истолкователями Талмудистовъ, дополнявшихъ, объяснявшихъ и измѣнявшихъ законъ Моисея.–Между многими нелѣпостями, такъ говорятъ простолюдины о чертяхъ: «кто хочетъ узнать: были ли у кого черти, тотъ пусть возьметъ мелкопросѣянной золы и посыплетъ ею надъ кроватью: утромъ онъ увидитъ на золѣ слѣды пѣтушьихъ лапъ. — Кто

Увѣряютъ, что на Свѣтлое Воскресенье играетъ солнце, и это обнаруживается чрезъ сотрясеніе его лучей. Почему многіе, чтобы видѣть какъ оно играетъ, нарочно взлѣзаютъ на самыя высокія зданія: на колокольни, башни и домы, и ожидаютъ этого явленія съ петерпѣніемъ. — Мордва, почитая солнце за божество Чи-пасомъ, приноситъ тогда ему въ жертву птицъ, пирожное и хмѣльные напитки. —

Въ чистый четвергъ стригутъ дѣтямъ волосы въ томъ предубѣжденіи, что они выростаютъ лучше и не будетъ болѣть голова.

Кто на канунѣ праздника Благовѣщенія окончилъ какое либо свое дѣло, тотъ будетъ счастливъ въ своихъ дѣлахъ во весь годъ. На Благовѣщеніе раздаютъ ржаные просфоры крестьянамъ, которые берегутъ ихъ на засѣвъ. Въ иныхъ мѣстахъ есть замѣта, между ворами, что если на канунѣ Благовѣщенія удастся имъ стянутъ что нибудь; то будутъ имѣть успѣхъ въ теченіе всего года. Въ другихъ мѣстахъ думаютъ воры иначе: чтобы удачно красть, то надобно унесть чтобы то ни было, во время первой заутрени на святой недѣлѣ. —

Послѣ утрени ходятъ старухи на могилы христосоваться съ умершими, особенно съ родными. Старухи, стоя у могилы и называя по имени отца, мать и другихъ родныхъ, восклицаютъ, рыдая: *Христосъ воскре-*

желаетъ увидѣть чертей, тотъ пусть добудетъ матку черной кошки, рожденной въ первыхъ родахъ черной же кошкою, тоже родившеюся отъ матери своей въ первые ея роды, — и сжечь эту матку въ порошокъ; потомъ насыпать себѣ въ глаза порошку: тогда увидишь чертей.» — Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1846 г. за ноябрь мѣсяцъ, с. 229–230. см. статью В. В. Григорьева: Еврейскія секты въ Россіи.

се! батюшка мой Степанъ Аникіевичъ. — На это восклицаніе отвѣчаетъ замогильный голосъ батюшки: *воистинну воскресъ.* Произношеніе словъ: Христосъ воскресъ, производитъ отрадное умиленіе, потому что вѣрующимъ они подаютъ несомнѣнную надежду на воскресеніе. Въ народѣ есть суевѣрное преданіе о силѣ этихъ чудесныхъ словъ. Со дня воскресенія Господа, Онъ посадилъ въ подземелье, подъ той скалой, гдѣ находился гробъ Его, главнаго сатану, Вельзевула, съ тѣмъ, чтобы отъ одного Свѣтлаго Воскресенья до другаго грызъ бы онъ двѣнадцать желѣзныхъ цѣпей, двѣнадцать желѣзныхъ дверей и двѣнадцать желѣзныхъ замковъ, и когда всѣ перегрызетъ, тогда послѣдуетъ преставленіе свѣта. Сатана сталъ грызть: сначала замки, потомъ двери а наконецъ цѣпи, и всегда остается ему догрызть немножко послѣдней цѣпи: только стоитъ ему стиснуть хорошенько зубами, чтобы совершенно перегрызть; но въ то время провозглашаютъ священники: Христосъ воскресъ! — замки, двери и цѣпи сливаются опять, и онъ снова принимается за вѣковую свою работу, и теперь грызетъ еще!

Въ католическихъ земляхъ существовалъ обычай бѣснованія, въ продолженіе чистаго четверга и пятницы. Всѣ, почитавшіе себя бѣснующимися, бѣгали къ кресту, который былъ выставленъ всенародно съ кускомъ живоначальнаго дерева; корчились, испускали вой, падали на землю, ревѣли и низвергали пѣну, чтобы возбудить состраданіе людей, кои въ то время бросали имъ деньги. Другіе начинали бѣсноваться въ опредѣленную полночь, и тогда имъ позволялось бѣгать по городу, ревѣть и богохулить. Народъ смотрѣлъ съ трепетомъ, крестился и думалъ простосердечно: это говоритъ демонъ. Бѣсновавшихся схватывали, водили си-

лой три раза около креста, и когда это не излѣчивало ихъ, тогда оставляли на волю сатаны. (*)

Въ Литвѣ на чистый четвергъ, пряхи, веретена и прялки, прячутъ далеко въ томъ предубѣжденіи, что съ ними будутъ встрѣчаться змѣи цѣлый годъ. Другія справляютъ пиръ, и по окончаніи его, хозяинъ беретъ зажженную свѣчу, тушитъ, и бросивъ ее въ уголъ, произноситъ: да погаснутъ очи у нашихъ враговъ, какъ эта свѣча. —

Мѣстное совершеніе Пасхи.

Въ Черногоріи великій постъ соблюдается со всею строгостію: тамъ не ѣдятъ даже рыбы безъ разрѣшенія. Къ свѣтлому празднику откармливаютъ въ каждомъ домѣ борова; въ страстную пятницу убиваютъ его, а въ субботу пекутъ цѣликомъ. Испеченый боровъ называется пецыво (жареное). Если бы онъ не помѣстился въ пече, то его жарятъ въ лѣсу. Богатые ставятъ на столъ жареныхъ поросятъ и разные хлѣбы, и всѣ вообще, въ продолженіе свѣтлой недѣли не употребляютъ другой пищи. —

Въ чермной Россіи ставятъ въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, называемаго великая ночь, на нѣсколькихъ столахъ свяченое (куличи), крашенныя и облупленныя яйца, поросенка съ хреномъ въ зубахъ, барашка изъ масла, окорокъ, кружокъ бѣлаго сыру, колбасу, соль, сало, и все убираютъ цвѣтами. Посреди ихъ красуется баба, называемая еще папушникомъ. Это родъ каравая, и большею частію на шафранѣ; бываетъ вышиною около аршина, и чѣмъ выше, тѣмъ почетнѣе для дома, честь и слава хозяйкѣ. Около главной бабы стоятъ небольшія шафранныя, сахарныя и кружевныя бабы. Кружевными названы по своей позд-

(*) Болт. прим. на истор. Леклерка, т. 1. с. 171 и 172.

реватости, похожей на кружева. За нимъ идутъ пребольшія лепешки, длиною въ два локтя, шириною въ одинъ а толщиною въ четверть; верхняя сторона обсахарывается и убирается цвѣтами; потомъ слѣдуютъ мазурки, небольшія сахарныя лепешки, съ миндалемъ и конфектами. — Почти все это освящается въ день пасхи, а въ самый ея праздникъ хозяинъ разговляется освященнымъ яйцомъ, совсѣмъ своимъ семействомъ и прислугою. — Въ этотъ день всѣ бываютъ дома и никого къ себѣ не принимаютъ. Простой народъ въ первые три дня, забавляется битьемъ писанокъ (разрисованными яйцами) и крашенками (окрашенными). Битье состоитъ въ томъ, что одинъ держитъ яйцо вверхъ носкомъ, а другой бьетъ носкомъ своего яйца, и если разобьетъ, то оно достанется ему. Поселяне и крестьяне ходятъ другъ къ другу и къ своимъ помѣщикамъ христосоваться писанками, за что получаютъ отъ послѣднихъ, что нибудь въ подарокъ.

Почти такое же обыкновеніе въ Литвѣ. Тамъ въ первый день праздника хозяинъ разговляется свяченымъ совсѣми домашними, начиная яйцемъ, которое дѣлитъ на столько частей, сколько въ домѣ людей: давая каждому по кусочку, желаетъ каждому дожить до будущаго Христова воскресенья. Всѣ въ этотъ день сидятъ дома, и весьма недовольны если кто посѣтитъ ихъ. Еслибы сосѣдъ потребовалъ у сосѣда огня, то не даютъ, и требованіе считаютъ не добрымъ предзнаменованіемъ. На другой день обливаютъ другъ друга холодною водою, — мальчики же ходятъ по домамъ и поютъ орації (стихи), за что получаютъ по яйцу. Такой обрядъ называется волочебникомъ (woloczebnem), ибо онъ означаетъ хожденіе по домамъ съ поздравленіемъ, и это соблюдается въ смоленской губерніи. Влочебникъ означаетъ у Литовцевъ воскресную награду.

Орацiи, пѣваемыя при этомъ случаѣ, на жмудскомъ и польскомъ языкѣ, почти всѣ одинокого содержанiя.

Asz maźas wajkieles,	Я малый мальчикъ,
Panos Marios tarnelis,	Дѣвы Марiи служка;
Fjau, ejau kiely	Шелъ, шелъ дорогою,
Nulauźian szakiely,	Сорвалъ я вѣточку
Lelijos szakiely,	Лiлiи вѣточку.
Weliku rita,	Въ великiй день утромъ,
Lelija prazida;	Лiлiя разцвѣла;
Ne diel manis wiena,	Не для меня одного,
Bat diel wisa swieta.	А для цѣлаго свѣта.

Ja mały żaczek,	Я маленькiй мальчикъ,
Boży robaczek,	Божiй червячекъ,
W szkolie nie bywałem,	Въ школѣ не бывалъ,
Rózgi nie widziałem.	Розги не видалъ.
Rózga zieliona,	Розга зеленая,
Z drzewa łamiona;	Съ дерева сломаная;
Nie wielie co umiem	Не много чего знаю;
I to ich mościam powiem:	И то вамъ, господа, разскажу:
Na wielką noc rano,	Въ великъ день по утру,
Z grobu z martwych wstano.	Онъ изъ гроба воскресъ.
Rączkę podnosze	Подношу я ручку,
Włóczebnego prosze. —	Воскреснаго прошу.

Ia maly rzeźniczek,	Я маленькiй мясничекъ,
Mam ostry nożyczek,	У меня острый ножичекъ,
Będę rzął cielęte,	Буду рѣзать телятъ,
Dla panow na swięta.	На праздникъ для господъ.
Przyjdzie siaki, taki,	Прiйдетъ сякой, такой,
Dam jemu flaki;	Я дамъ ему требуху;
Przyjdzie ubogi,	Прiйдетъ ко мнѣ убогiй,

Dam głowę i nogi.	Я дамъ ему голову и ноги.
Nie śmiejcie się mości panowie,	Несмѣйтесь господа надомною,
Bo dostaniecie kiszką po głowie;	Не то получите кишкой по головѣ;
Lepiej jajka dajcie,	Лучше яичко дайте,
Swięta witajcie. –	Праздникъ встрѣчайте (*).

Есть еще обычай, что многіе вѣшаютъ въ сараяхъ люльки, и старой и молодой долженъ покачаться въ ней, въ воспоминаніе повѣсившагося Іуды. — Въ смоленской губерніи ходятъ крестьяне, въ первый день св. воскресенья, *волочебничать*, поздравлять. Парни, собравшись въ избу, соглашаютъ первоначально свои голоса, и потомъ отправляются къ господскимъ домамъ, подъ предводительствомъ *мьхоношаго и запьвалы*. Первый носитъ на своемъ плечѣ палку, унизанную кусками сала, а второй, выступая впередъ, запѣваетъ:

Запѣв. А ишли жъ, брели волочебники, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Къ тому двору, Елизаветиному, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Лизаветушка, паня добрая, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Пана добрая, неспѣсивая. —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!

Это приступъ, за этимъ слѣдуетъ вирша:

Запѣв. Въ первомъ часу заутрени, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!

(*) Хорошимъ переводомъ этихъ виршей обязаны г. Романовичу, см. Сынъ Отеч. за 1839 г. № 10. с. 121–123.

Запѣв. Бѣлы камни разкатались, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Желты пески разсыпались, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. А невѣрные попугался, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Ницъ на земельку покидался, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Уставъ же Христосъ изъ гробика, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Его личика свѣтлошпивка, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Его платвика бѣлешпивка,—
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Да явился жъ Онъ мироносицамъ, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. А дыли потымъ всѣмъ апостоламъ, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Онъ двѣрюшкой да затворепою,—
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Православныя жъ всѣ спровѣдали, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Какъ мы вамъ теперь исповѣдали, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Нетомите же вы насъ, подарите насъ, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Почпальнику чарку горѣлки, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Еще сала кусокъ, подмазать усъ, —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Каждому пѣвцу, по красному яйцу, —
Пѣвц. Христосъ вескресъ, сынъ Божій!
Запѣв. Мѣхопошему торбу съ грошами —
Пѣвц. Христосъ воскресъ, сынъ Божій!

Послѣ этого всѣ волочебники, называя въ одинъ го-

лось по имени хозяина и хозяйку, поздравляютъ съ праздникомъ и идутъ къ другому дому. —

Роскошное угощеніе въ Свѣтлое Воскресеніе господствуетъ во всемъ царствѣ польскомъ. Въ бытность мою въ Варшавѣ, я былъ изумленъ многочисленностію и многообразностію *свяченаго*, хотя я уже былъ знакомъ съ малороссійскимъ. На нѣсколькихъ столахъ были разные хлѣбы, мясное, вина и превосходные куличи. Тамъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, многіе не готовятъ ни какого кушанья, однимъ кормятся пасхальнымъ, и имъ угощаютъ всѣхъ.

Въ Галиціи, въ первый понедѣльникъ Пасхи, ходятъ мальчики по домамъ и обливаютъ молодыхъ дѣвушекъ душистой водою, а по деревнямъ чистою ключевой, и поютъ причитаніе:

Z pod kamienia grobowego Chrystus z martwych wstaje,
I dobywa nożyka na swięcone jaje.—
Grajcie i pijcie, — pociecha jedyna,
A dajcie mi skosztować, ja mała dziecina.
Ja mała dziecina,
Nie wiem co łacina;
Nie wiele wiem,
Nie wiele powiem,
Powiem wam nowinę,
Że będziem dzis jedli jajki I słoninę,
I jajka farbowane,
I ser przekładany,
I swięcone prosie
I chrzan gorzkawy, co kręci w nosie. —

Хозяинъ дома даритъ ихъ деньгами и надѣляетъ свяченымъ (пасхальнымъ кушаньемъ) (*).

(*) Zig. Pauli: Pieśn. lud. polsk. w Galicji, c. 29–30.

Въ Малороссіи празднуется пасха радушнѣе и богаче, нежели на сѣверѣ. Въ нѣсколько рядовъ ставятъ на столѣ пасху, приготовленную на разныхъ сладостяхъ и пряныхъ кореньяхъ. Съ пасхою, въ которую воткнута вѣточка священной вербы и восковая свѣча, красуются масляныя изображенія: агица съ хоругвью или крестомъ, барашка, и проч. блюдо яйцъ, окрашенныхъ въ разную краску: желтую, палевую и красную; начиненный поросенокъ съ торчащимъ въ зубахъ хрѣномъ, а по бокамъ его зелень и овощъ, жареный гусь, индейка, телятина, копченый окорокъ, колбаса, сало, кусокъ чернаго хлѣба, сладкіе пироги, творогъ, сметана, соль, графины съ водкою, настойкою и наливкою. На другомъ столѣ стоитъ у богатыхъ чай и кофе. Угощеніе происходитъ ежедневно до полудня. Гость непремѣнно обязанъ хоть чего нибудь поѣсть, если не захочетъ обидѣть хозяина; но за особое считается къ нему вниманіе, если онъ всего поотвѣдаетъ. Есть же такіе гости, которые обходивъ десятки домовъ, успѣваютъ доказывать уваженіе къ хозяину. Отъ тяжести пасхальныхъ яствъ гнутся столы, и все это не снимается въ продолженіе свѣтлой недѣли. — Тамъ всѣ христосуются по просту, безъ чиновъ: дамы и дѣвицы. Прекрасный полъ радъ этому случаю, а объ мущинахъ нечего говорить. Ни-гдѣ не толпится, въ это время, столько молодежи, какъ въ семейныхъ домахъ. — Христосуются *писанками* и *крашанками*. Поселяне и всѣ сословія, неисключая дворянства, бывало не войдутъ въ домъ безъ писанки или крашенки. Было бы великой обидою, если бы послѣ христосованія, не принялъ кто нибудь писанки. (*)

(*) Нигдѣ нѣтъ столь изящныхъ и даже фантастически

Мальчики и даже взрослые люди, въ продолженіе всей свѣтлой недѣли, забавляются въ битки. Твердость поска пробуютъ объ зубъ, по звуку узнаютъ крѣпость. Другіе заливаютъ воскомъ носки. Битье въ яйца составляетъ битоманію, и многіе до того доходятъ, что пробиваютъ по сотнямъ. Какъ ни богаты здѣсь пасхальныя яства, но они никакъ не могутъ сравниться съ изящностію и вкусомъ петербургскихъ куличей, коихъ одинъ видъ возбуждаетъ апетитъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сохранился обычай, что дѣти, и даже парни, ходятъ по домамъ первые два или три дня Свѣтлаго Воскресенья, и поздравляютъ виршами. Одна изъ таковыхъ виршей, довольно примѣчательная запорожскихъ козаковъ, которою они поздравляли кн. Г. А. Потемкина, въ день Воскресенія Христова, въ 1781 г.—Она сочинена войсковымъ судьею Головатымъ, поэтомъ и любимцемъ кн. Потемкина :

Христосъ воскресъ,
Радъ миръ увесь!
Дождалыся Божой ласкы.
Теперь уже ксякъ,
Напвся всмакъ,
Свяченой пасхи.
Вси гуляютъ,
Взухваляютъ
Воскресшаго Бога.
Що вже тая,
Всимъ до рая
Протерта дорога.
Злыи духи,
Власны мухы,
Вси уже послызлы!
Загнавъ Іисусъ,

окрашенныхъ яицъ, какъ въ Петербургѣ. Тутъ между тысячами разнообразно вычурными и художественными рисунками на яйцахъ, встрѣтите съ механическимъ устройствомъ, напримѣръ, съ музыкой. Что прежде считалось чудомъ, то нынѣ сдѣлалось обыкновеннымъ.—Ив. Петр. Кулибинъ поднесъ Екатеринѣ В., вмѣсто краснаго яйца, часы въ яйцѣ, которые играли тропарь пасхи.

Въ пекло покусъ,
Щобъ христіянъ не грызлы.
А смерть люта,
Що намъ тута,
Вельми докучала;
По болотамъ,
Очеретамъ,
Бикучи крычала.
Тамъ супига,
Теперь бига
Якъ маленка, торопленка!
Бо Бигъ крестомъ,
Чорта съ хвостомъ,
Прогнавъ якъ собаку.
Сей чертельный,
Змій пекельный,
Изъ смертно полыгався.
Во адъ зажерты, (зажарить)
Всихъ заперты, —
Такъ то измовлявся!
Воны тое,
Вкупы двое,
Знюхавшись гоняются. —
Хоть стараго,
Хоть малаго,
Де попавъ, глибцюють!
Була воля,
Хоть и кроля, —
Та въ рай не пускаютъ!
На всихъ трактахъ,
И по болотахъ,
Сторожы стоялы. —
Середь шляху,
За шіяху,
До пекла хваталы!
Того святцы,
Попы и чинцы
Не миналы шляху.
Хвылозофы,
Крутопопы,
Набралыся страху.
Пропавъ сей страхъ,
Зарисъ той шляхъ
Купьемъ та болотамъ.
Де той злый духъ
Глытавъ, якъ мухъ,
Ненасытнымъ ротомъ.
Теперь скорый
Шляхъ просторный,
До раю протертый.
Безъ сторожей,
Вси на встежи,
Ворота отперты.
Уже велять,
Яблука рвать
Изъ райскаго древа;
Изъ якого не велівъ Богъ,
А вкусыла Ева!
Давно той ужь,
Крычавъ не дужъ,
Що спокусывъ Еву.
Высыть охлявъ,
Бо Богъ заклявъ,
Лазыты на древа:
За его грихъ, що винъ,
Такъ набрехавъ Ева.
Бидна Ева!
Одну изъ древа,
Вырвала кыслычку.
Збула власты,
Треба прясты,
На гребни мычку!
За нею тамъ,
Бидный Адамъ

Щось, кажутъ, спрокудывъ!
Землю копать,
Ципомъ махать,
Богъ зъ раю попудывъ. —
За ту Ева биду,
Заслужыла сію,
Честь Адаму,
Що изъ раю
Выбылы у шыю!
Глупа жена,
Сама вона,
Яблука трощыла:
За одинъ плодъ,
У весь народъ
Въ пекло потащыла.
Бигъ милостывъ,
Еву простывъ,
Адаму пробачывъ.
Для вызволу,
Самъ до долу,
Лизты зъ неба рачывъ.
Тожъ чортыще,
Старый псыще,
Не хоче смырыця!
Но лишь тутъ Бигъ,
Самъ на порогъ,
Винъ въ пекло поточывся!
Тутъ Вельзевулъ,
Попустывъ мулъ,
Зляку прихылывся.
Заривнвъ гризно,
Якъ вивкъ, ризно,
Голосомъ собачымъ.
Крычитъ пробу,
Що Христову особу,
Побачывъ!
Не втакъ хлосты,
Що вси косты,
Поломавъ.
И роги пидъ ноги. —
Нагнавъ труха,
И самого злого духа
Пидтоптавъ, —
Ажъ очы опустывъ.
Крычить на пупъ,
Що всюды струнъ,
Нельзя и доторкнуця!
Надуло брюхо,
Заперло духъ, —
Не дае повернуця!
А смерть шлюха,
Стоя слуха,
Що надъ дядькомъ,
Стала трястысь.
Мыслить спастысь.
Отъ Юда укрыця!
А сей Юда
Зъ того студа
Звернувсь, якъ макуха:
Такъ подиломъ,
Бо тымъ слидомъ,
Бере сокруха!
Праидъ Адамъ,
И дядько Хамъ
Давно въ пекли пудывъ!
Уже жъ теперъ,
Пекло отперъ,
Якъ Христа побачывъ!
И всякъ узныкъ,
Крутый узлыкъ,
Зъ шыи развязалы;
И все Хрысту,
Якъ на лету,
Усе розказалы.

Ева згнута,
Була тута,
Отъ презлого шайтана,
Сей покуса,
Змійшый прусса.
И Крымского хана!
Мучыть дарма,
У нихъ ярма,
Зъ шыи не злызалы!
Зъ ярма въ хомутъ,
Съ узлами кнутъ,
Дротяніи пуги!
Зъ шыи до пятъ,
На спыни знать
Кровавые смуги!
Щобъ скакала,
Небрыкала
Кладутъ въ ротъ удыла.
Понедилокъ,
Хоть не милокъ,
Такъ ему заслуга.
Змыкулывся,
Замулывся,
Ледве утикъ зъ плуга!
Святый Авет,
Взявъ мушкетъ,
Якъ выстрилывъ на гасло!
Пишла зъ рая,
Радость не малая, —
Ажъ пекло загряхло!

Свята Сарра,
Хоть и стара,
Та жинка руча:
Вся голота,
Пишла въ ворота,
А вона, — куда луча!
Племинныкъ Лотъ
Вкупи сыротъ,
Якъ изобравъ бидныхъ
Такъ ни дверій,
Ни амаварій,
Не остались мидныхъ!
Мусій пророкъ
Двери и замокъ,
И муръ пробывъ рогами,
А сплюндровавъ,
Помандровавъ,
Пишыми ногамы.
Власный бугай,
Зъ коморы въ рай,
Выперся голодный.
Уже теперь пекло отперъ,
И шляхъ протеръ,
До раю свободный. —
Прадидъ Адамъ,
И дядько Хамъ,
Изъ пекла удравъ!
Авраамъ съ Исаакомъ,
Ледвы скакомъ,
И соби поплетавъ.

Горы качели.

Не многіе изъ народовъ оказываютъ вспомоществованіе всѣмъ безъ исключенія, въ такой степени, какъ въ Россіи, и не многіе веселятся въ пасхальные дни такъ радушно и непринужденно, какъ русскіе. Великолѣпная картина живой веселости раскрывается въ

это время въ Петербургѣ. Кто не былъ здѣсь, тому трудно это представить. На одной изъ лучшихъ площадей, которая находится по срединѣ города и называется адмиралтейскою, строятъ деревянныя горы, обставленныя еловыми деревьями; въ сторонѣ отъ горъ красуются увѣшанными разноцвѣтными флагами качели, въ видѣ креселъ, возковъ, люлекъ, лошадокъ, и пр. и пр. (*). Тамъ русскій гуляетъ отъ всей души: катается съ горъ и поетъ какъ у себя дома. Пѣсельники распѣваютъ любимыя народныя пѣсни. Повсюду непритворное наслажденіе. Ряды лавокъ съ сладкими овощами; корзины съ красными яйцами, сбитень, пряники, орѣхи, все здѣсь къ вашимъ услугамъ.

(*) Качели употреблялись на востокѣ еще съ древнихъ временъ. Персіяне болѣе всѣхъ любили забавляться ими. Ледяныя горы суть собственно изобрѣтеніе русскихъ, которые ввели потомъ деревянныя. Время введенія неизвѣстно; но по исторіи видно, что онѣ составляли удовольствіе всѣхъ сословій уже въ X вѣкѣ. Иностранцы не знаютъ горъ. Парижане ввели съ недавняго времени деревянныя: онѣ гораздо выше, дѣлаются очень круто и съ перегибами, отъ чего легко можно остаться безъ головы; но парижане весьма любятъ забавляться головами.

IV. РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.

Верховное существо языческихъ народовъ. Водяныя существа. Названіе русалокъ. Мнѣніе въ Малороссіи о русалкахъ. Мавка, малки и гречухи. Предохранительныя травы. Телопіи и прекрасныя женщины, сходныя съ мавками. Огни днѣпровскихъ русалокъ. Мѣстопребываніе русалокъ. Великъ день русалокъ. Темныя свѣдѣнія о русалкахъ въ Россіи, водяные и лѣшіе. Русалки. Изгнаніе и проводы русалокъ.

IV.

РУСАЛЬНАЯ НЕДѢЛЯ.

Вѣрованіе въ существованіе высшаго бытія господствовало въ незапамятныя времена язычества; но изображеніе его не дерзали ни вырѣзывать, ни рисовать, страшась навлечь гнѣвъ невидимаго Бога, коему молились съ трепетомъ. Жертвы приносили на открытомъ полѣ, неприступныхъ скалахъ и въ сокровенныхъ рощахъ. Руками не смѣли прикасаться до жертвенника, который охраняли жрецы съ длинною бородой, ибо они одни имѣли право отращивать ее, какъ можно длиннѣе. — Такой властитель вселенной былъ Громоносецъ. Они воображали его въ ревѣ бурь и вѣтровъ; въ грозѣ, освѣщавшей небо молніеносными лучами, вылѣтавшими изъ загорныхъ сводовъ, — величественный богъ! Въ глазахъ смертныхъ эти искры зажигали небо пожаромъ, сыпались на землю при страшныхъ ударахъ грома, обхватывали зданіе, разбивали вѣковые дубы и убивали людей, — ужасный богъ! Дѣйствіе природы оковывало человѣка безмолвіемъ. Люди думали, что такому божеству непремѣнно подчинены другіе боги, которые получили отъ него въ управленіе частицу свѣта, земли и водяной стихіи. — Это самое породило множество другихъ бо-

Верховное существо языческихъ народовъ.

говъ, богинь, нимфъ, наядъ, похожихъ на нашихъ русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ и т. п.

У восточныхъ народовъ верховныя существа отличались отъ людей своею уродливостію и кровопійствомъ. Вѣрованія въ нихъ Грековъ заключались въ пѣсняхъ Орфея, (жившаго за 1250 л. до Р. Х.), древнѣйшаго стихотворца. По его мнѣнію, все что было, есть, и будетъ, содержится въ нѣдрахъ Юпитера, который есть всему начало и конецъ. Философы: Анаксагоръ и Сократъ, (живш. во время Перикла, великаго правителя Аѳинскаго, въ полов. V в. до Р. Х.), развили идею объ единствѣ божества, но пылкое воображеніе Грековъ придало каждому предмету божескія свойства. Гомеръ и Гезіодъ, почти современники между собою, (живш. за 900 л. до Р. Х.), назначили предѣлы божествамъ и образовали многобожіе. Народъ приписывалъ своимъ богамъ свойства добрыя и злыя, а потому старались умолить ихъ возліяніями, жертвами разныхъ животныхъ и растѣній. Они сотворили боговъ, похожихъ на людей. На небѣ, какъ на землѣ, были свои праздники и шумныя пирушки. Тамъ Аполлонъ забавлялъ боговъ пѣніемъ и лирою, а Терпсихора веселила пляскою.

Водяныя существа.

Греки удостоивали отличныхъ людей названіями: полубоговъ, полубогинь, нимфъ, которыя служили богинямъ и пр.—Ничего подобнаго не было у Славянъ; но у нихъ были свои священныя воды, рощи и водяныя очаровательныя существа. Русскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ особую святость. Въ глазной боли они умывались водою цѣлебныхъ источниковъ, и бросали въ нихъ серебряныя монеты, (*)

(*) Гизель, Синопсисъ; Ломонос. истор. и Рапча истор. Серб. Болгаръ, Хорв. и проч.

молились деревьямъ особенно дупловатымъ, обвертывая вѣтви убрусами; покланялись березамъ, липамъ и дубамъ. — Ничего не было священнѣе старыхъ дубовъ. Никакая жертва не была приносима безъ украшенія ея вѣтвями; ни какой таинственный обрядъ не былъ столь пріятенъ богамъ, когда совершали его подъ дубовыми вѣтвями. (*) Послѣдній обрядъ измѣненъ въ посыпаніе травою и ставленіе березокъ въ домахъ, на зеленую недѣлю. Народъ вѣритъ, что душистыя деревья, наполняя воздухъ пріятнымъ запахомъ, изгоняютъ злыхъ духовъ, и не допускаютъ русалокъ тѣшиться людьми. Грубый умъ людей, блуждавшій во мракѣ идолопоклонства, творилъ боговъ на всякомъ шагу; представлялъ ихъ великанами, со многими головами и окружалъ ихъ гнусными изображеніями: змѣями, жабами, ящерицами и разными гадами, и преклонялъ съ робостію колѣна предъ чудовищными истуканами, изъ коихъ иные были такой величины, что нѣсколько паръ воловъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. (**)

Но какимъ образомъ появились у нашихъ предковъ Русалки, которыя доселѣ служатъ предметомъ суевѣрныхъ толковъ? Народъ, сродившійся съ языческими понятіями, заимствовалъ ихъ отъ переходныхъ вѣрованій, въ бытіе водяныхъ существъ. Греческія Нереяды и Гамадріады, Римскія Наяды и кверкветуланы, рѣчныя богини, преобразовались въ наши Русалки. У всѣхъ обитателей Европы онѣ были извѣстны

(*) Aventinus: Annal. Boior., кн. III. і Doederlein: Heydenthum der Alten Nordgauer, с. 18.

(**) Тунман.: Ueber die Altert. der Obotriten, с. 293., Gebhardt, Gesch. der Slawen, ч. I. с. 29.

подъ особыми именами: у Нѣмцевъ подъ именемъ *дунайскихъ дѣвъ*, у Галловъ *Сальникскія женщины*, отъ обитанія въ рѣкѣ Салѣ, у Англичанъ *Озерныя дѣвы*, у Французовъ *Ондины* или *Ундины* (водяныя), у Литовцевъ и Жмуди *Дукни* и *дугни* (рѣчныя) *Гуделки* (чужеземки), *Упины* (рѣчныя), *Вунданы*, *Ондыны* и *Вилїи* отъ рѣки Виліи; *Нѣмнянки* отъ рѣки Нѣмень; (*) въ Польшѣ *Свитезянки* отъ рѣки Свитези; въ Сербіи *Вилы*, которыя живутъ на горахъ, скалахъ и при берегахъ рѣкъ. Онѣ представляются молодыми, въ бѣлотонкой одеждѣ, съ длинными развѣвающимися волосами по спинѣ, грудямъ и плечамъ; онѣ ни какого не дѣлаютъ вреда человѣку, и еще благодѣтельствуютъ ему, если захотятъ; онѣ невинныя и прелестныя существа, потому въ Сербіи обыкновенно сравниваютъ красавицу съ вилою, говоря: *Она прекрасна, какъ горная Вила.*—Вилы собираютъ облака, готовятъ молнію и громъ; онѣ иногда собираются пировать вечеромъ, и къ нимъ, въ то время, заѣзжаетъ рыцарь танцовать коло. — Всякій другой смертный платитъ жизнію: стрѣла поражаетъ его въ ногу, руку и сердце. Вилы иногда пророчествуютъ людямъ и съ ними дружатся. Марко Королевичь, сербскій Ахиллесъ, ранилъ самую Вилу за то, что она уязвила стрѣлой его товарища: онъ принудилъ ее помогать ему во всемъ и вылѣчить его друга. — Панъ Секулъ, разъѣзжая по горамъ и лѣсамъ, наѣхалъ сперва на вертепъ разбойниковъ, потомъ на волчьи берлоги и наконецъ

(*) Narbut. Dzieje starożyt. narodu litewsk. т. I. с. 73. 82–84. У Скандинавовъ считалось девять водяныхъ дѣвъ: Himinglöfa, Dufa, Hadda, Hefring, *Udur*, Hroün, Bylgia, Bara и Kolga. — Не превращена ли Удуръ въ нашъ упырь? —

на забавы Вилъ. Секула схватилъ одну: напрасно она умоляла его о пощадѣ, предсказывая ему любовь его дружины, рожденіе сына отъ милой жены, пораженіе Турокъ. Все это случится само собой, сказалъ онъ, отвелъ въ плѣнъ и продалъ дядѣ, грозѣ Османъ, Іоанну Гуняду. — Сербскія дѣвушки ищутъ Вилъ въ лѣсахъ, и одна изъ нихъ, по имени Милица (милая), особенно есть любимая ими: она съ длинными бровями, румяными щечками и скромная. Однажды, во время танцованія дѣвушками коло, не было Милицы; всѣ горевали: вдругъ нашли облака, молнія освѣтила небо, и онѣ, смотря вверхъ, говорили: вотъ увидимъ очи Милицы! Но онѣ обманулись; она стояла между ними, смотрѣла на зеленую траву, и сказала: я не Вила, которая собираетъ облака; я дѣвица, и стою предъ вами. (*) Вотъ увлекательный міръ воображенія славянскаго, которое творило неземныя существа, облекало въ высшую силу и жило съ ними въ дружбѣ.

Русалки получили свое применованіе отъ русла (источника), потому что онѣ были обитательницы источниковъ, рѣкъ и озеръ. (**) Названіе русалокъ.

Въ Европѣ долгое время вѣрили въ существованіе Русалокъ, почти до конца XVIII в. Баронъ Волвазоръ

(*) Касторск.—Начерт. славянск. миѳолог. с. 144–147.

(**) Татищевъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ у св. Димитрія ростов. сочиненіе о славянскихъ божествахъ, между прочимъ и о русалкахъ, см. его Ист. Рос. кн. 1. ч. 1. с. 17. изд. 1768 г.; но послѣ смерти епископа, не нашли. — Татищевъ полагаетъ, что сочиненіе, изданное въ Берлинѣ на нѣм. яз. Moskowitische Religion, есть переводъ его сочиненія.

увѣряетъ, (*) что онъ самъ видѣлъ, среди бѣлаго дня, вышедшую изъ рѣки Лайбаха водяную женщину, которая утащила съ собою ребенка въ воду. Въ сѣверной Шотландіи, (**) по утвержденію докт. Туреля и учителя Монро, они два раза видѣли въ Ренмансѣ нагую женщину, которая, сидя на морскомъ берегу, расчесывала русые волоса.

Мнѣніе въ Малороссіи о русалкахъ.

Въ Малороссіи говорятъ, что Русалки являются съ великаго тыждыня (страстнаго четверга), какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы и зазеленѣютъ деревья и поля, и живутъ на землѣ до глубокой осени. Ихъ представляютъ обнаженными прелестнѣйшими дѣвушками и молодыми женщинами, съ полными вздымающимися грудями и страстными глазами, станомъ гибкимъ и ловкимъ, съ руками круглыми, ногами маленькими; лицемъ не всегда румянымъ: но по большей части блѣдными и тосткливыми; волоса на головѣ волнистые, густые и длинные до пядей, но зеленыя какъ трава. Выходя на берегъ онѣ расчесываютъ и плетутъ свои косы; при видѣ незнакомаго бросаются въ воду. Тамъ плещутся, играютъ и заманиваютъ ихъ къ себѣ. Кто попадается имъ въ руки, того защекочиваютъ до смерти.

Мавки, навки и гречухи.

Въ Украйнѣ и Малороссіи господствуетъ еще повѣрье, что дѣти, умершія безъ крещенія, превращаются въ мавокъ, малокъ и гречухъ, сопутниковъ Русалокъ; что злые духи мучатъ этихъ младенцевъ, которые освобождаются отъ ихъ власти, только на зеленыя святки. Въ теченіе семи лѣтъ души ихъ лета-

---

(*) v. Tkany: Mytholog. der Alt. Deutschen u. Slawen, ed. Znaim. ч. 2. in 8.

(**) Вести. Евр. 1809 г. № 21.

ютъ по воздуху и просятъ жалобно, чтобы ихъ окрестили. Кто услышитъ плачевный ихъ голосъ, тотъ долженъ произнесть: крещаю тебя Иванъ да Марья, во имя Отца и сына и Св. Духа.—Послѣ этихъ словъ они возносятся на небо (*). Нѣкоторые изъ суевѣровъ утверждаютъ, что имъ случалось видѣть мавокъ въ водѣ, вмѣстѣ съ русалками.

Олицетвореніе водяныхъ существъ между Славянами, происходитъ отъ того, что они покланялись рѣкамъ, наприм: Бугу, Днѣпру, Двинѣ, Дунаю, Дону и т. п. У Славянъ были даже особыя названія женскихъ водяныхъ существъ, какъ то: Дѣвонія, Дзѣванны и Даны, и должно думать, что это суть имена рѣкъ Дуная, Двины и Дона. Доселѣ въ обрядныхъ пѣсняхъ звучатъ окончательныя слова *данъ, дунай, вздунай, донъ, Донъ Ивановичь* и другія.

Во всѣхъ языческихъ религіяхъ вода была предметомъ обожанія, и ее освящали таинственными молитвами. Послѣдователи ученія Зороастра признавали ее, послѣ свѣта, чистѣйшей жизненной силой и потому совершали омовенія при торжественныхъ обрядахъ. Индѣйцы и Египтяне почитали воду за начало жизненное, и оказывали ей божескія возліянія. Египтяне разумѣли еще, подъ именемъ воды, самую Изиду, и у нихъ сосудъ съ холодной водою выражалъ воскресеніе Озириса.—Греки приписывали водѣ воскресающую силу и по водѣ от-

---

(*) Есть преданіе, что одинъ юноша, скитаясь долго на чужой сторонѣ, влюбился въ черноокую красавицу и потомъ женился на ней. Спустя нѣсколько времени онъ узналъ, что это была родная его сестра. Любя другъ друга нѣжно, и не желая никогда разстаться, они превратились въ цвѣтокъ *Иванъ да Марья*, называемый еще *братъ съ сестрою*. Въ синій цвѣтъ превратился братъ, а въ желтый сестра.—Иванъ да Марья извѣстенъ у травовѣдовъ подъ именемъ viola tricolor, Фіялка трехцвѣтная.

гадывали будущее. У нихъ родилась изъ воды Афродита, всеобщая любовь, а самая вода была осуществляема ими женою солнца. Брачное сочетаніе воды съ солнцемъ, есть первообразъ любви съ всеоживляющей вселеной.— Такимъ образомъ вода, всегда живительная и цѣлительная, была часто превращаема то въ дѣву обворожительную, то въ жену всеоживляющаго солнца. — Въ Богеміи и Польшѣ долго почитали воду подъ именемъ *дѣвоніи* и *дѣванны* а у при балтійскихъ Славянъ подъ именемъ *дѣвы*, и ея храмъ находился въ *Дѣвинь-градѣ*, который переименованъ Нѣмцами въ Магдебургъ (*). Въ Лужицахъ сохранилось повѣрье, что въ лунныя почи бѣгаетъ *дѣвона* съ собаками по лѣсу и пугаетъ звѣрей (**), а у насъ бѣгаютъ русалки по лѣсу, рощамъ и травѣ, или плещутся въ рѣкахъ и озерахъ: тогда мавки часто раздѣляютъ удовольствія и забавы русалокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ донынѣ сохранился обычай, что въ русальную недѣлю развѣшиваютъ по деревьямъ полотно, которое будто бы мавки и русалки берутъ себѣ на рубашки. Иные суевѣры раскладываютъ еще горячій хлѣбъ по окнамъ, думая, что паромъ его бываютъ сыты русалки.

Сохранилось еще повѣрье, что въ дни русальные не должно бросать скорлупу отъ выѣденныхъ яицъ, а надобно разкрошить на мелкія части, потому что если скорлупа попадетъ въ воду, то русалки состроятъ изъ нея корабликъ и будутъ плавать на зло людямъ. Если же кто выброситъ на дворъ скорлупу, потомъ накопится

(*) Mägdenburg или Mädchenburg,—Cranz: Histor. ecclesiast. c. 4.

(*) Grim. Deutsch. Mytholog. c. 706.

въ ней вода и напьется сорока; то на того нападетъ лихоманка.—Смыслъ этого повѣрья, конечно, состоитъ въ одной остраткѣ: чтобы выбрасываемыя скорлупы не пріучали собакъ таскать яйца, и не поважнвали бы домашнюю птицу разбивать свои яйца и выпивать ихъ.

Между малороссійскими поселенцами саратовской губерніи перепачены повѣрья о русалкахъ. Тамъ думаютъ, что онѣ безобразныя: косматыя, горбатыя, съ большимъ брюхомъ и острыми кохтями, длинной гривою и желѣзнымъ крючкомъ, коимъ онѣ ловятъ проходящихъ. Бѣгаютъ по садамъ и лѣсамъ, ища себѣ добычи; ныряютъ въ водахъ, и если кто станетъ купаться на Троицу, не прочитавъ молитвы, того русалка непремѣнно утащитъ на дно. Если кто пойдетъ въ садъ или лѣсъ безъ пучка полыни, то онъ погибнетъ, потому что русалки вдругъ спросятъ его: що у тебе въ рукахъ: чи полынь, чи петрушка? Онъ долженъ отвѣчать полынь. Русалка побѣжитъ мимо и скажетъ: *ховайся пидъ тынъ* (прятайся подъ плетень). Если отвѣтитъ: петрушка, то она скажетъ: *ахъ! моя душка*. Съ этимъ словомъ начнетъ щекотать его, пока не повалится пѣна изъ его рта.

По убѣжденію поселянъ олонецкой губерніи, въ ихъ озерахъ находятся подводныя царства русалокъ, которыя, при закатѣ солнца, плещутся, играютъ въ водѣ, выходятъ на берегъ и расчесываютъ свои длинные мокрые волоса. Русалки, по словамъ разскащиковъ, походятъ на обыкновенныхъ женщинъ, съ тою только отмѣною, что волоса у нихъ на головѣ зеленые. Добродушные вѣрятъ произносимымъ, противу нихъ, колдовствамъ и заговорамъ; вѣрятъ въ существованіе лѣсовиковъ, водяныхъ и домовыхъ, называя ихъ: *хозяинъ, онъ, другая половина, дѣдушка*. Иные думаютъ,

что ежели кто пожелаетъ видѣть домоваго, стоитъ только въ свѣтлый праздникъ, между заутренею и обѣднею, отправиться съ зажженною свѣчею въ хлѣвъ; тамъ, въ которомъ нибудь углу, будетъ непремѣнно стоять онъ лицемъ къ стѣнѣ. — Чтобы вызвать лѣсовика, надобно нарубить молоденькихъ березокъ и верхушками сложить въ средину; потомъ снять съ себя крестъ, и ставъ посреди этихъ березокъ, крикнуть: *дѣдушка!* онъ тотчасъ явится. Другіе разсказываютъ, что имъ случалось встрѣчать въ лѣсу нечистаго, который весь мохнатый, съ зелеными волосами на головѣ и съ такой же бородой. Нечистымъ духамъ приписываютъ многія страсти людей: иные изъ нихъ картежники, и проигрываютъ между собою всю рыбу, даже съ озеромъ и рѣкою, а другіе большіе пьяницы: взявъ ведро, выпиваютъ изъ него водку однимъ залпомъ (*).

Предохранительныя травы.

Въ народѣ употребляются предохранительныя травы отъ нападенія и щекотанія русалокъ: это — полынь и заря, которыя такъ сильно на нихъ дѣйствуютъ, что довольно имъ бросить эти травы въ глаза и — онѣ тотъ часъ разбѣгутся.

Телоніи и прекрасныя женщины, сходныя съ мавками.

Греческія *Телоніи и прекрасныя женщины* имѣютъ сходство *съ Мавками*. *Телоніи* суть дѣти умершія безъ крещенія; онѣ выходятъ изъ преисподнихъ жилищъ и живутъ въ утреннихъ парахъ. Мать слышитъ голосъ своего дитяти въ шумѣ южнаго вѣтра, и для успокоенія тѣни куритъ ладанъ предъ иконою Божіей Матери, которую украшаетъ бѣлыми ризами. Въ продолженіе сорока дней, послѣ Воскресенія Христова, души *Телоній* носятся надъ лугами, въ видѣ радуж-

(*) Дашковъ: Опис. Олонецкой губерн., помѣщ. въ Журн. Мин. Внут. Дѣлъ за 1841 г. № 12. с. 433–434.

ныхъ бабочекъ, пчелъ и другихъ разноцвѣтныхъ и красивыхъ насѣкомыхъ; онѣ питаются сокомъ цвѣтовъ (*). *Прекрасныя женщины* живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, на душистыхъ полянахъ и въ селеніяхъ; иногда посѣщаютъ шумные города, собираются при источникахъ и забавляются плясками; отдыхаютъ въ тѣни густыхъ деревъ, похищаютъ хорошенькихъ дѣтей, юношей и дѣвицъ, или надѣляютъ ихъ сокровищами (**). Греческія повѣрья, во многомъ сходныя съ Русалками и Мавками, имѣютъ въ своемъ основаніи тѣ же ручьи, озера, источники, дремучіе лѣса и рощи: различаются только мѣстностію.

Огни днѣпровскихъ русалокъ.

Въ днѣпровской Россіи утверждаютъ поселяне, что огни, которые свѣтятся ночью на могилахъ, насыпныхъ курганахъ, въ рощахъ, лѣсахъ и на поляхъ, разводятся днѣпровскими русалками, для того, чтобы заманить къ себѣ людей, и потомъ, схвативъ ихъ, бросить въ Днѣпръ (***). Онѣ между народомъ изображаются страшными, и ими пугаютъ дѣтей, какъ кіевскими вѣдьмами. На капунѣ Троицына дня, Русалки, по мнѣнію Малороссіянъ, бѣгаютъ по полямъ, засѣяннымъ хлѣбомъ, и хлопаютъ въ ладоши, приговаривая: *бухъ, бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила.*

Мѣстопребываніе русалокъ.

Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста, шатаются по землѣ; живутъ тогда въ лѣсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ

(*) Вѣст. Евр. 1827 г. № 7 и 8.

(**) Снегиревъ: Руск. простонар. праздн. и суевѣр. обр. выпускъ IV. с. 4.

(***) Одесскій альм. 1831 г.

пряжу, которую уносятъ отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы (*). Съ клечальной недѣли, онѣ аукаютъ въ лѣсахъ и зазываютъ къ себѣ съ хохотомъ прохожихъ: *Ходите къ намъ на реки качаться.* Уводятъ ихъ въ чащу рощи или лѣса, и защекочиваютъ до смерти. Знатоки въ заклинаніяхъ нечистой силы, сохраняютъ, какъ величайшую тайну одинъ чародѣйный заговоръ, который разгоняетъ русалокъ; даже самые дьяволы разбѣгаются со страхомъ отъ этихъ заклинательныхъ словъ:

Ау, ау — шихарда кавда!
Шивда, виоза, митта, миногамъ.
Каланди, пиди, якуташма биташъ,
Окуто-ми пуффанъ, зидима,
Коноцамъ, коноца, таррарра,
Тидулъ, кадаланъ, авдалъ, майда.
Ябудалъ, мейда, викзигь, гизи
Коно-то-цо, іо-ія, іо-іо, іоцохъ, мацахъ, я-ца
Іо-пи-пи-пацио.; Заокотомъ, заоцамъ, пикамъ
Шолда, колда. — Пафъ, пафъ, пафъ, пацъ.
Кинцо, пинцо, тинцо, дыньоцопъ.
Цопъ-цанъ-ценъ! щопиъ,
Щондъ, дынзо!
Кудинъ-то Іоль, чиходамъ, шамъ
Болдо ро-ко, булдарамъ, ганемъ, кондырь!
Ау, ау — шихарда, кавда!
Руку — куру-ту! киръ-дынь,
Тырь-щарь-кордоко,-ау!
Коно-то-цо-іо, ія, іо, іо-цокъ-цокъ
Русалокъ,—русалокъ, корто-то бухъ бухъ.

(*) Макаровъ: Русскія преданія, кн. I. 1838 г.

Ну ппуду, голтолъ, боято, когда.
Шаррахъ, кофундо, шаррахъ-слоцалъ цолкъ
Щонъ, щонъ, щонъ-пницъ.
Донъ-дуръ-торъ-щонъ
Купу-тонцъ, мякоръ-пфи, —

При послѣднихъ словахъ бросаютъ заплеча полынь или зарю, и убѣгаютъ не оглядываясь (*).

Въ народныхъ разсказахъ сохранились нѣкоторыя загадки русалокъ, которыя загадываютъ первому попавшемуся парню или дѣвушкѣ.

Ой бѣжитъ, бѣжитъ красная дивчинонька,
А за нею та русалочка.
Ты послушай мене, красна паночка.
Загадаю тоби три загадки:
Коли ты взгадаешъ я до батька пущу;
А якъ не взгадаешъ, я до себѣ возьму.
Ой що росте та безъ корня?
Ой що бѣжитъ та безъ повода?
Ой що росте безъ всякаго цвиту?

Путникъ задумывается и не отгадываетъ, но русалка, какъ говоритъ повѣрье,—не даетъ ему отгадывать, сама отвѣчаетъ ему;

(*) Заговоръ списанъ со словъ Кіевскихъ ворожей.— У нихъ, кромѣ сихъ заклинаній, находятся и другія, но столько же безсмысленныя, непонятныя и безтолковыя, какъ самыя ворожеи. Онѣ часто сами составляютъ, по произволу, всякаго рода заговоры, и утверждаютъ, что это одно спасеніе противу русалокъ, которыя на зеленую недѣлю становятся чрезвычайно сердитыми, даже до бѣшенства, и все, что не попадется имъ, портятъ, особенно молодыхъ супруговъ. Всѣ заговоры звучатъ татарскими словами.

Камень росте безъ корня,
Вода бѣжитъ безъ повода,
Папорть росте безъ всякаго цвиту.—
Дивочка загадочки не взгадала,
Русалочка ее залоскотала. —

Русалки немедленно бросаются на дѣвушку, обвиваются около ея шеи и щекочатъ подъ мышками: сначала тихо и съ припѣвомъ, потомъ сильнѣе и сильнѣе съ адскимъ хохотомъ. Дѣвушка смѣется съ ними, но послѣ умираетъ отъ щекотанья.

Великъ день русалокъ. На Русальную недѣлю, никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши, потому что въ это время веселье русалокъ и хлопанье страшное, такъ что оно раздается по всѣмъ окрестностямъ. На ихъ удары стекаются прочія русалки; однѣ кіевскія вѣдьмы только могутъ купаться съ ними. На зеленой недѣли въ четвергъ, никто не долженъ работать, чтобы русалки не попортили домашній скотъ, птицу и все хозяйственное заведеніе. Этотъ день называется *великъ день Русалокъ*. Дѣвушки тайно ходятъ въ лѣсъ, имѣя при себѣ полынь и зарю, бросаютъ завитые вѣнки русалкамъ, чтобы онѣ доставили имъ богатыхъ жениховъ. — Въ этихъ вѣнкахъ бѣгаютъ русалки по хлѣбнымъ полямъ (*).

Въ Бѣлоруссіи поселяне вѣрятъ, что русалки бѣгаютъ нагія и кривляются, и если кому случится ихъ увидѣть, тотъ самъ будетъ всегда кривляться.

Темныя свѣдѣнія объ русалкахъ въ Россіи. Въ Россіи сохранялись темныя свѣдѣнія о русалкахъ, подъ именемъ *водяныхъ*, *лѣсныхъ*, *домовыхъ* и *чертей*, *водящихся въ тихомъ омутѣ*, и всѣ они находятся

(*) Максим. мазор. пѣсни, изд. 1827 г.

подъ властію *водянаго дѣдушки*. Нѣтъ сомнѣнія, что это суть остатки вѣрованій дунайскихъ Славянъ, которые покланялись *морянамъ и водянымъ*. На Руси господствуетъ мнѣніе, что всѣ эти духи, при ниспроверженіи Вельзевула, со всею нечистою его силою въ адъ, частію попадали въ воду, другіе разсѣялись по полямъ, а прочіе скрылись то въ лѣсахъ, то въ домахъ.—Водяныя живутъ въ омутахъ и подъ крутыми рѣчными порогами. — Онѣ выходятъ на берегъ съ растрепленными волосами и чешутъ голову костянымъ гребнемъ; схватываютъ купающихся, уносятъ ихъ съ собою на дно водяное, и тамъ замучиваютъ ихъ до смерти. Онѣ разрушаютъ плотины на мѣльницахъ и мосты, и при разлитіи рѣкъ, уносятъ строенія. Если раздаются со стономъ слова: «рогъ есть, головы нѣтъ», то услышавшему непремѣнно приключится несчастіе: онъ можетъ утонуть въ рѣкѣ, вода зальетъ его поле, или другое какое либо случится ему бѣдствіе. сіи; водяные и лѣшіе.

Лѣшіе представляютъ собою среднее между дьяволомъ и косматымъ чудовищемъ. Они скитаются вокругъ лѣсовъ и по лугамъ, въ лѣсу ходятъ на-ровнѣ съ деревьями, по травѣ на-ровнѣ съ травою, принимая ихъ видъ.

Прохожіе часто обманываются призракомъ и заходятъ въ глушь лѣса,—отъ чего говорятъ, когда кто запутается въ лѣсу: эка кула завелъ его лѣшій! или когда кто разсердится: лѣшій тебя поберп! — Ночью кричатъ лѣшіе по звѣриному и по птичьему, свищутъ и ревутъ. Если лѣшему попадется человѣкъ, то онъ сначала шутитъ съ нимъ, потомъ хватаетъ его и защекочиваетъ до смерти. Отъ щекотанія избавиться можно произнесеніемъ слова: *чеснокъ*. Если прохожій собьется съ дороги, то думаютъ, что лѣшій обошелъ, или запуталъ его, но и тутъ есть средство выйти изъ бѣды:

должно немедля выворотить верхнее платье и надѣть наизнанку. Отсюда вошло въ употребленіе говорить, когда увидятъ наряженнаго въ вывороченное или какое нибудь другое странное платье: «эка лѣшій!»

По разнымъ мѣстамъ разсѣяны разсказы о русалкахъ. — Въ тульской губерніи сохранилось преданіе о лѣсовой русалкѣ: она молоденькая, прекрасная лицемъ и прелестная, какъ дѣвица; она поетъ и живетъ въ густомъ лѣсу. Русалка эта совершенно безопасна, во все время года, кромѣ русальной недѣли; въ это время она качается между двухъ деревьевъ, хохочетъ, аукается съ людьми, ходящими по лѣсу; обманываетъ ихъ, принимая голосъ знакомыхъ и, привлекая къ себѣ лестію, защекочиваетъ до смерти. Нѣкоторые изъ поселянъ, особливо дѣти, такъ напуганы этимъ преданіемъ, что во время русальной недѣли, ни за что не пойдутъ въ лѣсъ, и даже со страхомъ идутъ въ сосѣднія деревни. Многіе съ божбою утверждаютъ, что имъ случалось много разъ видѣть русалокъ. На русальной недѣлѣ во вторникъ, крестьяне поминаютъ удавленниковъ. Родня умершаго, приноситъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваетъ на могилѣ за упокой души удавленника; потомъ пьютъ вино и закусываютъ блинами, при чемъ призываютъ русалку:

Русалка, царица,
Красная дѣвица,
Не загуби душки
Не дай удавиться,
А мы тебѣ кланяемся.

Русалки оставляютъ часть блиновъ, и послѣ уже отправляются по домамъ.

Въ смоленской губерніи, кромѣ русалокъ лѣсовыхъ, существуютъ водяныя, которыхъ также боятся дѣти во время русальной недѣли. Въ этихъ мѣстахъ вѣрятъ еще, что русалки и лѣшіе заводятъ людей въ непроходимыя мѣста, сбиваютъ съ дороги и заставляютъ ходить, по одному и тому же мѣсту, нѣсколько дней сряду. Кажется, все знакомо, а выйти не могутъ. Когда лѣсовой идетъ по лѣсу, тогда онъ ровенъ съ лѣсомъ; а когда идетъ по лугу, тогда ровенъ съ травою. Лѣсовые и водяные имѣютъ свои отдѣльныя другъ отъ друга владѣнія; посѣщаютъ даже ярмарки. Отличаются отъ людей тѣмъ, что у нихъ сѣряна (армяка), завернута пола, вмѣсто правой, на лѣвую сторону; поясъ завязанъ безъ узла, потому что на узлѣ есть крестъ; оборы (веревочки или ремни у лаптей) закручены въ одну сторону, а не крестообразно. Они всегда стоятъ къ солнцу спиною, и человѣчки въ глазахъ (зрачки) у нихъ вверхъ ногами.

Лѣсовые и водяные пьютъ водку, играютъ въ карты безъ крестовъ (трефей) и одинъ другому проигрываютъ свое имущество: отъ того-то въ иномъ мѣстѣ бываетъ много рыбы, а въ другомъ ничего: въ иномъ мѣстѣ бездна дичи и звѣрей, а въ другомъ ровно какъ никогда ничего не бывало,—между тѣмъ какъ всѣ знали, что здѣсь или тамъ всего водилось много.

Лѣсовые и водяные также дерутся: отъ того, въ самую тихую ночь слышенъ по лѣсу грохотъ и трескъ, а на водѣ, когда и рыба спитъ, бываютъ всплески.—

Въ Сибири думаютъ, что русалки, во время русальной недѣли, играютъ съ парнями и дѣвушками, или по тамошнему выраженію, *декуются*. Въ прочихъ мѣстахъ Россіи, бываетъ гулянье, подъ именемъ русальнаго.

Русалки и водяные представляются вообще тоскую-

щими и враждебными. Онѣ,-то души младенцевъ, плодъ незаконной любви, или умершіе безъ крещенія; то злые духи, преслѣдующіе человѣка и принимающіе на себя разные виды, по произволу. —

Русальи. Недѣля отъ седмицы св. Отцевъ называлась на Руси, въ древности, русальною, (*) а самыя забавы *русальи или скоморохскія.* — Праздновавшіе русальи, представляли бѣсованіе чертей. Одни въ видѣ человѣка ходили по улицамъ, били въ бубны, играли на волынкѣ и на свирѣли; другія надѣвали на себя, что бы ихъ не узнали, *скураты,* или личины (маски), и смѣялись надъ христіянской набожностію. Изъ Стоглава (состав. 1550 г.) видно, что на канунѣ Иванова дня, Рождества Христова и Богоявленія, — мущины, женщины и дѣвицы сходились съ хохотомъ и рукоплесканіемъ, на ночное веселіе и шумную забаву, превращавшуюся въ чувственное наслажденіе; пѣли бѣсовскія пѣсни, плясали и скакали. По прошествіи ночи, шли съ великимъ крикомъ къ рѣкѣ, какъ бѣснующіеся, и умывались водою. — Церковь наша строго воспрещала эти забавы, налагая разныя духовныя наказанія.

Западная церковь преслѣдовала русаліи (rusalia), происходившія послѣ пасхи, когда разцвѣтали розы; отъ того св. пятидесятница называлась розовою пасхою, а самое воскресенье розовымъ.

Извѣстно всѣмъ, что папы ввели въ обычай освящать въ этотъ день золотую розу. — Въ бытность въ Римѣ императора Франковъ, Карла В., папа поднесъ ему въ подарокъ, вмѣсто краснаго яйца, золотую розу, а потомъ, многіе папы, посылали отъ себя зна-

(*) Кар. И. Г. Р. ч. I. пр. 210.

менитымъ монархамъ или великимъ людямъ, въ коихъ они нуждались, золотую розу, что считалось тогда за величайшую почесть.—Древніе Римляне посыпали могилы своихъ друзей и родныхъ розами, думая, что онѣ услаждаютъ души умершихъ.

Изгнаніе и проводы русалокъ.

Русалки были страшны для нашихъ предковъ, — потому они выдумали противу нихъ *изгнанія и проводы.* Дѣвицы и женщины собирались съ разныхъ улицъ деревни, или города, съ пѣніемъ веселыхъ пѣсней, для того, чтобы ободрить другъ друга. Онѣ становились по угламъ съ чучелою, которое было въ видѣ женщины и представляло русалку; потомъ составляли хороводъ, въ срединѣ коего женщина съ чучелою, производила смѣшныя тѣлодвиженія и скакала. Пропѣвъ пѣснь, онѣ раздѣлялись на двѣ половины: оборонительную и наступательную. Однѣ защищали свое чучело отъ нападеній, другія бросали имъ въ глаза песокъ и обливали водою. Наконецъ, всѣ толпой отправлялись въ поле; тамъ разрывали чучело и разметывали его по воздуху. — Это называлось: *проводить русалокъ.* Дѣвицы, которыя не могли защитить своихъ русалокъ, возвращались домой печально, вѣря, что послѣднія не дадутъ имъ покоя въ первую ночь супружества, и что онѣ будутъ преслѣдовать ихъ, пока не прибѣгнутъ къ предохранительнымъ средствамъ опытныхъ знахарей. —

Провожаніе русалокъ совершается и нынѣ, почти съ тѣмъ же самымъ обрядомъ, въ первый понедѣльникъ послѣ Троицы, который называется *русальнымъ провожаніемъ*, а воскресенье *русальнымъ заговѣньемъ.*

V. СЕМИКЪ.

Старинное существованіе весенних забавъ. Приношеніе жертвъ на могилахъ. Семикъ. Значеніе вѣнковъ. Обычай погребенія и поминовенія въ семикъ. Измѣненіе семика. Вѣночный хороводъ.

V.

СЕМИКЪ.

Старинное существованіе весенних забавъ.

Еще во времена идолопоклонства существовали въ нашемъ отечествѣ весеннія забавы, которыя господствовали долгое время по распространеніи христіянской вѣры, и потомъ превратились въ семикъ. Въ старину дѣвушки и пожилыя женщины, сходились на окрестный близь Кіева лугъ, и пѣли разныя сладострастныя пѣсни, или пляшущая толпа выходила изъ города и деревень, съ зелеными въ рукахъ вѣтвями, и плясала около поставленнаго въ полѣ истукана, который украшался цвѣтами полевыми, сучьями зеленыхъ деревьевъ, и разноцвѣтными лоскутьями. — Лѣтъ 20 тому назадъ, мнѣ случилось видѣть въ малороссійскихъ и великороссійскихъ городахъ и селеніяхъ, возвращающіяся изъ лѣсу толпы людей, предводимыя плясунами и плясуньями, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ. Толпа пѣла, а передъ нею скакали плясуны. Это происходило на канунѣ Тройцына дня.— Изъ пѣсенъ и обычаевъ видно, что въ семикъ производились гаданія при рѣкѣ и колодезѣ; дѣлали тамъ вопросы; умывали глаза водою, чтобы они не болѣли и бросали туда мелкую монету.

На зеленыя святки, которыя именовались въ древности семицкою и русальною недѣлью, совершаются

попыпѣ гаданія, въ то время, когда весна въ великолѣпномъ своемъ нарядѣ: луга убраны цвѣтами, лѣсъ въ зеленой одеждѣ и воздухъ благоухающій. И для кого наряжается юная природа въ новую одежду, убираетъ себя цвѣтами? она встрѣчаетъ семикъ, словно невѣста своего жениха. Но кто такой этотъ семикъ? — пащи преданія изображаютъ его юношею веселымъ, ласковымъ, разсыпнымъ на веселости и задушевнымъ пріятелемъ масляницы. Таковымъ можно видѣть его на лубочныхъ картинкахъ, гдѣ онъ принимаетъ въ гости масляницу и величаетъ ее русскими прибаутками:

Душа моя, масляница!
Перепелиныя твои косточки,
Бумажное твое тѣло,
Сахарныя твои уста,
Сладкая твоя рѣчь,
Русая твоя коса,
Тридцати братьямъ сестрица,
Сорока бабушкамъ внучка,
Трехъ матерей дочка.
А масляница его за руки принимала
И семика величала.
.....
.....

Но кто онъ былъ у нашихъ предковъ? объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. — Нынѣ семикъ здѣлался предметомъ празднества, съ коимъ смѣшалось суевѣріе. Простодушіе допустило его, но оно не запятнало себя тѣми гнусными веселостями, какія раздавались нѣкогда въ Воронежѣ, въ честь Ярилы, коего праздновали

въ семицкій четвергъ. Это произошло отъ того, что семикъ принадлежитъ однимъ дѣвицамъ.

Въ Литвѣ и у Жмуди пастухи празднуютъ въ Духовъ день *бандинкай*, въ честь рогатаго скота (*). Они въ этотъ день берутъ съ собою молоко, яйца, водку, сыръ, муку, говядину, солонину, пиво, крупы, пироги и разный хлѣбъ. Собравшись въ лѣсу, они садятся въ кружокъ, пируютъ, и поютъ пѣсни въ честь божества Ганиклинисъ:

Ganiklinis dawajte,
Ganik mana karwajte,
Ganik mana patilka,
Ne lejsk wagi wilka. –
Ganau, ganau awute,
Acz tau wilkie ne bijau.
Su saulinejs plaukajs,
Tawi diweas ne lejs,
Ladò, ladò saule
Dnok jam samczin pargalwa. –

Ганиклинисъ божокъ,
Паси мою корову,
Паси мою телку,
Не пускай вора волка.
Пасу, пасу овцу,
Тебя волкъ не боюсь,
Ибо солнцевласый
Богъ тебя не пуститъ.
Ладо, ладо солнце,
Дай ему щелчокъ по головѣ.

Послѣ пирушки разводятъ огонь, пляшутъ, скачутъ черезъ него шесть разъ, съ вѣнками на головѣ, въ сопровожденіи свирѣли и дудки (*).

(*) Въ Литвѣ зелеными святками называется Духовъ день, а у Жмуди секминесъ. Подобное переименованіе понынѣ существуетъ въ Малороссіи: здѣсь Духовъ день празднуютъ въ воскресенье, а Троицынъ въ понедѣльникъ, между тѣмъ какъ въ Россіи на оборотъ.

(**) Сынъ отеч. за 1839 г. № с. 123–125.–Секминесъ по-литовски значитъ седьмой; но какъ сошествіе св. Духа приходится на седьмой недѣли, послѣ свѣтлаго праздника, то потому называется секминесъ, какъ Вознесеніе Господне шештинесъ,

Въ Малороссіи доселѣ сохранились суевѣрныя преданія, что при извѣстныхъ крыницяхъ (колодезяхъ), сидятъ въ зеленую недѣлю русалки, а въ Новгородѣ Сѣверскѣ (черниговск. губ.) существуетъ донынѣ родникъ, называемый Ярославовъ родникъ, и криницы: *заручейская, сухомлинская.* Народъ думаетъ, что тутъ сидятъ, въ зеленую недѣлю, чаровницы, называемыя криниченьки (колодезныя русалки) и загадываютъ проходящимъ: *що росте безъ корня?* (что ростетъ безъ корня?) и сами отвѣчаютъ: *камень росте безъ корня.*

У Поляковъ, еще въ XV в. (*), повторялось въ пятидесятницу языческое празднество *стадо,* сходное съ сибирскимъ, московскимъ и тульскимъ, или съ семикомъ.

Приношеніе жертвъ на могилахъ.

Въ германскихъ и славянскихъ земляхъ, какъ то: въ Саксоніи, Лузаціи, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, сохранились слѣды праздниковъ, въ честь умершихъ. Перваго марта, рано по утру, выходили на кладбище съ факелами, и приносили жертвы надъ могилами родныхъ. *На буяхъ* и *буйвищахъ,* (такъ называются кладбища Псковской и Тверской губер.), донынѣ дѣлаютъ гаданія, какъ въ святки.

Отправленіе семика приходилось въ тотъ самый день, въ который погребали и поминали убогихъ на могилахъ. Это есть остатокъ благочестивыхъ учрежденій. Первые проповѣдники св. вѣры, чтобы уничтожить суевѣрныя празднества, ввели въ обычай погребеніе и поминовеніе. Когда проповѣдники въ римскихъ об-

---

празднуемое на шестой недѣли. — Нарбутъ ошибочно называетъ обрядъ бандинкая, секмине, и думаетъ, что секмине есть какое нибудь миѳологическое наименованіе.

(*) Dlugos, Hist. Polon. кн. XII. ed. Grodeck, Lips.–1711., in f.

ластяхъ, не могли уничтожить идолопоклонническіе обряды: тогда они должны были сообразоваться съ ихъ обычаями, съ коими суевѣрный народъ, еще въ царствованіе Константина В. (въ IV в.), не могъ разстаться, и установили крестныя хожденія въ семикъ (*). Изъ Стоглава видно, что въ троицкую субботу сходились мужи и жены на жальники (кладбища), и плакали на могилахъ съ великимъ крикомъ, и когда играли скоморохи и гудошники, тогда рыдающіе переставали плакать, начинали скакать, плясать и бить въ ладоши. Подобный обычай соблюдается въ смоленской губерніи, въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Малороссіи.

Въ Исландіи, при началѣ весны, празднуютъ зеленый четвергъ, какъ нашъ семикъ. Въ Даніи онъ также называется зеленымъ четвергомъ, и тамъ во время язычества, праздновали его въ честь бога Тора или Тура. У Англичанъ и Шведовъ онъ называется *святымъ четвергомъ*, у Нѣмцевъ *зеленымъ четвергомъ*. Простолюдины въ Германіи употребляли обыкновенно въ зеленый четвергъ купанье изъ зелени. У всѣхъ этихъ народовъ праздновалось первое мая точно также, какъ у насъ семикъ: поселяне увѣнчивали себя цвѣтами, носили въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви и танцовали вокругъ березки, называемой *майскимъ деревомъ*. — Адонисовъ праздникъ, когда Греки бросали въ море и рѣку плетеные вѣнки, цвѣты и древесныя листья, сходствуетъ во многомъ съ нашимъ семикомъ.

Семикъ. Семикъ есть дѣвичій праздникъ нынѣ и онъ такъ названъ потому, что приходится на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ, именно въ четвергъ. Въ этотъ день ходятъ дѣвушки въ лѣсъ. Тамъ они играютъ въ горѣлки, пляшутъ,

(*) Бар. Розенк. Обозр. Кормчей кн. въ историч. видѣ.

поютъ и угощаютъ преимущественно яичницею. Въ иныхъ мѣстахъ вся седьмая недѣля по Пасхѣ называется семицкою; въ Малороссіи она называется *клечальною, святою недѣлью* и *зелеными святками*. *Клечальною* названа потому, что въ это время обставляютъ храмы, дворы, домы и покои молодыми кленовыми деревьями, иногда липовыми и березовыми. Внутренность комнатъ посыпаютъ травою и цвѣтами. Въ Велико-Россіи такой же обычай, но только тамъ, вмѣсто кленового дерева, употребляютъ преимущественно березу. Сіе обыкновеніе было извѣстно еще во времена идолопоклонства, когда въ празднество бога Тора, украшали его капище и домы деревьями, травою и цвѣтами.

Въ бѣлой и черной Россіи семикъ называется сёмуха.

Въ Богеміи, и по введеніи христіянской вѣры, долго существовали священныя дубравы, куда, въ день семика, ходилъ народъ совершать разныя жертвоприношенія. Герцогъ Брячиславъ уничтожилъ эти обряды, въ 1093 г. Отъ суевѣрнаго обычая осталось семицкое празднество, въ которое дѣвушки ходятъ собирать по рощамъ и полямъ цвѣточки, изъ коихъ плетутъ вѣнки. Тоже самое сохранилось въ Малороссіи и Велико-Россіи. Въ наше время тамъ носятъ, при пѣніи, зеленыя вѣтви деревьевъ, вьютъ вѣнки, гадаютъ на лужайкахъ, въ рощахъ и при водахъ.

Ношеніе деревьевъ сопровождалось у древнихъ Эллиновъ особыми празднествами. Въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи, праздновали (ανδεσφοριά) цвѣтоносіе, (Δενδροφοριά) древоношеніе, въ честь богини Прозерпины; носили зеленыя деревья и масличныя вѣтви, и вили вѣнки изъ колосьевъ въ честь солнца. У Римлянъ было торжество въ честь мѣсяца маія, матери

Меркурія. — Майское ихъ дерево (arbor majalis) соотвѣтствуетъ нашей семицкой березѣ.

Рощи и дубравы, у всѣхъ восточныхъ народовъ, равно у Грековъ и Римлянъ, служили завѣтными мѣстами для совершенія обрядовъ. Германцы и Славяне, подъ покровомъ дремучихъ лѣсовъ, отправляли свои таинственные обряды. Не довольствуясь завѣтными рощами, они имѣли священныя деревья на поляхъ, дорогахъ, между селеніями и рубежами. — Кому не извѣстны мрачныя, таинственныя дубравы суровыхъ Друидовъ. — У нихъ дубъ болѣе всего почитался, потомъ липа: отрѣзать отъ нихъ вѣтку или отломить сучекъ, считалось святотатствомъ. У Германцевъ производились еще суды и жертвоприношенія, подъ липою (*). У Поруссовъ или древнихъ Пруссовъ зажигались огни подъ липою, въ честь Лиго, бога веселія и весны. — У Литовцевъ липа посвящалась богинѣ Лайлю. Западные Славяне посвящали ясень верховному своему богу.

Веселые хороводы на семикъ, составляемые изъ молодыхъ людей обоего пола, увеличивали общее веселіе: прелестью зелени, цвѣтущими душистыми деревьями и свѣжестью бальзамическаго воздуха. Остатки забавъ сохранились въ играхъ и шуткахъ не только сѣверныхъ народовъ, но въ Германіи и Великобританіи. Нѣмецкій праздникъ вѣнковъ, передъ Троицынымъ днемъ, похожъ на семикъ. На немъ дѣйствующимъ лицемъ бывалъ *царь садовъ* или *зеленый человѣкъ*. Въ одну изъ рощей собиралась веселая толпа, веселилась и пировала: за пиромъ употребляли преимущественно яйца, потомъ обвивали одного изъ

(*) Klein. Handbuch der Germ. Alterthums-kunde.

охотниковъ зеленью, листьями и деревьями, и выводили его изъ рощи. Пляски и пѣсни сопровождали *зеленаго человѣка*.

Значеніе вѣнковъ.

Семицкія пѣсни, въ коихъ воспѣвается липа и береза, напоминаютъ остатки языческихъ обрядовъ. Украшеніе же вѣнками есть также остатокъ обычаевъ древняго міра. Греческіе и Римскіе жрецы надѣвали на голову вѣнки при жертвоприношеніяхъ, дѣланные изъ тѣхъ деревьевъ, которыя посвящались божествамъ. Отсюда вошло въ обычай, увѣнчивать дубовыми вѣнками знаменитыхъ людей, украшать ихъ на олимпійскихъ играхъ за побѣды, гражданскія добродѣтели и успѣхи въ художествахъ, и послѣ смерти осыпать памятники, гробы и могилы цвѣтами и плетенными вѣнками. За великія дѣла равняли людей съ божествами, почему и не удивительно, что увѣнчанные такимъ образомъ заслуги, пережили отдаленное потомство и украсили страницы бытописанія незабвенными именами. — Сонъ и смерть представлялись у Грековъ въ вѣнкахъ, потому что они означали награду неувядаемой славы. Увѣнчанный лаврами мужъ почитался сверхестественнымъ существомъ.

Семикъ, при всѣхъ мѣстныхъ разнообразіяхъ, у насъ въ всеобщемъ употребленіи. Онъ только въ Сибири называется *Тюльпою*, вѣроятно отъ того, что на празднество собирались толпами. Въ Польшѣ онъ называется стадо (*), которое производятъ отъ глагола *стадиться*, собираться въ толпу.

Празднованіе семика производится съ незапамятныхъ временъ, и для удовольствія на этотъ разъ избираютъ преимущественно рощи, лѣса, рѣчныя и озерныя мѣста.

(*) Длуг. Hist. Polon. кн. VII. ed. Lips.–1771 г.

Въ рощахъ и лѣсахъ завиваютъ дѣвушки вѣнки и потомъ пускаютъ ихъ на воду съ загадываніями, наблюдая, какъ они плывутъ и какъ двигаются по водѣ. Эти примѣты ведутъ въ послѣдствіи къ безконечнымъ толкованіямъ. Тутъ старухи или особыя разгадчицы — ворожеи, пользующіяся особою довѣренностію, объясняютъ дѣвушкамъ значеніе вѣнковъ.

Обычай погребенія и поминовенія въ семикъ.

Прежде въ семикъ совершался обычай погребенія и поминовенія умершихъ въ убогихъ домахъ. Въ Малороссіи повторяется еще этотъ обычай на Ѳоминой недѣлѣ, въ субботу, которая называется еще родительскою или поминальною субботою. Народъ собирается на могилы своихъ родныхъ въ парядномъ одѣяніи, съ разными съѣстными припасами: пирогами, жаркимъ, пасхою (куличъ), крашеными яицами и съ водкою.—Священники исправляютъ службу за упокой, и по окончаніи панихидъ, каждый идетъ къ могилѣ своего родственника. — Тутъ начинаютъ охать и плакать, воспоминая объ усопшихъ; поплакавъ не множко, растилаютъ на могилѣ бѣлое полотно и раскладываютъ съѣстное. Старшій въ семействѣ наливаетъ рюмку водки и подчиваетъ всѣхъ званыхъ; за тѣмъ предлагаетъ имъ чего нибудь покушать; спустя нѣсколько времени, онъ опять подчиваетъ и совѣтуетъ кушать, чтобы ничего не оставалось, иначе покойники останутся недовольными. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ снова подаетъ по чаркѣ водки, и потомъ опять. Это дѣлается для того, чтобы залить горе. Когда довольно подгуляютъ, начинаютъ вой и плачь. Тогда опять подносится вино, чтобы забыть горе. — Когда же позабудется горе, начинается между поминающими сужденіе о любви или непріязненности нѣкоторыхъ изъ покойниковъ, и въ послѣднемъ случаѣ часто доходитъ до ссоры. Тогда и покойники не рады

сердобольнымъ этимъ воспоминаніямъ объ нихъ. — Однако этотъ обычай существуетъ вездѣ въ Россіи, — на Ѳоминой недѣлѣ и въ поминальную субботу, и все на кладбищахъ. — Кто не видѣлъ разнообразныхъ представленій въ это время! Въ большихъ городахъ они выказываются болѣе, а въ столицахъ въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. На волковскомъ и смоленскомъ кладбищахъ (въ Петербургѣ) какія не происходятъ дѣйствія! Еслибы поминанія оканчивались однимъ плачемъ, а то доходитъ до того, что самые поминающіе дѣлаются полумертвыми отъ чрезмѣрнаго заливанія горя по усопшимъ.

Поминовеніе мертвыхъ на могилахъ, есть остатокъ древней тризны или стравы.

Въ прежнія времена отправлялись погребенія и поминовенія по убитымъ или скоропостижно умершимъ, въ убогихъ домахъ; таковые покойники назывались убогими. Всякой приходилъ въ убогій или скудельничій домъ, чтобы отыскать безъ вѣсти пропавшаго, и если его находилъ, то бралъ и погребалъ торжественно на особыхъ мѣстахъ, и обсаживалъ могилу деревьями, отъ чего сіи мѣста превращались въ рощи. Въ скудельницу доставлялись всѣ поднятые, на улицахъ и дорогахъ, мертвые трупы. Обрядъ погребенія и поминовенія о погибшихъ безъ вѣсти, совершался еще предъ вселенскою троицкою субботою. (*)

(*) Le Brun. (Voyages par la Moscou en Perse et aux Indes orient. т. I. с. 35), говоритъ, что въ день семика, отправлялись нѣкоторые изъ духовныхъ, утромъ рано, къ одному рву, подлѣ коего въ трехъ или четырехъ ямахъ, лежали найденные убитые на большихъ дорогахъ и казненные правосудіемъ, и по совершеніи надъ ними поминовенія, предавали землѣ.

Время много измѣнило народныя обыкновенія. — Семикъ сдѣлался нынѣ веселымъ хороводнымъ гуляньемъ; но деревенскіе обитатели удержали нѣкоторые обряды древняго повѣрья. Семикъ почитается въ Россіи честнымъ семикомъ, однимъ изъ лучшихъ весеннихъ праздниковъ; за нимъ считается Троицынъ день, а наконецъ купальница. (*) Въ московской, владимірской и рязанской Губерн. сгибаютъ молодыя плакучія березы, вьютъ изъ нихъ вѣнки и кумятся чрезъ вѣнки (цѣлуются), говоря: Измѣненіе семика.

Покумимся кума,
Покумимся:
Чтобы намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться. —

(*) Въ петербургской губерніи празднуютъ семикъ, сходно съ описываемымъ въ московской, владимірской и костромской губер. Лѣтъ тридцать тому назадъ, праздновался семикъ въ самомъ Петербургѣ у церкви во имя Рождества Іоанна Предтечи, которая въ 1742 году называлась оспенною Іоанно-Предтеченскою, потому что была построена на оспенномъ кладбищѣ, во время свирѣпствовавшей тогда оспы.—Ямщики, населявшіе тогда загородную эту часть, и простолюдины сходились сюда для игръ и забавъ въ семикъ и Ивановъ день. Бывало экипажи тянулись въ два ряда по лиговскому каналу отъ знаменскаго моста до церкви Іоанна Предтечи, около которой, на обширномъ полѣ, разбивались шатры съ лакомствами и питьями. Бывало, эти гулянья посѣщались блестящимъ дворомъ, знатными особами и всѣми сословіями, разъѣзжавшими въ пышныхъ и изысканныхъ одеждахъ, подобно гуляньямъ: екатерингофскому, елагинскому, петергофскому и другимъ. Теперь уже не празднуютъ тамъ семика, – время искоренило древній обычай.

Потомъ дарятъ другъ друга желтыми яйцами. Въ владимірской Губ. ходятъ еще дѣвушки, поутру, съ пирогомъ на яйцахъ, собирать у сосѣдей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшутъ, поютъ, ѣдятъ пирогъ и яишницу. У волжскихъ жителей дѣвицы пекутъ *козули*, — лепешки на яйцахъ, въ видѣ вѣнка. — Съ козулями отправляются въ рощу, обматываютъ березки ленточками, — разноцвѣтными бумажками и пестрыми шнурами. — Изъ сучьевъ сихъ березокъ свиваютъ вѣнокъ и во время завиванія, поютъ:

Береза моя, березенька!
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая.
Стоишь ты, березенька,
Осередь долинушки.
На тебѣ, березенька,
Трава шелковая.
Близъ тебя, березенька,
Красны дѣвушки,
Семикъ поютъ. —
Подъ тобою, березенька,
Красны дѣвушки,
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая березенька,
Къ землѣ клонится;
Не шелкова травонька,
Подъ ней разтилается;
Не бумажны листочки,
Отъ вѣтру раздуваются. —
Подъ этой березенькой,
Съ красной дѣвицей,
Молодецъ разговариваетъ.

По завиваніи кумятся — (цѣлуются) чрезъ вѣнокъ, говоря: здравствуй кумъ и кума! Потомъ садятся подъ березкой, и ѣдятъ козулю и яичницу. — Мущины и дѣвушки открываютъ потомъ семикъ, хороводомъ, и ходя вокругъ избранной березки, увитой лентами, поютъ:

Не дожжикъ березку обмываетъ,
Здѣсь въ рощѣ дѣвокъ прибываетъ.
Скачьте, пляшите, красны дѣвки,
А вы холостые, поглядите.
Съ гуляпья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли
По батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью,
По невѣстину рукодѣлью.

По окончаніи пѣсни, ставятъ въ средину хоровода дѣвушку и мущину, и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай во полѣ липинька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ:
Богъ на помощь, дѣвица!
Богъ на помощь, красная!
Ширинку шить золотомъ,
Низать узду жемчугомъ.

Молодцы поютъ:

Не мнѣ ли ширинка?
Не моему ли коню уздечка?

Имъ отвѣчаютъ дѣвушки:

Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уздечка. —

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ костромской губерн. (Галичѣ, Кинешмѣ и Нерехтѣ), мѣняются при кумовствѣ кольцами и серьгами, — по завитіи вѣнковъ, потомъ садятся пировать, кто что принесъ; или дѣлаютъ пиръ въ складчину, называемую *ссыпчина*. Послѣ пира поютъ:

Какъ у насъ въ году три праздника
Первой праздникъ семикъ честной,
Другой праздникъ Троицынъ день,
А третій праздникъ купальница.
Какъ у насъ зелена трава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакѣ напивается,
Какъ милой мой другъ
По зеленой травѣ валяется.

Одна изъ дѣвушекъ выходитъ изъ круга и представляетъ пьянаго, послѣ падаетъ на землю и валяется. — Другая подходитъ къ ней, силится поднять ее на ноги, — хороводъ продолжаетъ:

А Орина подходила,
Никиту своего будила:
Встань, убудися, Никита!
Встань, убудися, волокита!
Сосѣди смѣются,
Во безчестье то ставятъ.

Мужъ встаетъ, а жена цѣлуетъ его.

Сталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никита потащился,

Тамъ поютъ еще очень любопытную пѣснь, сопровождаемую пріятными движеніями: въ хороводный кругъ ставятъ Царевну и поютъ:

Царь по городу гуляетъ
Царь царевны своей ищетъ.

Послѣ этихъ словъ начинаетъ хороводъ плясать, — потомъ продолжаютъ:

Ужъ какъ гдѣ моя царевна?
Гдѣ княгиня молодая?
Ужъ и вотъ моя царевна,
Вотъ княгиня молодая!
По загороду гуляетъ,
Шелковымъ платкомъ махаетъ,
Златымъ перстнемъ освѣщаетъ:
Растворяйтесь ворота,
Растворяйтеся широки,
Вы еще пошире.

Послѣдній стихъ относится къ хороводу, который немедленно раздѣляется на двѣ половины; по концамъ держатъ платки, съ поднятыми вверхъ руками, въ видѣ воротъ. Царевна и хороводъ проходятъ чрезъ нихъ, продолжая пѣть, и сходятся между собою.

Вы сойдитеся поближе,
Вы еще того поближе;

Поцѣлуйтесь помилѣй.
Вы еще тово милѣе.

Всѣ цѣлуются между собою, и потомъ садятся за столы, накрытые скатертями, и угощаютъ приготовленными пирогами, яичницею, лакомствами, пивомъ и виномъ. По угощеніи встаютъ и поютъ:

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое, на веселое.
На немъ спинь кафтанъ, на распашку,
Шелковой кушакъ на рубашкѣ;
Трость камышева съ алой лентой,
Перчаточки въ правой ручкѣ;
Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился.

Одна изъ дѣвушекъ выходитъ изъ круга и кланяется.

Ужъ вы здравствуйте, на гуляньи,
На веселомъ на весельи.
Тутъ дѣвушки пріуныли,
Тутъ всѣ красныя пріумолкли.

За симъ дѣвушки бросаются толпою къ березкамъ, плетутъ вѣнки, перевиваютъ ихъ лентою, и несутъ березку домой съ пѣніемъ. По прибытіи въ свою деревню, ставятъ березку въ землю, и поютъ:

Какъ за нашимъ за дворомъ,
Какъ за нашимъ за дворомъ;
По той травѣ панья шла,
По той травѣ панья шла;
А за паньей панъ летѣлъ,
А за паньей панъ летѣлъ;

Крича: панья, ты моя!
Крича: панья, ты моя!
А я, сударь, не твоя,
А я, сударь, не твоя:
Родимова батюшки,
Родимова батюшки,
Сударыни матушки,
Сударыни матушки. —

Дѣвушки переплетаются руками, проходятъ поочередно подъ поднятыя вверхъ руки, и поютъ:

Какъ за Волгою яръ хмѣль,
Подъ кусточкомъ вьется;
Перевился яръ хмѣль,
На нашу сторонку.
Какъ ли на нашей сторонкѣ,
Житье пребогато.
Житье пребогато.

Серебряны листы, вѣнки золотые.
Нащиплюся я хмѣлю, хмѣлю ярова;
Наварю я пива, пива молодова.
Позову я гостя, гостя дорогова,
Ай ли гостя дорогова, батюшку родноза;
Мой-то батюшка пьетъ, пьетъ.
Пьянъ не напьется, домой соберется.

Эту пѣснь поютъ и въ другой разъ, если хотятъ примѣнить слова къ матери. За пѣснію составляютъ другой кругъ, въ которомъ помѣщаютъ дѣвушку въ мужской шляпѣ.

Ахъ, по травкѣ по муравкѣ,
Вокругъ города большова,
Гулялъ молодецъ удалой.

Дѣвушка расхаживаетъ и посматриваетъ съ надмѣнностью на прочихъ дѣвушекъ.

Ой, туръ, молодецъ удалой!
Онъ изъ города большова
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться.

Немедленно выходитъ къ ней другая дѣвушка, съ платкомъ въ рукѣ.

Ой, дидъ, ладо! побороться
Вышла красна дѣвица!

Онѣ борятся. Вышедшая дѣвушка поборола мнимаго мущину, — сбиваетъ шляпу и рветъ на немъ волоса:

И молодая поборола,
На муравку уронила,
Ой, дидъ, ладо, уронила!

Мнимый мущина успѣлъ встать съ земли, но отъ стыда онъ закрылъ свое лице.

Доброй молодецъ вставая,
Закрылъ лице руками;
Утиралъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ объявить;
Ой, дидъ, ладо, объявить.

Этотъ хороводный семикъ выражаетъ не одну дѣвическую веселую жизнь. — Въ немъ рѣзко отсвѣчива-

ются женскія страсти и чувство любви. Женщина и живетъ въ области сладостныхъ чувствованій: явился женихъ, и дѣвическое сердце затрепетало. Она уже согласна отдать ему свое сердце, — но чувство, какъ она растанется съ родными, заставляетъ ее отказываться отъ жениха, подъ предлогомъ, что она не его, а родимова батюшки и сударыни матушки. Не означаетъ ли это борьбу чувствъ дѣвушки? Дѣвушка поборола себя, — это значитъ, что она рѣшилась оставить родительской свой домъ и отдать сердце навсегда тому, кого уже не можетъ не любить. Въ этомъ семикѣ раскрывается цѣлая повѣсть о любви сельскихъ дѣвицъ. — Любовь поселянъ въ тысячу разъ сильнѣе, нежели горожанъ, взлелѣянныхъ баловствомъ и прихотями.

Въ тульской губерн. называютъ кумою семицкую березу. — Тамъ предъ завитіемъ вѣнковъ, поютъ:

Благослови, тройца,
Богородица!
Намъ вѣнки завить,
Вѣнокъ сплести.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Намъ вѣнки завивать,
И цвѣты сорывать.
Ай, дидъ, ой, ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ,
И цвѣтовъ нарвемъ;
Мы цвѣтовъ нарвемъ,
И вѣнокъ совьемъ.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ;
Свекру-батюшкѣ, малиновой;
Свекрови матушкѣ, калиновой.
Ай, дидъ, ой, ладо!

Пойду ль я пѣшкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчиньку;
Ай, дидъ, ой, ладо!
Не тонетъ, не плыветъ,
Съ сыра дуба вѣточка.
Не тужитъ по мнѣ,
Свекорь батюшка,
Свекровь матушка. —
Ай, дидъ, ой, ладо!

Въ владимірской губ. поютъ предъ завитіемъ вѣнковъ.

Ты, не радуйся,
Дубъ съ горькою осиною,
Ты, радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ;
Съ пирогами, съ яичницей
Со дрочонами. —

Донынѣ не только въ селеніяхъ, но и въ столицахъ убираютъ домы въ семикъ березками и усыпаютъ полъ травою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, особенно въ Малороссіи, ходятъ дѣвушки по улицамъ въ вѣнкахъ, плетеныхъ изъ ландышей, незабудучекъ, васильковъ и проч.; ставятъ столъ у березки, съ приготовленною яичницею, дрочоною, пирогами и водкою.

Вѣночный хороводъ.

Дѣвушки берегутъ свои вѣнки до Троицына дня. Изъ завиванія вѣнковъ онѣ составили вѣночный хороводъ. — Въ кругѣ ставятъ дѣвушку и молодаго парня, а всѣ прочія ходятъ около нихъ, и поютъ:

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинька!
Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою, бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ
За тѣмъ столомъ дѣвица
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты со травы.
Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ;
Вила вѣнокъ съ огороды;
Со дорогимъ, со дорогимъ,
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
Носить вѣнокъ старому.
Старому вѣнокъ, старому вѣнокъ
Старому вѣнокъ не сносить.
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость не сдержать.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинька!
Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою бѣлъ шатеръ.
Во вомъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
Во томъ шатрѣ, столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица.
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты со травы.
Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
Вила вѣнокъ съ огороды
Со дорогимъ, со дорогимъ,
Со дорогимъ яхонтомъ.

Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
Носить вѣнокъ милому.
Милому вѣнокъ, милому вѣнокъ
Милому вѣнокъ износить.
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость содержать?

Поютъ не только при завиваніи, но и въ Троицынъ день.

Въ пермской губ. большая часть жителей обоего пола собирается въ деревню Данилову. Тамъ веселятся дѣвушки, поютъ пѣсни и играютъ кружками, а парни составляютъ свои забавы, или, соединясь вмѣстѣ, поютъ и пляшутъ.

Въ саратовской губ. для празднованія семика избирается дѣвушками особый домъ, куда приносятъ разный припасъ для пира, незабывая солоду и хмѣлю.—Вотъ обрядъ, происходившій въ селѣ Березовкѣ, стоящемъ на рѣкѣ Узѣ, саратовскаго уѣзда. Съ наступленіемъ семицкой недѣли, дѣвушки варятъ тамъ брагу, которая приправляется пѣніемъ веселыхъ ихъ пѣсней, въ той увѣренности, что брага, затираемая, заквашиваемая и сливаемая подъ пѣснями, придаетъ больше веселія. У кадки хлопочатъ дѣвушки: однѣ переливаютъ брагу въ ведра, другія катятъ бочку въ погребъ, и тамъ, переливая снова брагу, хохочутъ и поютъ:

Я пиво сливала:
Меня разнимало,
Въ ножиньки вступало.

Послѣ запираютъ погребъ и ключь отъ него отдаютъ одной изъ распорядительницъ пиршества.—Въ четвергъ,

съ самого утра, еще больше хлопотъ.—Пекутъ пироги, куриики и здобныя лепешки; приготовляютъ яичницу, варятъ лапшу, похлебку; готовятъ лапшенникъ, пшенникъ, сахарникъ, и сальникъ. (*) Въ полдень начинается самое торжество. Вся площадь двора чисто выметена. Посреди двора воткнуто срубленное съ вѣтвями и листьями дерево, а подъ нимъ стоитъ горшокъ съ водою. Дѣвицы ходятъ по двору, или сидятъ: иныя на примосткѣ, а другія у дверей погреба. Одни изъ мальчиковъ держатъ въ рукахъ заготовленныя кушанья, другіе ведра съ пивомъ на палкѣ. Одна изъ дѣвицъ, отличающаяся большею живостью предъ

(*) Въ хвалынскомъ уѣздѣ, саратовской губерніи, семикъ начинается топленіемъ бани, въ коей женщины готовятъ яичницу и несутъ потомъ въ лѣсъ при пѣніи:

Не радуйтесь дубья, осинушки, ли, ли,
Радуйтесь бѣлыя березынькн:
Идутъ къ вамъ красны дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яичницу.

Пришедши въ лѣсъ, садятся подъ кудрявой березкой и поютъ:

Гдѣ дѣвки шли, ли, ли,
Тутъ рожъ густа,
Колосиста,
Колосья въ ведро
Зерно съ пирогъ.

Послѣ того поютъ,

Закумимся кума, закумимся.

Цѣлуютъ другъ друга, мѣняются кольцами, платками, серьгами и потомъ ѣдятъ яичницу. За этимъ уже завиваютъ вѣнки на березъ, и тамъ оставляютъ до Троицына дня.

своими подругами, отдѣлившись отъ толпы, подходитъ къ дереву, и опрокидываетъ горшокъ съ водою; потомъ выдергиваетъ дерево изъ земли, и запѣваетъ пѣсню. Съ ея голосомъ соединяются голоса прочихъ:

Разыгрался Никитинъ конь,
Сломилъ тычину серебряную.
Брацкой староста, отворяй ворота,
Пускай дѣвушекъ гулять во луга.

Ворота отворяются, и вся толпа, окруживъ дѣвицу, несущую дерево, движется по улицѣ, ведущей въ лѣсъ, и поетъ:

Іо, Іо семикъ, — Тройца!
Туча съ громомъ сговарпвалась:
Пойдемъ громъ, погуляемъ съ тобою,
Во ту слободу, *въ Радышевчину*,
Іо, іо, семикъ, Тройца! (*)

Дѣвушки выходятъ стройнымъ рядомъ изъ села, направляя свой путь къ лѣсу, при пѣніи:

Не радуйтесь дубы,
Не радуйтесь зеленые!
Не къ вамъ дѣвушки идутъ,
Не къ вамъ красныя;
Не вамъ пироги несутъ,
Лепешки, яичницы.
Іо, іо, семикъ, да Тройца!

(*) Радышевчина есть имя части той самой деревни, въ которой происходитъ веселье. Она получила названіе свое отъ имени помѣщика деревни.

Радуйтесь березы,
Радуйтесь зеленыя!
Къ вамъ дѣвушки идутъ,
Къ вамъ красныя;
Къ вамъ пироги несутъ,
Лепешки, яичницы.
Іо, Іо, семикъ да Троица.

И вотъ дѣвицы въ тѣни деревьевъ, подъ зеленымъ ихъ навѣсомъ, разстилаютъ скатерть; ставятъ кушанья: пироги, лепешки, яичницы; съ радушіемъ простоты начинаютъ ѣсть и подчивать другъ друга пивомъ. По окончаніи пира, онѣ разсыпаются по лѣсу и выбираютъ одну изъ березъ кудрявую, для завиванія на ней вѣнковъ. Если дѣвицъ очень много, то избирается нѣсколько березъ такой величины, чтобы можно было достать вѣтви, стоя подъ деревомъ.—Раздѣлившись попарно, каждая пара изъ вѣтвей березки вьетъ себѣ одинъ вѣнокъ, не отрывая вѣтвей отъ дерева. По свитіи вѣнка, каждая пара кумится. Это состоитъ въ томъ, что одна другой подаетъ, сквозь вѣнокъ, по яйцу; потомъ обмѣнявшись имъ, цѣлуются сквозь вѣнокъ. За этимъ приступаютъ къ выбору: которой изъ нихъ быть старшей кумою. Для этого, свивъ свои платки, бросаютъ ихъ вверхъ, и который поднимется выше, той дается имя старшей кумы. А какъ всякой изъ нихъ хочется быть старшею, то незамѣтно кладутъ они какую нибудь тяжесть въ платокъ, чтобы онъ могъ выкинуться выше. Получившая первенство, носитъ во весь день названіе старшей кумы; остальныя же съ любопытствомъ спрашиваютъ другъ у друга: кто у тебя старшая или младшая кума?—По завитіи вѣнковъ, толпа возвращается въ село; остатокъ же дня проводится въ хороводныхъ играхъ. Но этимъ не кончился семикъ.

Въ день Троицы дѣвушки отправляются въ тотъ лѣсъ, гдѣ завивали вѣнки, чтобы опять развивать ихъ. Каждая пара разсматриваетъ свой вѣнокъ: завялъ онъ, или еще свѣжъ? по немъ судятъ о своемъ счастіи или несчастіи. Но грустное чувство исчезаетъ скоро: хоръ пѣвицъ оглашаетъ лѣсъ пѣснію:

Перепелка молодая,
Куда ты летала?
Я ходила, я гуляла
По чистому полю;
Я летала, я порхала
По зеленому лѣсу.
Іо, іо, семикъ да Троица:

Послѣ вьютъ вѣнки изъ тонкихъ березовыхъ сучьевъ; убираютъ ихъ цвѣтами, и надѣвъ на голову, ходятъ припѣвая:

Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;
Хожу, гуляю,
По городочку.

Потомъ каждая изъ нихъ свиваетъ еще вѣнокъ для своихъ родныхъ: батюшки, матушки, братцевъ и сестрицъ, оставшихся въ домѣ по болѣзни или по другимъ какимъ либо причинамъ. Нагулявшись, онѣ выступаютъ изъ лѣса съ вѣнками на головѣ и на рукахъ, и поютъ:

Ищу ль я, ищу
Ласкова ладу.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;

Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.
Добрый молодчикъ!
Будь моимъ ладой.

Подъ березкой ходили, ли, ли,
Березки шумѣли,
Вѣночки въ рѣчку бросали
Ахъ вы, братцы молодцы, ли ли!
Метите улицы
Стройте горницы;
Съ тремя окошечками:
Первое въ улицу,
Второе въ поле,
Третье къ царю, на дорогу.

На встрѣчу идущимъ дѣвицамъ выходитъ толпа парней, присоединяется къ нимъ и всѣ вмѣстѣ поютъ:

Ищу ль я, ищу
Ласкова тестя.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ,
Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.
Ищу ль я, ищу.
Ласкову тещу.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;
Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.
Ищу ль я, ищу
Ласкова шурина.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;
Хожу ль я, хожу
Вокругъ городочка.

Ищу ль я, ищу
Ласкову своячину.
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ;
Хожу ль, гуляю,
По городочку.

Можетъ быть, сердце молодца давно уже избрало себѣ ладу, но онъ хранитъ желаніе въ своей душѣ до-поры.

Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ.
Ласковый тестикъ,
Вари пива, меду!
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ.
Ласкова теща
Пеки пироги!
Я въ вѣночкѣ,
Я въ зеленочкѣ.
Ласковый шуринъ
Сѣдлай коня врана!
Я въ вѣночкѣ
Я въ зеленочкѣ.
Ласкова своячинь,
Шей ты ширинку!

Свадебный пиръ еще далекъ; — поющій хоръ даетъ этой пѣсни тонъ простодушной насмѣшки.

Вы, добрые люди!
Жалуйте на свадьбу,
Хлѣба, соли ѣсти;
Пива, меду пити.

Расхвалили люди,
Борисову свадьбу.
На свадьбѣ Бориса:
Пива, меду нѣту,
Хлѣба не бывало,
А соль оскудала.

Потомъ веселая толпа отправляется къ рѣкѣ, чтобы бросать вѣнки свои и гадать по нимъ о будущемъ. — Направляясь къ берегу рѣки, хоръ поетъ:

Пойду на Дунай, на рѣку,
Стану на крутомъ берегу.
Брошу вѣнокъ на воду;
Отойду подалѣ, погляжу:
Тонетъ ли, не тонетъ ли,
Вѣнокъ мой на водѣ;
Мой вѣночикъ потонулъ,
Меня милой вспомянулъ:
«О свѣтъ, моя ласковая!
О свѣтъ, моя привѣтливая!»

Бросая вѣнки съ берега, дѣвушки замѣчаютъ, какъ вода уноситъ эти вѣнки, и потомъ гадаютъ и объясняютъ по плаву и по формѣ движенія послѣднихъ значеніе своего будущаго.

Принеся невольную дань довѣрія неизвѣстному будущему, онѣ возвращаются въ свое село, при пѣніи; но въ это время поютъ по произволу:

У нашего у сосѣдушки,
Весела была бесѣдушка.
Во бесѣдушки у сосѣдушки,
Сидятъ люди добрые;
Люди добрые, гости званые,

Старички почетные:
У батюшки старички;
У матушки, старушки;
У братца товарищи;
У сестрицы подруженьки,
У мила дружка товарищи.
Торилъ Ванюшка дорожку,
Ко Дуняшину подворью,
Ко ея красну окошку.
«Здравствуй Дунюшка, Дуняша!
Ты за что любишъ Ивана? —
Я за то люблю Ивана:
Его личико румяно,
Головушка кудревата.
На головкѣ черна шляпа
А во шляпѣ-то платочекъ,
Дуняшинъ дарочекъ. —

За тѣмъ дѣвушки занимаютя хороводными играми, или пѣснями, и только темная ночь прекращаетъ ихъ веселье.

VI. ТРОЙЦЫНЪ ДЕНЬ.

Знаменованіе зеленыхъ вѣтвей и украшеніе зеленью. Украшеніе зеленью въ Россіи и другихъ странахъ. Тройцынъ день, въ старину срочный день, а суббота троицкая, поминальная. Завиваніе вѣниковъ по разнымъ мѣстамъ. Окаменѣлый хороводъ. Выборъ невѣстъ въ лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ.

VI.

ТРОЙЦЫНЪ ДЕНЬ.

Нельзя опредѣлить времени происхожденія Тройцыныхъ игръ. Большая часть повѣрій и обрядовъ теряется въ глубокой древности; но суевѣрныя понятія объ нихъ остались еще въ обыкновеніяхъ, изъ коихъ многія служатъ предметомъ къ загадыванію, забавамъ и веселію, какъ напримѣръ, развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ, украшеніе домовъ зеленью, цвѣтами и плетеными вѣнками.

Знаменованіе зеленыхъ вѣтвей и украшеніе зеленью.

Употребленіе цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтвей въ язычествѣ, замѣняло чувствованія сердца: масличная вѣтвь, знаменовала общественный миръ; лавровая, — побѣду, а дубовая, славу. Посему въ торжественныя шествія онѣ носились по городу, и потомъ хранились въ храмахъ.—У Іудеевъ, украшеніе домовъ и городовъ цвѣтами и деревьями, утвердилось въ воспоминаніе заповѣдей, полученныхъ Моисеемъ отъ Бога, на горѣ Синаѣ. У нихъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ которомъ праздновались ихъ зеленыя святки, украшали подсвѣчники, потолоки, окна, зданія и храмы зеленью, цвѣтами, цвѣточными вѣнками и многолиственными деревьями. Сей обычай, безъ сомнѣнія, перешелъ отъ нихъ къ прочимъ народамъ.

Украшеніе зеленью въ Россіи и другихъ странахъ.

Въ Литвѣ и Польшѣ, въ Троицынъ день украшались церкви, вельможскіе домы и убогія хижины зелеными деревьями, цвѣтами и травами; даже лавки, двери, окна и самыя постели. — Это самое въ обычаѣ до нынѣ въ Малороссіи, и въ большей части Россіи. — Съ нѣкотораго времени, въ Литвѣ и Польшѣ, значительно уменьшился обычай убирать домы зелеными деревьями, по причинѣ ощутительнаго недостатка въ лѣсѣ. — На Жмудѣ, въ Духовъ день (Секминесъ), пастухи ѣздятъ на лошадяхъ съ пѣснями, для отвращенія непогодъ и засухи на пастбищахъ. — Въ Германіи доселѣ въ употребленіи троицкія деревья, троицкія и майскія пляски, и убираютъ церкви и колокольни цвѣтами и березками. — Въ Англіи равномѣрно существовали, незадолго предъ симъ, троицкія игры. Въ Венеціи совершали ежегодно въ Троицынъ день торжественное обрученіе дожа съ адріатическимъ моремъ.

Троицынъ день, въ старину срочный день, а суббота троицкая, поминальная.

Въ Россіи Троицынъ день долго служилъ срочнымъ временемъ, (до XVII. в.), ко взнесенію податей, рѣшенію спорныхъ дѣлъ и совершенію всякаго рода закладовъ, выкуповъ, продажъ, и новыхъ условій по хозяйственной части, а въ глубокой древности въ Троицкую субботу совершали языческіе обряды. Мущины и женщины сходились на жальникахъ (могилахъ) и плакали надъ гробами съ великимъ крикомъ. Когда заигрывали скоморохи и гудочники, тогда они переставали плакать, и начинали скакать, плясать и бить въ ладоши на могилахъ. (*)

Почти по всей Россіи Троицкая недѣля называется

(*) Стогл. гл. 41–44.

зеленою, но около Стародуба (черниг. губ.) она называется *гренухою* и *гренушкою*.

Завиваніе вѣнковъ по разнымъ мѣстамъ.

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день въ числѣ послѣднихъ весеннихъ праздниковъ; съ нимъ прекращается и катанье красныхъ яицъ. Здѣсь, на другой день Сошествія святаго духа, въ березовыхъ рощахъ, вьютъ вѣнки, которые вѣшаютъ на деревья, и поютъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися.
Тройца!

Думаютъ, что въ Троицынъ день русалки падаютъ съ деревьевъ. — Завивъ вѣнки, дѣвушки скачутъ вокругъ дерева, и хлопая въ ладоши, поютъ:

Мы вѣнки завивали,
Мы горѣлочки попили,
И яичницу поѣли.

Въ знакъ дружбы, мѣняются между собою кольцами. Потомъ старшая изъ нихъ садится на землю; ее покрываютъ платкомъ и привязываютъ къ колу. Она задремливаетъ. Прочія дѣвушки, взявшись за руки, танцуютъ около нея, и поютъ. Но вдругъ выскакиваетъ женщина, скачетъ среди ихъ высоко, какъ можетъ и бьетъ по рукамъ дѣвицъ. Поднимается смѣхъ и потѣха. Послѣ начинаютъ угощать виномъ, но такое угощеніе, сопровождаемое музыкою, отправляется по большой части около гумна.

Въ слѣдующее воскресенье гадаютъ о долговѣчности родителей, сестеръ, братьевъ, мужа, дѣтей и дорогаго для сердца, потомъ всѣ идутъ, въ стройномъ поряд-

кѣ, развивать вѣнки. — Если чей вѣнокъ не засохъ, тому долго жить, чей же засохъ, тому не долго жить. Однако еще остается надежда на испытаніе: снимаютъ засохшіе вѣнки и бросаютъ въ воду. — Когда плыветъ, вѣрной знакъ долгой жизни; когда потонулъ, — умереть непремѣнно, въ этотъ же самый годъ. — При развиваніи вѣнковъ поютъ:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На разгары развивали;
Горѣлочку попили,
И яичну поѣли.

Послѣ этого, дѣвушки снова мѣняются кольцами и танцуютъ.

Отъ зеленой недѣли, до слѣдующаго воскресенья, не занимаются ни какой работой, боясь прогнѣвить русалокъ, (*) и думая, что скотъ родится съ кривыми головами и ногами.

Нѣкогда предавали русалокъ проклятію. Вѣрили, что онѣ съ черными волосами и черными глазами; жили въ лугахъ и качались на сучьяхъ деревьевъ. Завидѣвъ кого либо, манили къ себѣ, приговаривая: *га! га! хадзицъ къ намъ на арели* (на люлькѣ) *колыхацл.* — Бѣда тому, кто подходилъ къ нимъ: его изуродовали. — По мнѣнію народа, русалки суть дѣти затерянныхъ или умершихъ безъ крещенія, или злыхъ Бѣлороссіянокъ. (**)

(*) Суевѣры думаютъ еще, что въ субботу предъ Тройцей будетъ преставленіе свѣта; а другіе ожидаютъ его въ этотъ день.

(**) Сѣвер. арх. 1822 г. Dzien. wileń., 1817 г. т. 6.; Goleb. Gr. i zab. ч. 3. с, 277–279.

Въ Малороссіи завиваютъ вѣнки съ особой радостію. — Дѣвушки отправляются на лугъ, и собираютъ тамъ любимыя ими душистыя травы: ландышъ, барвинокъ, васильки, незабудочки и другія, и плетутъ изъ нихъ вѣнки, при пѣніи:

Ой завью вѣнки, та на вси святки,
Ой на вси святки, на вси праздники. —
Да рано, рано, — на вси праздники.
А въ бору сосна колыхалася,
Дочка батиньки дожидалася.
Ой мій батиньку, мій голубчику,
Ты прибудь ко мни, хоть на одно лито,
У мене въ тынн, передъ воротами,
Сине море разливаеця. —
Паны и гетманы избѣгалнея
Вси сему диву дивовалися. —

По завитіи вѣнковъ, убираютъ ими сами себѣ голову, и возвращаются домой съ пѣніемъ.

Въ Тройцынъ день поютъ еще:

Прилитила зозулинька,
Зъ темнаго лисочку;
Сила, нала, заковала,
Въ зеленомъ садочку.
Ой якъ выйшла марусенька,
Въ ней запытала:
Скажи мени, зозулинько,
Чи довго буду въ батьна?
Будешь мила, Марусинько,
Сей день до вечора.
Бодай же ты, зозулинько,
Симъ литъ не ковала;

Що ты жени, молоденькой,
Правды не сказала.

Надобно замѣтить, что въ Троицынъ день дѣвушки спрашиваютъ у зозуль (кукушекъ), когда онѣ кукуютъ: долго ли имъ быть еще въ домѣ отца? Это значитъ: скоро ли выйдутъ замужъ? сколько разъ она прокукукаетъ, столько лѣтъ имъ жить или ждать суженыхъ.

Нельзя пропустить молчаніемъ и того, какъ встрѣчается и празднуется зеленая недѣля въ Малороссіи.—Тамъ, куда не посмотрите, все и повсюду зеленѣетъ. У порога хатъ поставлены зеленыя деревья; предъ окнами тоже: самые плетни убраны вѣтвями. Войдете въ бѣлую, чистенькую хату, и тамъ благоухающая зелень. Въ переднемъ углу, называемомъ покутомъ, стоитъ зеленое кленовое дерево, которое осѣняетъ собою столъ, накрытый бѣлою скатертью; на столѣ лежитъ хлѣбъ съ солью, (*) за образами воткнуты бузокъ (сирень) и гвоздики; на стѣнахъ и по потолку, тоже бузокъ душистый и гвоздика; полъ усыпанъ травою, на окошкахъ раскидана свѣжая трава, чебрецъ благовонный и полынь противу чародѣйствія; въ поливянныхъ стаканахъ и въ кувшинахъ, разставленныхъ по окошкамъ и главному столу, красуются: пивонія, лилія, оксамитъ, фіалки, пижма, Божіе дерево и другія. — Подъ иконами теплится лампада, или маленькая восковая свѣчка, коей тусклый свѣтъ, едва пробивающійся сквозь густоту бальзамическихъ растѣ-

(*) Въ Малороссіи есть обыкновеніе класть на столъ въ большіе праздники хлѣбъ и соль. Его снимаютъ со стола, когда возвратятся отъ обѣдни и садятся обѣдать.

ній, навѣваетъ на сердце и радость и чувство благоговѣнія. — Жители, истопивъ печи и приведя въ избѣ все въ порядокъ, одѣваются въ праздничный нарядъ; потомъ садятся по скамьямъ, и сложивъ руки, ожидаютъ съ чистосердечной набожностію благовѣста. Раздался колоколъ, всѣ привстали и перекрестились. Звонъ пробилъ три раза, народъ зашумѣлъ, засуетился и повалилъ въ церковь. Бѣлѣютъ юбки, пестрѣютъ разноцвѣтныя запаски, звѣздятся дукаты на загорѣвшихъ шеяхъ, блестятъ цвѣтныя монисты, развиваются по вѣтру узорчатыя и гладкія ленты, вплетенныя въ косы дѣвушекъ, конхъ головы, кромѣ лентъ, убраны еще барвинкомъ и другими цвѣтами. Въ рукахъ каждой дѣвушки вѣточка полыни и барвинку. Парни въ черныхъ и сѣрыхъ суконныхъ свиткахъ, подтянутые красными, зелеными и бѣлыми поясами, въ черныхъ и сивыхъ смушевыхъ шапкахъ, съ суконными или плисовыми вершками, идутъ чинно и съ веселой поступью. Всѣ они, поровнявшись съ пожилыми людьми, снимаютъ предъ ними шапку; послѣдніе привѣтствуютъ ихъ: «Добры день, будьте здоровы, зъ святою недилею.» Старики, одѣтые безъ щегольства, но чисто и опрятно, приближаются къ церкви, мѣрными шагами; набожность отсвѣчивается на ихъ лицахъ. Женщины преклонныхъ лѣтъ, въ бѣлыхъ длинныхъ свиткахъ и съ намитками на головѣ, идутъ скромно, подавая собою примѣръ дѣтямъ и внукамъ. — Послѣ обѣдни поднимается радостный шумъ и говоръ. Въ сторонѣ стоитъ высокій шестъ, который снизу до-верху увитъ зелеными вѣтвями и цвѣтами; около него насажены въ кружокъ кленовыя, липовыя и березовыя деревья. — Сюда стекаются веселыя толпы; раздаются пѣсни и начинаются пляски и хороводы; вда-

ли и около бренчатъ неутомимыя балалайки. Веселье продолжается до темной ночи.

На другой день недѣли, поутру рано, отправляются дѣвушки купаться. У каждой изъ нихъ на головѣ вѣнокъ, а въ рукѣ полынь. — Съ ними онѣ входятъ въ рѣку и ныряютъ: вѣнки сплываютъ съ ихъ головъ; послѣ онѣ выходятъ на берегъ и слѣдятъ глазами за вѣнками. Чей вѣнокъ принесется водою первымъ къ берегу, та думаетъ, что она прежде всѣхъ своихъ подругъ выйдетъ замужъ; чей вторымъ, та послѣ своей подруги, и такъ далѣе. Но если вѣнокъ начнетъ качаться на одномъ мѣстѣ и не плыветъ, — не выйти замужъ; чей потонетъ, — той умереть скоро.

Еслибы захотѣли спросить у старыхъ Малороссіянъ: зачѣмъ въ день святой недѣли всѣ носятъ полынь? то они разскажутъ вамъ легенду, съ простодушной увѣренностію въ ея истинѣ. Святая недѣля есть великъ день малокъ; въ этотъ день онѣ выходятъ изъ воды повеселиться, погулять и кроются въ травѣ, житѣ, и въ огородахъ. Онѣ нападаютъ на человѣка и щекочутъ его. — Бѣдный смѣется до тѣхъ поръ пока умираетъ отъ смѣха. Если же человѣкъ имѣетъ при себѣ полынь, то малки боятся его, и не смѣютъ даже приблизиться къ нему. Отъ того дѣти, взрослые и старики, идя купаться, на гулянье, въ поле, въ огородъ, даже гуляя по селу, всегда носятъ при себѣ полынь. Но этому-то поводу раскладываютъ полынь на окошкахъ, посыпаютъ ею полъ въ хатахъ, бросаютъ въ сѣняхъ, бросаютъ на порогъ и во дворѣ, чтобы малки не дерзали прибдижаться даже ко двору. Случалось не разъ человѣку, что малка, встрѣтившись съ нимъ, спрашивала его: *що у тебе?* Если онъ отвѣчалъ: *полынь*, и покажетъ; то она сказавъ: *цурь тоби зъ нимъ*, удалялась отъ него; но если встрѣтившійся имѣлъ

при себѣ мяту, и скажетъ *мята*, то она отвѣтивъ ему: *тутъ тоби хата*, начинаетъ щекотать и защекотываетъ до смерти. — Что же это за малки? — Маленькія дѣти, которыя умирали некрещенными. Души, послѣ ихъ смерти, переселяются жить въ рѣки и озера, гдѣ онѣ плаваютъ золотыми рыбками. — Иногда онѣ превращаются въ дѣвушекъ, и показываясь на берегахъ, манятъ къ себѣ проходящихъ; когда эти приближаются къ нимъ, тогда онѣ скрываются въ воду; но бывало, что малки уносили съ собою на дно рѣки, парней, съ коими онѣ любятъ забавляться.

Не вѣрите этой легендѣ? — такова всякая легенда, но позвольте, имѣйте терпѣніе выслушать до конца разсказъ одного старика, который божится и присягаетъ за достовѣрность легенды.

Въ день святой недѣли, онъ шелъ вечеромъ, когда былъ еще парубкомъ, въ свою деревню; не доходя за полверсты до деревни, была могила; на той могилѣ стояло три креста. Онъ смотритъ: подъ крестами сидятъ шесть барышень, одѣтыхъ пышно, какъ царевны, — лица ихъ были румяны, словно калина. Такихъ красавицъ онъ не видывалъ отъ роду. Онъ подумалъ сначала, что это какія нибудь проѣзжія пани, зашли посмотрѣть намалеванный крестъ (разрисованый), который недавно былъ поставленъ надъ умершимъ прикащикомъ. Подходитъ ближе, барышни начали перекидываться, и знай, что-то приговариваютъ; онъ подошелъ еще ближе, прислушался, и волосы стали дыбомъ на его головѣ. Одна покатилась съ могилы, закричала: *ухъ! у мене соломенный духъ; мене мати уродила нехрещену положила.* За ней другая, третья и такъ всѣ, и всѣ приговариваютъ тѣже самыя слова. Счастье мое, говорилъ онъ, что я имѣлъ при себѣ полынь, былъ бы мнѣ тутъ аминь. Когда малки разбѣжались,

тогда онъ перекрестился, спряталъ полынь въ кишеню (карманъ), побѣжалъ въ деревню, разсказалъ объ этомъ случаѣ всѣмъ встрѣчнымъ, крестился и божился, что это правда.

Цвѣты и травы, находимые въ Троицынъ день, хранятся въ домахъ, какъ предохранительное средство отъ разныхъ недуговъ. Предъ захожденіемъ солнца, когда умолкаютъ пѣсни и прекращаются хороводы, поселяне пускаютъ вѣнки на воду, наблюдая чей какъ поплыветъ: закружится ли, поворотится или потонетъ? Правильное и спокойное плаваніе,—означаетъ счастливый успѣхъ; круженіе,—неблагопріятное окончаніе дѣла, а потопленіе,—несчастное событіе. Гаданія, производимыя дѣвицами о выходѣ за мужъ, о женихѣ, о будущемъ счастіи, и тому подобное, часто производятъ печальныя впечатлѣнія на цѣлое семейство. — Послѣ пусканія вѣнковъ на воду, что не вездѣ соблюдается одинаково,—иногда поутру, иногда въ полдень,—отправляются дѣвушки въ березовыя рощи, при пѣніи радостныхъ пѣсней, и тамъ играютъ въ хороводы, вьютъ новые вѣнки, угощаютъ другъ друга и веселятся играми и плясками.—Суворовъ любилъ праздновать Троицынъ день и семикъ въ березовой рощѣ. Тутъ онъ обѣдалъ съ своими гостями подъ кудрявыми березками, испещренными разноцвѣтными лентами, при пѣніи народныхъ пѣсней; послѣ обѣда игралъ въ хороводы не только съ дѣвушками, но съ солдатами, и забавлялся играми, изъ коихъ особенно любилъ: «живъ, живъ, курилка.»

Въ петербургской губ. плетутъ вѣнки, на канунѣ Троицына дня, а въ этотъ день пускаютъ ихъ на воду съ разными гаданіями и вѣрованіями. Дѣвушки замѣчаютъ всякое движеніе плывущаго вѣнка, и если онъ потонетъ, то непремѣнно несчастіе!

По этому случаю составилась въ народѣ памятная пѣсня:

Во садику дѣвки гуляли,
Калина моя, малина моя!
Во саду красныя гуляли,
Калина моя, малина моя!
Цвѣтки сорывали, вѣнки совивали,
Калина моя, малина моя?
Во Неву рѣку бросали,
Калина моя, малина моя!
Кто вѣнокъ поймаетъ,
Калина моя, малина моя!
За того за мужъ пойду.
Калина моя, малина моя!
Гдѣ ни взялся молодчикъ,
Калина моя, малина моя!
Изъ суровскаго ряду.
Калина моя, малина моя!

Разувался, раздѣвался,
Калина моя, малина моя!
Въ Неву рѣку бросался.
Калина моя, малина моя!
Какъ вѣночекъ-то далѣ,
Калина моя, малина моя!
Молодецъ то вѣдь тонетъ,
Калина моя, малина мия!
Какъ вѣнокъ повернулся,
Калина моя, малина моя!
Молодецъ захлебнулся,
Калина моя, малина моя!

Если вѣнокъ, не коснувшись береговъ, уплыветъ и не потонетъ, то сбудутся желанія дѣвицы. —Послѣ пусканія вѣнковъ, отправляются въ рощи или въ окре-

стные сады: тамъ забавляются играми, хороводами, пляшутъ и поютъ, между разнообразными пѣснями, гроицкую пѣснь:

Благослови, тройца,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти
Вѣночекъ сплести,
Ой, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ;
Свекру-батюшкѣ, малиновой;
Свекрови-матушкѣ, калиновой.
Ой, дидъ, ой, ладо!
Пойду ль я пѣшкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчиньку;
Ой, дидъ, ой, ладо!
Не тонетъ, не плыветъ,
Съ сыра дуба вѣточка.
Не тужитъ по мнѣ:
Ни свекоръ батюшка,
Ни свекровь матушка. —
Ой, дидъ, ой, ладо!

Въ московской губерніи пускаютъ на воду, при загадываніи, пучки тѣхъ цвѣтовъ, которые стояли въ церкви.

Въ калужской губер. существовало обыкновеніе, которое мѣстами отправляется попынѣ, что парень, задумавшій жениться, долженъ вытащить изъ воды вѣнокъ для той, которую проситъ за себя. Вытащивши вѣнокъ, онъ можетъ свататься.

Въ рязанской губерн. дѣвицы и молодыя женщины,

ходятъ завивать вѣнки въ рощу. Набравъ полевыхъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ, онѣ садятся подъ вѣтвистымъ деревомъ, или гдѣ имъ понравится, въ хороводный кружокъ, и поютъ пѣсни, съ припѣвомъ *Лелю*; потомъ полудничаютъ. — По сплетеніи вѣнковъ, надѣваютъ ихъ себѣ на голову, и идутъ хороводомъ къ р. Окѣ, въ которую бросаютъ съ себя вѣнки, и гадаютъ по ихъ плаванію про будущую свою судьбу.

Завиваніе вѣнковъ въ смоленской губерніи совершается не въ одно время, смотря потому, въ который день празднуютъ Сошествіе св. Духа и св. Троицу. Въ смоленскомъ, рославскомъ, духовщинскомъ, краснинскомъ, елнинскомъ, дорогобужскомъ, бѣльскомъ и порѣчьскомъ, Духовъ день празднуется въ воскресенье, а Троица въ понедѣльникъ: поэтому завиваютъ вѣнки въ понедѣльникъ. Точно въ такомъ порядкѣ празднуютъ эти дни въ могилевской и витебской губ.; но въ уѣздахъ: вяземскомъ, гжатскомъ, сычевскомъ и юхновскомъ, смоленской же губер. Троицынъ день празднуютъ въ воскресенье, а Духовъ въ понедѣльникъ; посему завиваютъ и вѣнки въ воскресенье. Такъ празднуютъ въ губерніяхъ: С. Петербургской, Новгородской, Псковской. —

Въ завиваніи вѣнковъ, кромѣ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, принимаютъ участіе пожилые обоихъ половъ; вѣнки завиваютъ съ музыкою и пѣніемъ, начиная отъ дома или селенія, изъ котораго выходятъ въ рощу, или въ лѣсъ.

Мы пойдемъ дѣвочки
Во луга гулять,
Ай люли, люли, во луга гулять!
Во луга гулять,
Вѣнки завивать,
Ай люли, люли, вѣнки завивать.

Мы завьемъ вѣночки
На всѣ красны денечки.
Ай люли, люли, на красны денечки.

Благослови Тройца,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Вѣнокъ сплести,
Ай люли, люли, вѣнокъ сплести.

При завиваніи поютъ :

Благослови Тройца,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести ;
Ай люли, люли, намъ вѣнокъ сплести ;
Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ,
Ай люли, люли, свекрови матушкѣ :
Свекру батюшкѣ малиновый,
Свекрови матушкѣ калиновый ;
Ай люли, люли, калиновый,
А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтійка,
Ай люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!

Въ Тройцынъ день пускаютъ вѣнки на воду и гадаютъ : дѣвушки и парни о суженыхъ, а замужнія и пожилыя о смерти, или о горѣ и радости въ жизни; когда вѣнокъ не коснется берега рѣки, и не потонувъ, уплыветъ,—тогда сбудется желаніе; въ противномъ случаѣ,—неудача или смерть. При пусканіи вѣнковъ, поютъ.

Да пойду ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Ай люли, люли, лужкомъ, бережкомъ.
Сломлю со сыра дуба вѣточку,
Брошу на быстру рѣчиньку,
Ай люли, люли, на быстру рѣчиньку,

При неудачѣ въ гаданіи поютъ:

Да грозна, грозна
Громовая туча!
Ай люли, люли, громовая туча!
Грозиѣй того нѣтъ, —
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
Ай люли, люли, ко мнѣ свекоръ ѣдетъ.
Ко мнѣ свекоръ ѣдетъ
Со лютой свекровью.
Ай да люли, люли, со лютой свекровью.
Вы мостите мосты,
Гнилыя колоды.
Ай да люли, люли, гнилыя колоды.
Забивайте гвозди,
Еловыя шишки.
Ай да люли, люли, еловыя шишки.
Чтобы мостъ обломился,
Лютый свекоръ залился.
Ай да люли, люли, лютой свекоръ залился.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казанской губер., выходятъ на канунѣ Троицына дня, съ Св. образами, чтобы служить молебны на полѣ, засѣянномъ хлѣбомъ; поле и скотъ окропляютъ освященной водою. — По окончаніи молебствія, поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярилы.

Въ чебоксарскомъ уѣздѣ (Казанской губер)., дѣвушки изъ нѣсколькихъ деревень, сходятся вмѣстѣ на се-

микъ, ѣдятъ яичницу, и потомъ отправляются въ лѣсъ завивать вѣнки на березѣ. Возвратясь въ деревню, выбираютъ лучшую избу, моютъ ее, даже соскабливаютъ нечистоту со стѣнъ, и выметаютъ дворъ. Въ этотъ день дѣлается между ними ссыпчина (складчина), на которую каждая дѣвушка приноситъ съ собою часть муки, солоду, хмѣлю, и варятъ пиво. Въ Троицынъ день наряжаются дѣвушки, по-утру рано, въ лучшіе сарафаны, и потомъ отправляются вмѣстѣ въ ту рощу, гдѣ завивали въ семикъ вѣнки; берутъ съ собою березку, украшаютъ ее лентами и приносятъ съ пѣніемъ, въ избранную ими для празднованія избу. Здѣсь весь дворъ убираютъ березками и вѣнками. — Ихъ праздникъ продолжается три дня, и сюда съѣзжается множество гостей изъ деревень и городовъ. Всѣ веселятся, пляшутъ, поютъ, а дѣвушки по большей части гадаютъ о своихъ женихахъ, или тутъ высматриваютъ ихъ. Безъ молодежи имъ праздникъ не праздникъ, — то и раздолье, когда гуляетъ безпечная юность, то и наслажденіе, когда радуетъ весна жизни. Старухи и матушки, припоминая о своемъ давно минувшемъ веселіи, говорятъ: мы гуляли лучше ихъ! — но онѣ говорятъ со вздохомъ и не безъ зависти къ веселящимся.

Въ пермской губ. не менѣе забавляются, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Гулянье происходитъ по большой части внѣ города. Въ Перми, за кунгурской заставой; располагаютъ круглыя и веревочныя качели; торгаши разбиваютъ палатки, или раскладываютъ на устроенныхъ прилавочкахъ пряники, орѣхи, сладкіе плоды и разные напитки. — Дѣвушки и парни качаются на качеляхъ; другіе поютъ, а тамъ пляшутъ. Въ Духовъ день предаются тѣмъ же самымъ забавамъ уже на горѣ, — надъ рѣчкою Егошикой. — Считающія себя не

простыми людьми, прогуливаются по березовымъ алеямъ, разсаженнымъ подлѣ землянаго вала.

Въ пензенской и симбирской губ., Троицынъ и Духовъ дни сопровождаются страннымъ обычаемъ. Дѣвушки, одѣвшись въ простыя платья, сходятся на условленное мѣсто; тамъ, избравъ одну изъ своихъ подругъ, съ названіемъ *Костромы*, кладутъ ее на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду. Потомъ и сами туда бросаются за нею: купаются, поютъ, шалятъ и дурачатся. Порѣзвившись вдоволь, дѣлаютъ барабанъ изъ лубка, съ нимъ идутъ домой, при пѣніи и глухомъ барабанномъ боѣ. За тѣмъ наряжаются въ праздничныя платья, и играютъ въ хороводы до вечера.

Еще есть другое обыкновеніе въ пензенской губер.: тамъ, за три дня до пятидесятницы, всѣ дѣвушки отправляются хороводомъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Пока идутъ къ лѣсу, поютъ:

Охъ ты веснушка, весна,
Весна барыня моя!
Что не въ радости пришла,
Не въ радости, не въ чести,
Во великой сухотѣ.
Охъ ты садъ ли мой, садикъ,
Садъ, зеленой виноградъ:
Отъ чего садикъ повялъ?
Въ саду молодецъ гулялъ,
Тяжеленько вздыхалъ.
Тяжелѣе того дѣвка плакала,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
По своемъ дружкѣ, по Иванушкѣ.
У Иванушки лицо бѣлое,
Лицо бѣлое, все румяное,
Все румяное, кудри русыя,

На русыхъ кудряхъ шляпа новая,
Шляпа новая со бархоткою.

Вошедши въ лѣсъ, всѣ разсыпаются въ немъ: тамъ онѣ ломаютъ мѣлкія вѣтви деревьевъ, свиваютъ изъ нихъ вѣнки, которые и оставляютъ на мѣстѣ до самаго праздника, но прежде всего, свивъ одинъ вѣнокъ, кумятся. — Дѣвица подаетъ сквозь вѣнокъ другой дѣвицѣ яйцо и говоритъ:

Покумимся,
Кумушка,
Покумимся,
Голубушка!
Да іо, іо,
Семикъ да Троица!

Послѣ выходятъ изъ лѣса, съ пѣснію:

Ты не льсти меня словами,
Не обманывай въ глаза!
Ты почувствуй, мой любезный,
Что я буду говорить,
Всѣ досады перенесла
На своей бѣлой груди.

Наскучивъ пѣсныо голосовою, онѣ затягиваютъ скоморошную.

Негодный сынъ тараканъ,
Купилъ дѣвкѣ сарафанъ.
Она его не носитъ,
Бумажнишькаго проситъ.

Въ день праздника, всѣ дѣвицы отправляются за вѣнками, и поютъ которую нибудь изъ прописанныхъ пѣ-

сенъ. На обратномъ пути, подходя — къ селу, или деревнѣ; поютъ:

Да іо, іо, семикъ да и Тройца!
По этой по улицѣ,
Разливъ разливается,
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!
Во этомъ разливчикѣ,
Утонъ добрый молодецъ (*)
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!
Съ своимъ воронымъ конемъ,
Съ черкасскимъ сѣдельцемъ.
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!

Подошедъ къ рѣкѣ, дѣвицы бросаютъ свои вѣнки въ воду, и смотрятъ: не тонетъ ли который изъ нихъ? чей потонетъ, той быть за мужемъ. Прежде, нежели разойдутся по домамъ, опять поютъ:

Раскумимся, кумушка,
Раскумимся голубушка,
Да іо, іо, семикъ да и Тройца!

Тѣмъ и оканчивается завиваніе вѣнковъ. Въ послѣдній день весны, прежде всего хлопочутъ какъ бы проводить ее почестнѣе.—Трое или четверо молодыхъ ребятъ, накрывшись двумя, или тремя пологами, образуютъ изъ себя подобіе лошади, довольно уродливой. Одна изъ женщинъ, наряжается въ солдатскій мундиръ и панталоны, и командуетъ тремя лошадьми. Всѣ дѣвицы провожаютъ ихъ за свое село или деревню, и прощаются съ ними, въ ознаменованіе послѣд-

(*) Здѣсь называютъ по имени и отечеству.

няго веселія, и это называется *проводами* весны. — Послѣ во всю ночь идетъ веселье и пляска. Такъ оканчивается послѣдній день весны. Съ петровскаго поста до глубокой осени, всѣ заняты тяжелыми работами: сѣнокосомъ, уборкой хлѣба и т. п,, и по этому разстаются съ весною не безъ грусти.

Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня, погребаютъ *кострому*, а въ Владимірѣ на Клязьмѣ, погребаютъ въ это самое время *ладу*.

При завиваніи вѣнковъ въ калужской губ., занимаетъ главное мѣсто при угощеніи, драчона и пироги. Послѣдній дѣлается на подобіе колпака; внутренность его почти вся видна, по причинѣ тестяной на верху его плетенки. Подъ сподъ привѣшиваютъ два окрашенныхъ пустыхъ яйца. Пирогъ этотъ хранится до развитія вѣнковъ, и во время забавъ поется хороводная пѣснь:

«А мы просо сѣяли, сѣяли», и т. д.

По развитіи вѣнковъ, отправляются съ пѣснями къ мосту или рѣчкѣ, и снявъ съ головы вѣнки, бросаютъ ихъ въ воду, замѣчая: если чей вѣнокъ не тонетъ, того мать, или другой кто изъ родныхъ умретъ въ тотъ самый годъ, хотя этого почти никогда не случается, однако загадывающіе остаются въ убѣжденіи.

Въ орловской губ. пекутъ на Троицынъ день два коровая: это печенье называется *моленіемъ короваю*. Одинъ ѣдятъ за столомъ, а съ другимъ ходятъ дѣвушки въ рощу завивать вѣнки.

Въ псковской губ. *прочищаютъ глаза у родителей*,— это значитъ, что дѣти обметаютъ и опахиваютъ тогда могилы своихъ родителей троицкими цвѣтами, связанными въ большой пукъ, на подобіе вѣника.

Въ Петербургѣ также ходятъ въ Троицынъ день на могилы: посыпаютъ ихъ цвѣтами и обстанавлива-

ютъ березками; поминаютъ своихъ родителей и проводятъ цѣлый день съ покойниками, думая, что они бесѣдуютъ, веселятся и горюютъ съ ними. Въ этотъ день поминаютъ еще не однихъ родныхъ, но и знакомыхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ енисейской губ. одѣваютъ березку въ пестрое платье, и ставятъ ее въ клеть до Троицына дня. — Это чучело изъ березки называется *гостейкою*. Въ Троицынъ день послѣ обѣдни, выносятъ дѣвушки съ парнями гостейку за селеніе; завиваютъ въ рощѣ вѣнки и пляшутъ около гостейки; потомъ пускаютъ на воду плетеные вѣнки и гадаютъ.

Изъ мѣстныхъ обычаевъ на Троицынъ день, не менѣе замѣчателенъ у волжскихъ жителей. Завивъ березки въ рощѣ, отправляются съ вѣнками къ рѣкѣ Волгѣ, при радостномъ пѣніи.

Глубока рѣка, берега рвала,
Охъ, люли, берега рвала!
Ужъ я молода по бережку шла,
Охъ люли, по бережку шла!
По бережку шла, и цвѣты рвала,
Меня молоду туда сорвало,
Внизъ понесло, къ донскимъ козакамъ
Охъ люли, къ донскимъ казакамъ.

По развитіи вѣнковъ, бросаютъ ихъ въ воду: чей вѣнокъ прямо поплыветъ, той выйти за мужъ, въ тотъ же годъ; чей потопетъ, той сидѣть въ дѣвкахъ.— По окончаніи загадыванія, возвращаются домой съ пѣніемъ:

Грушица, грушица, зеленой виноградъ,
Подъ грушицей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвушка сидитъ,
Забавныя рѣчи говоритъ:

Ахъ, понече какія времена!
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья. —
Всяка дѣвка, себѣ дружка зажила:
Дальній другъ, — большая сухота,
Ближній другъ, — веселье завсегда. —
Призвала дружка на часокъ побывать;
Уняла его и ночку ночевать;
Упросила недѣлюшку пожить,
Принуждаетъ его силою любить.
Уже силою не буду я любить,
По неволѣ я не буду цѣловать (*).

Въ воронежской губерніи существовалъ обычай, что дѣвушки завивали вѣнки по утру Троицына дня, — а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ, уже вечеромъ. — Для праздника строили шалашъ за городомъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистою зеленью; внутри его ставили чучело, одѣтое въ богатое платье, мужское или женское. Около шалаша толпились люди обоего пола раскладывали на застланныхъ скатертью столахъ или на землѣ, нарочно приготовленное кушанье, и ставили разнаго рода напитки: медъ, пиво, варенуху и водку; садились и угощали другъ друга; за тѣмъ начинали пѣть и плясать около шатра. — Дѣвушки и молодые парни составляли хороводъ съ пѣснями, и пѣли.

Луговая коростель,
Ладо, ладо, коростель!
Не кричи рано по зорѣ
Не буди меня рано на зорѣ!

(*) Снегир. русск. прост. пр. и суев. обр. ч. III. с. 148–151.

У меня матушка, — мачиха.
Она меня поздно спать кладетъ,
Она меня рано взбуживаетъ
Къ легкому дѣлу, — къ жерновамъ.
Луговая коростель,
Ладо, ладо, коростель!
Закричи рано по зорѣ,
Разбуди меня рано на зорѣ!
У меня матушка родная,
Она меня рано спать кладетъ,
Она меня поздно взбуживаетъ
Къ тяжелому дѣлу къ пялицамъ.

Въ Семикъ и Троицынъ день, разыгрываютъ, въ сѣверной части Россіи, хороводную игру жениха и невѣсты, при завиваніи вѣнковъ. Въ средину хоровода помѣщаютъ ловкаго парня и печальную дѣвущку. Хороводъ ходитъ вокругъ нихъ, и поетъ:

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ!
Стоятъ шатры, стоятъ полотняны
Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,
За шатромъ гуляетъ гостинниъ сынъ.
Онъ во гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачъ, не плачъ дѣвушка,
Не плачъ, не плачъ красная!
Сошью тебѣ дѣвушка,
Шубку, юбку, тѣлогрѣйку;
Подарю монисты съ камнями
Серьги со жемчугами.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ!
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные,
Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,

За шатромъ красна дѣвица гуляетъ.
Дѣвица рѣчи ведетъ,
Къ гостинну молодцу:
Ненадобно молодецъ,
Ни шубки, юбки, тѣлогрѣйки,
Ни монисты со камнями,
Ни серегъ съ жемчугами.
Пусти меня, молодецъ,
Съ дѣвицами гулять!
Тогда тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

Эта хороводная игра, выражающая грусть дѣвушки по ея свободѣ, которая для ней дороже всѣхъ подарковъ, оканчивалась въ старину расплетеніемъ косы. Дѣвица всегда восхищается волнистою своей косою, но какъ она плачетъ, когда расплетаютъ ее! Наши пѣсни о русой косѣ, запѣчатлены душевною тоской.— Такъ пѣли наши предки, такъ оно и было. А теперь, не то время! теперь каждая дѣвушка расплетаетъ съ радостію свою косу, чтобы ей быть по свободнѣе. За мужемъ. Слѣдующую пѣснь такъ же поютъ, во время троицкихъ хороводовъ.

Конопля, конопля зеленая моя!
Чтожъ ты конопля, не весела стоишь?
Ахъ, какъ мнѣ коноплѣ весело стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломало,
Сверху коноплю воробьи клюютъ.
Дѣвка ты, дѣвушка красная!
Чтожъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?—
Ахъ, какъ мнѣ дѣвушкѣ веселой быть!
Мой батюшка хочетъ замужъ отдавать,
А мачиха хочетъ въ черницы постричъ,
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А мачиха пошла за игуменьею. —

Скрыпнули ворота растворчатые,
Брехнула собака борзая на цѣпи,
Мнѣ чало (мнѣ думалось) батюшка съ боярами,
Ажно моя матушка съ игуменью.
Садись, мое дитятко, на золотое стульце,
Расплетай, мое милое, русую косу.
Пусти меня матушка на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румяницы съ лица постирать.
Смосмъ, мое дитятко, горючей слезой
Сотремъ, мое милое, пельчатымъ рукавомъ (*).

Окаменѣлый хороводъ.

Между суевѣрными предметами, народъ сохранилъ на берегу рѣки Мечи, въ селѣ Козьемъ, (около Тулы), кучу камней, расположенныхъ хороводнымъ кругомъ.— Тамъ думаютъ, что этотъ кругъ состоялъ изъ хороводныхъ дѣвушекъ, которыя, за неистовыя пляски ихъ на Тройцынъ день, превращены небеснымъ громомъ въ камни. — Это похоже на Ніоба, превращеннаго громомъ съ дѣтьми въ камни.

Въ древности ходили въ священныя рощи снимать кору съ деревьевъ, березы, липы и дуба, и прикладывали ее къ ранамъ. Добывая огонь изъ священныхъ деревьевъ, помощію трепія, хранили его дома. Другіе брали кусочекъ затлѣвшагося дерева или щепочку золы, и берегли у себя, думая предохраниться отъ заразы. Спинную боль излѣчивали топтаніемъ ногами по хребту спины, въ священной рощѣ. (**)

Выборъ невѣсты въ лѣтнемъ саду въ Петербургѣ.

Странное сохранилось донынѣ обыкновеніе въ Петербургѣ. Спустя недѣлю послѣ перваго Воскресенья отъ Тройцы, молодые люди выбираютъ себѣ невѣстъ въ лѣтнемъ саду. — Туда стекается изъ столицы, въ

(*) Украинскій журн. 1824 г. № 11.
(**) De Russ. relig. et ritib. ed. 1581 г.

четыре или пять часовъ по полудни, все, что можетъ ходить и двигаться, чтобы посмотрѣть, полюбоваться и самихъ себя выказать. Музыка гремитъ безумолкно, по всѣмъ угламъ сада, въ коемъ гуляютъ въ богатыхъ и изысканныхъ нарядахъ, гуляютъ и замѣчаютъ другъ друга. Хотя это гуляньe собственно купеческое, однако подъ ихъ вывѣскою, расхаживаютъ и другіе, кто ищетъ себѣ жениха или невѣсты. Дѣвушки и молодыя вдовушки, изъ купеческаго и мѣщанскаго сословій, одѣваются съ расточительной роскошью, въ дорогія платья, голову и шею унизываютъ жемчугомъ и брилліантами; въ уши вдѣваютъ драгоцѣнныя серьги; пальцы испещряютъ перстнями и кольцами. — Разряженныя невѣсты ходятъ по главной аллеѣ, съ своими матерями и родственницами; женихи, которые стоятъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, высматриваютъ невѣстъ, и потомъ объявляютъ о своемъ выборѣ стоящей возлѣ нихъ свахѣ. Эти передаютъ условія и желанія жениха, и дѣло по большей части въ шляпѣ. Часто женятся весьма забавно. Многіе изъ жениховъ, думая, что драгоцѣнное украшеніе дѣвушки, которое видѣли на ней, есть ея собственное, — между тѣмъ какъ все это берется отъ брилліянщиковъ на прокатъ, — опрометью пущутъ руки, въ той надеждѣ, что обогатятся навѣрно. Но какъ они обманываются жестоко! въ удѣлъ достается не рѣдко одно подвѣнечное платье, и въ томъ, увы, все богатство!

VII. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Первое апрѣля. Апрѣльскій дуракъ и апрѣльская рыба. Первое апрѣля въ Россіи.

VII.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Это не есть народный праздникъ, а одинъ веселый обычай: обманывать въ первый день апрѣля. На востокѣ и въ древней Европѣ, онъ составлялъ часть языческаго празднества. У насъ на Руси, онъ никогда не былъ въ числѣ празднествъ; нынѣ же онъ служитъ къ непостоянымъ забавамъ и шуткамъ. (*) Первое апрѣля.

Первое апрѣля обязано своимъ происхожденіемъ востоку. Въ глубокой древности праздновали Индѣйцы, и нынѣ празднуютъ въ это время, рожденіе бога Шивы и его праздникъ называется *Гули* или *Голака*. Въ честь его представляютъ разныя игры, сопровождаемыя обманами.

У Римлянъ первое апрѣля посвящалось въ честь божеству *смѣха*, и составляло народное празднество. Смѣялись, шутили, выдумывали обманы, переодѣвались и паряжались для обмана.

Евреи, предвидя Воскресеніе Іисуса Христа, распустили въ народѣ ложную молву, что Спаситель не воскреснетъ, развѣ тѣло Его похитятъ ученики. Когда

(*) Golęb. Gr. i zab. rożn. stan. War, 1831.

божественное воскресеніе совершилось, тогда ученики вездѣ провозглашали съ торжествомъ: *Христосъ воскресъ*. Невѣровавшіе въ Воскресеніе отвѣчали, *не правда*. — Но какъ воскресеніе случилось перваго апрѣля, то первое число этого мѣсяца сдѣлалось предметомъ посмѣянія надъ Евреями, разглашавшими повсюду неправду о не воскресеніи Христовомъ. — Іудеи думали, что обманывая себя, обманутъ весь свѣтъ. — Современемъ этотъ обманъ обратился въ шуточный, и доселѣ господствуетъ по всей Европѣ. — У насъ, особенно въ Петербургѣ, непостоянная апрѣльская погода, примѣнена къ непостоянству самыхъ женщинъ. — Прекрасный полъ привыкъ къ этому сравненію. Любовныя проказы, супружескія измѣны, обыкновенныя во всей подлунной, оправдываются въ столицѣ непостоянствомъ апрѣльскимъ, а если ужъ большіе грѣхи, то годичнымъ непостоянствомъ климата. — Такъ должно быть, говорятъ обманываемые въ свое утѣшеніе. Нигдѣ первое апрѣля такъ не кстати, какъ въ Петербургѣ.

Апрѣльскій дуракъ и апрѣльская рыба.

Обманутый перваго апрѣля, называется *дуракомъ*. У Англичанъ, Шотландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ и Нѣмцевъ, этотъ день называется днемъ всѣхъ дураковъ.

Во Франціи апрѣльская шутка называется *апрѣльской рыбою*, означая этимъ, что людей такъ легко обманывать, какъ нѣмыхъ рыбъ. Въ это время тамъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, говорятъ еще: посылать отъ Пилата къ Ироду, т. е. когда дѣло во всемъ чистое, посылать вновь на судъ. Выраженіе это вошло конечно въ употребленіе съ тѣхъ поръ, когда водили Спасителя отъ Пилата къ Ироду.

Чехи и Словаки употребляютъ выраженіе: *послати кого съ апрѣлемъ*.

Обычай обманывать перваго апрѣля, занесенъ въ Россію иностранцами, нѣтъ сомнѣнія, до временъ Петра 1. Въ 1700 г., явившаяся въ Москвѣ на площадѣ труппа Нѣмецкихъ комедіантовъ, объявила всенародно, что перваго апрѣля, въ день представленія *разныхъ забавныхъ и невиданныхъ штукъ*, содержатель ихъ, нѣмецъ, покажетъ на себѣ чудо изъ чудесъ: онъ влезетъ въ обыкновенную бутылку. — Когда народъ собрался и долго ожидалъ съ нетерпѣніемъ, тогда открылась занавѣсь и на освѣщенномъ огнями театрѣ, явилась бутылка, съ бѣлой надписью на стѣнѣ: *апрѣля, первое число.* Государь, присутствовавшій при этомъ представленіи, остался не довольнымъ шуткою, но не обнаруживая гнѣва, онъ сказалъ съ усмѣшкой: *вотъ вольность актеровъ.* (*) Въ послѣдствіи времени перво-апрѣльскія забавы распространились у насъ повсюду. Первое апрѣля въ Россіи.

(*) Голик. Дѣян. Петра В. ч. 2. с 11.

VIII. ПЕРВОЕ МАЯ.

Происхожденіе перваго мая. Сѣченіе мужей перваго мая. Общее обыкновеніе майскихъ забавъ. Изгнаніе чертей и вѣдьмъ, и добываніе огня. Майскія собранія. Неизвѣстность майскаго гулянья между славянами. Кокуй въ Москвѣ и введеніе гулянья. Майскія рекреаціи. Еремей запрягальникъ.

VI.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Происхожденіе перваго мая.

Гулянье и празднество въ первое мая, есть иностранное, и введено Петромъ I. — Разсматривая исторически происхожденіе празднества перваго мая, мы тотъ-часъ узнаемъ, по самому имени, что оно собственно есть римское, и не древнѣе 740 л. до Р. Х. Мѣсяцъ май (majus), названъ Ромуломъ, въ память раздѣленія народа на части, изъ коихъ одна именовалась *maiores*, предками. По мнѣнію нѣкоторыхъ май, названъ отъ имени *маіи*, дочери Атланта, матери Меркурія. Сабинцы приносили жертвы, въ первый день мая, домашнимъ богамъ Ларамъ, а знатныя Римлянки, *доброй* богинѣ, въ домѣ первосвященника. — Мущины не могли присутствовать при этомъ жертвоприношеніи. Самыя картины и статуи, изображавшія мущинъ, были въ то время завѣшаны. — Римскій народъ поставлялъ за грѣхъ вступать въ бракъ въ продолженіе этого мѣсяца, по причинѣ совершавшихся тогда набожныхъ поминовеній *лемуріямъ*, — тѣнямъ умершихъ. — У насъ май мѣсяцъ тоже считается несчастливымъ для браковъ.

Май сначала былъ третій, а потомъ пятый мѣсяцъ въ году. Нума Помпилій, второй царь по Ромулѣ, возстановивъ празднества на разные народные случаи, ввелъ въ обыкновеніе праздновать первое мая; но о значеніи празднованія, мнѣнія писателей различны. Одни утверждаютъ, что празднество у Римлянъ, называвшееся *маіоме*, совершалось въ честь богини *Маіи*; другіе думаютъ, что оно перешло съ востока, изъ города *Маіомы*, и отправлялось не въ маіѣ, но въ августѣ. Съ большею вѣроятностію доказываютъ многіе, что майское празднество произошло отъ празднествъ Флоры, которыя были извѣстны, въ языческомъ Римѣ, подъ именемъ *цвѣтныхъ или зеленыхъ забавъ* (floralia sev ludi florales); начинались съ 28 апрѣля и оканчивались перваго мая. Въ это время обливали другъ друга водою, и открывали общее купанье.

Майскія или цвѣтныя забавы совершались въ европейскихъ государствахъ, съ давняго времени. Въ Римѣ и почти во всей Италіи, жители обоего пола выходили изъ города въ поле, перваго числа, съ утреннею зорей, большими толпами; музыка и пляска сопровождали ихъ шествіе, и увеличивали общую радость. Наломавъ зеленыхъ вѣтвей, они входили съ шумной веселостію въ городъ; украшали ими ворота и домы своихъ родственниковъ, друзей и почтенныхъ заслугами людей. — Всѣ ожидали ихъ на улицахъ, предъ своими домами, и угощали разными кушаньями. Весь день, и часто всю ночь проводили въ веселіи, и ни какими не занимались дѣлами. Правители, дворянство и граждане всѣхъ сословій, сливались во одно ликующее семейство. Многіе увѣнчивали себя молодыми вѣтьвями, и считалось нѣкоторымъ образомъ за бесчестіе не имѣть этого убора. — Простодушныя пляски, начинавшіяся чистосердечной радостію, о воз-

вращеніи весны, переходили въ сладострастныя, и увлекали къ чувственному наслажденію. Сначала, то было невинное удовольствіе, потомъ раждалось постепенно пріятное ощущеніе отъ объятій дѣвушки съ мущиною, и наконецъ это обращалось въ упоительный источникъ страстей. Такой переходъ отъ невоображаемаго къ существенному, поощрялъ соблазнъ, который заставлялъ трепетать умныхъ правителей. Римъ и вся Италія погружалась тогда въ отвратительное веселіе; даже распутный Тиверій гнушался имъ! Онъ строго воспрещалъ эти празднества, но запрещенія уже не дѣйствовали: (*) обыкновеніе обратилось въ страсть, и празднованіе майскихъ забавъ, содѣлалось народною необходимостію. По распространеніи христіянства въ Европѣ, первое мая праздновалось радостной встрѣчею разцвѣтшей весны: народъ украшалъ себя и свои домы зеленью и цвѣтами; пили, гуляли и веселились благодатнымъ маемъ.

Сѣченіе мужей перваго мая

У Французовъ существовалъ довольно умный обычай; перваго мая сѣкли тѣхъ мужей, которые давали волю своимъ женамъ. (**)

И нынѣ существуетъ въ Европѣ много схожее съ этимъ обычаемъ, но съ тою только разницею, что жены сѣкутъ своихъ мужей за то, что послѣдніе даютъ имъ волю.

Общее обыкновеніе майскихъ забавъ.

У всѣхъ европейскихъ народовъ, майскія гулянья ведутся съ древнихъ временъ, и сопровождаются танцами и хороводами, вокругъ майскаго дерева. Церкви, домы и дворы убираютъ, какъ у насъ въ Трой-

(*) Успенскій: опытъ повѣтств. о древ. Русск., с. 644-645.
(**) Вѣсти. Евр. 1811 г. № 20.

цынъ день, зелеными деревьями, цвѣтами и травою. Старинный нѣмецкій *радостный мѣсяцъ* (Wonne-monat) *луговой и розовый май* (Wieſe und-Roſen-monat) и англосаксонской *троемолочный* — отъ того, что въ маѣ три раза доили коровъ,—получили применованія отъ прекраснѣйшаго времени въ году, и первое мая повсюду встрѣчалось и провожалось: танцами, пѣніемъ и музыкою; угощали другъ друга и веселились.

Изгнаніе чертей и вѣдьмъ, и добываніе огня.

Въ валкуровую ночь, которая извѣстна въ Германіи и Швеціи, наканунѣ перваго мая, бѣгаютъ мущины съ зажженными пуками соломы, привязанной къ длиннымъ шестамъ, и стрѣляютъ въ сосѣднія горы. Это дѣлаютъ для того, чтобы разогнать чертей и вѣдьмъ, кои собираются на ту пору во множествѣ, и замышляютъ истребить все растущее и засѣянное. (*) Въ другихъ мѣстахъ Германіи, перваго мая добываютъ огонь трѣніемъ дерева, и раскладываютъ изъ него огонь въ печи. — Тамъ думаютъ еще, что въ волкурову ночь колдуны, чародѣи и вѣдьмы, собираются на гору Броккенъ или Блоксбергъ, какъ въ Кіевѣ на лысую гору, совѣщаются съ нечистой силою, о истребленіи садовъ, полей, рогатаго скота, лошадей и другихъ животныхъ. Вѣдьмы со всѣмъ своимъ причтомъ получаютъ тогда способность принимать на себя виды разныхъ животныхъ: лѣтаютъ змѣями, ѣздятъ верхомъ на лопатахъ и помелахъ. (**)

Майскія собранія.

У Франковъ и Англичанъ существовали долгое время, въ началѣ среднихъ вѣковъ, майскія собранія, называвшіяся *майскими полями*, на коихъ присутствовалъ народъ.—Тутъ разсуждали о дѣлахъ обществен-

---

(*) Энциклоп. лексик. т. III.

(**) Klein. Handbuch der Germ. Alterthumskunde.

ныхъ, писали законы, и короли предлагали свои постановленія.—По закрытіи совѣщаній, пировали и веселились.

Во Франціи, еще при св. Людовикѣ IX, (*) ставили зеленыя деревья предъ его дворцомъ, домами городскихъ меровъ и знатныхъ господъ. Въ Португаліи и Испаніи, одѣваютъ хорошенькую дѣвушку въ бѣлое платье, убираютъ ея голову вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, возводятъ на приготовленное возвышенное мѣсто, и провозглашаютъ ея майемъ или богинею *розоваго* мѣсяца.—Другія молодыя дѣвушки, одѣтыя также въ бѣлое платье и украшенныя цвѣтами, но безъ вѣнковъ, окружаютъ ее и поютъ пѣсни; прочія дѣлаютъ сборъ для своей царицы.

Кто не знаетъ, что на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ древней Англіи, избирались изъ обоего пола юные майскіе цари и царицы? Головы ихъ украшали вѣнками и водили вокругъ высокаго майскаго шеста.

Архіепископъ упсальскій Іоаннъ Магнусъ былъ именованъ майскимъ царемъ (1596), отъ самого короля, и былъ торжественно водимъ по улицамъ въ вѣнкѣ.

Неизвѣстность майскаго гулянья между славянами.

Въ мѣсяцѣ маѣ, называвшемся у насъ въ древности *травнемъ*, (**) совершались жертвоприношенія духамъ, покровительствовавшимъ растеніямъ и водамъ. Богемцы

(*) Въ полов. XIII в.

(**) Снегир. Русск. прост. празд. и пр. выпускъ III. с. 88, говоритъ, что у славянскихъ племенъ мѣсяцъ май извѣстенъ то подъ именемъ *травеня*, то *цвѣтеня*. Это ошибочно. Онъ никогда не былъ извѣстенъ подъ именемъ *цвѣтеня*, а всегда подъ именемъ *травеня* мѣсяцъ апрѣль назывался *цвѣтень*, *квѣцень* и *березозель*. Кар. И. Г. Р. т. I. с. 71. примѣч. 159. изд. С. П. Б.

отправляли празднество въ честь *колодцевъ*, съ многочисленными жертвоприношеніями. (*)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, праздновали съ языческими обрядами май, въ честь богини *мая*, и ей приносили жертвы. Это празднество заимствовано отъ Германцевъ, и должно думать, не ранѣе XIII в,. потому что оно до сего времени не было имъ извѣстно. При Королѣ Сигизмундѣ Августѣ, послѣднемъ изъ Ягеллонова дома, (въ концѣ XVI в.) существовалъ еще обычай, заимствованный отъ Германцевъ, что молодыя наряженныя женщины собирались на лугъ, составляли хороводъ, плясали и пѣли пѣсни въ честь весны. Въ Литвѣ первое мая было народное празднество. На лугу ставили зеленое дерево, испещренное разноцвѣтными лентами. Дѣвушки, молодыя женщины и молодые мущины, избравъ изъ своей среды ловкую красавицу, именовали ее богинею *май*; надѣвали ей на голову свѣжій вѣнокъ, обвивали весь ея станъ березовыми вѣтвями, и отправлялись къ зеленому дереву: тутъ плясали и пѣли, повторяя: о маія, маія.—(**) Словаки, Лузійцы, Чехи и Поляки, встрѣчали маемъ весну, и прогоняли изъ селеній марену, (смерть природы). Дѣвицы изъ Липтова и Любели, собираются на *цвѣтную* или *смертную недѣлю*, выносятъ изъ села, на высокомъ мѣстѣ мурену, въ женскомъ изображеніи, и поютъ:

(*) Gebhard: Fortſetz. der Allgem. Weltgeſch. der neuen Zeit. ч. 33. с. 253. ed. 1789.—Cosm. Pragens. ap. Meneken. т. I. с. 207. подъ 1093 годомъ.

(**) Gołęb. Gr. i zabaw różn. stan. —

Mariena naša,
Kdei prebywala?
W dèdinskom dome,
W nowey stodole!

По вынесеніи поютъ на два голоса:

Первый:	вторый:
Wyniesli sme,	Murienu zo wsi,
Priniesli sme	Màg nowy do wsi,
Sasegeme	Sùržicu s owsy.
Nawarjme	Černého piwa,
Opogime	Kmetowko syna.

вмѣстѣ:

A ne bude pjti,
Budeme ho bjti;
S trima kygi kygowati,
Za wlasy ruwati,
Dáme mu, dáme
Sidlo i kopyto,
Geho ženě..... sito i koryto.

Мальчики несутъ за муреной дѣдушку (дедка), въ мужескомъ образѣ, одѣтаго весьма бѣдно, и поютъ:

Dedko náš, dedko!
Požrau si nám wšetko.
Nic si nam nenachau,
Tak si sa dotre mau. (*)

Дѣдушку представляютъ сидящимъ всю зиму въ

(*) Kel Národ. Zpiew. ч. I. с. 4.

хлѣбныхъ анбарахъ и поѣдающимъ хлѣбъ, потому съ весной выносятъ его. Мурена превращена въ Малороссіи въ мару. — Въ кралодворской рукописи, изображается *марена* смертью.—Тамъ сохранилось народное вѣрованье, что если пробѣжитъ по тѣлу дрожь, то это значитъ *мерена* (ваша смерть).

Кокуй въ Москвѣ и введеніе майскаго гулянья.

Нѣмецкіе ремесленники, художники и находившіеся на службѣ въ Москвѣ, совершали въ Нѣмецкой слободѣ Кокуй, гулянье перваго маія, которое въ простонародіи применовалось *нѣмецкими станами*. Петру I такъ понравилось это гулянье, что онъ обратилъ его въ народное. Во всей Россіи празднуютъ нынѣ первое мая. Въ деревняхъ и селахъ весслятся поселяне на травкѣ-муравкѣ. Распѣваютъ пѣсни и угощаютъ другъ друга. Парни и дѣвушки составляютъ игры и хороводы. Въ губернскихъ городахъ отправляютъ первое мая въ городскомъ саду, въ коемъ играетъ музыка и поютъ пѣсельники. Сюда съѣзжается весь городъ. Съ наступленіемъ вечера освѣщаются аллеи разноцвѣтными огнями, и все гуляющее спѣшитъ поздравить губернатора съ первымъ маемъ. Потомъ сожигаютъ внѣ сада фейрверкъ, а въ воксалѣ начинаютъ танцы, которые оканчиваются съ разсвѣтомъ дня. Въ Петербургѣ и Москвѣ, майское гулянье господствуетъ въ большей степени, потому что имъ встрѣчаются всѣ предстоящія весеннія и лѣтнія удовольствія.

Въ Петербургѣ первое мая празднуется съ изысканной роскошью. Гулянье бываетъ въ Екатерингофѣ. (*) Императоръ и весь Императорскій домъ

(*) Екатерингофскій дворецъ, построенный Петромъ I., для его супруги Екатерины I, которая все лѣто проживала въ

удостоиваютъ гулянье своимъ посѣщеніемъ. Дипломатическій корпусъ, знатные государственные чины, вельможи и дворянство участвуютъ во всеобщемъ веселіи. Тысячи богатѣйшихъ экипажей устилаютъ дорогу, ведущую къ саду. — Прелестный полъ отличается дорогими и щегольскими одеждами. Все и повсюду блеститъ золотомъ и вкусомъ. Кажется, что каждый хочетъ затмить другъ друга сіяніемъ и роскошью одеждъ. Сотни тысячь народа стекаются сюда. Музыка, качели и горы увеселяютъ любителей забавъ. Сотни палатокъ съ разными сладостями разбиты въ саду. Тысячи разнощиковъ съ яблоками, апельсинами, коврижками и т. п., снуются по всѣмъ направленіямъ.

Гулянье начинается около двухъ часовъ пополудни, и продолжается, если стоитъ хорошая погода, до разсвѣта.

Майскія рекреаціи.

Въ старые годы, воспитанники духовнаго званія отправлялись перваго мая въ поле, съ своими наставниками, для забавъ, которыя посему получили названіе майскихъ рекреацій. Особенно отличались рекреаціями: переяславская и черниговская семинаріи, харьковскій коллегіумъ и кіевская академія. — Къ первому числу мая пекли заблаговременно пироги, готовили жареное и варили на полѣ молочную кашу или ее приносили приготовленною изъ рису, съ изюмомъ и другими сладостями. Обѣдъ и все угощеніе приготовлялось изъ собранныхъ складчиною денегъ. Распоряженіе общимъ угощеніемъ поручалось особымъ ловкимъ, молодымъ людямъ, которые, прибывъ

немъ. Дворецъ этотъ находился первоначально внѣ города, а теперь вошелъ въ городскую черту.

на поле прежде всѣхъ, съ запасомъ дополнительнымъ: медомъ, пивомъ, винами, настойками и наливками, готовили столы для своихъ товарищей и гостей. Нѣкоторые изъ студентовъ и семинаристовъ, отряжались отъ своего общества, на канунѣ еще праздника, пригласить на рекреацію ректора, инспектора и прочихъ наставниковъ, прося ихъ почтить празднество высокимъ своимъ посѣщеніемъ, и удостоить поѣсть и попить. — Другіе, отличные въ знаніи *элоквенціи* и *піитики*, сочиняли похвальныя слова, діалоги, гимны, кантаты, и все, что льстило самолюбію наставниковъ, не забывая вознесть ихъ тропами и фигурами, и увѣрить нелицемѣрно, какъ они высоко почитаютъ и любятъ ихъ. Еслибы случилось, что для написанія торжественныхъ стиховъ не достало вдохновенія, то собирали совѣтъ: какъ бы тутъ помочь? По долгомъ и жаркомъ преніи, рѣшалось просить учителя *элоквенціи* прибавить вдохновенія къ ихъ рѣчи. Всѣ одобрительнымъ голосомъ произносили: excellenter! fiat sic (превосходно! да будетъ такъ). — Въ самый день рекреаціи, собирались воспитанники по утру на сборное мѣсто, одѣтые въ праздничное платье, и отправлялись веселой толпою торжествовать первое мая. Тамъ, до прихода своихъ наставниковъ, иные забавлялись уже въ мячъ. Прочіе помогали ставить и накрывать столы съ кушаньемъ, и заботились, чтобы все было готово и сдѣлано хорошо. Когда начинали сходиться званые гости, тогда встрѣчали ихъ привѣтствіемъ, а главнаго, почтеннѣйшаго и любимаго, встрѣчали музыкою и провожали съ поклонами до перваго мѣста. Спустя нѣсколько времени, подносили закуску, а потомъ подавали обѣдъ. Товарищи садились за другими столами. Во время обѣда играла музыка, и пили за здоровье своихъ начальниковъ и учителей. Когда у

робкихъ питомцевъ развязывались язычки, тогда собирались говорить похвальныя слова. Каждый поочередно вынималъ изъ за пазухи, согрѣтую пламеннымъ сердцемъ рѣчь, и говорилъ до того, что весь захлебывался отъ ручьевъ пота, который катился съ него градомъ, вмѣсто радостныхъ слезъ. Пылкій витія еще не окончилъ: онъ только началъ; онъ твердитъ во всеуслышаніе, что всѣ его товарищи глубоко запечатлѣли, въ своихъ сердцахъ, высокія и мудрыя правила своихъ мудрѣйшихъ наставниковъ. — Отъ словъ его сверкали молніеносной восторженностію глаза наставниковъ, которые, бывъ уже *наэлектризированы* изліяніемъ сочувственной души, — требовали покаловъ за *преуспѣяніе* въ наукахъ. Имъ подавали безмѣрные но наполненные воспламенительнымъ одушевленіемъ. Наставники послѣ этого не слышали, что имъ льстили, а панегиристы сами не знали, что несли, и до того запосились, что одно утро раскрывало имъ глаза, — они вставали изъ подъ кустовъ отъ преуспѣянія.

Послѣ пира тѣшились разными играми, — кто могъ тѣшиться; не принимавшіе участія въ забавахъ выливали въ свои желудки остатки пінтическаго упоенія. Музыканты и пѣвчіе развлекали сонныхъ гостей громкими пѣснями, особенно любимѣйшею: gaudeamus igitur! Веселіе продолжалось далеко за полночъ. (*)

(*) Ученики, получавшіе воспитаніе въ духовномъ заведеніи, были весьма бѣдные, потому жили въ общественномъ домѣ, называемомъ бурсою, отъ коей имъ дано прозваніе бурсаковъ. Бурса была во многомъ похожа на сарай: она строилась изъ плетня, внутри и снаружи обмазывали желтой глиной, крыша была соломенная; огромныя двери и не большія окошки.

Рекреаціи были извѣстны въ европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ давнихъ временъ; оттуда онѣ перешли въ Польшу и Литву, а отсюда въ Малороссію. Въ польскихъ и литовскихъ училищахъ онѣ извѣстны подъ именемъ *маіовокъ* (майскаго увеселенія) *и рекреаціи маіове* (майскія отдохновенія). — Перваго

Названіе бурсы происходитъ отъ латинскаго bursa, означающее кошель, мѣшокъ, потому что питомцы, будучи большею частію убогіе, ходили выпрашивать подаяніе подъ окнами, съ мѣшками. Живя въ одномъ домѣ, они имѣли особое управленіе; сословіе всѣхъ бурсаковъ образовало могущественный Римъ, коимъ повелѣвалъ консулъ съ избранными сенаторами, ликторами и целерами. – Римъ находился подъ верховнымъ вѣдѣніемъ ректора. Въ консулы избирали старшаго изъ богословъ, прочіе богословы и философы составляли сенаторовъ, риторы составляли ликторовъ, кои, по указанію консула, наказывали розгами, піиты образовывали целеровъ (бѣгуновъ), употреблявшихся на разсылки; все остальное называлось плебеянами, (простымъ народомъ). Если консулъ провинялся въ чемъ нибудь, напримѣръ: поймали его въ воровствѣ, то сенаторы доносили о томъ ректору, который немедленно лишалъ его величественнаго сана, и наказавъ, по мѣрѣ преступленія, розгами, батогами или палками, обращалъ въ званіе сенатора. За то консулъ самъ опредѣлялъ наказаніе находившимся подъ его властію. Если преступленіе подчиненнаго было важное, то онъ собиралъ сенаторовъ и совѣтовался съ ними. Консулъ и сенаторы господствовали деспотически, и ихъ все трепетало; они лучше всѣхъ ѣли и пили; для нихъ плебеяне готовили лучшее кушанье. По указанію консула, отправлялись они подъ предводительствомъ сенаторовъ, съ мѣшками на плечахъ, опустошать огородныя овощи, воровать изъ закромъ и анбаровъ муку, хлѣбъ, крупу, просо, говядину; ходили по рынку мимо торговокъ, хватали хлѣбъ и разное съѣстное, съ добычей возвращались къ консулу, который, осмотрѣвъ ее, похвалялъ сподвижниковъ и приказывалъ особымъ

мая собирались учащіеся, по колокольчику, на школьной дворъ. Взявъ учебныя знамена, отправлялись стройными рядами къ ближайшимъ помѣщикамъ, которыхъони веселили разными забавами, представленіями, играми и музыкою. Помѣщики угощали учениковъ, которые вечеромъ

кашеварамъ приготовлять обѣдъ или ужинъ. Такими промыслами кормились бурсаки. Бѣда, если они попадались въ руки враговъ: ихъ били и представляли на судъ ректору, но горе, если сенаторъ попадался въ плѣнъ: его избивали немилосердно и представляли ректору, который торжественно наказывалъ его безжалостно розгами, такъ что сенаторъ не могъ вставать съ постели нѣсколько дней.—Главный промыслъ бурсаковъ составляло пѣніе церковныхъ стиховъ, подъ окнами обывателей, за что пѣвцы получали въ награду муку, свиное сало, масло, зелень и говядину.—Плебеяне одѣвались въ пестрядинные халаты, ходили лѣтомъ безъ сапоговъ; сенаторы, ликторы и целеры носили длинные изъ толстаго сукна сюртуки и ходили въ сапогахъ, а консулъ былъ въ усахъ, носилъ сюртукъ изъ тонкаго сукна и вакспрованные сапоги. Плебеяне спали на соломѣ или на голой землѣ, сенаторы на лавкахъ, а консулъ въ особомъ углу на постелѣ. Его особа была неприкосновенна и священна: ему дозволялось драть за уши виновныхъ и не виновныхъ, трепать по щекамъ, тузить кулаками и рвать чубы; ему дозволялось пить штофами и курить. Когда консулъ бывалъ въ веселомъ духѣ, тогда онъ дозволялъ тѣшиться могущественному Риму: начинались кулачные бои и страшно было смотрѣть. — Мирные духомъ плебеяне ревѣли пѣсни, отъ конхъ окошки дрожали; бренчали на балалайкѣ и скакали въ присядку. Веселіе прекращалось мгновенно, если заблагоразсудитъ консулъ. — Такова была жизнь бурсаковъ. Не многіе изъ нихъ оканчивали ученіе въ молодыхъ лѣтахъ; нѣкоторые выходили изъ ученія съ бородами длинными, почти на 48 г. жизни. — Не въ одной югозападной Россіи вели подобную жизнь бурсаки. Достигавшіе возмужалости, но неокончившіе еще ученія, оставляли семинарію, приставали къ шайкамъ разбойниковъ, ввергались въ развратъ. Во всей

отходили домой съ пѣніемъ и музыкою. Случалось, что они посѣщали помѣщиковъ нѣсколько дней сряду.

Сохранилось суевѣрное замѣчаніе, что май есть несчастное время для супруговъ. Римляне говорили пословицею: *въ маѣ мѣсяцѣ выходятъ замужъ злонравныя*, и еще: *май весьма несчастливъ для супруговъ*. По ихъ понятію мѣсяцъ май никому не благопріятствуетъ: ни вдовамъ, ни дѣвицамъ.

Nec viduae taedis cadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Haec quoque de causa, si te proverbis tangunt:
Mense malas majo nubere vulgis ait. (*)

Въ Россіи говорятъ почти тоже самое: *кто женится въ маѣ, тотъ будетъ во всю жизнь маяться*. И довольно странно, что этому предубѣжденію слѣдуютъ многіе изъ образованныхъ людей.

Еремѣй запрягальникъ.

У поселянъ осталось замѣчаніе, что хорошо запахивать поле, съ первой майскою росою: для этого многіе выходятъ нарочно въ поле съ плугомъ, въ день перваго мая или иначе въ день *Еремѣя запрягальника*, а другіе послѣ. Пророкъ Іеремія, по мнѣнію простодушныхъ, запрягаетъ тогда на небѣ свою колесницу

Европѣ, до полов. XVIII в., отличались подобной жизнію студенты университетовъ и духовныхъ училищъ, и они тамъ волновали еще умы народовъ. Этотъ духъ республиканской свободы перешелъ въ Польшу, отсюда въ югозападную Россію и наконецъ въ другія мѣста; но заботливость нашего правительства истребила зловредный образъ жизни.

(*) Овидій in Fastis, кн. V.

и засѣваетъ хлѣбъ, потому это время почитается самымъ благопріятнѣйшимъ для урожая. — Отсюда вошло въ поговорку: *Еремей запрягальникъ, всемірный засѣвальникъ.*

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

страницы.

I. Обрядные праздники . . . . . 3.
II. Недѣля Ваій 75
III. Пасха . . . . . 89.
IV. Русальная недѣля . . . . . 119.
V. Семикъ. . . . . 141.
VI. Тройцынъ день. . . . . 173.
VII. Первое апрѣля . . . . . 201.
VIII. Первое мая . . . . . 205.

ПОГРѢШНОСТИ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
6.	13.	богіихъ	божіихъ
23.	22.	пиръ,	пиръ.
24.	1.	не вырвестъ	не вырветъ
25.	6—7.	покластьсл	поклятьсьсл
42.	11.	по одной со двора	по одной коровы со двора
47.	11.	привлекать	привлекаетъ
—	21.	гречишнина	гречишница
48.	19.	привѣтствуетъ	привѣтствуютъ
51.	23.	собираютяя	собираются
53.	23.	вызрѣзываютъ	вызрѣваютъ
56.	18.	бьзпечныя	безпечныя
83.	17.	не издаютъ запаха,	не издаютъ запаха;
93.	31.	ascaster	
104.	3.	своvъ	словъ
105.	2—3.	пряхи, веретена и прялки, прячутъ далеко	прячутъ пряхи далеко свои веретена и пряхи,
—	16.	пече	печѣ
126.	1.	проходяхъ	проходящихъ
134.	31.	Русалки	Русалкѣ
161.	27.	во вомъ	во томъ
175.	6.	въ березовыхъ рощахъ вьютъ	вьютъ въ березовыхъ рощахъ
177.	19.	нзбѣгалися	позбигалися
—	31.	въ банька	въ батька
178.	1.	жени	мени
180.	30.	прибудиться	приближиться

БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ VII.

III. Отд.
№ 520.

I. СВЯТКИ.
II. МАСЛЯННИЦА.

Соч. А. Терещенки.
Глобинская Уездная Училища

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 12 февраля 1846 года.

Цензоръ *П. Пешковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ

VII ЧАСТИ.

I. СВЯТКИ.

I. СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ. II. СВЯТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. III. СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНІЯ И ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

I. Святочные обряды. — Вступленіе. — Празднество въ честь зимняго поворота. — Готѳскія игры, перешедшія въ святочныя. — Суевѣрныя отправленія. — Календы. — Праздникъ вольности, дураковъ иословъ. — Значеніе роговъ. — Стремленіе уничтожить календскія потѣхи. — Коляда. — Коляда у Словаковъ. — Коляда у Богемцевъ и Моравовъ. — Бѣдай въ Кроаціи и Далмаціи. — Крачунъ у Корпато-россовъ. — Полажайникъ въ Герцоговинѣ. — Бадній день у Черногорцевъ. — Коляда въ Польшѣ и Галиціи. — Коляда въ черной и червонной Россіи. — Коляда въ Россіи. — Католическія лепешки и печеныя изъ тѣста изображенія. — Остатокъ язычества и примѣты. — Васильевская и крещенская коляда. — Значеніе Богоявленской воды. — Славленіе Христа. — Мѣстное славленіе и колядки. — Колядованіе малороссійское. — Щедривки. — Елка. — Вообще о новомъ годѣ. — Старинный гражданскій годъ съ 1 сентября. — Встрѣча новаго года въ первое сентября. — Новый годъ съ 1700 г., генваря перваго. — Обрядныя дѣйствія въ новый годъ между Славянами. — Посыпаніе на новый годъ. — Овсень, старинный русскій посыпальный обрядъ и разныя названія его. — Заключеніе о новомъ годѣ. —

II. Святочныя увеселенія. — Значеніе святокъ у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ. — Значеніе святокъ у Русскихъ. — Время празднованія святокъ. — Предметъ святочныхъ забавъ. — Древность славянскихъ гаданій и чародѣйство. — Приглашеніе на святки. — Пріѣздъ дѣвушекъ. — Угощеніе. — Вставаніе дѣвушекъ. — Гостинцы. — Препровожденіе времени. — Гости. — Пѣніе славы. — Замужство съ ровнымъ. — Дѣвичье прошенье. — Исполненіе желанія. — Замужство. — Замужство съ милымъ. — Суженый. — Исканіе боярышни. — Отрокъ съ отрочицею. — Подчиваніе. — Исполненіе желанія. — Отъѣздъ. — Будущая прибыль. — Богатство. — Замужство изъ-за-денегъ. — Замужство съ дворяниномъ. — Замужство съ чиновнымъ. — Свадьба. — Дѣвушкамъ замужство, а холостымъ женитьба. — Замужство съ богатымъ. — Несчастіе. — Великое богатство и счастіе. — Забавы и разставанія. — III. Святочныя гаданія и переряживанія. — Подблюдное гаданіе. — Золото хоронить. — Мѣстное отправленіе святочныхъ вечеровъ. — Смотрѣть въ зеркало. — Спрашиваніе чужаго имени. — Слушаніе подъ чужимъ окномъ и на перекресткѣ. — Слушаніе подъ своимъ окномъ. — Бѣлое полотенце предъ окномъ. — Смотрѣніе въ окно, во время ужина. — Церковное пѣніе. — Выдернутое дерево изъ полѣницы. — Полоть снѣгъ. — Гаданіе курицами и пѣтухами. — Курица и пѣтухъ. — Бросаніе башмаковъ. — Хрюканье. — Лошадь. — Примѣты у мѣльницы, гумна и анбара. — Снопы. — Хлѣбные сусѣки (засѣки). — Ауканье. — Снѣжные знаки. — Примѣты шапочныя. — Примѣты по ложкамъ. — Примѣты по хлѣбнымъ фигурамъ. — Печеные хлѣбцы. — Сученая нитка. — Примѣта по скрипу дерева и столба. — Примѣта по скрипу вереи. Гаданіе на кожѣ и шкурѣ. — Чесаніе волосъ. — Четъ и нечетъ. — Бумажные шарики. — Молодой вдовецъ. — Счетъ кольевъ, или, замужъ, — пѣтъ. — Волъ и баранъ. — Овцы. — Пуганіе воробьевъ. — Объ узнаніи впередъ своей участи. — Березовая лучина. — Узнаніе имени жениха. — Яичный бѣлокъ. — Клокоченіе воды. — Кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы. — Перстень, хлѣбъ, щетка и табакъ. — Кусочки хлѣба въ окнѣ. — Ломаніе косточки, называемой дуга. — Соломинка. — Игры. —

Бобы. — Рѣшето. — Кофейная гуща. — Гаданіе на картахъ. — Четыре карточныхъ короля. — Три прутика изъ вѣника. — Сниманіе сапога. — Луковица съ солью. — Три ангела. — Бросаніе монеты въ воду. — Кольцо въ водѣ. — Башмаки съ золой. — Кудель съ пряжею. — Суженый съ водою. — Мостикъ изъ прутиковъ. — Квашня. — Загадываніе предъ воскресеньемъ. — Литье изъ разныхъ веществъ. — Сженіе бумаги. — Цвѣтокъ изъ подвѣнечнаго убора. — Снотолкованіе. — Переходъ отъ вѣрованій къ гаданіямъ. — Происхожденіе переряживанія. — Опредѣленіе стоглава: объ искорененіи богопротивныхъ и безнравственныхъ обыкновеній. — Окрутники и опричники. — Переряживаніе.

II. МАСЛЯНИЦА.

Разгульные дни, общіе всѣмъ народамъ. — Карнавалъ. — Названіе масляницы. — Отправленіе масляницы. — Маскарадъ и санное катанье, данное Петромъ I. — Разное отправленіе масляницы. — Суевѣрныя замѣчанія. — Банные проводы.

I. СВЯТКИ.

I. СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ. II. СВЯТОЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ. III. СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНІЯ И ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

I. СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ.

Вступленіе.

Никакой народъ не представляетъ намъ столько забавъ, на Рождественскіе праздники, какъ нашъ Русской, который, благодаря Богу! еще не очужеземился. Дотолѣ онъ будетъ своимъ, доколѣ будетъ одушевленъ народнымъ чувствомъ.

Нѣкоторые мнимые просвѣтители наши, постоянно трубятъ о распространеніи народности, а между тѣмъ вводятъ иностранное; умы юношей напитываютъ противнымъ и нашему воспитанію и нашимъ нравамъ. Въ высокопарныхъ своихъ выраженіяхъ, они даже не стыдятся присвоивать незаслуженную имъ честь, тогда какъ она принадлежитъ развитію вѣка и потребности государства.

Нашъ народъ, вѣрный своей землѣ, сберегъ еще обычаи своихъ предковъ; онъ вспоминаетъ объ нихъ съ простосердечно-неподдѣльной радостью; онъ одинъ, среди многихъ превратностей своей судьбы, сохранилъ прежнюю свою веселость и наклонность къ забавамъ.

Изъ разнообразныхъ его увеселеній, въ коихъ онъ познается, это суть святки, доставляющія всѣмъ сословіямъ истинное наслажденіе. Не только дворянство, живущее въ городахъ и деревняхъ, но даже столичные жители любятъ предаваться святочнымъ удовольствіямъ. Разнообразныя въ своихъ дѣйствіяхъ, онѣ представляютъ пространное поле для всѣхъ родовъ забавъ и увеселеній.

Празднество въ честь зимняго поворота.

Восточные народы соблюдали строго приношеніе жертвъ солнцу, въ честь зимняго его поворота, который совпадалъ съ нашимъ декабрскимъ мѣсяцемъ.—Въ Египтѣ праздновали его въ память Изиды (богини земли и луны), Озирпса (бога солнца), и Ора (бога звѣздъ).—Тамъ постились за три дни до торжественныхъ обрядовъ, и наканунѣ праздника звали ночью громогласно, въ печальныхъ пѣсняхъ, потерянаго Озирпса. На другой день молились и приносили жертвы, а потомъ начинали радостныя

забавы: пѣли, плясали и гадали о будущей своей судьбѣ.

Готѳскія игры, перешедшія въ святочныя.

При Константинопольскомъ дворѣ употреблялись еще въ V вѣкѣ, готѳскія игры, имѣющія связь съ святочными забавами. На Рождество Христово являлись ко двору наряженные, которые бѣгали, плясали и пѣли подъ музыку пѣсни.—Вельможи и чиновники, пожелавъ многолѣтія Императору, пѣли: *Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ.*

Суевѣрныя отправленія.

У Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ, отправлялись на Р. Х. готѳскія игры, подъ другими названіями. — Въ Саксоніи онѣ извѣстны подъ именемъ *Рупертовыхъ слугъ.* Въ продолженіи 12 дней Рождества Христова, они одѣвались въ звѣриныя шкуры, натирали лице сажею, украшали голову рогами, во ртѣ носили раскаленные уголья, и бѣгали по улицамъ съ крикомъ, пѣніемъ, и плясали подъ музыку. Въ другихъ мѣстахъ проводили канунъ Р. Х., въ чувственномъ пресыщеніи и пѣніи стыдливыхъ пѣсенъ.

Въ Скандинавіи святки извѣстны подъ именемъ *Юуль* или *Іоль* (Juul et Jol), а въ скандинавскихъ сагахъ уже говорится о іолевыхъ дняхъ. Въ Норвегіи онъ праздновался зимою, въ честь Тора, а въ Даніи въ честь Одина.

Празднество продолжалось три недѣли: первые три дня проводили въ благотвореніяхъ; а послѣдніе въ пиршествахъ и веселіи. Въ праздпество Юуль или Іоль убивали, въ присутствіи короля, въ честь Фрейера (солнца), большаго кабана, и всѣ подданные, положивъ на него руки, клялись въ непарушимой вѣрности. Потомъ предавались веселію: плясали, играли, пѣли и ѣли. Попынѣ закалываютъ тамъ свиней и пекутъ пироги, въ видѣ этихъ животныхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, бьютъ также на Рождественскіе праздники свиней и пекутъ пироги; убитаго кабана окропляютъ водой, окуриваютъ и обрызгиваютъ огонь кровью, на коемъ обжигали его. Это дѣлаютъ въ томъ предубѣжденіи, чтобы нечистая сила не ходила по скотнымъ хлѣвамъ, наканунѣ Рождества Христова, и не портила бы ихъ домашній скотъ.

Во всей Европѣ канунъ Рождества Христова, и первый день Рождества Христова, сопровождался суевѣрными замѣчаніями. Въ Сѣверной Германіи долго праздновали Фалліи, какъ Юуль въ Скандинавіи, теперь же замѣнили ихъ играми, пѣніемъ и гаданіемъ.

Тамъ существуетъ повѣрье, что на канунѣ Рождества Христова говорятъ скоты. — Про-

стой же народъ любитъ наряжаться въ Рождественскіе дни, и посѣщать своихъ знакомыхъ.

Въ Голландіи былъ обычай, что сторожъ, восемь дней до Р. Х., и восемь дней по Р. Х., возвѣщая по утру о пробитіи часовъ, совѣтовалъ жителямъ ѣсть кашу съ изюмомъ и медомъ.

Въ Англіи играютъ и поютъ по улицамъ, нѣсколько ночей сряду. Объ Рождествѣ Христовомъ кланяются яблонямъ, чтобы родилось много яблокъ, или совершаютъ обходы по садамъ, и кланяются одному какому нибудь дереву; потомъ орошаютъ его яблочнымъ сокомъ. Приготовляютъ еще особыя толстыя свѣчи, которыя горятъ всю ночь, и если погаснутъ при горѣніи, то предзнаменуютъ великое несчастіе.

Въ Сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ покупщикамъ *Юлевыя свѣчи*, которыя зажигаются на всю ночь, съ тѣми же примѣтами, какъ въ Англіи, только оставшіеся огарки берегутъ для предохраненія своего отъ разныхъ недуговъ. Въ другихъ же мѣстахъ замѣчаютъ, кто первый отворитъ дверь, въ праздникъ *Іоля и Юуля*, тотъ будетъ счастливъ во весь годъ. Существуетъ еще повѣрье, что если войти во время полночи въ хлѣвъ, то найдешъ весь скотъ на колѣняхъ. Многіе увѣрены, что въ

это время пчелы поютъ въ ульяхъ. Тоже самое думаютъ въ Малороссіи.

Женщины не оставляютъ вечеромъ кудели на прялкахъ, чтобы дьяволъ не сѣлъ прясть вмѣсто ихъ. Такое повѣрье господствуетъ во всей Западной Россіи, гдѣ еще думаютъ, что если не допрядутъ кудели, то она будетъ ходить за ними. Дѣвушки такъ настращены этимъ, что отъ души вѣрятъ, что кудель пойдетъ за ними въ церковь во время ихъ вѣнчанія, дабы показать мужьямъ: какія онѣ лѣнтяйки и лежни. Останутся ли нитки на мотовилѣ, то не снимаютъ ихъ, а перерѣзываютъ.

Въ Англіи кто нибудь изъ домашнихъ, долженъ встать ранѣе прочихъ, и заняться печеніемъ пироговъ на яйцахъ, для каждаго въ семействѣ по пирогу. Чей пирогъ разлѣзится во время печенія, или развалится, тому не дожить до будущаго праздника. Приготовленные пироги ѣдятъ въ постели. Въ старину первое блюдо, у каждаго Англичанина, состояло изъ кабаньей головы на уксусѣ; въ пасти кабана торчалъ лимонъ. У насъ на Руси было непремѣннымъ кушаньемъ, въ Рождество Христово, начиненный поросенокъ кашею или кабанья голова съ хрѣномъ. Датскіе мужики доселѣ дѣлаютъ изъ тѣста кабановъ, ставятъ ихъ на столъ съ прочими кушаньями и не тро-

гаютъ во весь Рождественскій праздникъ, полагая, что отъ этого зависитъ благополучіе цѣлаго дома.

Нѣтъ въ Европѣ мѣста, гдѣ бы не было предъ Рождественскимъ днемъ своихъ примѣтъ, и если онѣ нынѣ не такъ рѣзко бросаются въ глаза, то это зависитъ отъ образованности народа.

Многія жертвоприношенія у Римлянъ, образовали гражданскіе праздники; въ числѣ ихъ появились Календы, которыя такъ сильно вкоренились въ народѣ, что Константинъ Великій не могъ истребить ихъ. Церковь Христіянская, стараясь замѣнить суевѣрный обычай празднованія Мирры или Митры (декабря 24 и 25 дня), которой покланялись подъ именемъ Вру-Малій (солнца), и этотъ обычай совпадалъ съ декабрскимъ Рождественскимъ праздникомъ.—Церковь учредила празднованіе декабря 24, въ воспоминаніе предшествовавшаго торжества Рожденію Спасителя міра. *Календы.*

Кромѣ декабрскихъ календъ, были январскія, совершавшіяся почти также какъ и декабрскія: во время этихъ дней, производили забавы и гаданія. Въ эти дни никто не подавалъ постороннему огня, и никому изъ домашнихъ не дозволялось выносить его изъ дому, въ томъ

мнѣніи, что невидимые духи ищутъ повсюду огня, для сожженія домовъ.

Изъ календскихъ празднованій образовались, подъ разными названіями, народныя забавы, въ коихъ участвовало самое духовенство.

Праздникъ вольности, дураковъ и ословъ.

Въ Римско-Католической церквѣ существовало празднество, подъ именемъ декабрской *вольности* (libertas decembrica): она дозволяла епископамъ и всему духовенству пировать, плясать и бѣгать въ личинахъ (маскахъ). Во Франціи долгое время совершался праздникъ дураковъ, который приходился въ иныхъ мѣстахъ въ день Обрѣзанія Господня, въ другихъ въ день Богоявленія, а въ иныхъ въ день избіенія младенцевъ. Онъ состоялъ въ томъ, что духовенство, избравъ изъ средн себя папу, архіепископа и епископа, провожало ихъ съ великолѣпіемъ въ церковь. Избраннаго папу, называли папою дураковъ. Во время священнодѣйствія, они плясали въ женскихъ шутовскихъ одеждахъ; надѣвали на себя личины страшныя, облекались въ шкуры звѣрей; пѣли постыдныя пѣсни, ѣли на олтарѣ жирную пищу (offa pinguis), скакали и бѣгали въ изступленіи по храмамъ, играли на олтарѣ въ шашки, жгли вмѣсто ладана кожу изъ старыхъ своихъ башмаковъ, совершали непристойныя

тѣлодвиженія и кривлянья. Неуваженіе къ папѣ, было поводомъ къ учрежденію этого праздника. Парижскій соборъ два раза запрещалъ такое безчинство (1212 и 1444 гг.), но никакъ не могъ, пока просвѣщеніе не смягчило нравы, что продолжалось до XVI вѣка. Петръ I, выставляя всенародно злоупотребленія духовенства, въ наряживаніи и потѣхахъ, хотѣлъ вдругъ истребить слѣпую къ нему преданность. Великій Монархъ любилъ истину.

Не менѣе гнусный праздникъ, это праздникъ ословъ, учрежденный въ воспоминаніе бѣгства Божіей Матери въ Египетъ. Избирали прекрасную молодую дѣвушку, сажали ее на богато убраннаго осла, давъ въ руки младенца: дѣвушка представляла Богородицу, а младенецъ Христа. Окруженная епископомъ и всѣмъ духовенствомъ, она ѣздила отъ одной церкви къ другой, въѣзжала въ храмъ на ослѣ и останавливалась у олтаря, — тогда начиналась служба. Пѣли: Jntroit, Kyrie, Gloria и Credo; послѣ оканчивали ослинымъ ржаніемъ и читали похвалу ослинымъ достоинствамъ, оканчивая каждую строку этими стихами: Et sire ane! ça chantez belle bouche, rechignez. Vous aurez du foin assez et de l'avoine à plantez.—Потомъ преклоняли колѣна съ произне-

сеніемъ: аминь, аминь! Вмѣсто словъ: ita missa est, священникъ ржалъ по ослиному три раза, а за нимъ всѣ повторяли: игого! игого! игого! *.

Въ Рождественскіе праздники становили столы съ кушаньями, которыя не снимали цѣлую ночь, думая, что этимъ способомъ могутъ умилостивить злыхъ духовъ, и что цѣлый годъ будетъ изобиліе въ ихъ домѣ; бѣгали въ личинахъ и плясали, представляли, по словамъ Блаженнаго Августина, оленей съ рогами, и тѣмъ самымъ осмѣивали невѣрность супружеской любви, ибо роги означаютъ прелюбодѣяніе.

Значеніе роговъ.

Извѣстно, что Греки и Римляне изображали супружескую невѣрность рогами; ихъ имѣли не только смертные, но самые боги. — Юпитеръ называется *рогатымъ любовникомъ*, потому что онъ похитилъ Европу въ видѣ быка, и предавался чувственному удовольствію подъ разными образами. Венера приставила рога Вулкану,—потому еще въ древности вошло въ пословицу: *ставить рога, дѣлать рога*, и всегда относилось къ женамъ, ставившимъ рога своимъ мужьямъ.—Тоже самое разумѣется и нынѣ. — Не мужской полъ

* Болтинъ: Примѣч. на Леклерка, ч. I. с. 169—171.

сдѣлался первымъ нарушителемъ вѣрности, а прекрасный полъ, въ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣческаго рода и всѣ дѣянія богинь.—Преступившихъ вѣрность, наказывали Греки и Римляне, извѣстную часть тѣла, не розгами, а рѣдькою *.

Стремленіе уничтожить календскія поѣхи.

Языческо-Римскій міръ считалъ календы первыми числами каждаго мѣсяца, и если Христіянскіе проповѣдники старались уничтожить календскіе праздники, то это отъ того, что суевѣрный народъ, смѣшавъ ихъ съ церковными праздниками, отправлялъ ихъ за одно. Донынѣ видимъ повсюду остатки языческихъ обыкновеній, совершаемыхъ наканунѣ Рождества Христова и на святкахъ. Восточные Императоры: Константинъ Великій и Валентіанъ IV (конца IV. в.), строго повелѣвали наблюдать праздничные дни, не смѣшивая ихъ съ календами. Каждому Христіянину было вмѣнено въ священную обязанность знать Рождество Христово, Богоявленіе Господне и Пасху. Константину Великому стоило великихъ усилій и трудовъ, чтобы заставить гордый Римъ, ниспровергать свои кумиры. Перенесеніе сто-

---

* Cattul: podici moechorum injici solebat raphanus vel mugil.—Въ Дельфійскомъ храмѣ такъ уважали рѣдьку, что говорили: raphanus ex auro, beta ex argento, rapum ex plumba.

лицы въ Византію, побѣдило упорный духъ язычниковъ; но протекали съ того времени столѣтія, а Европа еще блуждала въ хаосѣ повѣрій.

Коляда. Наша Коляда, которую несправедливо производятъ отъ сходства съ Римскимъ празднествомъ *Календе* (Kalendæ), совершалась и нынѣ совершается наканунѣ Р. Х. и въ Рождественскіе праздники. Отъ чего происходитъ *коляда?* и что она значитъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ, что Русскіе язычники славили *Коляду,* бога торжествъ и мира, и что въ Кіевѣ стоялъ ему кумиръ *. Ни бога мира и торжествъ, ни идола въ Кіевѣ, никогда не было, и всѣ наши святочныя забавы ничего не имѣютъ общаго съ праздникомъ Римскаго Януса, бога мира.

Ближе всего можно думать, что Коляда произошла отъ Польскаго *Коленда,* значущая поздравленіе.

Допустить можно, что Латинское слово *Календе,* усвоено Славянскими племенами, какъ это бываетъ со всякимъ языкомъ, но отнюдь

---

* Кар. И. Г. Р. т. 1. с. 91.; Чулковъ: Абев. Русск. суев.; Гизелл Синпсоисъ; Поповъ: Крат. опис. религіи Славянъ; Кайсаровъ: Славянская и Россійская Миѳологія; она же перевед. на Нѣмец. яз.

нельзя смѣшивать Календскія празднества съ нашими Колядскими обрядами *.

Колядованье вошло въ обычай прежде на югѣ Россіи, а потомъ распространилось по всей Россіи, съ значительными измѣненіями.

---

* На всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, Коляда означаетъ поздравленіе; см. словари: Юнгманна, Бернолака и Вука Стефановича; у Словаковъ она означаетъ еще славленіе, а *колядовать*—славить. Кроаты, Босняки употребляютъ въ томъ же самомъ смыслѣ. Колларъ: Narodn. Zpiewanky, ч. I. с. 410, изд. Буд., 1834 г., производитъ *коляду* отъ Кроатскаго слова *колдушъ*, нищій; *колдунство*, бѣдность, *коледуемъ*, нищенствую. Онъ еще болѣе надѣлалъ ошибокъ, когда послѣдовалъ слѣпо неосновательному сочиненію Кайсарова, и ему подобнымъ. Линде, см. его словарь, несправедливо производитъ *коленду* отъ колѣно-даванія. Вѣроятно хотѣлъ сказать отъ колѣно-преклоненія. Его увлекъ стихъ, который поется въ западной церкви: collaudemus, collaudemus, Christem regem, и Греческое слово *коллавдо*, воспѣваю, хвалю. Онъ нашелъ еще у Кроатовъ *koelda*, подарокъ, подносимый въ новый годъ. У Боснійцевъ онъ нашелъ календу, означающую пѣснь въ честь идола или на новый годъ; у Краинцевъ *коленду*, богиню цвѣтовъ. Потомъ онъ началъ выводить отъ Греческаго *такаландина*, Латинскаго *календалія*, *календы*, первые три числа каждаго мѣсяца. — Такимъ словопроизводствомъ онъ ничего не доказалъ, а только затемнилъ и заставилъ насъ думать, что онъ производилъ по произволу, что было созвучно съ колядою. По извѣстію Валвасора, *коленда* значитъ у Далматовъ тоже самое, что Ивановъ день. Нѣкоторые производили коляду отъ Индѣйскаго слова *кали*, часъ, зачатокъ; другіе отъ *колѣна* и преклоненія колѣна предъ изображеніемъ Креста. Г. Гнѣдичъ, см. его введеніе къ новогреческимъ пѣснямъ, рѣшился произвесть коляду отъ *коладисъ* (κολαδεῖς), кишки, потому что изъ кишокъ дѣлаются колбасы и раздаются въ Малороссіи и Россіи тѣмъ, которые

Ничего нѣтъ похожаго у нашихъ колядованій, съ празднествомъ восточныхъ народовъ: Египтянъ, Индѣйцевъ, Грековъ и Римлянъ *. Въ которое время появились колядованія на югѣ, и когда перешли отсюда на сѣверъ Россіи? — вовсе ничего неизвѣстно. — Никакихъ не осталось памятниковъ, ни историческихъ воспоми-

---

ходятъ поздравлять на Рождество Христово. Многіе стали утверждать еще, что правильнѣе произвесть отъ *коло*, по сходству съ греческимъ *киклось*, колесо, и отъ *киліо*, *калиндіо*, катаю,—основываясь на томъ, что годъ обращался въ это время колесомъ? —

Когда многимъ понравилось слово *коло*, тогда начали доказывать, что окончаніе его *ада*, *еда*, произвело *коляду*, коледу. Окончаніе же *ада* и *еда* объяснили обходомъ, торжественнымъ вокругъ хожденіемъ, сопровождаемымъ пѣніемъ и поздравленіемъ, а напослѣдокъ заключили, что все это означаетъ *собраніе !!* Не довольствуясь этимъ, вывели слѣдствіе: что всѣ слова, какъ напримѣръ: грома-*ада*, мокрі-*ада*, бесѣ-*да*, сере-*да*, имѣютъ окончанія и значенія Латинскія, а начала Славянскія !!! Этимъ бы слѣдовало кончить толкованіе, но словопроизводители противурѣча самимъ себѣ, сознались наконецъ, что они сами не знаютъ: отъ чего происходитъ *колядa*, а думаютъ, что она сначала была народный обычай, потомъ обратилась въ божество и въ честь его составили молитвы. — Колларъ: Narodn. Zpiew. с. 409—411.

Послѣ многихъ словопроизводствъ, увидѣли еще, что *коледы*, *коледуемъ* и *коледованье*, близко съ колдованьемъ. Снегир. Русск. прост. праздн. и проч., вып. II. с. 28. — Словопроизводителямъ не доставало вывесть коляду, отъ американскаго танца *календы*. Roberts: Hist. of. America. кн. IV. с. 128, изд. 1828 г.

* Успенск. Опытъ о древн. Русск. с. 417.

наній. — Если бы коляда праздновалась во время лѣтописца Нестора, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ упомянулъ бы объ ней въ своей лѣтописи. Даже ни въ продолжителяхъ его лѣтописи, ни въ другихъ лѣтописяхъ, до половины XVI в., не встрѣчаемъ названія коляды. Это доказываетъ, что коляда отнюдь не была божество; но составляла однѣ народныя увеселенія. Если Польскій лѣтописецъ Стрыйковскій говоритъ о богѣ колядѣ, то онъ самъ его выдумалъ, потому что до него (жившаго въ концѣ XVI в.), мы нигдѣ не встрѣчаемъ даже названія. Архимандр. Кіево-Печер. Лавры, Иннокентій Гизель, повѣрилъ ему, а другіе, какъто: Глинка, Кайсаровъ, Поповъ, Чулковъ не только списывали съ него слово въ слово, но выдумали такое число новыхъ боговъ и богинь, что ввели въ заблужденіе знаменитаго Исторіографа Русской Исторіи.

Многіе стали искать значенія коляды у языческихъ праздниковъ, и оказалось, что она не соотвѣтствуетъ нашему празднеству. Писали большія по сему предмету разсужденія, и внесли новыя погрѣшности.

Коляда у Словаковъ.

Пробѣжимъ предрождественскіе обычаи Славянъ, совершаемыхъ подъ разными названіями.

Коляда у Словаковъ, обратившаяся въ церковный обрядъ, составляетъ поздравленіе на Рождество Христово и новый годъ. Священникъ съ своимъ причетомъ, и мальчики, ходятъ по городамъ и деревнямъ поздравлять на новый годъ, хозяиновъ домовъ, и поютъ: *Рокъ новы за се къ намъ пришелъ.* Одинъ изъ поющихъ носитъ на плечахъ мѣшокъ, для собранія подарковъ. Мущины дарятъ ихъ деньгами, хлѣбнымъ зерномъ, овощами, калачами; женщины полотномъ и нитками. Пѣсни, обыкновенно духовнаго содержанія, поются подъ открытымъ небомъ.

Добре е князови,
Кедъ прінде рокъ новы:
Иде на коледу,
А нетіры бѣду.
Але у рехтора,
Празна е комора.
Цо рехторъ выбласы,
Рехторка вывласы.

У тѣхъ же самыхъ Словаковъ, мальчики, дѣвицы, женщины, молодые мущины, а иногда пожилые, собираются вмѣстѣ, и какъ довольно смеркнетъ, идутъ пѣть щедрый вечеръ (štrdzy wĕcer), который иными празднуется довольно роскошно. Иногда ходятъ по улицамъ по нѣсколько вмѣстѣ, а иногда толпою, и поютъ громкимъ голосомъ пѣсни, въ честь свя-

того вечера или новаго года. — По окончаніи пѣсней, получаютъ въ награду калачи, деньги и тому подобное. Если поющимъ не даютъ долго, то они говорятъ:

Отбавте ма, озяба ма,
(Отпустите, я озябъ),
Прінде вѣторъ ухитима ма;
(Налетитъ вѣтеръ, обхватитъ меня);
Акъ ми немати цо дати,
(Если не имѣете что дать),
Нехъ васъ Панъ Богъ обогати.
(Пусть обогатитъ васъ Богъ).

У Венгерскихъ Словаковъ ходятъ съ деревяннымъ ужемъ, которой сжимается и раздвигается по произволу; пасть его красная, на лбу корона изъ позолоченной бумаги. Нынѣшніе Греки ходятъ и теперь, какъ во времена Гомера, съ ласточкою, и поютъ пѣсни, совершенно подобныя нашимъ Колядскимъ.

Вотъ еще нѣкоторыя Словакскія колядки:

Боже мой, Боже мой,
Высокого неба!
Недай же мнѣ ѣсти,
Жобраного хлѣба!

Семь, семь кралей.
Семь цезарей.
Съ достовернostью поспѣхайте,
Вымецы ся му понижуйте,

Господину маленькому,
Люда Спасителю. —

Я бувъ со химе разъ,
Не пойде другій разъ:
Ле бо мѣ тягали,
За власы съ повали. —

Боже мой, Боже мой!
Противъ меня опустилъ:
Волкъ мѣ жену забылъ.
Лесо му вонъ пустилъ. —

Пасли овцы веселы,
При Бетлемскомъ саласѣ.
Аньелъ ся имъ оказавъ,
До Бетлема расказавъ:
Станьте горѣ и подьте,
Пана Христа найдеѣе.
Найдете его въ ѣсличкахъ,
Повинута въ плѣночкахъ,
Марія го колебе:
«Нинн, нинн, нинички,
«Спи, мой сынну малечкій (*)!»

Коляда у Богемцевъ и Моравовъ.

Чехи и Моравы также ходятъ толпою на святой вечеръ, отъ дома къ дому, и поютъ коляду, за что получаютъ разные подарки. У Чеховъ извѣстны немногія колядскія пѣсни; представляемыя здѣсь, суть болѣе припитанія.

(*) Словацкія пѣсни. Харьк. 1832 г.

Коледницы о пулъ ночи,
Що хцете у двора?
Щедраго вечера!
Пани стара поскочила,
Коляды намъ дала.

Еще поютъ: а) По златымъ кулатымъ.
б) По гроши широкимъ (*).

У Славянъ задунайскихъ: Кроатовъ и Далматовъ, празднуютъ наканунѣ Р. Х. *бъдай*, у Карпато-Россовъ *крачунъ*, а у Герцеговинскихъ Славянъ *полажайникъ*.

Бпдай въ Кроаціи и Далмаціи.

Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи празднуютъ, наканунѣ Р. Х. *бъдай*. У нѣкоторыхъ задунайскихъ Славянъ, канунъ Р. Х. называется *бъднымъ* или *баднимъ днемъ*, потому что въ тотъ вечеръ сожигаютъ истуканъ *бъдай*. Поселяне отправляются въ лѣсъ рубить дубовые чурбаны, называемые *баднякомъ*, привозятъ домой и кладутъ нѣсколько ихъ въ печъ, въ тотъ же день. Вносящіе *бадякъ* въ избу, привѣтствуютъ *дебаръ вечеръ и честитъ вамъ*

(*) Эти пѣсни помѣщены у Челяковскаго: Zbirce slow. pisny.—Къ колядскимъ пѣснямъ духовнаго содержанія, принадлежатъ: 1) Моцъ божи давна. 2) Кристусъ сынъ Божій. 3) Народилъ се Кристусъ Панъ. 4) Iезу Христе Пане милы. 5) Третьего дне.—Kollar. Narodn. Zpiew. c. 7. и 409—411; Paul. Piesn. lud. polsk. w. Galicie.—Жаль, что мы не можемъ сообщить вполнѣ сихъ пѣсней, потому что только это извѣстно объ нихъ.

*

баднїй день.—Ихъ осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ и отвѣчаютъ: *дао ты Богъ сретнїй и честитый.*—(Дай Богъ тебѣ счастія и благословенья).

Крачунъ у Карпато-Россовъ.

Карпато-Россы совершаютъ, наканунѣ Р. Х. *Крачунъ*, который у нихъ есть покровитель домашнихъ животныхъ и птицъ. *Крачунъ* происходитъ отъ *крачу*, выдергиваю шерсть изъ животныхъ.

Домашнія животныя у Карпато-Россовъ, начинаютъ линять съ Р. Х., какъ въ Россіи, съ поворота солнца на лѣто, и это линяньe извѣстно подъ именемъ *искраканья.* Если великимъ постомъ въ *искраканыхъ* животныхъ появляется новая шерсть, то это признакъ, что скоту занемочь, хозяину обѣднѣть, и думаютъ, что всему виной *Крачунъ*, который, истребляя животныхъ, караетъ вольнодумныхъ и негостепріимныхъ хозяевъ. Лѣтомъ насылаетъ онъ на стада медвѣдей и волковъ. Для защиты отъ бѣдствій, хозяева даютъ пиръ Крачуну. До вечерней звѣзды ничего не ѣдятъ; цѣлой день приготовляютъ постныя и даже безрыбныя кушанья, до двадцати блюдъ, и разливаютъ по кружкамъ разныя напитки, для вечерняго стола.

Изъ хлѣбныхъ яствъ занимаетъ главное мѣсто огромной величины бѣлый хлѣбъ съ

коркою, называемый *Крачуный* или *Крачунъ*. Его сажаютъ въ печъ, около третьяго часу, и обставливаютъ вокругъ калачами, подкалачами, калачиками и подкалачиками. — Когда начинаетъ смеркаться, тогда приступаютъ къ принятію *Крачуна*. Отъ порога сѣней до главнаго стола, покрытаго полотномъ, устилаютъ дорогу чистой соломою. — На столъ ставятъ большую миску, наполненную домашними овощами и хлѣбнымъ зерномъ; послѣ выносятъ приготовленныя кушанья, убираютъ ими столъ, а въ срединѣ ихъ становится большой Крачунъ, окруженный мелкими Крачунами. Съ появленія звѣзды, возвѣщаютъ шествіе *Крачуна*. Если же за непогодой невидно звѣзды, то объявляютъ шествіе *Крачуна*, когда довольно смеркнется.—Двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный снопъ, и ставятъ его въ уголъ избы; прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски. Всѣ присутствующіе садятся, во время шествія *Крачуна*, за одинъ столъ, не исключая работниковъ, хотя бы это происходило въ домѣ господъ; ѣдятъ безъ чиновъ и оканчиваютъ пиръ шумной попойкою, которая заключается пистолетными выстрѣлами въ окошко, но честь стрѣлять, предоставляется преимущественно домо-

хозяину. Женскій полъ начинаетъ потомъ гадать, а мальчики поютъ.

Около дачища,
Было лозище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

На ту лозище,
Взлѣзла козище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Подъ ту лозище,
Пришовъ волчище.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его ушища,
Якъ руковища.

Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Его хвостище,
Якъ помелище.
Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.
Его зубища,
Якъ граблища.
Рочкенде
Рочкенде, кенде,
Рочке—куренде.
Рочкекуренде,
Пременде.

Пѣснь оканчивается изгнаніемъ волка въ горы, а коза спасается.—

Полажайникъ въ Герцеговинѣ.

Наканунѣ Р. Х. привозятъ въ Герцеговинѣ *бадняка* (чурбанъ) шестью быками; везутъ его въ домъ, черезъ особо устроенныя ворота. Для избѣжанія непріятныхъ предзнаменованій, приглашаютъ въ домъ гостя, за нѣсколько дней до праздника, а иные имѣютъ постояннаго своего гостя, которой называется *полажайникомъ*. — Онъ посѣщаетъ на Р. Х. домохозяевъ, которые по его дѣйствіямъ толкуютъ о счастіи и несчастіи, на цѣлой годъ.—*Полажайникъ*, поздравляя съ Р. Х., посыпаетъ избу зерновымъ хлѣбомъ, и говоритъ: *Христосъ се роди*. Ему от-

вѣчаютъ: *ва истину се роди*, и осыпаютъ его взаимно зерновымъ хлѣбомъ. Потомъ онъ беретъ кочергу, разбиваетъ головни догарающаго бадняка, чтобы летѣли отъ нихъ искры. При всякомъ ударѣ приговариваетъ: *оволико говеда, оволико коня, оволико коза, оволико овца, оволико кармака, оволико кошница, оволико сретья и напредки* (столько рогатаго скота, столько лошадей, столько козъ, столько овецъ, столько кабановъ, столько ульевъ, столько счастія и успѣха). Наконецъ разгребаетъ золу, и бросаетъ туда нѣсколько денегъ; изъ присутствующихъ бросаютъ также кто сколько можетъ. — Иные вѣшаютъ на своихъ воротахъ *повѣсмо* (связку льна). *Полажайника* сажаютъ, накидываютъ ему на плеча покрывало, чтобы у коровъ были густыя сливки и молоко, и подчиваютъ его водкою и завтракомъ.—Позавтракавши онъ уходитъ домой, но послѣ обѣда опять возвращается сюда. — Тогда угощаютъ его до глубокой ночи. Когда уходить домой, тогда дарятъ его платкомъ, чулками или исподнимъ платьемъ и калачемъ. (*)

Бадній дань у Черногорцевъ.

Канунъ Рождества Христова у Черногорцевъ называется *бадній дань*, и совер-

(*) Вепел: Древн. и нынѣшніе Болгаре, и проч. т. II. с. 137—145; и собственныя замѣчанія, собранныя мною въ путешествіи около Карпато-Росскихъ горъ.

шается почти такъ же, какъ полажайникъ. Послѣ солнечнаго захожденія привозятъ изъ лѣса, въ каждой домъ, чурбанъ, называемый *бадняк*, украшенный вѣниками. Его кладутъ на очагъ, льютъ на огонь масло и вино, бросаютъ потомъ горсть соли и муки. Когда загорится бадняк, зажигаютъ отъ него свѣчи и лампаду предъ иконами, а главарь читаетъ молитву: о благосостояніи семейства и всѣхъ христіянъ. Послѣ онъ беретъ кубокъ, отвѣдываетъ вино, и передаетъ старшему; тотъ другому и такъ далѣе, пока кубокъ не обойдетъ всѣхъ. За тѣмъ мущины выходятъ на ближнія горы, и при восклицаніяхъ: *Христосъ се роди!* стрѣляютъ изъ орудій. Потомъ идутъ домой, садятся за столъ, застланный соломою, на коемъ лежатъ три хлѣба, одинъ на другомъ, а въ-верху воткнута лавровая вѣтвь съ апельсиномъ или яблокомъ; предъ каждымъ изъ мущинъ, лежитъ изъ хлѣба лукъ со стрѣлою.

Первый посѣтитель, въ первый день Рождества Христова, служитъ предметомъ особыхъ истолкованій: если приходитъ прежде всѣхъ, любимый человѣкъ; то онъ приноситъ въ домъ счастіе и благословеніе; если не добрый, то за нимъ неминуемое горе. Таковые посѣтители называются *полазники и полажайники*. Полажайникъ сѣетъ по избѣ зерновымъ хлѣбомъ,

и говоритъ: *Христосъ се роди.* Хозяинъ осыпаетъ его самого зернами, и говоритъ: *во истино роди.* За тѣмъ слѣдуютъ взаимныя поздравленія и желанія. Послѣ полажайникъ подходитъ къ очагу, въ коемъ горитъ баднякъ, ударяетъ по немъ кочергою. За каждымъ ударомъ, когда сыплются искры, приговариваетъ: оволико говеда, оволико коза, оволико овца, «оволико кармака, оволико кошница, оволико сретья и напредки». Далѣе разгребаетъ жаръ, и бросаетъ туда нѣсколько мелкихъ денегъ, а кто тароватѣе, тотъ червонецъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полажайники вѣшаютъ *повѣсмо.* Какъ онъ сядетъ за столъ, ему вѣшаютъ на плеча коверъ, чтобы у коровъ были густыя сливки. Послѣ завтрака полажайникъ уходитъ, но по полудни опять приходитъ и получаетъ въ подарокъ платки, чулки, рубашки и непремѣнно калачь. Но если къ бѣдному приходитъ богатый съ поздравленіемъ, то онъ приноситъ ему пищу и подарки. Предъ кушаньемъ всѣ молятся, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи. По совершеніи молитвы, всѣ цѣлуются, неисключая женщинъ, приговаривая: *миръ Божій! Христосъ се роди, во истину роди. Покланяймо се Христу и Христову рожанству.*—Цѣлованіе у нихъ при семъ обрядѣ, означаетъ примиреніе и забвеніе всѣхъ обидъ.—Въ про-

долженіи восьми дней, не убираютъ со стола и не метутъ комнатъ (*).

Коляда въ Польшѣ и Галиціи.

Въ Польшѣ, Галиціи и Червонной Руси, совершеніе колядскаго обряда, почти тоже самое. — Вмѣсто древнихъ языческихъ пѣсней, поютъ весьма часто духовнаго содержанія.

Nasród dworu jawor stoi, — hej leluja!
Na jaworze slota rzęsa, — hej leluja!
J przylecieli rajskie ptaszęta, — hej leluja!
J obtrzęsli złote, złote rzęsy, — hej leluja!
J wybiegła nadobna dziewczyna, — hej leluja!
J rospuścila swoj biały fartuszek,—hej leluja!
J pozbierała złote, złote rzęsy, — hej leluja!
J skoczyła do złotniczeńka, — hej leluja!
«Złotniczeńku, rzemiśnieczeńku, — hej leluja!
«Ulij że mi złoty kubek, — hej leluja!
«Któż ci się będziez niego napial? — hej leluja!
«Sam Pan Jezus ż aniołami, — hej leluja!
Nadobna dziewczyna z kawalerami, — hej leluja!

Коляда начинается на канунѣ Рождества Христова, послѣ солнечнаго захода. Тогоже вечера поселяне устилаютъ, внутренность избъ, соломою или сѣномъ; по угламъ ставятъ снопы; подъ образомъ и на столѣ, сѣномъ покрытымъ, кладутъ предъ каждымъ человѣкомъ

(*) Боричевскій: Пов. и пред. нар. Славянск. плем. ч. 2. с. 123—125, изд. 1841 г.; и собственныя замѣчанія, записанныя мною въ бытность у Карпато-Россовъ.

головку чесноку, для отогнанія всѣхъ болѣзней. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ на столъ, земледѣльческое орудіе отъ плуга, чтобы мыши и кроты не портили нивъ. Хозяинъ приглашаетъ всѣхъ домашнихъ къ столу, и угощаетъ ихъ напередъ водкою, потомъ ломаетъ коржи и желаетъ всѣмъ дожить новаго года.—Пшеничный хлѣбъ или калачи съ чернушкой (тминомъ), которые подаются по обычаю въ сей вечеръ, ѣдятъ съ особыми примѣтами, и никто не долженъ осуждать поданнаго на столъ угощенія.—Послѣ ужина выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ изъ сноповъ, и ворожатъ ими на полетѣ. — Хозяинъ пересчитываетъ съ заботливостію: сколько полныхъ и неполныхъ въ снопѣ колосьевъ, и по нимъ предсказываетъ будущій урожай. — Того же вечера и на другой день, ходятъ поздравлять съ Р. Х., и носятъ съ собою изображеніе ясель или звѣзды. Если колядуютъ предъ домомъ, гдѣ есть невѣсты, или колядчикамъ извѣстно, что дѣвушка скоро выйдетъ за мужъ, то поютъ:

A niedzielę, rano,
Do dziewczyny jadą,
Niosą podarunki,
Złocziste pierściónki.

По полученіи подарковъ, благодарятъ:

Bywaj że nam zdrowa
Nams kolędę dała;
Tobie wina beczka,
A nam kolędeczka.

Если поютъ въ честь дѣвушекъ, и отъ нихъ ничего не получаютъ, то приговариваютъ:

U naszych dziéweczek,
Dobry porządeczek:
Swinie u piecu ryją,
Psy naczynie myja,
A tyszki pod ławą,
Zarosły murawą;
Krowy nie wydói,
Ogona się boi;
Izby nie zamiecie,
Kolędy nie dają,
Wszyscy powracają.—

Къ богатой, но гордой госпожѣ.

Z cicha bracia nie dostępujcie,
Do tego dworu szlacheckiego;
Bo w tym dworze grzeczna pani
Na niey suknia bardzo droga:
Za sta złotych za czerwanych,
I za parę koni wronych.—

Въ честь домохозяевъ:

Dalej kolędujmy chłopczęta!
Bo już kolęda zaczęła.
Rok to tego czekać,
Aby nie narzekać.
By na zimną kuchnię nie dmuchać,
Państwo, gospodarstwo rozruchać,

Tak się nam rozchodzi.
Co za politykę wydziewać,
Albo to dzwón wielki kiwać?
Cicho Stachu, nie wołaj,
Gospodarstwa nie gniewaj. —
Bo już niosą nam z bantków koguta,
Będzie wnet wieczerza suta.
Jest i butel miodu,
Nie zginiem od glodu.
Czuję ja gorzałkę w butelie:
Dogodzitbym sobie wiele.
Jak na fantazyją
Wypilbym z porcyjąc.
Ozwij zę się glodny Bartoszu,
Dostaniemy kolędy po groszu.
O tam że do smutka,
Ja mysłał wsiose z dudka,
Oto kolędujmy póki czas służy,
Bo to tey kolędy nie najdłużej.
Jak przyjdzie do Gromnię.
To powiedzą: nie dam nić —

У католиковъ Gromnić, есть Сретеніе Господне, (февр. 2), послѣ коего перестаютъ колядовать.—Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ понынѣ Gromnić, называется Сретеніемъ.

Въ другихъ мѣстахъ празднуютъ (декабря 23) *субботу*, съ особой таинственностію. Домашнимъ животнымъ даютъ немного *свяченаго* (Священной Пасхи), и съ большимъ раченіемъ затворяютъ двери сараевъ, чтобы не проникали

сюда злыя чары. Небо, по мнѣнію простолюдиновъ, разверзается въ полночъ, и только одинъ благословенный свыше человѣкъ, можетъ видѣть небесный рай.

По деревнямъ ворожатъ дѣвицы: около полночи онѣ выходятъ на дворъ, и съ которой стороны залаетъ собака, съ той должны ждать суженыхъ. На другой день праздника, ходятъ мальчики, отъ дома къ дому, съ поздравительными стихами:

Na ścieście, na zdrowie,
Nato Boże narodzenie!
Żeby sie dożyla pseniczka i grach,
W komorze w oboze,
Daj ci Panie Boże!
Jw polu żeby byl snop przy snopie,
Kopa przy kopie,
Gazda (Господинъ) między kopami.
Kieby miesiąc między gwiazdami,
Żeby szed wuz za wozem do gumna,
Jako pscoly do ula.

Молодцы, убранные въ праздничное платье, водятъ за собою въ вечеру этого дня, чучело быка или волка, съ коимъ останавливаются предъ домами хозяевъ, играютъ и поютъ, за что получаютъ отъ нихъ въ награду что нибудь изъ кушанья, что приготовлено на святой вечеръ. Обычай водить за собою волка, извѣстенъ былъ въ Польшѣ, еще въ XVI вѣкѣ.

Во время колядскихъ дней, забывали застарѣлую вражду, примирялись и вступали въ новую дружбу; повсюду господствовало гостепріимство, взаимнообразныя обдариванія и приглашенія на пиршества.

Дѣти также поютъ, свойственныя ихъ возрасту пѣсни. Любопытная изъ нихъ:

Y na gumieneczu rośnie jabluneczka,
hej leluja!
Na tej jabłuneczke złote gałązeczki,
hej leluja!
Na tych gałązeczkach złociste listeczki,
hej leluja!
A między listkami złociste kwiateczki,
hej leluja!
A na tych kwiateczkach złociste jabluszka,
hej leluja!
A któż je oberwał?—Nadobna Anuska,
hej leluja!
Komuż ona dała to złote jabluszka?
hej leluja!
Jedno ona dała swemu panu ojcu,
hej leluja!
Drugie ona dała swojey panimatce,
hej leluja!
Trzecie ona dała swemu panu bratu,
hej leluja!
Czwarte ona dała swojej pannie siostrze,
hej leluja!
Piąte ona dała temu, co kochała,
hej leluja!

Piąte ona dała komu rozumiała,
hej leluja!

Въ новый годъ поютъ также колядскія пѣсни, и дарятъ взаимно.

Даренье яблоками дѣвочекъ и мальчиковъ, есть древній обычай южныхъ Славянъ. Молодой мущина въ Сербіи, ищущій руки дѣвушки, посылаетъ ей чрезъ свата найлучшее яблоко съ воткнутыми въ него мелкими серебряными деньгами.

Если дѣвица пріймета яблоко, то это добрый знакъ; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ искать руки другой.

У подкарпатскихъ Мазуровъ занимаетъ яблоко съ вѣтвью, главное украшеніе на свадьбахъ, и *Цьшиньскія* яблоки, какъ самыя превосходныя, вошли между ними въ поговорку (*). Моравцы представляли богинею любви Красопану, держащую въ одной рукѣ три яблока.

У Черногорцевъ, брошенное яблоко между соперниками, служило знакомъ къ взаимной битвѣ.

Изъ вышеприводимыхъ пѣсней видно, что коляда означала то подарокъ, то поздравленіе, то славленіе, и она ни у какихъ другихъ, кромѣ Славянскихъ народовъ, не составляла народную забаву, и съ такими веселыми обрядами.

(*) Pauli: Piesn. ludu polsk. w Galic., c. 1—9.

Если у Грековъ и было нѣчто похожее, то оно различествовало во времени и дѣйствіи.

Колядa въ Черной и Червонной Россіи.

На другой день Рождества Христова, ходятъ чeромъ въ Черной и Червонной Россіи, подъ окнами домовъ и колядуютъ; домашная прислуга колядуетъ предъ дверьми своихъ господъ. Иногда крестьяне являются на господскомъ дворѣ, съ кукольной комедіею и вертепомъ. Нѣкоторые поютъ колядскія вирши, по-польски; другіе на своемъ природномъ, чернорусскомъ языкѣ. Червонорусцы поступаютъ почти также, и колядуютъ на своемъ языкѣ. Вотъ дошедшія до насъ ихъ пѣсни:

Изъ за горы, изъ за каменной, святый вечеръ!
Да воттоль выступа велике вiйско,
А по передy панъ идe,
Панъ идe, коника ведe,
Хвалится конемъ передъ королемъ:
Да нема у короля такого коня,
Якъ у нашего пана.
Хвалится стрилою,
Передъ дружиною:
Да нема у дружины,
Такой стрилы
Якъ у нашего пана.
Хвалится лукомъ,
Передъ гайдукомъ:
Да нема у гайдука,
Такого лука,
Якъ у нашего пана.

Да бувай же здоровъ, пане!
Да не самъ собою,
Съ отцемъ, съ матерью,
Со всимъ родомъ,—
Живите съ Богомъ.

Эй заказано и зарадано, святый вечеръ!
Всѣмъ козаченькамъ у войско идти,
Пану коригивъ нести.
А у его пенька
Вельми старенька,
Выпровожала
И паучала:
«Ой, сыне мій, сынку!
Не попережай у передъ війска,
И не оставайся позади війска.
Держися війска все середняго,
И козаченька все статечного»
Молодый не послухавъ нени своей:
У передъ війска конемъ играе,
А позадъ війска мечемъ махае.
Угляне! се самъ царь на кресли.
«Ой, колибъ я знавъ,
Чій то синъ гулявъ,
То ябъ за него свою дочку отдавъ,
Половину царства ему бы отдавъ».

Ой рано, рано, куры запили, святый вечеръ!
А еще раньше панъ вставъ,
Лучкомъ забрящавъ,
Братьевъ побужавъ:

Да вставайте братья, кони сидлайте,
Кони сидлайте, хорты скликайте.
Да пондемъ въ чисте поле,
На прогулянье,
На разгледанье.
Да найдемо братье, куку въ деревнѣ,
Дѣвку въ теремѣ.
Отъ-се вамъ, братья, кука въ деревнѣ.
А мини, братья, дѣвка въ теремѣ.

Ой ясна, красна калина у лузи
А еще краснѣйша у домѣ,
По двору ходитъ.
Якъ заря сходитъ,
Въ синочки вошла;
Якъ заря зышла,
Въ свѣтлоньку войшла, — паны встаютъ,
Шапки иснимаютъ, ій пытаютъ.
Чи ты царевна, чи Королевна?» —
Я дочка ротмистрова (*).

Колядчики вставляютъ имя или званіе той дѣвушки, въ честь которой поютъ, а потому послѣдній стихъ: я дочка ротмистрова, прибавленъ здѣсь для полноты.

Коляда въ Россіи.

Въ Россіи коляда, также извѣстна съ давнихъ временъ. Она появилась прежде на югѣ, а потомъ перешла на сѣверъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной и восточной полосы Россіи, коляда называется *авсенемъ*

(*) Малорос. и Червоннорус. народн. думы. С. П. Б. 1836 г.

и *таусеномъ*, а въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвѣ удержано древнее названіе; однако въ нѣкоторой части Литвы, иногда она называется вечеромъ колодокъ или вечеръ Блоковъ, и вездѣ готовится кутья изъ пшеничнаго зерна, и каша изъ гречневыхъ крупъ; по уваркѣ гадаютъ о будущемъ урожаѣ и неурожаѣ хлѣбовъ.

Католическія лепешки, и печенья изъ тѣста изображенія.

Католическое духовенство заготовляетъ лепешки изъ тѣста, съ изображеніемъ Рождества Христова, и наканунѣ этого праздника разсылаетъ по домамъ. Въ день праздника разламливаютъ въ семействѣ лепешку, по числу домашнихъ; каждый съѣдаетъ свою часть, и поздравляетъ другъ друга съ праздникомъ Рождества Христова. Преломленіе лепешки, напоминаетъ имъ преломленіе хлѣба Іисусомъ Христомъ, за тайной вечерею.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской и Архангельской губерніи, донынѣ приготовляютъ изъ пшеничнаго тѣста различныя изображенія животныхъ, какъ-то: овецъ, коровъ, быковъ, разныхъ птицъ и пастуховъ. Ихъ посылаютъ въ подарокъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ; столы и окна, изукрашены этими изображеніями.

Въ Малороссіи также остался въ употребленіи, хотя не повсюду, подобный обычай. Дѣлаютъ изъ ржанаго или пшеничнаго тѣста конпковъ, ягненковъ, коровъ, быковъ и проч. и дарятъ ими дѣтей. Нынѣ это обыкновеніе выводится.

Остатокъ язычества и примѣты.

Изъ Стоглава извѣстно, что наканунѣ Р. Х. и Св. Крещенія, мущины и женщины сходились *на нощное плещованье, игры, глумленье и бѣсовскія пѣсни.* —

Простолюдины замѣчаютъ, что если въ ночи на Р. Х. и Богоявленіе, не бываетъ небо ясное, то не будетъ урожая въ этомъ году; по канунъ Богоявленія, есть общая примѣта на весь годъ. Въ Архангельской и Вологодской губерніи замѣчаютъ: если звѣзды горятъ ярко, а мѣсяцъ, освѣщая поля, образуетъ на нихъ сіяніе, подобное окружающему самый мѣсяцъ; то они поздравляютъ другъ друга съ урожайнымъ годомъ. —Напротивъ того, небо темное, заставляетъ ихъ призадумываться. Тяжелый годъ, говорятъ они, ни звѣздочки на небѣ! — Не жди теперь ни хлѣба, ни ягодъ.—Какъ то прожить пособитъ Богъ!

Иные по выходѣ изъ крещенской заутрени, запрягаютъ сани; въ нихъ насаживаютъ ребятишекъ, и съ ними скачутъ во весь духъ по деревнѣ. Причина этому та, чтобы уродил-

ся хорошій и долгій ленъ. — Этому обычаю слѣдуютъ переселенцы - Малороссіяне, живущіе въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи.

На Р. Х. не должно выпускать домашняго скота изъ хлѣвовъ, для безопасности отъ нечистой силы и знахарей. Мордва приноситъ въ этотъ день въ жертву: птицъ, пироги и напитки, нашимъ святымъ, о коихъ никакого не имѣютъ понятія,—для умилостивленія. Другіе замѣчаютъ (въ Саратовской губерніи Хвалынскаго уѣзда), что если на небѣ много звѣздъ, то родится въ этотъ годъ много ягнятъ и гречихи.

Васильевская и Крещенская коляда.

Коляды въ Россіи двѣ: одна передъ новымъ годомъ, *Васильевская*; другая передъ Богоявленіемъ, *Крещенская* или *водокрещей*. Первая еще извѣстна подъ именемъ *богатой*, а вторая подъ именемъ *постной*. —

Въ Малороссіи, напротивъ, вмѣсто богатой коляды бываетъ *богатая кутья*, тоже предъ Рождествомъ Христовымъ, а вмѣсто постной коляды, *голодная кутья*, предъ Крещеніемъ.

Значеніе Богоявленской воды.

Почти во всей Россіи, наканунѣ Богоявленія, послѣ освященія воды, пишутъ мѣломъ кресты: на дверяхъ, внутри дома, по скотнымъ хлѣвамъ и всѣмъ хозяйственнымъ заведеніямъ. — Во весь день, до вечер-

ней зари, ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Въ день Богоявленія тоже постятся, до освященія Богоявленской воды. Въ большихъ городахъ строятъ при рѣкахъ крещальню, называемую Іорданомъ, въ воспоминаніе Крещенія Спасителя въ рѣкѣ Іорданѣ. Въ столицѣ тотъ-же обрядъ, и сверхъ того, воздвигаютъ богатый балдахинъ, надъ прорубомъ рѣки Невы, противу Зимняго Дворца. По окончаніи обѣдни во дворцѣ, духовенство выходитъ на рѣку для освященія воды. Митрополитъ обыкновенно священнодѣйствуетъ; очередные митрополиты, архіепископы и епископы окружаютъ его. Драгоцѣнныя ихъ одежды, пышность и торжественное совершеніе, поражаютъ каждаго. Императорскій Домъ, окруженный первѣйшими государственными сановниками, гражданскими и военными, многочисленная посольская свита, придворные, гражданскіе чины, генералъ штабъ и оберъ-офицеры,—и все въ блестящихъ золотыхъ мундирахъ,—представляютъ глазамъ ослѣпительную картину величія. Тысячи людей стоятъ по обѣимъ сторонамъ рѣки; даже улицы набиты ими. Глубочайшая тишина господствуетъ повсюду: одно духовное пѣніе, только нарушаетъ благоговѣйное молчаніе. Но коль скоро погрузится крестъ въ воду, мгновенно раздаются громовые перекаты пушекъ

съ Петропавловской крѣпости. Съ шумомъ и радостнымъ волненіемъ, бросается народъ черпать Іорданскую воду, и всѣ возвращаются домой съ восторженнымъ чувствомъ небесной радости.

Древнее обыкновеніе бросаться въ прорубъ воды, давно здѣсь неизвѣстно, и тутъ живетъ оно въ одномъ воспоминаніи. Если вѣрить сказанію иностранца Маржерета, нач. XVII в., то Царь и вельможи погружались въ нее. Я самъ видѣлъ, говоритъ онъ, какъ Царь окунывался въ воду (*). До него еще Императорскій посолъ баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ нач. XVI в., говоритъ, что въ Іорданскомъ прорубѣ купались, не одни здоровые, но отчаянно больные, не имѣвшіе никакой надежды на выздоровленіе. Это самое повторяли всѣ иностранцы, описывавшіе нравы Россіи, до конца XVIII вѣка. Еще по нынѣ, во многихъ мѣстахъ Россіи, существуетъ это обыкновеніе. Я былъ однажды самъ свидѣтелемъ въ Малороссіи, что по освященіи воды, казакъ сбросивъ съ себя верхнее платье, погрузился спокойно въ воду. Но больныхъ уже не купаютъ;

(*) Marger. Estat de l'Empire de Russie et Gr. duché de Moscovie.

дають имъ только пить Богоявленскую воду, которая излечиваетъ отъ многихъ недуговъ. Домашній скотъ, во время его падежа или другихъ болѣзней, окропляютъ этой водою или дають пить по немногу. Иные хранятъ воду дотолѣ, пока она не испортится.

Погруженіе больныхъ въ воду, произошло отъ вѣрованія, что духъ свыше исцѣлитъ ихъ. Въ Крещенскій сочельникъ многіе не ѣдятъ до появленія вечерней звѣзды, и это строго соблюдается между простолюдинами. Нѣкоторые вѣрятъ, что на канунѣ Богоявленія волнуется въ самую полночь вода, въ ознаменованіе того, что въ это время крестился Іисусъ Христосъ. Многіе ходятъ черпать тогда эту воду, и увѣряютъ, что видѣли, какъ колыхалась она; но тѣ, которые не могли видѣть этого явленія, оправдываются тѣмъ, что они не дождались полночи, или проспали ее. Почерпнувшіе эту воду, хранятъ ее до слѣдующаго года, думая, что она, по особой своей силѣ, помогаетъ отъ многихъ недуговъ, и сама по себѣ не портится: таже свѣжая, чистая и здоровая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы, дворянство и простой народъ, въ сочельникъ передъ Крещеніемъ, пишутъ на всѣхъ дверяхъ латин-

скія буквы: G. M. B. (Гаспаръ, Мельхіоръ и Балтазаръ), означающія имена царей волхвовъ, приходившихъ съ дарами въ Виѳлеемъ, поклониться младенцу Христу. Кто не умѣетъ написать этихъ буквъ, тотъ пишетъ три креста. Въ церквахъ висятъ тогда на лентѣ, около престоловъ, люльки, въ коей лежитъ въ пеленахъ вылитый изъ воска младенецъ. Вокругъ люльки стоятъ восковыя изображенія: Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ; у изголовья младенца стоятъ оселъ и волъ. Подходящіе къ люлькѣ, качаютъ ее три раза, и потомъ молятся. На Крещенье ходятъ со свѣчами по улицамъ, и поютъ предъ домомъ хозяина:

Trins karalej eetjoje,	Пріѣхали три короля,
Dievuj pasiklonioje.	Богу поклонились;
Dabor pas jus atejna,	Теперь къ вамъ приходятъ,
Tus namelus aplankity	Домъ сей посѣтить
Jums linksmibe padarily,	Весельемъ одарить, —
Gieray praszom priimily.	Просятъ добраго пріема.

Хозяинъ долженъ принять колядовщиковъ, и ихъ щедро угостить. Если пріемъ нравится волхвамъ, то они гостятъ долго, въ противномъ случаѣ идутъ далѣе колядовать (*).

Въ самый же сочельникъ Рождественскій, дѣвушки, парни и мальчики, ходятъ колядо-

---

(*) Романовичъ, см. его статью: обычаи и игры литовскія, въ Сын. Отеч. 1839 г. мѣс. окт., No X. с. 116—117.

вать подъ окна домохозяевъ, которые дарятъ ихъ пирогами или деньгами.

Славленіе Христа.

Въ половинѣ XVII в. было въ обыкновеніи, что знатные люди славили Царя, который, въ свою очередь, ѣздилъ славить ихъ, и это обыкновеніе продолжалось до временъ Петра I, но Великій Монархъ самъ любилъ славить.

Славленіе—означающее хваленіе, начиналось въ то время по полудни. Если Царь ѣздилъ славить, то поѣздъ его совершался слѣдующимъ образомъ: двое изъ чиновниковъ шли впереди, съ барабанами въ рукахъ и обернутыми въ сукно палочками; за ними ѣхалъ Царь на саняхъ, окруженный придворными, боярами и князьями. При входѣ въ домъ, кого-либо изъ вельможъ, пѣли: Тебѣ Бога хвалимъ; потомъ поздравляли хозяина. Хозяинъ подносилъ Царю денежный подарокъ, и угощалъ его съ прибывшими. Послѣ они отправлялись къ другому, пока не обойдутъ знатныхъ особъ. Англійскій путешественникъ Брюнъ разсказываетъ, что наши Государи, предъ праздникомъ Богоявленія, ѣздили славить заслуженнѣйшихъ изъ своихъ бояръ и чужестранцевъ, которые угощали ихъ со всѣмъ поѣздомъ. Петръ I, сопровождаемый толпою царедворцевъ, началъ первое свое славленье съ иностранца Брама,

въ 9 часовъ утра (1702 г. января 3). Съ Царемъ пріѣхало на саняхъ и верхомъ, около 500 челов.; столы были покрыты разными лакомствами, сначала подавали холодныя, а потомъ другія кушанья. Веселость была непринужденная, а напитки лились рѣкою. Около трехъ часовъ Государь поѣхалъ, со всѣмъ своимъ поѣздомъ, къ другому иностранцу, гдѣ такое же было угощеніе; потомъ въ другіе домы, а наконецъ весь поѣздъ отправился отдыхать въ нарочно построенные домы.

Уклонявшіеся отъ славленія, подвергались наказанію кнутомъ и батогами. Нѣкто Григорій Камынинъ, былъ высѣченъ плетьми за то, что бывъ внесенный въ списокъ славленія, не ходилъ славить (*).

Въ Царствованіе Императрицы Елисаветы давалась пѣвчимъ, объ Рождествѣ Христовомъ, дача, подъ именемъ *славленой дачи.*

Долго господствовалъ обычай, между воспитанниками духовныхъ заведеній, что они ходили по домамъ по нѣсколько вмѣстѣ, славить Рождество Христово. При этомъ отличались они своими высокопарнобезмысленными діалогами, рацеями и виршами, которыя про-

(*) Bruyn: Travels into Moscovy, Persia and Eastindiens, Lond. inf; Голик. Дѣян. Петра Вел., Снегир. Русск. прост. пр. вып. II с. 56 — 58.

износили иногда на греческомъ и латинскомъ языкахъ, непонимая ихъ сами.

Славленіе Христа совершаютъ нынѣ мальчики, въ первый день Р. Х. Ходя по-утру со звѣздою или вертепомъ, они восхваляютъ Рожденіе Спасителя пѣніемъ изъ священныхъ пѣсней, или нарочно сочиненными для этого празднества стихами.

Въ иныхъ мѣстахъ ходятъ еще цѣлую недѣлю, съ перваго дня праздника Рождества Христова, со звѣздою, которая дѣлается изъ разноцвѣтной бумаги, въ различную величину, и освѣщена свѣчами. Обращая кругомъ звѣзду, поютъ: *Христосъ раждается*, и проч.

Общее обыкновеніе во всей Россіи, что въ день Р. Х. ходятъ священники послѣ обѣдни, поздравлять съ праздникомъ, или какъ говорится въ простонародіи, *славить Христа*, и это продолжается иногда въ теченіе всѣхъ святокъ. Разсказываютъ, что въ старые годы, по прославленіи Христа, священники по просьбѣ женщинъ сажались на порогъ или на разосланную шубу предъ порогомъ для того, чтобы водились куры.

Мѣстное славленіе и колядки.

По разнымъ мѣстамъ не одинаково отправляютъ славленіе. Въ Петербургской губерніи и въ самой столицѣ, ходятъ мальчики со звѣздою только накапунѣ Р. Х. и въ

первые три дня Р. Х. Звѣзду дѣлаютъ изъ *бичайки*, оклеенной желтой и пропитанной масломъ бумагою: на одной сторонѣ ея изображено лице, а на другой поклоненіе пастырей; весь кругъ окаймленъ бахрамою изъ желтой бумаги, и обведенъ шестью рогами, на подобіе лучей, вырѣзанныхъ изъ бумаги и украшенныхъ бумажной цвѣтной бахрамою. Между изображеніями, посредствомъ устроеннаго въ бичайкѣ отверстія, ставятъ зажженную свѣчу, отъ коей рисунокъ и лучи дѣлаются прозрачными. Звѣзду вносятъ въ комнату, или останавливаются съ нею подъ окномъ, и поютъ:

Нова радость стала,
Якъ небу хвала.
Надъ вертепомъ звѣзда ясна,
Свѣтомъ возсіяла.
Пастушки съ ягняткомъ,
Предъ малымъ дитяткомъ,
На колѣна выпадали,
Христа прославляли.
И мы просимъ, Христе Царю,
Небесный Государю:
Даруй лѣто счастливое.
Сего дома господину,
Сего дома господину.

Послѣ этого говорятъ иногда стишки:

Маленькія дѣтки,
Счипали вѣтки.

Въ саду стояли,
Христа прославляли;
Христосъ родился,
И рай растворился.

Потомъ поздравляютъ съ праздникомъ, за что получаютъ нѣсколько копѣекъ денегъ.

Крестьяне Смоленской губ. ожидаютъ съ радостію торжественнаго дня Р. Х.; жены ихъ съ удовольствіемъ смотрятъ на убывающіе горшки. Многія изъ нихъ, не умѣя читать, ведутъ особой свой счетъ по горшкамъ. Чѣмъ меньше остается ихъ въ домѣ, тѣмъ ближе время праздника, предъ коимъ обыкновенно закупаютъ новые горшки. Вотъ уже счетъ приходитъ къ концу, и праздникъ валится на дворъ. Бѣготня и заботы въ домѣ. Хозяинъ осматриваетъ праздничные кафтаны, молодые люди приготовляютъ новую упряжь. Въ первый день праздника крестьяне ѣздятъ къ обѣднѣ, на невыѣзжанныхъ молодыхъ лошадяхъ, и надѣваютъ на нихъ новую сбрую: мальчики, забравшись въ уголъ, спѣваются славить коляду. Хозяйка и дѣвушки, начиняютъ колбасы при пѣніи пѣсень:

Дѣдка свинушку убилъ,
Дѣдка бѣленькую,
Спинку пѣгинькую.
Ай да Божья коляда,
Прилетай къ намъ съ высока,

Разъ въ желанной годъ—
Полюбуйся часокъ.
Мы колбаски чинимъ,
Веретенцемъ сверлимъ.
Рыльце лычкомъ напремъ,
А туда мяскомъ набьемъ.
Ай — й — охъ! коледа,
Лети швыдче съ высока.
Да морозомъ не тряси,
Басловья (благословенья) къ намъ неси.

Эта пѣснь называется *чукать* (звать) коляду, и ее поютъ нѣсколько разъ въ вечеръ. Сначала зовутъ къ себѣ коляду, этой пѣснею; потомъ разговариваютъ или поютъ постороннія пѣсни, и начинаютъ *чукать*, пока не начинятъ колбасъ. По окончаніи работы, приготовляютъ *вечерю*, ужинъ. Въ этотъ день занимаетъ первое мѣсто между кушаньями, кутья,—разваренныя пшеничныя зерна и подслащенныя сытою. Когда окончатъ приготовленіе къ ужину и помолятся Св. иконамъ, тогда хозяинъ беретъ чашку съ кутьею, влѣзаетъ на печъ, отдвигаетъ волоковое *окопко*,—выбрасываетъ за окно три ложки кутьи, и говоритъ: морозъ! морозъ! поди къ намъ кутью ѣсть; кутью ѣшь, а пшеницу не трогай!—Женщины выходятъ въ то время на дворъ, посмотрѣть на небо: звѣздно ли небо, или нѣтъ? Если оно звѣздно, то это означаетъ *грибородное лѣто;* если нѣтъ, то

не будетъ грибовъ. Выполнивъ каждый свое, садятся за столъ, и ѣдятъ сначала кутью, потомъ слѣдующія кушанья. Этимъ оканчивается предшествующій день сочельнику, самый же сочельникъ отличается отъ обыкновенныхъ дней, тѣмъ только, что вечеромъ въ сочельникъ, ходятъ мальчики въ сосѣдніе домы славить коляду:

Пришла коледа на канунѣ Рождества,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Блинъ да лепёшка, кладись на окошко,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли нѣтъ блина, то конецъ пирога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Коли жъ нѣтъ пирога, то корову за рога,
Виноградье, красно-зеленое мое!
А сладкая кутья, сама сыпся изъ окна,
Виноградье, красно-зеленое мое!
Мы кутью посберемъ, да и морозъ помянемъ,
Виноградье, красно-зеленое мое!

Эту пѣснь заключаютъ привѣтствіемъ:

Христосъ народился,
Рай растворился;
Іуда удавился. —
Съ праздникомъ поздравляемъ,
И вамъ того же желаемъ.

Въ Саратовской губерніи ходятъ, на канунѣ Р. Х. молодые люди толпою, подъ окнами и величаютъ *каляду*. Подошедши къ окну, говорятъ: *чанные ворота, посконная борода, не*

кричатъ ли каледа? Если позволитъ хозяинъ, то поютъ:

На горки ленокъ,
Каледа!
Зеленехонекъ ростетъ,
Каледа!
Степанидушка ленокъ,(*)
Каледа!
Тонко прядетъ,
Каледа!
Звонка точетъ,
Каледа!
Ей чарочку винца,
Каледа!
Братыничку пивца,
Каледа!
Сѣна клокъ,
Каледа!
Вилы въ бокъ,
Каледа!

Каледа! гдѣ ты была?
Каледа!
Коней пасла,
Каледа!
Что выпасла?
Каледа!
Жеребеночка въ уѣздѣ,
Каледа!

(*) Всегда величаютъ изъ дѣвушекъ младшую въ домѣ.

Гдѣ жеребеночекъ?
Каледа!
За воротами стоитъ,
Каледа!
Гдѣ ворота?
Каледа!
Водой снесло,
Каледа!
Гдѣ вода?
Каледа!
Быки выпили,
Каледа!
Гдѣ быки?
Каледа!
За горы ушли,
Каледа!
Гдѣ горы?
Каледа!
Черьви выточили,
Каледа!
Гдѣ черьви?
Каледа!
Гуси выклевали,
Каледа!
Гдѣ гуси?
Каледа!
Въ тростникъ ушли,
Каледа!
Гдѣ тростникъ?
Каледа!
Дѣвки выломали,
Каледа!

Гдѣ дѣвки?
Каледа!
За мужья ушли,
Каледа!
Гдѣ мужья?
Каледа!
Среди неба на земли,
Каледа!
Въ ашметочкѣ (изношенной старой лапоть)
Каледа!
Въ уголкѣ,
Каледа!

По окончаніи каледы, толпа кричитъ: кокурка! кокурка! въ печи сидѣла, на насъ глядѣла, въ кошель захотѣла.—Хозяинъ подаетъ кокурку, нарочно для того приготовленную:

Выходила каледа за новыя ворота,
На канунѣ Рождества,
Ой каледа!
Свиныя ножки въ печѣ сидѣли,
На насъ глядѣли.
Старой чортъ! подай пирога,
Не подашь пирога, изрублю ворота.
Ой каледа!

Изъ колядскихъ пѣсней, употребляемыхъ въ сѣверной Россіи, суть:

Виноградье красно, почему спознать,
Что Устиновъ домъ Малофеевича?
Что у его двора, вся шелкова трава,
Что у его двора, все серебряной тынъ.

Ворота у него досчатыя,
Подвороточки рыбьи зубья,
На дворѣ его три терема:
Во первомъ теремѣ да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ;
Что красно солнце, то Улита его;
Что часты звѣзды,—малы дѣтушки.
Да дай Боже Устину Малофеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить;
Да дай Боже Улитѣ Хавроньевнѣ,
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари государь, колядовщиковъ.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.—(*)

(*) Разведеніе виноградныхъ лозъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи, не ранѣе 1613 г., и первыя лозы посажены около Астрахани, монахомъ.

Рыбьи зубы, особенно моржовые, имѣли высокую цѣнность; изъ нихъ выдѣлывали для разныхъ вещей украшенія. Здѣсь рыбьи зубья, должно разумѣть дорогіе,—моржовые.— Щучьи зубья собирались суевѣрами съ особымъ раченіемъ, для предохраненія себя отъ укушенія змѣй. Одинъ изъ нашихъ писателей, (Сказ. Русск. народ.) удивляется: почему нашъ народъ предпочитаетъ большіе зубы малымъ, и въ числѣ ихъ считаетъ лучшими моржовые? Это очень ясно: большіе всегда имѣютъ большую цѣнность предъ малыми, а моржовые были такъ дороги, что равнялись цѣнностію слоновой кости, и изъ нихъ выдѣлывали дорогія вещи. В. К. Ростиславъ подарилъ (въ 1159 г.) Черниговскому Князю Святославу, нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и *рыбьихъ зубьевъ*, а Святославъ подарилъ Великому Князю: леопарда и двухъ коней съ окованными сѣд-

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору прити,
Виноградье красно-зеленое!
Прикажитко ты, хозяинъ, коледу просказать!
Виноградье, красно-зеленое!
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по кремлю городу,
Виноградье, красно-зеленое!
Уже ищемъ мы, ищемъ господинова двора,
Виноградье, красно-зеленое!
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
Виноградье, красно-зеленое!
На седьми верстахъ, на осьмидесяти столбахъ,
Виноградье, красно-зеленое!
Что же около двора, да желѣзный тынъ?
Виноградье, красно-зеленое!
Что на всякой на тычинкѣ по маковкѣ?
Виноградье, красно-зеленое!
Что на всякой же по крестику?
Виноградье, красно-зеленое!
Что на всякомъ же крестику по жемчужинѣ?
Виноградье, красно-зеленое!
А среди того двора, что три терема стоятъ,

лами.—Кіев. лѣт.—Рыбьи зубы могли быть принимаемы въ денежномъ счетѣ, подобно кунѣ и векшѣ. Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ, часто говорится о дорогихъ рыбьихъ зубахъ, напр. въ собр. Древн. Русск. стихотвореній.—с. 2.

Въ чердакѣ была бесѣда,
Дорогъ рыбій зубъ.

Герберштейнъ говоритъ, что у насъ назывались рыбьими зубами, моржовые клыки. De reb. Moskov. с. 85. Патріархъ Іосифъ прислалъ въ Соловецкій монастырь, въ 1641 г., пять рыбьихъ зубовъ вѣсомъ въ 11 ф., а цѣною въ 11 тогдашнихъ серебряныхъ рублей, стоющихъ болѣе 200 руб. на ассигн.

Виноградье, красно-зеленое!
Что три терема стоятъ златоверховаты,
Виноградье, красно-зеленое!
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградье, красно-зеленое!
Красно солнце, то хозяинъ въ дому,
Виноградье, красно-зеленое!
Въ другомъ теремѣ свѣтелъ мѣсяцъ,
Виноградье, красно-зеленое!
Свѣтелъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,
Виноградье, красно-зеленое!
Что въ третьемъ терему часты звѣзды,
Виноградье, красно-зеленое!
Часты звѣзды, то малы дѣтушки,
Виноградье, красно-зеленое!
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ въ раю,
Виноградье, красно-зеленое!
Хозяйка въ дому, какъ аладья на меду,
Виноградье, красно-зеленое!
Малы дѣтушки, какъ олябышки,
Виноградье, красно-зеленое!

По окончаніи коляды, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду Святую.
По всѣмъ дворамъ, по всѣмъ проулочкамъ.
Нашли коляду

У Петрова-то двора.
Петровъ-то дворъ, желѣзный тынъ,
Среди двора, три терема стоятъ:
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ, Петръ сударь,
Свѣтъ Ивановичь;
Красно солнце, Анна Кириловна;
Частыя звѣзды, то дѣти ихъ.
Здраствуй хозяинъ съ хозяйкой,
На многія лѣта, на многія лѣта!

Въ окрестностяхъ Москвы возятъ въ саняхъ, на канунѣ Рождества Хрпстова, въ бѣлой рубашкѣ дѣвушку, которая называется колядою и поютъ:

Уродилась коляда,
На канунѣ Рождества.
За рѣкою за быстрою
Ой коліодка, ой коліодка!
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ.

Хотятъ козла зарѣзати.
Ты братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнуть,—
Горючь камень,
Къ котлу тянетъ.
Желты пески,
Сердце высосали.
Ой коліодка, ой коліодка!

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли неналаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андрелновичу.
Коляда!
Зензевея дома нѣтъ,
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ.
Суды судить, ряды рядить.
Коляда!
Онъ женѣ-то шлетъ,
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьямъ-то шлетъ,
По добру коню
Коляда!
Дочерямъ-то шлетъ,
По черну соболю.
Коляда!

Эта пѣснь перешла, безъ сомнѣнія, отъ южныхъ Славянъ, потому что въ ней упоминаются: рѣка Дунай и имя Зензевей, которое только въ тѣхъ мѣстахъ употребительно. Все прочее придѣлано къ Русскимъ обычаямъ.

Ужъ какъ шли ребята колядовщики,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Колядовщики фабрищики,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе.
Въ первомъ теремѣ красно солнышко,
Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ третьемъ терему часты звѣздочки.
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему;
Хозяйка въ дому, госпожа въ высокомъ;
Малодыя дѣтушки, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Благодарствуй хозяинъ! на хлѣбъ, на соли и на жалованьи,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, со двора спустилъ.
Виноградъ, красно-зеленая моя (*).

(*) Чулковъ: Абев. Русск. суевѣр. см. коляда; Фризъ: Руководст. къ физическ. опис. областнаго города Устюга-Великаго, изд. 1793 г.; Снег., Русск. простонар. празд. и проч.,

Въ югозападныхъ странахъ Россіи: Малороссіи, Бѣлоруссіи и Литвы до нынѣ въ обычаѣ колядованье.

У Литвиновъ отправлялось въ древности особое празднество, въ честь бога *Оккапирмоса*, что приходилось въ половинѣ марта, а съ перемѣною мѣсяцослова бываетъ оно теперь декаб. 25, и извѣстно уже подъ именемъ *вечера колодокъ*. Оккапирмосъ сопровождался ворожбою, загадываніемъ и примиреніемъ, но съ тѣмъ, чтобы не ссориться впредь. Угощенія и поздравленія, украшали это празднество. Нынѣ на канунѣ коляды, таскаютъ изъ селенія въ селеніе колодки, перескакиваютъ чрезъ нихъ, и потомъ сожигаютъ при пѣніи и обрядахъ. У Латышей сохранилось преданіе *о Блокковомъ вечерѣ* или *вечерѣ колодокъ*, который бывалъ на Р. Х. (*).

Между Жмудью въ Литвѣ, празднуютъ канунъ Р. Х. кутьею, но кромѣ ея приготовляютъ еще изобильный столъ, состоящій изъ рыбы, студеней и сладкихъ кушаньевъ. За столъ садятся не прежде появленія первой зари; подъ скатерть настилаютъ сѣно, въ память того, какъ Спаситель родился въ яслѣхъ на

вып. II. с. 65—70; Мясниковъ: Свѣдѣнія о народн. праздн. въ Шейкурскомъ и Вельскомъ округахъ, рукопись.

(*) Golębows. Lud. polsk. i jego zwycz. War. 1830 г.

сѣнѣ; на другой день оно раздается всему домашнему скоту. Тамъ думаютъ, что ночью въ тотъ самый часъ, когда Іисусъ Христосъ родился, вода превращается въ одно мгновеніе, но не возможно уловить минуты этого чудеснаго превращенія. На другой день Р. Х. предаются увеселенію, называемому *важявимсъ ій каралучю*, т. е. прогулка въ Королевецъ (Кенигсбергъ). Для этого пекутъ большой крендель, который засушиваютъ посреди избы, на питкѣ. Одинъ, принимающій на себя названіе купца, садится съ жгутомъ подлѣ кренделя; прочіе подъѣзжаютъ къ нему на скамеечкѣ, и спрашиваютъ: «какъ поживаете, господинъ купецъ?» —Здоровъ, благодаря Бога! А вы откуда, господа?—«Изъ Самогиціи»—«За чемъ сюда пріѣхали?» — «За товаромъ» — «Какого вамъ надобно?» — «Пригожей дѣвушки, какъ калина, а сладкой какъ малина»—«Пожалуй, у меня есть пригожая и сладкая» — «Хорошо, нельзя ли отвѣдать?» — «Съ удовольствіемъ,—въ цѣнѣ сойдемся.» Каждый старается отвѣдать крендель, котораго никто не долженъ дотрогиваться руками; если же кто коснется, то купецъ гонитъ и бьетъ жгутомъ. Успѣвшій отвѣдать, получаетъ отъ купца въ награду поцѣлуй.

Прогулка въ Королевецъ называется въ иныхъ мѣстахъ *кушанье сыра* (surmalkis), а въ

другихъ мѣстахъ (skajsti mergieli), и почти также совершается, какъ прогулка въ Королевецъ.

Малороссіяне, за нѣсколько дней до Р. Х., приготовляются къ великому празднику, съ шумной радостію. — Чистятъ и убираютъ хаты, перемываютъ до чиста всю домашную посуду, покупаютъ новые наряды и запасаются на цѣлую недѣлю всѣми съѣстными припасами, лакомствами, настойками и наливками, которыя своимъ отличнымъ вкусомъ превосходятъ многія иностранныя вина. Кто ихъ не пивалъ на мѣстѣ, тому трудно повѣрить. Въ богатый вечеръ пекутъ паляницы, пироги: изъ маку, гороху, грушъ, капусты и пр.; въ тотъ же день варятъ *кутью* изъ сарочинскаго пшена или изъ пшеничныхъ крупъ; приготовляютъ медовую сыту и варятъ *узваръ*. Онъ дѣлается изъ сушеныхъ плодовъ: яблокъ, грушъ, сливъ, вишень и изюму; жарятъ и варятъ разную рыбу, но все готовятъ постное. Образа украшаютъ херувимчиками и ангелами, вырѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги, и обставливаютъ высокими цвѣтными свѣчами, которыя зажигаются потомъ вечеромъ. Иные ставятъ на столъ церковныя свѣчи, и освѣщаютъ ими ужинъ.

По приготовленіи кутьи и узвару, ставятъ ихъ на сѣнѣ подъ *покутомъ* (мѣсто подъ образомъ), гдѣ они стоятъ до вечерней за-

ри. Въ богатый вечеръ или богатую кутью, не обѣдаютъ, но позволяется ѣсть; напротивъ въ голодную кутью,—которая предъ Крещеніемъ, — ничего не позволяется ѣсть въ теченіи всего дня, до вечерней зари. Столъ застилаютъ чистымъ полотномъ, кладутъ ложки, по числу обѣдающихъ. Иные кладутъ подлѣ ложекъ, по головкѣ чесноку, для предохраненія себя отъ нечистой силы. Дѣвушки и женщины, стараются нарядиться прежде вечера; если не успѣютъ, то это дурное для нихъ предзнаменованіе: — въ первомъ случаѣ не выйдутъ за богатыхъ жениховъ, а во второмъ не будутъ любимы своими мужьями.

По наступленіи вечера освѣщаютъ избу, и ставятъ на столъ приготовленное для ужина. Хозяинъ садится на *покуть*, съ правой руки его жена, а дѣти кругомъ. Прежде, нежели сядутъ за столъ, молятся Богу и благодарятъ Его, что дождались святаго вечера. Ужинъ начинаютъ водкою, который продолжается довольно долго; взваромъ и кутьею, пресыщаются до крайней возможности, такъ, что отъ нихъ болятъ долгое время животы.

По окончаніи ужина, мущины выносятъ на дворъ опороженные горшки, и разбиваютъ ихъ объ землю, или поставивъ на землю, бьютъ издали палками, чтобы изгнать изъ

дому всякой недостатокъ. Другіе стрѣляютъ изъ пистолетовъ, въ знакъ провожанія богатой кутьи или богатаго святаго вечера. Такою потѣхою, занимались прежде помѣщики.

Иные послѣ ужина, ходятъ къ родственникамъ съ поздравленіемъ. Поднося старшему въ семействѣ хлѣбъ-соль, съ поклономъ въ поясъ, говорятъ: «прислявъ батько и маты хлибъ съ силью; на, тоби вечерю (ужинъ)». Принявъ отъ нихъ, ставятъ на столъ и благодарятъ: «спасибо батькови и матери, за хлибъ, за силь и за вечерю». Принесшихъ сажаютъ за столъ, и подчиваютъ пивомъ, медомъ и водкою. Мальчиковъ же дарятъ пряниками и деньгами.

Въ первый день Р. Х. ходятъ мальчики со звѣздою,—поздравлять съ праздникомъ. Пришедши въ чужой домъ, они становятся у дверей, кланяются хозяину или пану въ поясъ, и спрашиваютъ позволенія на славленіе Христа, говоря: *благословите Христа славить.* Если отвѣчаютъ имъ: *добре*, то они начинаютъ. Это славленіе сопровождается часто произнесеніемъ виршей, сочиненныхъ искусными грамотѣями, или вмѣсто виршей, произносятъ церковные стихи: *Рождество Твое, Христе Боже нашъ* и т. д. Вотъ нѣкоторыя вирши.

Я маленькій хлопчикъ,
Злизъ на стовпчикъ;

Въ дудучку играю,
Христа забавляю.

А я маленькій Пахомикъ,
Родився ви вторникъ;
Въ среду рано,
Мене въ школу отдали:
Книги читать, Христа величать,
А васъ зъ праздникомъ поздравляти.
Будьте здоровы зъ праздникомъ,
Съ Рождествомъ Христовымъ.

Горобчикъ летитъ,
Хвостикомъ вертитъ;
А я его не піймаю,
Васъ зъ праздникомъ поздравляю.
Будьте здоровы зъ праздникомъ,
Съ Рождествомъ Христовымъ.

Ой на рѣчци
На Іордани,
Тамъ Пречиста
Рызы прала,
Свого сынка
Сповывала,
На яныни
Колыхала.
Прилетило
Два Аніолы
Взяли Христа,
На небесса.
Вси небеса
Растворилися,

Уси святыи
Поклонилыся.

Христосъ родывся,—
Тварь веселися!
Спасеніе открылось намъ.
Богъ зъ чоловикомъ помырывся,
Прощенъ нашъ праотецъ Адамъ.
Торжествуйте, лыковствуйте!

Чого вы задумались?
Хиба вы не знаете,
Що Христосъ родывся?
Дармо що я малый
Ай въ Церкви бувавъ,
И обо всимъ чувавъ.
Оце й вамъ звищаю,
И зъ праздникомъ Христовымъ поздравлю.

Якъ Христосъ народывся,
Иродъ смутився,
Ставъ дуже бояця
Що не будутъ іого поважаты.
И маленькихъ дитокъ,
Жыдивскимъ бабамъ,
Веливъ убываты.
Отъ лютого Ирода
Начали утикаты.
Я вамъ желаю,
Спасенія въ раю,—
И зъ праздникомъ
Поздравляю.

А пана у Ивана, да на его двори,
Стояло дерево, тонке высоке,

Тонке высоке, листомъ широке.
И зъ того дерева, Церковка рублена,
А въ той Церковцы стоитъ три престола.
На первымъ престоли, Святее Рыздво:
На другимъ престоли, Святаго Василя;
На третьимъ престоли, Иванъ Крестителъ.
Святее Рыздво, намъ радость принесло;
Святый Василь, новый годъ принисъ;
Иванъ Креститель, воду перекрестивъ.

Нова радость стала,
Кая не бувала:
Надъ вертепомъ звизда ясна,
Сонцю возсіяла.
Шли тріе Цари,
Ко Христу со дары.
Иродъ ихъ пригласи.
Куда идете? изпросы. —
Отвѣщаху ему:
Идемъ къ Рожденному. —
Къ Рожденному идите,
И мыни возвистите, —
Звизда жъ иде чудно,
Зъ востока на полудень.
Надъ вертепомъ сіяе,
Царя-Христа являе;
Ангелъ имъ вищае,
На путь наставляе.
Инымъ путемъ грядите, —
Ко Ироду нейдите.

Нова радость стала,
И на небѣ слава!

Надъ вертепомъ звизда ясна,
Весь свитъ осіяла.
Де Христосъ родывся,
Отъ Дивы воплотывся.
Пришли туда отъ вистока,
Цари поклонытця.
И пастушки зъ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ;
На колинцяхъ упадалы,
Бога восхвалялы.

Христосъ народывся
Весь міръ возвеселывся,
Писля Адамова гриха.
Родывся жъ въ Вифлеми
Въ стойли, а не въ доми, —
Отъ дыковына яка!
Ы янгелы святіи
Крылати, чудныи,
Такъ же то лепьско спивалы,
Що мы родылысь и похрестылысь,
А далеби що такъ не чувалы!
Пастухи зъ степу,
Прыйшли ажъ до вертепу
Ы по ягняты принесли;
На дудки грали
Якои зналы, —
Тай зиову до стада пошлы.
А тріе Цари
Прынеслы дары
Хрысту, ажъ видъ вистока.—
Тутъ ихъ поклалы и поздоровляли

По письменьски,—зъ высока.
Будь ласковъ Царю,
Благословы насъ такъ:
Щобъ жыто родыло,
Ы вiйны не було,
Ы щобъ мы пожылы въ смакѣ.
Iсько старенькiй, (*)
Бувъ iнмъ раденькiй;
Гостынцы по прыймавъ.
Сидайте жъ у насъ,
Мы почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ.
Та якъ пидписъ имъ,
По кагальцю сывухи,
Ы по кухлю варенухы;
Якъ хлеснулы,
Такъ и поснулы—
Ы Iсько свитло погасывъ.—
Янголъ Божiй,
Ясный, гожый,
Царямъ во сни шепнувъ:
Мерщiй вставайте,
До дому чухрайте,
Щобъ Ыродъ сiого не чувъ. —
Цари схватылысь,
Перехрыстылысь,
Тай до дому почухралы.
У лiво повернулы,
Якъ видъ Янголя чулы.
Одъ-такъ Ырода ошпувалы.

(*) Iсько,—сокращенное слово отъ Iосипъ, по-русски Iосифъ. Здѣсь Iсько разумѣется Iосифъ, обручникъ Божiей Матер.

Иродъ дожыдавься,
Въ викно приглядавься:
Що ось, ось, ось,
Прыйдутъ до іого Цари;
А дали схаменувся,
Мовъ видъ сна прочиувся, —
Що воны кебзуютъ зъ іого.

Въ теченіе Рождественскихъ праздниковъ, ходятъ еще мальчики со звѣздою и вертепомъ. Звѣзда также дѣлается какъ въ Россіи, а вертепъ, это деревянной о двухъ верхахъ ящикъ, освѣщенный не большими восковыми свѣчами. Помѣщенныя въ нихъ деревянныя изображенія на проволокѣ, представляютъ знаменія Рождества Христова: появленіе звѣзды на востокѣ, Рожденіе Спасителя въ ясляхъ, явленіе ангеловъ, поклоненіе мудрецовъ, бѣгство Іосифа съ Божіей Матерью въ Египетъ—(*).

Появляется пиръ и музыка во дворцѣ Ирода, царя іудейскаго. Балъ открываютъ деревяшки, какъ водится; онѣ скачутъ, вертят-

(*) Іисусъ Христосъ родился въ полуночь субботы на Воскресенье, потому шестой Вселенской соборъ постановилъ праздновать день Рожденія Спасителя 25 декабря, въ Воскресенье. Въ этотъ самый день Богъ, по сотвореніи міра, озарилъ его свѣтомъ и самъ почилъ отъ трудовъ; сошла съ небесъ манна на бѣдствовавшихъ Израильтянъ въ пустынѣ; Искупитель міра принялъ крещеніе въ Іорданѣ отъ Іоанна; воскресъ изъ мертвыхъ и ниспослалъ Св. Духа на Апостоловъ и Учениковъ.—См. Четью-Минею о Рожд. Іисуса Христа, дек. 25 л. 167. изд. Москов. 1815 г.

ся, кружатся и падаютъ въ обморокъ.—Иродъ, очарованный красотою танцовавшей съ нимъ Иродіадой, приказываетъ отсѣчь голову Іоанну Крестителю, и принесть ее на блюдѣ; за тѣмъ выскакиваетъ смерть. Выпрыгнувъ изъ за угла, тонкая и высокая, на однѣхъ костяхъ, съ предлинной косою, она рубитъ голову Ироду, который, упавши на землю, дрыгаетъ ногами и кричитъ: *Оце жь, лихо мыни! якъ бы я знавъ, що всему причиной дивчата, то бы не таньцовавъ, и не жартововъ бъ ни зъ однею. —Карае за нихъ Царь небесный!*—Часто вертепъ не оканчивается этой забавою, которая сопровождается музыкою и пѣніемъ духовнаго содержанія: иногда представляютъ разныя дѣйствія изъ частной жизни.

Колядованіе малороссійское.

Въ первый вечеръ Рождества Христова, мущины, женщины, дѣвушки и дѣти, ходятъ колядовать подъ окна, а на канунѣ новаго года *щедровать* (щедровать значитъ желать во всемъ изобилія и богатства). Домохозяевъ и господъ, восхваляютъ или поздравляютъ съ святымъ и щедрымъ вечеромъ. — Есть колядчики, которые при пѣніи бьютъ въ бубны, звонятъ въ колокольчики и именуютъ въ своихъ пѣсняхъ хозяевъ, ихъ дѣтей, или величаютъ ихъ особыми прозваніями. Колядуютъ до полночи.—Дѣ-

вушки, ходя подъ окна, стараются подойти тихо и прислушиваются, что говорятъ, и изъ этихъ словъ выводятъ разныя для себя предзнаменованія. Колядскія пѣсни поютъ протяжно, и за каждымъ стихомъ произносятъ *святый вечиръ и добрый вечиръ*, а иногда отдѣльно. По окончаніи пѣсни поздравляютъ съ праздникомъ и святымъ вечеромъ, или Рождествомъ Христовымъ.

Иные изъ колядчиковъ, подходя подъ окно, говорятъ: *чи колядовать?* или *благословите вечиръ славить*, имъ отвѣчаютъ: *добре*. Иногда одинъ изъ колядчиковъ произноситъ громко и скоро:

Колядую, Колядую,
Ковбасу чую.

Сидитъ дядько на стильцы,
Вбуваетця въ постильцы:
Здоровъ дьядьку износы,
А мыни вынеси ковбасы.
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ.

Ой нашъ Царю, Царю!
Небесный Сапарю.
Пошли Боже многа лита
Сему господарю. —
Добрый вечиръ!

А въ нашего папа
Собака пьяна,
Лежитъ на саняхъ,
Въ червонныхъ штанахъ;
А на пичи сидытъ,
Та въ рожокъ гудыть.

Колядовало четыри бабы,
А пьятый дидъ;
Выколядовали по паляницы,
Ище и хлибъ. —
А въ дядька, дядька,
Дядына гладка,
Не хоче встаты
Ковбасы даты.

Бигла телычка изъ березнячка,
Та въ дядинъ двиръ;
Я тоби дядю заколядую,
Дай пирогъ.
А ты дядынку хоть палянычку,
Ой дай те худко,
Побижу прудко,
Бо змерзъ я.
Коротка свытка,
Измерзла лытка.
Брешу я —
Колы неймете виры.
Не хай вамъ поробляця,
На голови диры.
Колядуй баране,
Не вмію пане! —

Пане господарю!
Богъ тебе кличе.
Дае тоби дви лани жита,
А третью пшеницы, на паляницы,
Четвертую гречки на варенички,
А пятую овса, и колядка вся!
Вечиръ добрый!
Дайте пирогъ довгый, здобный.
А якъ не дасте,
То самы съѣсте.

Дѣвушки поютъ:

Ой якъ бье, такъ бье,
На шатры на городъ:
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему коня въ наряди,—
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Винъ коня взявъ,
Шапочки не снявъ,
Не поклонывся.
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Вывели ему дивку въ наряди
Соколе, соколе ясный!
Молодче красный,
Пане Стефане вельможный.
Винъ дивку взявъ,

Шапочку снявъ,
И поклонывся.
Соколе, соколе ясный!
Молодце красный,
Пане Стефане вельможный.
Боже! дай вечиръ добрый.
Дайте пирогъ довгій,
А якъ не дасте,
То самы съѣсте.

Богородыця Сына породыла,
У сихъ святыхъ до себе созвала.
Сталы думать и гадать:
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святаго Иліи.
Богородыця нивзлюбила,
Всихъ святыхъ посмутыла.
Богородыця Сына породыла,
У сихъ святыхъ до себе созвала.
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Дали Ему имя Святого Петра.
Богородыця нивзлюбыла,
Всихъ Святыхъ посмутыла
Богородыця Сына породыла,
У сихъ святыхъ до себе созвала
Стали думать и гадать,
Яке Ему имя дать?
Далы Ему имя Іисуса Христа.
Богородыця излюбила,
Всихъ святыхъ восхвалила.

Колядка взрослыхъ:

Чи дома панъ господарь?
А я знаю що винъ дома,
Сидитъ же винъ въ конци стола,
А на ему шуба люба,
А на шуби поясочекъ,
А на поясочку калиточка,
А въ калитоци симъ шиляжечкивъ.
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ братцы по пирожечку;
Ще того мало,
Дайте кусокъ сала;
Ще того трышки,
Дайте лемишки. —
Дай Боже вечиръ добрый
Дайте пирогъ довгій. —
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ. —

Эту коляду произносятъ еще такъ:

Чи дома, дома, панъ господарь?
А я знаю, що винъ дома,
Сидитъ же винъ въ кинци стола,
А на немъ шуба нова,
А на шуби калиточка,
А въ калиточки симъ шиляжечкивъ
Сіому тому по шеляжечку,
А намъ братцы по пирижечку.
Боже дай вечиръ добрый,
А намъ дайте пирогъ добрый.
А якъ не дасте,
То возьму кобылу за чуприну,
Поведу въ кабакъ,
Да пропью за пятакъ.

Въ Подлѣсіи поютъ дѣти:

Эй коляду, коляду!
Дайте мачку и кутю.
Якъ не дасте, откажите,
Моихъ ножекъ не зябите.
Я дѣтинка маленкая,
Моя ножка босенкая —
Мыкъ, мыкъ!
Вынесте колядникъ (*).

Иные изъ колядчиковъ поютъ на два голоса, но предъ начатіемъ бросаютъ изъ за угла камень или палку, для соотвѣтствія предстоящей колядки.

1. Хтось мене, дядьку,
Кизякомъ учкваривъ.
Святый вечиръ!

2. Да може не влучивъ?

1. Да дежъ тоби не влучивъ,
Що — й гудзь налучивъ. —
Святый вечиръ!

2. Да може не нарокомъ?

1. Да дежъ тоби не нарокомъ,
Щой гудзь пидъ окомъ.
Святый вечиръ!

2. Да може на смихъ?

1. Да дежъ тоби на смихъ
Щой гудзь пабигъ
Святый вечиръ!

2. Да може не дуже?

(*) Goleow. Lud. pols. jeg. zwycz. zabobony. ч. 2. с. 281.

1. Да дежъ тоби не дуже,
Що ажъ у мозгу струже.

Святый вечиръ!

Когда имъ выносятъ что нибудь, тогда благодарятъ:

Спасибо тоби, дядьку, —
И шелягивъ кипа.
Щобъ же у тебе у поли,
Всего було вдоволи.

Въ заключеніи говорятъ: доброй вечеръ и всѣмъ на здоровье.

Ишовъ, перійшовъ мисяцъ по небу,

Святый вечиръ!

Да стрився мисяцъ съ ясною зорею,

Святый вечиръ!

Ой заря, заря де у Бога була,

Святый вечиръ!

Де у Бога була, де маешъ стати?

Святый вечиръ!

Де маю стати?—у пана Ивана,

Святый вечиръ

У пана Иана, да на его двори.

Святый вечиръ!

Да на его двори, да у его хаты,

Святый вечиръ!

А у его хати да дви радости,

Святый вечиръ!

Первая радость, сына жениты;

Святый вечиръ!

Другая радость дочку выдаваты,

Святый вечиръ!

Сына жениты, молодця Евфимка,
Святый вечиръ!
Дочку отдавати молоду Настусю.
Святый вечиръ!
Бувай же здоровъ, молодче Евфимку,
Святый вечиръ!
Да не самъ съ собою: съ отцемъ, съ матерью,
Святый вечиръ!
И съ милымъ Богомъ и съ всимъ родомъ,
Святый вечиръ!
Съ Исусомъ Христомъ Святымъ Рождествомъ.
Святый вечиръ!

По окончаніи пѣсни говорятъ: *поздравляемъ васъ пане добродію, и паниматко, и всихъ вашихъ зъ Святымъ вечеромъ. Дай Боже вамъ довго житы да веселиця.* Колядовщикамъ высылаютъ денегъ, или дарятъ чѣмъ другимъ. Если долго имъ не даютъ, то продолжаютъ пѣть, пока не вышлютъ. Случается, что имъ ничего не даютъ, тогда говорятъ, что хозяинъ и хозяйка скупиндяги (скупые).

Слѣдующія пѣсни поются во время праздничныхъ забавъ:

Ой въ Кіеви да на рыночку,
Та на жовтымъ песочку.
Тамъ дивочка садъ сажала,
Садъ сажала, поливала,
Поливаючи примовляла:
Рости, саду! высче мене,
Высче мене, красче мене!

Ой гула, гула крутая гора,
Що не вродилась швкова трава,
Тылько вродила зелене вино.
Красная паня вино стерегла,
Вино стерегла, крипко заснула.—
Якъ налитили райскіи пташечки,
Одзябали зелене вино.
Да пробудили красну панну—
Ой скоражъ вона тоби учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула.
Ой шуги, въ луги! райскіи пташки,
А мини вина самой надобно.
Брата женити, сестру отдаваты,
Сама молода заручена!—

Да чому ты, дивчино, гуляты не йдешъ?
Ой якъ же мини гуляти пійты,
Що мои братики зъ війска пріихали.
Привезли мини три подарочка,
Першій подарокъ, золотый перстень;
Другій подарокъ, зеленая сукня;
Третій подарокъ, перловая нитка.
Золотый перстень якъ огонь сіяе,
Зеленая сукня, слидъ заметае;
Перлова нитка, головку обвязуе.—

А въ сего пана скамья заслана,
Та на сей скамьи, три кубки стоятъ;
Въ першемъ кубци, медокъ солодокъ;
У другимъ кубци, крипкіе вино;
У третьемъ кубци, зелене вино.
Зелене вино, для пана сего,

Крипкіе вино, для жинки его;
Медокъ солодокъ, для дитокъ его.

Въ тому саду три корыстоньки:
Перша корысть, то оришиньки;
Другая корысть, то вышеньки,
Третя корысть, то яблучки.
Оришками чеховатися,
Яблучками подкидатися.
Да бувай здорова зъ батькомъ, матерью.
И зъ милымъ Богомъ и зо всимъ родомъ,
Іисусомъ Христомъ, Святымъ Рождествомъ.

Щедривки.

Колядованье и щедрованье, не есть одно и тоже. Многіе изъ нашихъ писателей соединили ихъ вмѣстѣ. — Колядованье бываетъ въ первый день Р. Х., а въ иныхъ мѣстахъ продолжается и нѣсколько дней сряду; между тѣмъ, какъ щедрованье или *щедривки*, всегда однажды, предъ новымъ годомъ. Это есть собственно праздникъ мальчиковъ и дѣвушекъ, которыя щедруютъ вечеромъ подъ окнами. Случается, что участвуютъ въ щедрованіи молодыя женщины *и парубки*, но въ такомъ случаѣ они подвергаются посмѣянію и имъ ничего не даютъ. — Чтобы получить что нибудь отъ домохозяевъ, они притворяются подъ голосъ дѣтей. Однако ихъ голосъ узнаютъ.—Это они дѣлаютъ изъ одной шалости.

Мальчики щедруютъ и поютъ вездѣ единообразно: или очень протяжно или скоро:

Щедрикъ ведрикъ.
Дайте варенікъ,
Грудучку кашки
Кильце кавбаски.
Ще того, мало —
Дайте сала;
Ще того тришки,
Дайте лемишки.
Або дайте ковбасу,
Я до дому понесу;
А якъ дасте кышку,
То зьимъ у затышку.
Дай Боже вечиръ добрый,
Дай те пиригъ довгій,
Поздравляемъ васъ зъ праздникомъ.

Васильева маты,
Пишла щедроваты.
У стола стояла,
Золотый крестъ держала,
И золоту кадилницю.
Христитеся люды,
Отъ вамъ Христосъ буде. (*)
Богу свичу ставте,
А намъ пиригъ дайте.

(*) Въ простонародіи господствуетъ мнѣніе, что родившійся Христосъ невидимо ходитъ на святой вечеръ и въ новый годъ, къ добрымъ людямъ, и ниспосылаетъ на нихъ благословеніе, поэтому здѣсь и сказано: *отъ вамъ Христосъ буде.*

Послѣ пѣнія приговариваютъ:

Вечиръ добрый!
Давайте пиригъ довгій,
А хоть коротенькій,
Дабы смашненькій.

Маланка ходыла,
Васыля просыла:
Васыльку, мій батьку,
Пусты мене въ хатку.
Я жита не жала,
Честный крестъ держала,
Золотую кадыльничку,
Срыбну хрыстынычку. —
Радуйтеся люды,
Къ вамъ Христосъ буде,
Богу свичу ставьте,
А намъ пиригъ дайте,
А на тарылочку и денежку.

Ой на рычци, на Іордани,
Тамъ Пречыста ризу прала;
Прала, прала, тай вымывала.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Повисыла та на ялыни,
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Прылитилы янголята,
Взяли рызу на крылята.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье! —

Понысли ризу по пидъ небесами,
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Вси небеса разтворылися,
Щедрый вечеръ добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Вси святіи поклонылися.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Несетъ се птахъ, —
А се есть Пречистой сынъ.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ на здоровье!
Дай Боже вечиръ добрый,
А намъ пирогъ довгій. (*)

Да сивъ Христосъ, да вечеряти
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ,
На здоровье!

(*) Въ изданіи Малорос. пѣсн. г. Максимовича, 1827 г. с. 178 причислена къ щедривки слѣдующая пѣснь.

Улетивъ соколъ изъ улицы въ дворъ.
Ой сивъ же винъ на оконеньку,
Кватырочку одчинле,
У свитличку заглядае:
Ще свитличка не метена,
Ще Марусинька не чесана;
Не чесалась, не вмылась,
На батинька розгнивалась:
Сукню пошили, — покоротили,
Черевики зшили, — да помалили.

Да пришлажъ къ нему, да Божая-маты
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ,
На здоровье! (*)

Въ Черной Россіи также въ обыкновеніи щедровать. Парни и дѣвушки, ходятъ подъ окна домохозяевъ и поютъ пѣсни, за что богатые даютъ имъ деньги, а недостаточные *книши* (долгой хлѣбъ) и пироги:

Щодрый вечиръ!
Добрый вечиръ!
Добрымъ людямъ
На весь вечиръ.
Щодрый вечиръ!
Добрый вечиръ!
Чи есть въ дому
Панъ господарь?
Ой есть въ дома,
Винъ въ конецъ стола;
На нимъ шуба
Соболёва
А въ тей шуби,
Дзенкатора;
Въ дзенкатори, (**)
Сто червонцивъ.

По содержанію она вовсе не соотвѣтствуетъ щедривкамъ, имѣющимъ въ виду поздравленіе предъ новымъ годомъ.

(*) Эту пѣснь щедруютъ дѣвушки, но она здѣсь не полная.

(**) Слово дзенкаторъ, по значенію пѣсни, должно быть карманъ въ шубѣ. —

Сему, тому,
По червонному,
А намъ, дѣтямъ,
По шеляжечку,
По пирожечку. —
Добрый вечеръ! —

Елка. Колядскія забавы хотя совершаются во всей Россіи, однако въ мѣстахъ, гдѣ живутъ иностранцы, особенно въ столицѣ, вошла въ обыкновеніе елка. Въ Европѣ существовалъ съ давнихъ временъ обычай дарить дѣтей, какими нибудь подарками, предъ Рождествомъ Христовымъ и на новый годъ.

Для празднованія елки избираютъ преимущественно дерево елку, отъ коей дѣтское празднество получило наименованіе; ее обвѣшиваютъ дѣтскими игрушками, которыя раздаютъ имъ послѣ забавъ.—Богатые празднуютъ съ изысканной прихотью. Одинъ изъ петербургскихъ богачей, заказалъ искуственную елку вышиною въ $3^1/_2$ арш., которая была обвита дорогой матеріею и лентами; верхушка елки была испещрена ленточками разныхъ цвѣтовъ; верхнія вѣтьви ея были увѣшаны дорогими игрушками и украшеніями: серьгами, перстнями и кольцами; нижнія вѣтьви цвѣтами, конфектами и разнообразными плодами. Въ десять часовъ вечера, стали съѣзжаться дѣти;

ихъ привозили маменьки и взрослыя сестрицы. Комната, гдѣ находилась елка, была освѣщена большими огнями; повсюду блистала пышность и роскошь. Послѣ угощенія дѣтей, заиграла музыка. Танцы начались дѣтьми, а кончились сестричками. По окончаніи вечера, пустили дѣтей срывать съ елки, все то, что висѣло на ней.

Дѣтямъ позволяется взлѣзать на дерево; кто проворнѣе и ловчѣе, тотъ пользуется правомъ брать себѣ все, что достанетъ; но какъ эта елка была высокая, и не многіе отваживались взлѣзать, то имъ помогали ихъ миленькія сестрицы: онѣ подставляли стулья и указывали на вещи преимущественно заманчивыя.

Елка эта стоила около 50,000 рублей. — Одни Русскіе сорятъ деньгами. Недаромъ иностранцы думаютъ, что у каждаго Русскаго золотыя горы.—Кто живетъ на чужой землѣ скромно, о томъ думаютъ, что онъ притворяется бѣднякомъ.

Нѣтъ семейнаго дома въ Петербургѣ, гдѣ бы не праздновали елки. Есть еще обычай, что дѣти въ этотъ день и новый годъ, говорятъ поздравительныя стихи своимъ родителямъ, въ коихъ выражаютъ непритворную къ нимъ свою любовь, желаютъ имъ наслаждаться здо-

ровьемъ, долго жить и заключаютъ тѣмъ, чтобы ихъ дарили.

Въ Германіи ставятъ дерево обвѣшанное плодами, конфектами и игрушками, которыя представляютъ исторію Рожденія Спасителя.

Елка доставляетъ дѣтямъ веселое препровожденіе времени. Она первоначально сдѣлалась извѣстною въ Москвѣ, съ половины XVII вѣка; оттуда перешла въ Петербургъ, въ царствованіе Петра I.

Канунъ новаго года извѣстенъ во всей Россіи, подъ именемъ *Васильева вечера*, въ который проводятъ старый годъ съ возможнымъ веселіемъ, чтобы новый былъ счастливой. Въ орловской губерніи жарятъ въ этотъ вечеръ годоваго поросенка, и съѣдаютъ цѣлымъ семействомъ.

Вообще о новомъ годи.

Со святками тѣсно соединено празднованіе новаго года, а потому не отдѣляя его, скажемъ: новый годъ не составляетъ церковнаго праздника; онъ есть гражданскій.

Начало года надобно искать въ глубокой древности. Всѣ языческіе народы, ознаменовывали его разными богослужебными обрядами,—торжественными приношеніями и забавами.—Египтяне праздновали воскресеніе Озириса, или новый годъ. Греки и Римляне, ознаме-

новывали радостными и всенародными играми. Не было народа, который не встрѣчалъ бы новый годъ, особеннымъ празднествомъ. Пляска и пиршества, слѣдовали за таинственными обрядами. Не только народъ, но жрецы надѣвали на себя маски, съ изображеніемъ разныхъ божествъ; ходили по городу, пѣли и танцовали подъ музыку. Греки, любившіе веселость и удовольствія, переряжались и бѣгали толпами по домамъ, гдѣ ихъ угощали, и всѣ веселились. Женскій полъ, болѣе изобрѣтательный въ удовольствіяхъ, наряжался въ мужскія платья, или, собравшись на вечера званные, занимался гаданіемъ и пѣніемъ подблюдныхъ пѣсней. Римляне встрѣчали новый годъ съ торжественною важностію: консулы и патриціи, приходили въ пышныхъ одеждахъ во храмъ, для принесенія жертвъ. Первосвященникъ молилъ боговъ о ниспосланіи на народъ новыхъ милостей, и объ отвращеніи отъ него всякихъ бѣдствій.—По принесеніи жертвъ, все предавалось забавамъ: пировали, танцовали и бѣгали переряженные въ маскахъ по улицамъ, за полночь. *Въ дни солнца*, такъ называлось перенесеніе этого праздника на первое января, считалось безстыднымъ весть между собою раздоры: всѣ должны были примириться, и самыя тяжбы прекратить. Въ этотъ день ходили поз-

дравлять другъ друга, какъ обѣтный день для мира, и дарили взаимно. Патриціи и богатые отпускали на волю своихъ рабовъ, а дѣти освобождались изъ подъ отцовской власти.

Обычай поздравлять въ новый годъ, перешелъ отсюда въ Европу, и нынѣ онъ въ числѣ праздничныхъ дней.

Старинный гражданскій годъ, съ 1 сентября.

Новый годъ начинался у насъ прежде съ марта мѣсяца, и это продолжалось до 1348 г.; потомъ стали весть съ 1 сентября 1348 г., и таковое лѣтосчисленіе употреблялось до 1700 г.

Въ ветхозавѣтной церквѣ мѣсяцъ сентябрь праздновался ежегодно, въ ознаменованіе покоя отъ всѣхъ житейскихъ заботъ. «Рече Господь къ Мойсею, рцы сыномъ Израилевымъ: мѣсяца седьмаго (сентября, по европейскому исчисленію), въ первый день мѣсяца, да будетъ вамъ покой, всякаго дѣла работая не сотворите во всѣхъ селеніяхъ вашихъ, и принесете всесожженіе Господу (*).»—«Шесть дней дѣлай, въ день же седьмый, суббота Господу Богу Твоему: да не сотвориши всякаго дѣла въ осьмой. Тако и мѣсяцъ седьмый благослови, и освяти его, и повелѣ людемъ своимъ почити въ немъ отъ

(*) Левитъ гл. XXIII, ст. 24 и 25, изъ кн. Мойсея.

дѣлъ своихъ.» «Мѣсяца седьмаго сего, егда окончаете жита земли, да празднуете Господу (*)».

Съ сентябремъ оканчивалась повсюду жатва, и потому всѣ народы приносили благодареніе Богу. Кромѣ празднованія, за успѣшное окончаніе сельскихъ работъ, мѣсяцъ сентябрь, бывъ достопамятнымъ по важнымъ событіямъ для всего міра, содѣлался предметомъ набожнаго воспоминанія. Въ этомъ мѣсяцѣ остановился Ноевъ ковчегъ на араратской горѣ; пророкъ Мойсей вторично сходилъ съ горы синайской, неся новыя скрижали, съ начертанными на нихъ законами; воздвигнута скинія Господня и Архіерей великій приносилъ, во Святая Святыхъ, однажды въ годъ безкровную жертву; каялись люди въ грѣхахъ, изнуряя себя постомъ и смиреннымъ всесожженіемъ предъ Богомъ; освященъ чудесный великолѣпіемъ и роскошью храмъ сіонскій, построенный царемъ Соломономъ, и внесенъ сюда кивотъ завѣта; собирались въ Іерусалимъ всѣ колѣна Израилевы, и праздновали по повелѣнію Господа: «субботы субботъ да будетъ вамъ седьмый мѣсяцъ, и смирите души ваши предъ Господомъ» (**). Когда Израильтяне отправились въ

(*) Исход. гл. XX, ст. 9 и 10; Левит. гл. XXIII. ст. 10.

(**) Исход. гл. XXXIV, ст. 29 и гл. XXXV. Лев. гл. XVI, ст. 34; къ Евреямъ. гл. IX, ст. 3 и 7. Лев. гл. XXIII; II. кн. цар., гл. VIII; Лев. гл. XXIII, ст. 32.

обѣтованную землю, тогда по повелѣнію Божіему, они обязаны были праздновать въ этомъ мѣсяцѣ, каждый пятидесятый годъ, и неубивать никакихъ животныхъ; ни орать, ни засѣвать полей; ни собирать винограду, ни плодовъ отъ садовъ, чтобы все оставшееся было въ пищу убогимъ людямъ, птицамъ и звѣрямъ.—«Возвѣстите трубнымъ гласомъ во всей земли вашей, и освятите лѣто, пятьдесятое лѣто, и разгласите оставленіе на земли, всѣмъ живущимъ на ней: ни сѣяти, ниже жати будете, еже само произникнетъ на ней, и да не обьемлеше освященныхъ ея, но да ясти будутъ убозіи языка твоего; останки же да снѣдятъ звѣріи дикіи, тако да сотворши винограду твоему, и масличію твоему» (*). Въ это пятьдесятое лѣто, отпускали рабовъ на волю, прощали долги и совершали очищеніе отъ грѣховъ.—Пятьдесятъ лѣтъ раздѣляли на семь седьмицъ, седьмой годъ именовался *суббота* и *покой*, и всегда онъ приходилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. «Да возвѣстите лѣто покоя въ седьмый мѣсяцъ, сіе есть въ сей сентемврій, то бо есть седьмый отъ марта, иже первымъ есть отъ бытія міра» (**). Самые язычники праздновали сентябрь мѣсяцъ,

(*) Лев. кн. XXV, ст. 9—11. Исх. кн. XXIII. ст. 11.

(**) Лев. кн. XXV. ст. 3, 4 и 9.

ибо съ перваго числа его вели индиктіонъ (пятьнадцати-лѣтнее счисленіе).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оканчивалось лѣто и начиналась осень, тогда и самая природа повсюду измѣнялась. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ собирали хлѣбъ съ полей и плоды съ садовъ, люди оканчивали всѣ работы сельскія и веселились послѣ тягостныхъ трудовъ, и въ томъ мѣсяцѣ праздновали ветхозавѣтныя и гражданскія событія,—вотъ почему въ послѣдствіи времени стали весть новый годъ съ перваго сентября, котораго начальный день есть праздникъ *Симеона перваго столпника*, совершаемый донынѣ нашей Церковью (*) и извѣстнаго въ простонародіи подъ именемъ *Семена лѣтопроводца*,

---

(*) Симеонъ родился въ Сисанѣ, Киликійской странѣ отъ христіянскихъ родителей Сусотіона и Марѳы. На тринадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ внималъ пѣнію и чтенію блаженнаго Ѳеодорита, и потомъ удалился въ монастырь, гдѣ въ короткое время выучилъ на изустъ весь Псалтырь. На 18-лѣтнемъ возрастѣ онъ былъ уже многотерпѣливый инокъ, и однажды въ недѣлю принималъ пищу. Умерщвляя тѣло свое отъ волненія страстей, онъ обязалъ себя колючей финиковою веревкой, отъ бедръ до шеи, и послѣ десяти дней появились на тѣлѣ раны, а въ костяхъ червьи, которые, во время хожденія, падали съ него и наполняли воздухъ смрадомъ. Онъ оставилъ монастырь, и скитаясь по горамъ и пустынямъ, поселился въ одномъ безводномъ колодезѣ, вмѣстѣ съ гадами. Отсюда онъ перешелъ на гору, близь селенія Талонисъ, и прожилъ въ келіи,—выдолбленной изъ одного камня,—три года. Тамъ онъ постился. Отсюда онъ перешелъ

потому что съ симъ днемъ оканчивалось лѣто, и начинался новый годъ. Онъ былъ у насъ торжественнымъ днемъ празднованія, и предметомъ разборовъ срочныхъ условій, собираній оброковъ, податей и личныхъ судовъ. В. К. Іоаннъ III велѣлъ всѣмъ имѣющимъ жалобу являться *на судный срокъ* въ Москву,—въ день Симеона лѣтопроводца.—Тогда же онъ казнилъ вятскихъ измѣнниковъ.—Если воеводы, окольничіе, волостели и старосты, не могли рѣшить тяжебныхъ дѣлъ или осудить уличенныхъ въ преступленіи; то рѣшались въ Верховной Думѣ, часто самимъ Царемъ, почему и говорили *рѣшилъ Богъ, да Государь.* Уличенному въ преступленіи объявлялся приговоръ, обыкновеннымъ выраженіемъ: *пойманъ ты есть Богомъ и Государемъ*

на высшій холмъ, и чтобы никогда не сходить съ него, онъ приковалъ цѣпью ногу свою къ камню и очи свои возводилъ на небо,—молясь мысленно. Когда распространилась объ немъ слава, тогда стали стекаться къ нему, даже изъ далекихъ странъ, и всѣ недужные получали отъ него изцѣленіе. Блаженный былъ тревожимъ посѣщеніемъ народа, и желая успокоить себя отъ него, онъ поставилъ въ 6 локтей въ вышину столпъ, на немъ келію въ два локтя, и сталъ первый проводить здѣсь время въ постѣ и молитвѣ, потому онъ называется *первый столпникъ*. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, благочестивые люди выстроили ему столпъ, и возвели въ высоту на 36 локтей, наконецъ окружили двумя каменными оградами. На столпѣ онъ стоялъ 80 л., и скончался на 103 г. отъ своего рожденія. Питался однимъ медовымъ сотомъ и водою.—См. Четью-минею, сентяб. 1.

Великимъ, отъ чего вошло въ пословицу: *вѣдаетъ Богъ да Государь*. Неявившіеся къ отвѣту въ срокъ, признавались виновными, и давалось знать о томъ воеводамъ, намѣстникамъ и проч. правительственнымъ лицамъ, о приведеніи въ исполненіе наказанія, что называлось: *чинить правежъ*. Оправданному въ преступленіи, давалась *правая грамота*. Для явленія на судъ, опредѣлялось три срока въ году: Рождество Христово, Троицынъ день и Семеновъ день. Къ Семенову дню вносились оброки крестьянскіе, пошлины и срочные платежи. Царь Іоаннъ IV тоже опредѣлилъ срочный оброкъ, въ день Семена лѣтопроводца. Царь Борисъ Годуновъ постановилъ послѣдній переходъ земледѣльцевъ къ первому сентября, повелѣвъ, чтобы послѣ этого срока записать ихъ за тѣми владѣльцами, на землѣ конхъ они жили (*). Царь Василій Шуйскій подтвердилъ его распоряженіе, во всей силѣ. Замѣчательно еще, что въ прежній новый годъ, Годуновъ вѣнчанъ на царство, а Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ объявленъ, отцемъ его Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, наслѣдникомъ престола.

Встрѣча новаго года, въ первое сентября.

На канунѣ новаго года благовѣстили повсюду въ Москвѣ, и отправляли вечерню по уставу.

(*) Судебн. Царя Іоанна Васильевича.

Патріархъ облачался и служилъ молебенъ; всѣ стояли съ зажженными свѣчами. Въ заутреню раздавался снова благовѣстъ, а послѣ заутрени благовѣстили въ *валовой* колоколъ (въ главной). До полудни народъ стекался на Ивановскую площадь,—между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Тамъ ставили два налоя съ паволоками; на одномъ изъ нихъ лежалъ образъ Симеона Столпника. По правую сторону отъ Благовѣщенскаго собора, устроивали для Царя мѣсто съ паволоками, а другое для Первосвятителя, съ коврами. Патріархъ Филаретъ, отецъ вѣнцѣноснаго Михаила Ѳеодоровича, совершалъ торжественное моленіе. — По отслуженіи утренней обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, выносили Св. образа и хоругви, чрезъ западныя двери; Патріархъ шествовалъ въ великолѣпной одеждѣ, со всѣмъ духовенствомъ, останавливался предъ церковными воротами на востокъ, и начиналъ молитвословіе: «о еже благословити Господу вѣнецъ лѣта, благостію своею». Послѣ молитвословія Царь цѣловалъ Св. Евангеліе, а потомъ Патріархъ благословлялъ его осѣненіемъ Животворящаго Креста, и спрашивалъ о его здоровьи. За тѣмъ оба отправлялись на красную площадь, въ сопровожденіи священнаго пѣнія и безчисленной толпы народа. Тутъ начиналось молебствіе съ водоосвящені-

по окончаніи его, Патріархъ привѣтствовалъ Монарха: «Государь, Богомъ вѣнчанный! Царь и Великій Князь, обладатель многихъ Государствъ и Самодержецъ всея Россіи! Въ настоящій день новаго лѣта мы молились Соборомъ о вселенскомъ устроеніи и благосостояніи Святыхъ Божіихъ церквей, о вашемъ многолѣтіи, Государь, боярѣ, Христолюбивомъ воинствѣ и о всемъ Православномъ Христіанствѣ, и чтобы Господь Богъ даровалъ Вамъ, Великому Государю, и Христолюбивому нашему воинству: крѣпость, храбрость, побѣду и одолѣніе видимыхъ и невидимыхъ враговъ; возвысилъ бы Васъ Господь Богъ надъ всѣми инородными народами, покорилъ бы къ стопамъ Вашимъ всякаго супостата, и царство устроилъ бы во благоденствіи. Дай Господи, чтобы Вы, Государь, наслаждались здоровьемъ съ Государынею Царицею и со всѣмъ Вашимъ домомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами, Христолюбивымъ воинствомъ и со всѣми Православными Христіянами. Здравствуй Государь, въ нынѣшній годъ и на многія лѣта!» Поздравивъ Царя съ новымъ годомъ, Патріархъ окроплялъ его Святой водою, и возвращался въ Успенскій соборъ для совершенія обѣдни. Государь же поздравлялъ всѣхъ окружающихъ его и народъ, который отвѣчалъ гро-

могласно: «здравствуй на многія лѣта, надёжа Государь!» Послѣ сыпали въ толпу народа мелкія деньги; богатые люди разсылали, по страннопріимнымъ домамъ, милостыню; другіе посылали отъ себя кушанье, всякаго рода хлѣбы: калачи, коржи, пироги, пряники и проч.; снабжали съ изобиліемъ жизненными припасами, надѣляли бѣдныхъ одеждою и пріютомъ, и новый годъ ознаменовывался благочестивыми дѣлами. — Колокольный звонъ Ивана Великаго возвѣщалъ о наступленіи новаго года, въ продолженіе цѣлаго дня. Встрѣча новаго года совершалась съ таковымъ же обрядомъ до временъ Петра I, который въ послѣдній разъ торжествовалъ въ 1699 г., по древнему обычаю, на большой Ивановской площади. Онъ сидѣлъ на престолѣ, въ царскомъ одѣяніи, и принималъ поздравленіе отъ Патріарха Адріана, придворныхъ, гражданскихъ, военныхъ чиновъ и всего народа. — Одинъ нѣмецкій путешественникъ, бывшій въ Москвѣ въ царствованіе двухъ Государей: Іоанна и Петра, описываетъ встрѣчу новаго года слѣдующимъ образомъ: «на Кремлевской площади сидѣли оба Царя, на своихъ престолахъ, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ; ихъ окружали бояре и народъ. Патріархъ взошелъ на возвышенное мѣсто, окропилъ ихъ и все собраніе св. водою,

далъ Государямъ цѣловать крестъ, и пожелалъ имъ долголѣтія и счастливаго царствованія. — Потомъ обратился къ народу, поздравилъ его съ новымъ годомъ и проспилъ Божіяго благословенія во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Народъ отвѣчалъ: «аминь! аминь! (воистину, воистину).» — Бояре, сановники и присутствовавшіе иностранцы спѣшили поздравить Царей съ новымъ годомъ. По принятіи поздравленій, Цари возвратились въ Кремлевскій дворецъ (*).

Съ истеченіемъ XVII ст., прекратилось празднованіе Царями новаго года, среди своего народа; но Церковь донынѣ празднуетъ новолѣ-

---

(*) Aufang von der Knuſiſchen oder Moſhowitiſchen Religione. Leipzig. 1698 г. Древ. Вивл. Ч. VI. с. 163. Чинъ лѣтопровожденія, изд. 1788 г.; Требникъ мірскій 1639 года. Wichhart: Moſhowitiſchen Beſchreibung in dem Fahr 1675, с. 76.—82, говоритъ между прочимъ, что на Кремлевской площади, при пожеланіи Патріархомъ долгоденствія царственному дому, въ-присутствіи многочисленнаго духовенства, государственныхъ чиновъ, иностранныхъ Посланниковъ и народа, играла музыка; что Царь Алексѣй и Патріархъ цѣловали взаимно другъ у друга руку; что Евангеліе, которое держали два Митрополита предъ Патріархомъ, было цѣною въ 170,000 червонцевъ; что послѣ поздравленія Патріархомъ, ближній Бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій приносилъ поздравленіе Царю, съ первостепенными Боярами и Князьями; за ними поздравляли Государя Митрополиты, а наконецъ и все духовенство.

тіе въ первое сентября, которое между народомъ превратилось въ *бабье лѣто*, сопровождаемое особыми своими забавами и увеселеніями.

Обычай поздравленія другъ друга съ новымъ годомъ появился у насъ не ранѣе XVII в. До сего времени онъ составлялъ церковный и торжественный обрядъ для Царей, коихъ наши Святители поздравляли всенародно на Красной площади. Князь Курбскій, любимецъ Іоанна IV и бѣжавшій потомъ отъ его гнѣва въ Польшу въ половинѣ XVI в., охуждаетъ обычай поздравленія съ новымъ годомъ, считая оный противнымъ Христіянину, и думаетъ, что это поруганіе, а не оказываніе чести. «Непстовъ тотъ, говоритъ Курбскій, кто поздравляетъ человѣка, найлучшее созданіе Божіе, съ бездушнымъ новымъ годомъ.... Годы и времена, назначенныя на служеніе человѣку, суть бездушныя. Какъ можно желать здоровья человѣку, безчувственными предметами? — Перекрестись, образумься, проклянц дьявола и впредь не поздравляй.» (*)

Нигдѣ не господствуетъ въ такой степени поздравленіе съ новымъ годомъ, какъ въ Россіи. Люди всѣхъ возрастовъ и сословій спѣшатъ

(*) Сказанія Кн. Курбскаго Ч. II, изд. 1833. с. 210—211. Записки Курбскаго, изданныя подъ именемъ *Сказаній*, есть полезный и добросовѣстный трудъ, Профессора Устрялова.

наперерывъ принесть взаимное поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ и съ желаніемъ новыхъ благъ.

Поселяне равномѣрно встрѣчаютъ новый годъ поздравленіями, и канунъ его провожаютъ пирушками. Въ орловской губерніи, подъ новый годъ, рѣжутъ годовалаго поросенка и жарятъ. Вечеромъ садятся за столъ и всего непремѣнно съѣдаютъ. Этотъ поросенокъ называется *касарецкимъ*, по имени праздника въ честь Василія Кесарійскаго.—Вмѣняютъ всѣмъ въ обязанность пить во время ужина водку, чтобы прогнать старый годъ.

Новый годъ съ 1700 г., января перваго.

Съ 1700 г. введенъ у насъ нынѣшній новый годъ. — Введеніе новаго года повелѣвалось начать повсюду торжественнымъ молебствіемъ, съ колокольнымъ звономъ, пушечною и ружейною пальбою, и чтобы всѣ, съ наступленіемъ праздника, поздравляли другъ друга; въ Москвѣ же приготовлялись встрѣтить его съ особыми обрядами. Наканунѣ новаго года улицы посыпали ельникомъ а домы украшали зелеными вѣтьвями. Въ полночь начались во всѣхъ церквахъ всенощныя, а поутру обѣдни, послѣ которыхъ отправлялось молебное пѣніе, при колокольномъ звонѣ, съ испрашиваніемъ благословенія Божіяго на новоначинавшійся годъ. Въ то время, бывшее въ Москвѣ

войско, выступало строемъ изъ разныхъ частей города и шло съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и воинскою музыкою въ Кремль. Государь, разставивъ войско на Ивановской площади, отправился со всѣмъ дворомъ и вельможами, одѣтыми въ великолѣпныя одежды, въ Успенскій соборъ, для слушанія Божественной литургіи, которую отправлялъ рязанскій Митрополитъ Стефанъ, со всѣмъ духовенствомъ; по окончаніи службы онъ говорилъ проповѣдь, доказывая ею необходимость таковой перемѣны. Послѣ проповѣди, святитель Стефанъ со всѣми архіереями и многочисленнымъ духовенствомъ, совершалъ благодарственный молебенъ съ коленопреклоненіемъ. При возглашеніи Монарху и всему Царскому дому многолѣтія, начался колокольный звонъ во всей Москвѣ, пушечная пальба и троекратный бѣглый огонь отъ разставленныхъ полковъ. Государь поздравлялъ всѣхъ съ новымъ годомъ, и самъ отъ народа принималъ поздравленіе. — Потомъ онъ угостилъ пышнымъ столомъ первенствующее духовенство и всѣхъ знатныхъ Русскихъ и иностранныхъ особъ. Послѣднія находились за столомъ съ своими женами и дочерьми; во время обѣда играла музыка, сопровождаемая хоромъ придворныхъ и патріаршихъ пѣвчихъ. Для народа

были выставлены предъ дворцемъ и тріумфальными воротами разныя кушанья и чаны съ пивомъ и виномъ. Ввечеру всѣ улицы и домы были освѣщены разными огнями и прозрачными картинами, а немного позже, предъ дворцемъ и въ разныхъ частяхъ города, созжены фейерверки и потѣшные огни, въ сопровожденіи многочисленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Потомъ во дворцѣ былъ великолѣпный балъ и ужинъ, и симъ заключилось торжественное введеніе новаго года.—Народъ сначала смотрѣлъ съ удовольствіемъ на забавы потѣшныя, но послѣ онъ и многія знатныя стали роптать, не понимая: какъ Государь могъ перемѣнить теченіе солнца! Въ предположеніи, что Богъ сотворилъ весь міръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, недовольные нововведеніемъ долго оставались при своемъ мнѣніи считая новый годъ по древнему обычаю (*).

Значеніе года неопредѣлено на славянскомъ языкѣ. У русскихъ, богемскихъ и вендскихъ Славянъ, онъ называется единообразно годомъ. У Венедовъ годъ собственно значитъ праздникъ, у Поляковъ, *рокъ* значитъ годъ и время неизбѣжное, судьбу или участь. У нихъ глаголъ rokować, доселѣ значитъ догадывать-

(*) Голик. Дѣян. П. В. ч. 2. с. 2—6.

ся, гадать по выводамъ или заключеніямъ, потому что на новый годъ производились гаданія. Есть еще польское слово gody, и значитъ миръ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей думаютъ, что gody былъ народный увеселительный праздникъ, какъ святки. — Но ни по какимъ народнымъ событіямъ не видно, чтобы gody когда нибудь праздновался, или образовалъ какой нибудь праздникъ, и даже урочное увеселеніе, какъ святки, которые у всѣхъ Славянъ доселѣ составляютъ празднество. Другіе стали производить годъ отъ godzić— примирять, договариваться о цѣнѣ. Но и это не справедливо.

Годъ дѣлится нынѣ на четыре части времени: зиму, весну, лѣто и осень; но прежде наши предки раздѣляли его на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее время. У древнихъ Германцевъ годъ раздѣлялся на зиму, весну и лѣто; первая часть времени почиталась у нихъ *священною*, потому что тогда отправляли важнѣйшіе праздники въ честь кумировъ. Съ развитіемъ гражданской образованности это раздѣленіе измѣнилось.

У насъ существовало долгое время *пролѣтіе*, т. е., первые три весенніе мѣсяца, и съ марта начинался пролѣтній мѣсяцъ. Въ честь его праздновали *авсень*, *овсень* или *таусень*,

который въ послѣдствіи перешелъ на новый годъ. Самое же лѣто, въ древности, заключалось въ пынѣшнихъ трехъ весеннихъ и трехъ лѣтнихъ мѣсяцахъ,—послѣдніе шесть мѣсяцевъ заключали зимнее время. Потомъ наши предки, усвоивъ слово годъ отъ своихъ собратій Славянъ, приняли его не въ смыслѣ праздника, но въ значеніи всего годичнаго времени, а лѣто, какъ его часть.

Обрядныя дѣйствія въ новый годъ, между Славянами.

Временныя измѣненія въ природѣ подали поводъ къ ознаменованію ихъ разными пиршествами и обрядными дѣйствіями. Новый годъ или новое лѣто принадлежитъ къ числу гражданскихъ праздниковъ.—Кто не провожаетъ стараго и не встрѣчаетъ новаго года съ особою радостію! Иному прошлый годъ былъ несчастливъ, но и тотъ его провожаетъ, въ надеждѣ найти въ новомъ счастіе для себя. Другой радовался и наслаждался всѣми земными благами и встрѣчаетъ новый годъ съ трепетнымъ волненіемъ: таковъ ли онъ будетъ для него и теперь? Перебирая въ своемъ умѣ всѣ счастливыя и несчастливыя выполненія, всякой ждетъ и желаетъ лучшаго въ новомъ. Всѣхъ чувства заняты тревожными гаданіями. Человѣкъ постоянно стремится къ осуществленію своихъ надеждъ, и каждый новый годъ ла-

скаетъ его желанія и воображеніе наступленіемъ счастливой будущности.

У многихъ вошло въ обыкновеніе провожать старый годъ пирушками. Наканунѣ новаго и въ самый новый годъ, обдариваютъ дѣтей незначительными подарками. Слугъ и бѣдныхъ людей дарятъ въ тоже самое время. Чиновные осыпаются Монаршими милостями,— повсюду радость и надежда на новое лучшее.

Эпоха этого времени совершается точно также у всѣхъ европейскихъ народовъ.

Всѣ Славянскія племена праздновали, съ незапамятныхъ временъ, новый годъ. У Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ: *ходити по коледе*, значило поздравлять съ новымъ годомъ, за что получали подарки; у Словаковъ *коледовать*, значило благословлять въ новый годъ; у Кроатовъ, Босняковъ и другихъ задунайскихъ Славянъ, *коледою* именуется подарокъ въ новый годъ; у Вендовъ *коледовати,* значитъ хожденіе дѣтей по домамъ съ пѣснями и плясками. У Поляковъ всѣ сословія принимаютъ участіе въ взаимномъ поздравленіи и обдариваніи, и это называется *коленда.* Дѣти ходятъ по домамъ и читаютъ поздравительные стихи на новый годъ, или поютъ пѣсни священнаго содержанія. Употребительнѣйшая у

нихъ доселѣ на новый годъ коленда, слѣдующая:

Nowy rok nastaje,
Ochoty dodaje,
Hej, nam hej, kolęda!
Ochoty szafarzu!
Dobry gospodarzu,
Hej, nam hej, kolęda!
Każ stoły nakrzywać,
My będziemy spiewać,
Hej, nam hej, kolęda!
Aby na tym stole
Był kaplan w rosole,
Hej, nam hej, kolęda!
Do slodyczy jarzyny
Falatek słoniny.
Hej, nam hej, kolęda!
Do kwaśniej kapusty
Dobry jęzior tlusty,
Hej, nam hej, kolęda!
Pokaż że nam laskę:
Daj gorzalki flaszkę,
Hej, nam hej, kolęda!
Nie długo sie bawić,
J drugę postawić,
Hej, nam hej, kolęda!
Nie bądz taki sknera,
Nakraj chleba, séra.
Hej, nam hej, kolęda!
Będziesz znakomity
Daj i talar bity,

Hej, nam hej, kolęda!
Bądz źe w takim czasie
Daj i dwie kielbasc
Hej, nam hej, kolęda!
Juź cie odchodzimy
Za to dziękujemy,
Hej, nam hej, kolęda! (*)

Посыпаніе на новый годъ.

Въ Россіи и Малороссіи ходятъ мальчики по домамъ, еще до обѣдни, поздравлять хозяевъ съ новымъ годомъ. Въ это время обсѣваютъ ихъ ячменемъ, пшеницею и овсомъ. Малороссійскіе мальчики, съ разсвѣтомъ дня, отправляются посыпать. Для этого наполняютъ торбу (небольшой мѣшокъ) зерновымъ хлѣбомъ, и повѣсивъ на плеча, ходятъ отъ избы къ избѣ.—Войдя въ хату, мальчикъ кланяется хозяину, и потомъ посыпаетъ, приговаривая: *на счастье, на здоровье, на новое лито; роды Боже житу пшеницу и всяку пашницю.* Ихъ дарятъ деньгами или пирогами. Посыпальное зерно собираютъ съ особыми замѣчаніями, и хранятъ его до весенняго посѣва. Нѣкоторые хватаютъ бросаемыя зерна, и кто сколько забѣретъ въ руку какого зерна, то выводятъ по нимъ заключеніе объ урожаѣ на своей нивѣ. — Молодые парни также ходятъ посыпать, только въ такіе домы, гдѣ находятся

(*) Paul. Pieśn lud. poslk., c. 9.

невѣсты. — Этихъ посыпальщиковъ угощаютъ съ особеннымъ радушіемъ, потому что, по замѣчаніямъ стариковъ, они приносятъ съ собою богатство дому и счастіе семейству.

Въ другихъ мѣстахъ кормятъ посыпальнымъ зерномъ птицъ, и по ихъ клеванію замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ.

При посыпаніи произносятъ еще причитанье:

Ходитъ Илья
На Василья,
Носитъ пугу,
Дротянную;
А другую,
Жестяную.
Сюды махне,
Туды махне,—
Жито росте.
Божая маты, —
Жито жала:
Роды Боже,
Жито пшеницю,
И всяку пашницю.
Поздравляемъ васъ
Зъ праздникомъ,
Новымъ годомъ,
И зъ Васильемъ.

Гиля, гиля,—на Василя;
А у Василя, житня пуга.—

Куда махне,
Жито пахне.—

Въ Червоной Россіи также ходятъ мальчики, отъ самаго утра, съ разнымъ зерномъ въ мѣшкахъ. Засѣвая избу или господскія комнаты, они приговариваютъ: *на счастья, на здаровья, на новой рокъ! Роды, Боже! жито, пшеницю, всяку пашницю, въ запичку дитей копицю.*—Иные бросаютъ рожь подъ ноги проходящимъ, которые за то даютъ имъ нѣсколько денегъ, ибо встрѣча съ посыпальщикомъ въ то время, особенно съ бросающимъ рожь подъ ноги, предвѣщаетъ добрый знакъ.

Овсенъ, старинный русскій посыпальный обрядъ, и разныя названія его.

Подобный обрядъ обсѣванія сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Россіи, такъ, на-прим., въ губерніяхъ: рязанской, владимірской, симбирской, нижегородской, пензенской и саратовской—тамъ онъ именуется *авсенемъ, овсеномъ, усенемъ, говсенемъ, баущенемъ, баусенемъ и таусенемъ.* Всѣ эти слова суть испорченныя отъ мѣстнаго употребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что они означаютъ *овесъ*, копмъ обыкновенно посыпаютъ въ то время, и самое поздравленіе по этому называется *овсеномъ.* Тамъ ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ изъ лукошка или рукавицы; зерно это собираютъ для весенняго посѣва.

Овсень, въ тѣхъ же губерніяхъ, употребляется часто вмѣсто коляды. Въ этихъ мѣстахъ, по деревнямъ, начиняютъ кишки и желудки и варятъ свиныя ноги, кои раздаютъ посыпальщикамъ вмѣсто подарковъ. Молодыя женщины и дѣвицы (въ рязан. губ.) ходятъ подъ окна пѣть овсень ввечеру новаго года. Одна изъ нихъ носитъ за собою кошель, называемый махоноска, для поклажи подарковъ. Подъ окномъ или у дверей избы спрашиваютъ: прокликать ли овсень? получивъ согласіе, поютъ:

Среди Москвы,
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Свѣтелъ мѣсяцъ
То самъ хозяинъ — сударь;
Красное солнце,
То подруга его;
Что часты звѣзды,
То дѣтки ихъ.
Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте подачку!

Если не подаютъ подачки, то продолжаютъ:

Наша подачка,
Въ дверь не лѣзетъ,

Въ окошки не идетъ,
Самъ сударь не шлетъ.
Подайте подачку!
Кишки, желудки,
Свиныя шутки
Въ печи сидѣли
На ихъ глядѣли.
Подайте подачку!

Съ полученіемъ подачки, отвѣчаютъ цѣлымъ хоромъ: хозяина и хозяйку поздравляемъ съ праздникомъ, съ новымъ годомъ.

Овсень, овсень!
Ты ходилъ, ты гулялъ;
По крутымъ горамъ,
По святымъ вечерамъ.
Овсень, овсень!
Ты леталъ, ты порхалъ,
Къ Филимону на дворъ
Ко Прокофьевичу.
Овсень, овсень!
Ты сыскалъ, угадалъ,
На широкомъ дворѣ
Полны ведры винамъ.
Овсень, овсень!
У хозяина дворъ,
Осушенъ, омощенъ,
Чисто выметенъ.
Овсень, овсень!
Посрединѣ Москвы
У хозяина дворъ
Воротами красенъ.

Овсень, овсень!
Воротами красенъ,
Вереи ихъ пестры,
Всѣ обточенныя.
Овсень, овсень!
У Прокофьича дворъ,
Весь тыномъ затыненъ,
Серебромъ обнесенъ.

Хозяинъ открываетъ окно, смотритъ и радушно подаетъ подачку. Если она щедрая, то начинаютъ притопывать съ радостнымъ свистомъ, прищелкивать и плясать подъ пѣснь:

На дворѣ у Филимона,
Три теремчика стоятъ.
Высокіе теремочки,
О двѣнадцати вѣнцахъ.
Филимонъ сударь хорошъ,
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.
Овсень, овсень!
Свѣтъ Прокофьевичъ пригожъ.

Хозяинъ открываетъ въ другой разъ окно и говоритъ ласково: «милости просимъ, въ избу. Мы рады овсеню, гостю жданому.—Не погнѣвайтесь только, чѣмъ Богъ пошлетъ».—Они входятъ въ избу, съ похвальными припѣвами:

Первой теремъ — свѣтелъ мѣсяцъ,
Другой теремъ — красно солнце,
Третій теремъ — часты звѣзды,
Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ самъ,
Красно солнце — хозяюшка,
Часты звѣзды — ихъ дѣтушки.

Въ Муромѣ владимірской губерніи и его окрестностяхъ, толпы колядчиковъ стоятъ предъ домомъ и спрашиваютъ позволенія пѣть таусенъ. Дома ли хозяева? Спрашиваютъ колядчики.—Дома пѣтъ, отвѣчаютъ имъ.—Гдѣ же хозяинъ?—Уѣхалъ на торгъ, соли купить.—Для чего соли?—Мясо солить.—На что мясо?—Сына женить.—На что сына женить?—Чтобы пашеньку пахати, хлѣба промышляти.—

Колядчики тогда начинаютъ:

Ой тавсенъ, тавсенъ!
Мы ходимъ не гулямъ,
Съ святымъ вечеромъ
Поздравляемъ.
Хозяинъ дома, ой дома,
Хозяинъ давай пирогъ.

Если не высылаютъ подачки, то шумятъ подъ окнами, кричатъ и грозятъ разломить двери, и вынуть изъ печи пироги.

На Васильевъ вечеръ и въ святки, старухи говорятъ причитанья дѣтямъ и дѣвицамъ:

Каледа, каледа,
Гдѣ была?
Коней пасла. —
Что выпасла?
Коня въ сѣдлѣ
Съ золотымъ чепракомъ,
Шелковой уздой.—
Гдѣ кони?

За вороты ушли. —
Гдѣ вороты?
Водой снесло. —
Гдѣ вода?
Быки выпили. —
Гдѣ быки?
Въ рощи ушли. —
Гдѣ рощи?
Черви выточили. —
Гдѣ черви?
Гуси выклевали. —
Гдѣ гуси?
Въ тростникъ ушли. —
Гдѣ тростникъ?
За лугомъ зеленымъ. —
Гдѣ луга?
Дѣвки вытоптали. —
Гдѣ дѣвки?
За мужъ пошли. —
Гдѣ мужья?
По каледу ушли. —
Гдѣ каледа?
На печи въ углу. —
Каледа, каледа!
Въ печи была. —

Коледныя причитанья часто сочиняются по произволу, и принаравливаются къ случаю.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ саратовской губерніи, мальчики ходятъ подъ окна и поютъ эту каледу уже съ нѣкоторыми измѣненіями.

Коляда въ упомянутыхъ мѣстахъ Россіи такъ искажена народомъ, что она иногда поется на Васильевъ вечеръ, какъ обыкновенная коляда, а иногда замѣняетъ посыпальный обычай. — Такое ощутительное измѣненіе приписать должно мѣстнымъ обыкновеніямъ.

Въ пензенской губерніи, въ вечеръ предъ новымъ годомъ, ходятъ мальчики и дѣвушки и кричатъ подъ окошками:

Таусень! таусень!
Кишки да лепешки, свиныя ножки,
Кто подастъ, тотъ золотой глазъ,
А кто не подастъ, собачій глазъ.

Изъ окошка подаютъ жареную кишку, или сдобную лепешку.

На канунѣ новаго года, женщины саратовской губерніи хвалынскаго и петровскаго уѣздовъ, сносятъ огромный *ометъ* (кучу) соломы, и зажигаютъ его посреди улицы. Горящій ометъ называется тогда *костромою*, которая окружается дѣвушками и ими величается:

О свѣтъ, моя кострома!
У костромушки головушка болитъ,
У костромушки бѣло лице горитъ.

Ходятъ еще подъ окнами съ кошелемъ и поютъ таусенъ.—Подошедши къ окну, спрашиваютъ: старый русинъ! не кричать ли таусенъ? — Если хозяинъ согласенъ, то поютъ:

Таусенъ, таусенъ?
Дома ли хозяинъ?
Таусенъ!
На базаръ уѣхалъ,
Таусенъ!
Топорикъ купить,
Таусенъ!
На что топорикъ?
Таусенъ!
Дровцы рубить,
Таусенъ!
На что дровцы?
Таусенъ!
Пивцо варить,
Таусенъ!
Сына женить,
Таусенъ!

Летѣла пава,
Таусенъ!
Чрезъ наши поля,
Таусенъ!
Роняла перья,
Таусенъ!
Кому перья брати?
Таусенъ!
На что перья?
Таусенъ!
Шапочку шити,
Таусенъ!
Перьями пушити,
Таусенъ!

На что шапочку?
Таусенъ!
На базаръ ѣхати,
Таусенъ!
Топорикъ купить,
Таусенъ!
Дрова рубить,
Таусенъ!
Пиво варить,
Таусенъ!
Мосты мостить,
Таусенъ!
Кому мостами ѣздити?
Таусенъ!
Царю Государю,
Таусенъ!

Если вмѣсто словъ: Царю Государю, говорятъ—молодцу удальцу, тогда прибавляютъ:

На чемъ ему ѣздити?
Таусенъ!
На сивинькой свинки.
Таусенъ!
Чѣмъ погоняти?
Таусенъ!
Живымъ поросенкомъ,
Таусенъ!

По окончаніи таусенъ, приговариваютъ:

Кишки да лепешки
Свиныя ножки,
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли,
Въ кошель захотѣли.

Хозяинъ подаетъ кишку, лепешку и свиную ножку, нарочно для нихъ заготовленныя.

Въ балашовскомъ уѣздѣ поютъ таусенъ, въ вечеру новаго года. Толпа мальчиковъ и дѣвушекъ сговаривается: къ кому итти прежде?—Пойдемъ къ Онуфричу: онъ вѣдь барана рѣзалъ нынче, а потомъ зайдемъ къ Сидорычу, и т. д.: они знаютъ, гдѣ что стряпалось. По-очереди подходятъ къ воротамъ, и спрашиваютъ:

Чанны ворота!
Посконна борода!
Кричать ли Таусинъ!

Получивъ позволеніе хозяина, поютъ:

Кишки да желудки,
Таусинъ!
Въ печи то сидѣли,
Таусинъ!
На насъ то глядѣли,
Таусинъ!
Въ кошель захотѣли.
Таусинъ!
Стояла тутъ сосна,
Таусинъ!
На сосиѣ то пава,
Таусинъ!
Пава то упала,
Таусинъ!
Перья разронила,
Таусинъ!

Кому эти перья брать?
Таусинъ!
Кому подбирать?
Таусинъ!
Хозяину дома, Онуфричу,
Таусинъ!
На что ему перья?
Таусинъ!
Шурьевъ то дарити,
Таусинъ!
Шурья то спѣсивы,
Таусинъ!
Съ коней не слѣзаютъ,
Таусинъ!
Сапогъ не ломаютъ,
Таусинъ!

Во время таусена, нѣкоторые изъ поющихъ пляшутъ; потомъ кричатъ хозяину дома:

Чашны ворота!
Посконна борода!
Честь была тебѣ предложена,
Теперь подавай кишки да ножки,
Въ задніи окошки,
Въ честь любимой сношки,

если есть у хозяина сноха; въ противномъ же случаѣ приговариваютъ въ честь любимой дочери или самой хозяйки. Подавшаго хозяина благодарятъ, а на не подавшго закричатъ:

На слѣдующій новый годъ,
Осиновой тебѣ гробъ!

Въ кузнецкомъ уѣздѣ поютъ:

Таусинъ! подай брусинъ.
На что брусинъ?
Косу точить.
На что косу?
Траву косить.
На что траву?
Кормить коровъ.
На что коровъ?
Молоко доить.
На что молоко?
Робятъ кормить.
На что робятъ?
За жолудками ходить.
На что жолудки?
Свиней кормить.
На что свиней?
Свиныя ножки въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли.
Таусинъ!
Старой чортъ, подай пирога,
Не подашъ пирога,
Изрублю ворота.
Таусинъ!

Вотъ еще нѣсколько овсеновъ:

Ой овсенъ, ой овсенъ!
Походи, погуляй,
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!

Ой овсенъ, ой овсенъ!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,
Ты нашелъ, ты взошелъ
Къ Филимону на дворъ!
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь вороты красны,
Верен всѣ пестры.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипарисным тыномъ.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Филимоновъ то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ.
На дворѣ у Филимонова,
Три терема стоятъ,
И свѣтленьки и красненьки
Золотыя терема.
Первый теремъ,
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ;
Красно солнце;
Третій теремъ,
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Хозяинъ нашъ;

Красно солнце,
Жена его;
Часты звѣзды,
Ихъ дѣтушки.
Ой овсенъ, ой овсенъ!

Говсенъ, говсенъ! Я тетерю гоню,
Говсенъ, говсенъ! полевую гоню,
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ нàчла хвостъ,
Анъ денегъ горсть.

Колядчики стучатъ потомъ въ окошко, просятъ пироговъ и, вошедши въ избу, поютъ:

Петръ въ орду собирается.
Коледа таусень!
Александръ у ногъ увивается.
Коледа таусень!
Ты не ѣзди въ орду, не служи Королю.
Коледа таусень!
Служи бѣлому Царю.
Коледа таусень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя,
Хлѣба соли не ѣдать.
Коледа таусень!
На постѣли не сыпать.
Коледа таусень!
Ужъ какъ спать въ тоскахъ,
На голыхъ доскахъ.
Коледа таусень!

На горячей печѣ,
На девятомъ кирпичѣ.
Коледа таусень!

Встрѣчаемыя сдѣсь слова: орда, король и бѣлый царь, показываютъ намъ, что эта пѣснь извѣстна была во время татарскаго порабощенія Россіи.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена кудрява,
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой овсенъ, ой овсенъ!
Комужъ, кому ѣхать,
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ овсею
Да новому году.
Ой овсенъ, ой овсенъ!

Выхожденіе изъ обычая посыпать.

Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ тоже въ обычаѣ посыпать зерномъ на новый годъ. Въ Червоной Россіи самый припѣвъ и обрядъ обсѣванія во многомъ сходствуетъ съ малороссійскимъ; но нынѣ посыпаніе повсюду выходитъ изъ обыкновенія. Въ небольшихъ городахъ и по

деревнямъ встрѣчается еще, но и то рѣдко. Пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ и, быть можетъ, этотъ обычай совсѣмъ уничтожится, и посыпальный обрядъ останется въ одномъ воспоминаніи. Его вытѣснили изъ своего круга подарки. Въ старинные годы дарили безъ различія состоянія значительными подарками, которые вознаграждали нетерпѣніе ожидавшихъ новый годъ, а нынѣ и это прекращается: оно досталось въ удѣлъ дѣтей, коихъ дарятъ книжечками, или конфектами. Эта ощутительная перемѣна показываетъ бѣдность повсемѣстную, защищающуюся свѣтскимъ приличіемъ, по формулѣ: что было хорошо въ прошлые вѣки, то нейдетъ къ нашему.

Заключеніе о новомъ годѣ.

Въ честь новаго года столько написано привѣтственныхъ стиховъ и сочиненій, на всѣхъ возможныхъ языкахъ, какими только говорилъ смертный и говоритъ нынѣ, что нѣтъ возможности исчислить ихъ. А сколько еще писать будутъ! Но сколько ни писали, всегда имѣли въ виду подарочекъ: посему новый годъ справедливо назвать можно подарочнымъ. Если-бы кому вздумалось сосчитать, сколько уже сдѣлано подарковъ въ новый годъ, съ того времени, какъ міръ стоитъ, то вѣрно бы онъ сказалъ: считайте сами, если хотите сойти съ ума.

Нынѣ каждый новый годъ заваленъ грудами визитныхъ карточекъ, коими поздравляя, желаютъ каждому счастія, почестей и богатства.

Мы желаемъ, чтобы каждый встрѣчалъ новый годъ съ золотыми подарками, возвышался въ почестяхъ и наслаждался земнымъ счастіемъ; мы желаемъ этого всѣмъ, какъ желаютъ въ поздравительныхъ стихахъ; но болѣе всего желаемъ, и просимъ Бога, чтобы Онъ посылалъ намъ Русскимъ покровителей наукъ, если не каждый новый годъ, то покрайней мѣрѣ чрезъ каждое столѣтіе.

II. Святочныя увеселенія.

Русское житье-бытье нигдѣ не просвѣчивается такъ ясно, какъ на святкахъ. Тамъ все радуется и всѣ забываютъ свое горе. Не однѣ дѣвушки, но и пожилыя женщины предаются тогда безотчетному разгулу веселости. — Здѣсь народность выказывается въ сердцѣ каждаго, и самые враги нашихъ забавъ подслушиваютъ игры, пѣсни и загадки сельскихъ дѣвушекъ. — О, какъ много красавицъ, возлѣлеянныхъ въ блестящихъ палатахъ, спѣшатъ украдкою полюбоваться неподдѣльными играми деревенской жизни!

Значеніе святокъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ.

У многихъ славянскихъ племенъ, святки не имѣютъ того значенія, какое у насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей производятъ святки, отъ балтійскаго идола Святовита, безъ всякой причины. Въ славянскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ, донынѣ въ употребленіи имя Бога *Вита* или *Вида*, въ честь коего приносили жертвы и совершали празднества. — Рюгенскіе Славяне долго праздновали *Святовита*, за-одно съ Св. Витомъ; въ честь его жгли благоухающія деревья. Нѣкоторые обратили *Святовита* въ *витай*, означающее привѣтствіе и поздравленіе. Всѣ прибалтійскіе славяне приносили ему въ жертву медовый калачь или пирогъ, величиною въ ростъ человѣка. Арконскій жрецъ выметалъ, на канунѣ праздника, чистилище, недоступное для всѣхъ, кромѣ его одного. — Въ день праздника, онъ бралъ изъ рукъ истукана Святовита рогъ, и смотрѣлъ: есть ли въ немъ вино? — И по нему угадывалъ о будущемъ урожаѣ. Оставшееся вино выпивалъ, наполнялъ новымъ и вручалъ рогъ божеству. Потомъ подносилъ ему пирогъ и, спрятавшись за него, спрашивалъ у народа: видитъ ли онъ его? Когда отвѣчали ему нѣтъ, тогда онъ объявлялъ благословеніе божества.

Чехи имѣли *Вита* или *Витъ*. Венгерскіе Славяне сохранили пѣснь въ честь святаго *Вита* и святаго *Дюнда*.

Прійдже, шугай, прійде къ намъ,
Сама коморку мамъ.
Никто тя не збада,
А я та мамъ рада.
Прійдемъ, діовча, прійдемъ,
Веру истѣ, прійдемъ.
На Святого Вида
Чо не буде никда.

Эта пѣснь доказываетъ, что святой Витъ, который извѣстенъ подъ именемъ славянскаго апостола, не есть Святовитъ. — Названіе святокъ могло ли произойти отъ Святовита? —

Другая пѣснь въ честь *Динда* или *Дюнда*, между тѣми же Славянами, можетъ служить любопытнымъ свѣдѣніемъ объ остаткѣ язычества, вошедшаго въ хороводную забаву.

Дѣвушки становятся въ два ряда, и поютъ попеременно:

1. Гоя, Дюнда, гоя! Послала насъ Криловна.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! На что же васъ послала?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Пре три возы каменья.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! На что вамъ каменья?
Гоя, Дюнда, гоя!

1. Гоя, Дюнда, гоя! Златѣ мосты ставити.
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! Чи насъ цесъ не пустатѣ?
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Чо намъ за даръ несетѣ?
Гоя, Дюнда, гоя!
2. Гоя, Дюнда, гоя! Чернооке дѣвчатко.
Гоя, Дюнда, гоя!
1. Гоя, Дюнда, гоя! Но бежтѣ а поспеште.
Гоя, Дюнда, гоя!

Иллирійскіе Славяне празднуютъ *Св. Вита* іюля 15 дня, и совершаютъ языческіе обычаи, употреблявшіеся при поклоненіи идолу Святовиду.

Изъ Церковной исторіи извѣстно, что возвѣстители Евангельскаго слова, измѣняя постепенно языческіе обычаи, соединили празднованіе Святовида въ одно время съ христіянскими святками, а простой народъ принялъ это за одно и тоже.

Новообращенные Славяне возсылали долго такія же молитвы Святовиду, какія самому Богу (*).

(*) Kollar: Národ. zpiew., ч. I. с. 3 и 401; Möhſen: Geſch. der Wiſſenſchaft und der Mark- Brandenb. с. 59; Ant. Ueber die alt. Stary ч. I. с. 44, Gebh. Gebſch. der Wenden ч. I. с. 25; Stredowsky: Morava sacra; Кар. И. Г. Р. т. I. с. 99 и 100; Rakowieck: Prawda Ruska, ч. I. гл. II. с. 25. —

Значеніе святокъ у Русскихъ.

Древніе Христіяне освящали всѣ торжественные праздники благочестивыми дѣлами. Государи освобождали народъ, съ Р. Х., отъ разныхъ недоимокъ, уменьшали подати, выпускали преступниковъ изъ темницъ, и проч. Пастыри наставляли людей святить праздники Господни богоугодными приношеніями. Христіане ревностно выполняли благія внушенія наставниковъ, дѣлая въ пользу страждущаго человѣчества посильныя подаянія, которыя Церковь освящала Божескими благословеніями. Эти дни, ознаменованные душеспасительными дѣлами, прослыли святками или Святыми; народъ же обратилъ ихъ въ свои забавы.

Святки, происходя отъ глагола святить, находятся въ тѣсной связи съ воспоминаніемъ о Рожденіи Спасителя міра.

Въ какое время появились святки въ Россіи? — Откуда они перешли къ намъ? — Объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ свѣдѣній. — Изустные разсказы не превышаютъ древности ста лѣтъ. — Святки конечно сдѣлались извѣстными по введеніи христіанской вѣры въ Россіи, но объ нихъ ни Несторъ, ни продолжатели его лѣтописи не упомянули. — Перерывая многія Русскія лѣтописи, я не встрѣчалъ названія святокъ ранѣе XVII вѣка; исторія же

на счетъ сего предмета совершенно молчитъ.— Лѣтописцы наши, описывая событія гражданскія и церковныя, не заботились о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ, а старые обычаи изчезли вмѣстѣ съ преданіями. Нынѣ собираютъ преданія, и какъ это тяжело!—Нельзя не допустить, что святки праздновались еще въ отдаленныя времена.—Хотя новый годъ считался первоначально съ марта мѣсяца, со дня Благовѣщенія; послѣ съ сентября мѣсяца, въ великокняженіе Симеона Гордаго, и наконецъ (когда Петръ В. ввелъ общее европейское лѣтосчисленіе) съ генваря мѣсяца 1700 г.: однако это лѣтосчисленіе не измѣняло святочныхъ дней; празднованіе ихъ приходилось въ одно и тоже время, какъ нынѣ. Но при всемъ усиліи, рѣшеніе вопроса о положительномъ появленіи святокъ остается невозможнымъ, по причинѣ недостатка свидѣтельствъ.

Наши праотцы, безъ сомнѣнія, праздновали святки иначе, нежели жившіе послѣ нихъ, и нежели празднуемъ мы сами. Время измѣняетъ много въ жизни. Самыя забавы и игры предковъ уже не тѣ, какія нынче. Весьма было бы полезно, если-бы можно было представить картину житья-бытья давно-минувшихъ вѣковъ: въ ней бы мы увидѣли исторію нашей народности. — Теперь, одни стараго времени люди,

*

утѣшаютъ насъ разсказами о быломъ, а нянюшки забавляютъ своими простодушными повѣстями о томъ, какъ припѣвaючи веселились наши дѣды, и поютъ пѣсни о прошломъ по одному искаженному слуху.

Время празднованія святокъ.

Святки начинаются въ Россіи съ Р. Х. и продолжаются до крещенскаго сочельника. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, въ половинѣ XVII в., Малороссіяне начали мало по малу заимствовать нѣкоторые святочные обряды отъ Русскихъ.

Святки составляютъ собственно время забавъ.—Мы нигдѣ не видимъ, чтобы святки праздно вались съ такой безотчетной веселостію, какъ между Русскими. Многіе славянскіе писатели, оставившіе намъ прекрасные отрывки по части древности, ничего не сообщили о святкахъ.

Предметъ святочныхъ забавъ.

Предметъ святочныхъ забавъ весьма разнообразенъ: онъ выражаетъ народное веселье и семейную жизнь въ гаданіяхъ и переряживаніи, которыя совершаются ночью, а ночи въ это время, бываютъ какъ нарочно темныя, наводящія ужасъ на самихъ участниковъ святочныхъ игръ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи доселѣ думаютъ, что въ святочныя ночи бѣгаютъ черти. Въ орловской губерніи особенно опасаются чертей, и ихъ называютъ здѣсь *святошными* и *святошами*. Никто не

ходить ночью поздно въ гости, и никто ни за что не согласится ходить въ полночь, изъ опасенія попасться въ руки чертей.

По мѣрѣ ознакомленія Россіи съ Европою, перешли къ намъ многіе иностранные обряды и повѣрья; но есть обычаи и увеселенія, перешедшіе также отъ Грековъ и Римлянъ. По разрушеніи Западной Имперіи, Готѳы ввели въ Европу свои игры.

Нѣкоторыя изъ святочныхъ игръ суть: фанты, жмурки, жарты, наряжанье козою, журавлемъ, медвѣдемъ. — Хари, личины или маски, употреблявшіяся у насъ издревле, были преслѣдуемы духовенствомъ. Въ *Кормчей* рук. XIII в. они назывались *обличьями игрьщъ*, *ликоственникъ и наличьникъ; въ Стоглавѣ: скаредными образованіями, лицами косматыми, козлими, сатирскими, окрутами, скуратами.*—Переряживанье именовалось *москолюдствомъ* (надѣваніемъ маскъ) и *окручаньемъ.*— Архіепископъ Лука, въ поученіи своемъ XII в., запрещаетъ *москолюдствовать*, т. е., принимать нечеловѣческіе образы.

Древность славянскихъ гаданій, и чародѣйство.

Изъ всѣхъ древнѣйшихъ славянскихъ обрядовъ извѣстнѣйшіе суть гаданія. Ими прославлялись преимущественно ретрскія и рюгенскія женщины, за ними кіевскія, коп, чрезъ свою наклонность къ чудеснымъ предсказа-

ніямъ, прослыли въ народѣ *кіевскими вѣдьмами.*—Чудь и Финны также славились волшебствомъ, какъ въ Италіи древніе Этрурски. Несторъ разсказываетъ, что Новгородцы въ XI в. ходили въ Эстляндію, узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились *съ черными крылатыми духами.* — Жены производили *бѣсовскія волхвованія, искони бо бѣсъ жену прельсти, а жена мужа. Жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою.* Одинъ изъ Финновъ торжественно осуждалъ въ Новгородѣ христіанскую вѣру, и хотѣлъ итти пѣшкомъ чрезъ р. Волховъ. Народъ вѣрилъ ему, *что бози живутъ въ безднѣ, образомъ черны и крилаты, хвосты имуще.* Епископъ Ѳеодоръ стоялъ на площади съ Крестомъ въ рукахъ, и убѣждалъ Христіанъ не вѣрить Финну. Но все было напрасно! Тогда Князь Глѣбъ подошелъ къ чародѣю и спросилъ: знаешъ ли, что случится съ тобою въ этотъ день?—Волшебникъ отвѣчалъ: я сдѣлаю великія чудеса.—Неправда! возразилъ Князь, и разсѣкъ ему голову топоромъ (*).

Гаданія сопровождаются иногда пѣніемъ, а иногда таинственнымъ молчаніемъ.— Существенный предметъ гаданій, суть суженые.

(*) Кар. И. Г. Р. т. II. с. 90; Ростовская и Никонов. лѣтописи.

Дѣвушки приступаютъ къ сему съ душевнымъ волненіемъ, и только въ святочные дни, онѣ имѣютъ право сидѣть подлѣ суженыхъ, и гадать при нихъ. Матушки весело тарабарятъ про старину, грустятъ о дѣвичьемъ житьѣ, припоминаютъ прежніе счастливые годы, и шепотомъ просятъ красныхъ дѣвицъ загадать ихъ судьбу.

Приглашеніе на святки.

Изстари ведется обычай, что молодыя женщины ходятъ другъ къ дружкѣ съ работою на весь день, а въ-вечеру приходятъ къ нимъ старушки, потолковать о томъ о семъ.

Въ дружескомъ кругу всѣ были откровенны; матушки тужили, что ихъ дочери уже взрослыя, а женіховъ нѣтъ; молодыя вызывались помочь ихъ горю. Наставали святки и онѣ принимались за дѣло.

Молодыя женщины добровольно вступали въ обязанность свахъ; объ остальномъ предоставляли хлопотать родителямъ.

Богатый домъ, назначаемый сборнымъ мѣстомъ для дѣвицъ, посылалъ *нарядныхъ съ дѣломъ*, просить старыхъ и молодыхъ, посидѣть вечеромъ; но здѣсь разумѣлось просить дѣвушекъ на святочныя игры и посидѣлки. Посылаемыя съ нарядным дѣломъ, были старыя женщины и нянюшки, которыя ходили по домамъ сзывать на святки. — При приглашеніи онѣ приговаривали: *если милости вашей не*

оскорбительно, просятъ пожаловать съ братцомъ--который всегда былъ въ числѣ суженыхъ.

Нарядныхъ съ дѣломъ принимали съ поклонами и почестію и старались наперерывъ угощать. Чарка вина встрѣчала и провожала ихъ. Матушки хлопотали узнать напередъ у нарядныхъ съ дѣломъ: кто будетъ изъ молодыхъ? Но онѣ хранили глубокое молчаніе. Смѣтливая хозяйка дарила ихъ бѣлымъ платочкомъ съ красной обрубкою, или кускомъ полотна, или чѣмъ нибудь другимъ. Тогда нарядныя съ дѣломъ открывали все и обѣщались хвалить ихъ дочерей предъ прочими. Въ-вечеру появлялись *бабки-позыватки;* ихъ угощали еще усерднѣе, нежели первыхъ, потому что онѣ ходили высматривать невѣстъ. Имъ поручали бывать у сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ, выслушивать и замѣчать о житьѣ-бытьѣ ихъ, и потомъ избирать, по своему усмотрѣнію, тѣхъ изъ дѣвицъ, которыя согласовались съ видами вечерняго общества.

Бабки-позыватки получали отъ дѣвицъ подарки, узелки съ орѣхами, пряниками и винными ягодами. Отдавая имъ, одна изъ дѣвицъ улыбалась и говаривала: вотъ тѣ, бабушка, возьми, не прогнѣвайся, внучкамъ твоимъ зубки позабавить, а тебѣ на потѣшенье.—Вѣстимо, мать моя, отвѣчала бабка-по-

зыватка, благодарствуемъ, и уходила отъ нея съ поклономъ. Обдаренная трубила по всѣмъ домамъ, о любезности и красотѣ дѣвушки, которая въ домѣ родителей сущій ангельчикъ,— а маленькія дѣтки у нея, что цвѣточки твои!

Въ иныхъ мѣстахъ, приглашенія на вечеръ происходили за нѣсколько дней, а въ другихъ, въ тотъ же самый вечеръ, смотря по дому или мѣстному разстоянію.

Приглашенные гости суетились о нарядахъ: дѣвушки примѣряли старыя платья свои и матушекъ: тогда наряды всѣхъ шли ко всѣмъ. То-то было блаженное время! Смотрѣли другъ на друга, любовались, хвалились и ожидали съ нетерпѣніемъ поѣзда.

Въ старые годы съѣзжались дѣвушки длинным поѣздомъ; матушки неотлучно находились при своихъ дочеряхъ. Если же дѣвица не имѣла матушки, то ее замѣняла няня или бабушка воркунья, которая во всю дорогу толковала ей, какъ весть себя, и не крѣпко засматриваться на суженыхъ: да они, вѣдь, плуты, мать моя!—Въ первыхъ саняхъ сидѣла матушка съ дочкою, въ ногахъ повѣренная тайнъ барышни, горничная; въ другихъ саняхъ няня съ нарядными узлами. Въ третьихъ домашняя челядь, умножавшая тщеславіе ѣхавшихъ. Къ нимъ присоединялись иногда сестрицы и

братцы. Чѣмъ длиннѣе поѣздъ, тѣмъ болѣе чести для званнаго дома.—Разсказываютъ старые люди, что на святки съѣзжалось званныхъ гостей до 100 человѣкъ, и гуляли нѣсколько дней сряду. — Дѣвичьи посидѣлки превращались въ пированіе: веселились, какъ можно веселиться на свободѣ. Хозяинъ обязанъ былъ кормить и поить, не только гостей, и ихъ прислугу, которая числомъ превосходила обыкновенно въ трое противу своихъ господъ; но ихъ лошадей, и имѣть надзоръ за всѣмъ, чтобы всѣ были сыты и довольны.—Домъ таковаго хозяина представлялъ таборъ-скитальцевъ. Не только изъ окружныхъ деревень, но изъ уѣздовъ дальнихъ, съѣзжались туда.

Пріѣздъ дѣвушекъ.

Когда поѣздъ приближался къ дому, тогда выходилъ изъ саней человѣкъ, и стучалъ въ ворота; всѣ прочіе сидѣли въ саняхъ. Хозяинъ немедленно выходилъ съ хозяйкою, чтобы встрѣтить гостей и просить въ теплыя комнаты. Гости чинно входили; молились сначала иконамъ, а потомъ сыпали взаимныя привѣтствія. Гостей просили присѣсть, они отказывались; прозьбы повторялись, но они все отказывались, пока не устанутъ стоя, и сами сядутъ. — Дѣвушки входили въ покои молча, съ особенной робостію, и только отвѣчали на привѣтствіе дочери хозяйской, которая,

изъ уваженія къ богатому поѣзду, выходила въ большія сѣни на встрѣчу, съ своими сѣнными дѣвушками и нянями. Пока матушки усаживались, дѣвушки заводили между собою разговоры, мѣнялись частыми поцѣлуями, садились по мѣстамъ и молчали. — Прислуга между тѣмъ выбирала изъ саней господскіе узелки, сносила ихъ въ отдѣльную комнату, и заваливала углы всякой всячиною.

Если матушки пріѣзжали сюда за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какія собрались дѣвушки, и потомъ оставить гостить одну свою дочь; то опѣ поручали имѣть надъ нею попеченіе дѣвушкѣ-ухаживалкѣ, которую не оставляли безъ подарковъ.

Матушки оставляли своихъ дочерей съ крѣпкимъ наказомъ, какъ вести себя, и прощались съ ними со слезами. Хозяйка старалась утѣшить мать говоря: э, матушка, не всё съ доченькой жить; не всё глядѣть на душку, красавицу ненаглядную. Угостимъ и потѣшимъ, мать моя. Потѣшимъ дѣвицъ разными затѣями, а вось не благословитъ ли Богъ и погулять намъ на свадебкѣ.—Послѣднія слова произносились шепотомъ. Но дѣвушки догадывались, о чемъ шла рѣчь, и лица ихъ покрывались румянцемъ стыдливости.

Дѣвушки, не бывъ никогда знакомы между собою, успѣвали въ нѣсколько минутъ сдружиться; называли одна другую милою подруженькою; сѣнныя дѣвушки величали ихъ красными дѣвушками.

Угощеніе. Званыхъ красавицъ угощали сушеными плодами, пряниками и взваромъ; накармливали вареньями и печенымъ, и укладывали ихъ спать на пуховыхъ подушкахъ, покутомъ въ одной комнатѣ. Нянюшки и сѣнныя дѣвушки разсказывали имъ поочередно сказки: про жаръ птицу, семь жениховъ-молодцевъ, похожденіе Іеруслана Лазаревича и проч. Когда замѣчали, что красавицы начинаютъ засыпать, тогда совѣтовали имъ помнить, что приснится, а чтобы незабыть сна, не подкладывать правой руки подъ голову.

Едва начинало разсвѣтать, какъ все въ домѣ поднималось и суетилось: хозяйка отдавала приказанія на кухнѣ, что готовить къ завтраку для барышень. Завтракъ по обыкновенію состоялъ изъ взвару, пирожковъ съ сухими плодами, изъ молочныхъ калачей, яицъ въ смятку, молока, творогу, смѣтаны и т. п.; чаю и кофе тогда не знали. Всякъ старался поставить на столъ яствъ, сколько можно болѣе, не разбирая, что идетъ и что нѣтъ, лишъ были бы онѣ сытыя и здоровыя. Это было главнымъ условіемъ и

заботою хозяйки, потому что хорошо поѣсть и попить, составляло необходимую гастрономическую принадлежность нашихъ предковъ.

Вставаніе дѣвушекъ.

Сѣнныя дѣвушки приготовляли для своихъ барышень платья. Подходили по нѣскольку разъ къ дверямъ на цыпочкахъ, чтобы провѣдать: не проснулись ли онѣ? Имъ строго запрещалось будить, пока сами не встанутъ. Солнце давно взошло. Хозяйка, которая долго ожидала ихъ пробужденія, потому что завтракъ уже былъ готовъ, подходила къ дверямъ, отворяла по-немногу, и слушала какъ онѣ шепотомъ пересказывали другъ дружкѣ свои сновидѣнія; до слуха ея доходили полувнятныя слова: ахъ, моя подруженька! Тяжелый мой сонъ, не къ добру онъ.—И мой тяжелый, говорила другая.—Мой суженый не будетъ сюда, говорила третья; и мой тоже, я не увижу его болѣе!—Но все ли то правда, что во снѣ пригрезится?—Разговоръ дѣвицъ, прекращался съ появленіемъ хозяйки: онѣ поскорѣе укутывались одѣялами. Пора вамъ, красныя дѣвушки, вставать, говорила хозяйка, окруженная пяпюшками и сѣнными дѣвушками.

Пора, мои голубушки, ягодки малиновыя, продолжала няня, пора! Ужъ ваши суженые давнымъ давно встали, а вы еще въ постели. Чай не добрый сонъ? Разскажи.—Настойчивая

няня не отходила отъ красавицъ пока онѣ не разскажутъ ей про сонъ, и она толковала его, по большей части, въ добрую сторону.

Дѣвушки красавицы набрасывали на себя елегка спальнее платье, и потомъ умывались ключевой, холодной водою; румянецъ игралъ по всему лицу,—куда ваши розы! Волосы подбирались подъ ленту, рукава рубашки заворачивались. Въ плѣнительномъ уборѣ простоты, онѣ обращались къ образу Спаса и горячо молились. Послѣ молитвы садились за уборный столикъ, передъ зеркаломъ, и разчесывали свою богатую, волнисто-русую косу. У кого коса была не длинная и не русая, та, въ глазахъ своихъ подругъ, теряла очаровательную прелесть. Сѣнная дѣвушка расплетала и заплетала косу; алая лента привязывалась къ ея концу. Серьги составляли необходимую часть украшеній. Шейные паряды: жемчужныя нитки, повязки изъ жемчугу, въ видѣ широкой тесьмы, золотые парчевые или бархатные малиновые нарукавники, составляли предметъ роскоши. Бѣлая косынка, малиновый сарафанъ, бѣлые кисейные накрахмаленные со сборами рукава, длиною въ два аршина, а шириною въ аршинъ и болѣе, кастровые или тонкіе нитяные чулки, сафьянные башмаки на высокихъ деревянныхъ каблукахъ, кисейная фата на кокошникѣ,

душегрѣйка шелковая или бархатная, — вотъ простой, но милый уборъ нашихъ прабабушекъ.

Одѣвшись, красавицы собирались въ одну общую комнату, гдѣ подавали имъ завтракъ. Сюда никто не могъ входить изъ мущинъ, кромѣ горничныхъ нянюшекъ и свахъ-похожалокъ, кои обыкновенно приходили съ порученіями отъ матушекъ: не былъ ли кто изъ суженыхъ? что снилось? не скучно ли имъ безъ нихъ? и т. п. А нянюшки держали узлы съ гостинцами, кои состояли изъ орѣховъ, изюму, винныхъ ягодъ, варенья, сушеныхъ сладкихъ плодовъ, моченыхъ яблокъ, грушъ, сливъ и пряниковъ. Углы комнатъ были ими завалены; но хозяйка сердилась, что присылали гостинцы: у насъ дискать будто нечего ѣсть! Нянюшки успокоивали ее, приговаривая: красныя дѣвушки любятъ полакомиться; не сердитесь, матушка сударыня. Вѣстимо, у васъ всего вдоволь, но ужъ такъ водится: дѣтей какъ ни корми, они все не прочь отъ игрушекъ. А красныя дѣвушки, пока еще не любятъ, тоже дѣти.—Нянюшки отдавали дѣвицамъ гостинцы, которые наперехватъ вырывались ими изъ рукъ, и съ такимъ усердіемъ, что забывали даже спросить про здоровье родныхъ. Хитрыя посланницы наблюдали за каждымъ поступкомъ, за каждымъ словомъ барышень, и

Гостинцы.

не упускали имъ пересказывать, какъ грустятъ по нихъ родные. Слезы навертывались на глазахъ дѣвушки, и когда бывало разплачутся подруженьки, тогда стоило великаго труда утѣшить ихъ. Если посланница замѣчала, что подруженька скучаетъ, или что ей не нравится званое общество; то объ этомъ немедленно узнавала матушка дочери ненаглядной; она пріѣзжала за нею и отвозила тотъ же часъ, подъ предлогомъ, что по ней соскучилась, или что ей привидѣлся недобрый сонъ.

Препровожденіе времени.

До съѣзда гостей, подруженьки предавались пріятному препровожденію времени. На большомъ дворѣ стояли ледяныя горы, и саночки-самокаточки, окрашенныя разными цвѣтами. Ворота большаго двора запирались накрѣпко запорами, чтобы никто не смѣлъ входить сюда. Дѣвушки, безъ дальнихъ чиновъ, свозили свои саночки на гору, и съ нея скатывались отлично. Случалось порой перевернуться,—нянюшки и сѣнныя сей часъ на помощь: поднимаютъ, голубятъ краснымi словцами, обвязываютъ полотняным платкомъ голову, и боль прошла. Сдѣлалась ли на рукѣ опухоль, или на другомъ мѣстѣ, высасываютъ ея языкомъ, или дѣлаютъ припарки.

Наскучивъ катаньемъ, занимались бросаніемъ другъ въ дружку снѣгомъ, или дѣлали снѣжныя

изображенія, представлявшія дорогія для ихъ сердца воспоминанія. Если морозъ загонялъ ихъ въ комнаты, то онѣ приготовлялись къ вечернимъ гаданіямъ, а покамѣстъ препровождали время въ кусаніи орѣховъ, лущеніи сѣмянъ, кушаньи сластей, и разговаривали о предстоящихъ играхъ.

Гости.

Вечеромъ начинали съѣзжаться званые гости. Морозный скрыпъ саней возвѣщалъ хозяину издали о прибытіи гостей. Хозяинъ и хозяйка спѣшили встрѣтить ихъ у крыльца. Дѣвушки выбѣгали сюда посмотрѣть: не пріѣхали ли съ ними суженые? Важныхъ сажали на почетныя мѣста, прочіе сами усаживались. — Старики сидѣли на деревянной лавкѣ, на первомъ мѣстѣ, за простымъ деревяннымъ столомъ, покрытымъ камчатной скатертью; въ концѣ лавки помѣщался хозяинъ.—Въ такомъ порядкѣ усаживались и барыни. Румяная и дородная изъ нихъ принималась хозяйкою съ низкими поклонами; ея усаживали на почетномъ мѣстѣ; съ лѣвой стороны располагались прочіе гости. Только старики и пожилыя женщины могли говорить; всѣ прочіе должны были слушать, не перебивать и не вмѣшиваться въ разговоръ, пока ихъ не спросятъ.

Молоденькія женщины и дѣвушки, потупивъ глаза въ землю, клали на колѣна руки,

сводили пальцы съ пальцами, вертѣли и хрустѣли ими; другія водили пальцемъ около руки, и забавлялись перебираніемъ пальцевъ, что называлось переборочкою. Это было похвальнымъ тогда дѣломъ, потому что оно относилось къ скромности и стыдливости.

Матушки гордились дочерьми, а братцы хвалились повсюду. Суженые садились по угламъ, и высматривали барышень украдкой.—Считалось неблагопристойностію смотрѣть въ глаза дѣвушки, и сидѣть молодому мущинѣ наровнѣ съ нею. Это значило нанесть позоръ семейству. Когда дѣвушки соскучивались отъ переборочки, тогда онѣ могли перешептываться между собою и выбѣгать, для развлеченія, въ другую компату за гостинцами, или чтобы пошептать съ нянюшками.—Домашняя прислуга стояла за дверями, и порой высовывала головы, изъ любопытства.

Усѣвшіеся чинно гости щеголяли другъ передъ другомъ своими одеждами. Мущины держали въ рукахъ высокія бобровыя, или лисьи съ соболевой опушкою шапки; наряжались въ собольи или лисьи шубы, крытыя персидской пестрой матеріею; рукава у нихъ были широкіе и длинные, воротникъ стоячій съ серебряною и золотою застежкой; любимый кафтанъ былъ синій и голубой, съ золотыми остроконечными пуговицами, почти во всю дли-

ну кафтана, который подпоясывался краснымъ малиновымъ шелковымъ поясомъ, съ висячими напереди концами. Выстроченные сафьяные сапоги были на высокихъ желѣзныхъ или серебряныхъ подковахъ, съ рипами. Носили широкія рукавицы, обстроченныя бисеромъ. Рубашка была бѣлая выстроченная, съ высокимъ стоячимъ или откладнымъ воротникомъ. Шею повязывали бумажнымъ цвѣтнымъ платкомъ. Носовой бѣлый платокъ, вышитый краснымъ шелкомъ, клался за пазуху; строчные концы торчали изъ-за груди. — Одежда была въ то время одинакая для всѣхъ, и отличалась только богатствомъ. — Тоже самое можно сказать и о женскомъ уборѣ. Шили широкое и длинное платье, и чѣмъ оно было шире и длиннѣе, тѣмъ почетнѣе. Головной уборъ состоялъ изъ кокошниковъ, коими славились московскія, калужскія, тульскія и орловскія женщины. Донынѣ орловскіе кокошники въ большой извѣстности. Они дѣлались изъ разноцвѣтныхъ матерій, бархатные, малиновые съ золотою окромкой, съ бисернымъ и жемчужнымъ узорочьемъ, — но это было отличіемъ знатныхъ и богатыхъ людей. — Серьги и жемчужныя нитки на шеѣ, носили боярскія жены. — Епанчи, сарафаны и собольи шубы такія же носили, какъ и дѣвицы.

*

Усадивъ гостей, хозяинъ подносилъ чарку вина прежде всѣхъ *почтеннѣйшему*. Онъ просилъ его выпить за здоровье съ особымъ почтеніемъ; хозяйка держала подносъ и кланялась ему въ поясъ, величая полнымъ именемъ. *Почтеннѣйшій* гость вставалъ съ лавки и выпивалъ по немногу, съ важной медленностію, желая здоровья всему дому хозяина. Особымъ считалось уваженіемъ, когда подносила хозяйка. Гость, вставая съ мѣста, кланялся ей, и потомъ раскланивался по обѣ стороны. Тогда вставали всѣ гости, и не прежде садились, пока не усадится важный гость. За нимъ подносила хозяйка остальнымъ гостямъ по порядку. Молодые мущины и женщины не смѣли пить; имъ дозволялось только прикасаться къ чаркѣ губами и пожелать здоровья. За то они выходили въ другую комнату, когда мучила ихъ жажда. Тутъ ихъ угощали изъ темнаго стакана крѣпкимъ медомъ, а случалось, и крѣпкой наливкою. Потомъ хозяйка обносила гостей, приготовленными на деревянныхъ тарелкахъ лакомствами, которыя потомъ ставились на столѣ въ безпорядкѣ. Чего тамъ не было? орѣхи каленые и простые всѣхъ названій, пряники вяземскіе, крендели смоленскіе, коровайники, папушники, медовые пироги, яблошники, постила, яблоки моченые и

свѣжіе, сухіе сладкіе плоды, варенья изъ вишни, смородины, малины, крыжовника, морошки, брусники, клюквы и проч. На другомъ столѣ находились, въ глиняныхъ закупоренныхъ кружкахъ, наливки: сливянка, вишневка, клубниковка, малиновка и превосходная рябиновка; душистые меды: красные, бѣлые и мартовскіе; пиво красное, черное и бархатное. — Тогда не знали ни заморскихъ винъ, портящихъ желудокъ и здоровье, ни зловредныхъ конфектовъ, истребляющихъ зубы. Тогда жили по-своему и всѣ были здоровы. — Если хозяинъ и хозяйка замѣчали, что гости не ѣдятъ и не пьютъ, то они приступали къ нимъ съ поклонами, и не прежде переставали кланяться, пока не станутъ ѣсть и пить. Чинились ли гости? хозяйка жаловалась, что они ничего не ѣдятъ, и сама насыпала имъ въ руки орѣхи, ягоды и т. п. Хозяинъ также не переставалъ потчивать, сначала чаркой, а потомъ кубкомъ или стопою (*).

Домашняя прислуга, стоявшая толпою у дверей, не прислуживала: вся забота лежала на хозяинѣ. — Прислуга успѣвала заранѣе на-

(*) Вмѣстимость кубка и стопы, была неодинаковая. При бракосочетаніи В. К. Іоанна III., кубокъ вмѣщалъ полтора ведра вина, а стопа болѣе двухъ ведръ. Угощальный кубокъ въ два стакана, а стопа въ три.

пиваться зеленаго вина (зеленчаку), а сѣнныя дѣвушки крѣпкихъ медовъ. Все ходило мыслетями. Гостямъ не давали отдыха: они должны были пить и ѣсть, этимъ только доказывали особое уваженіе дому. — Дѣвушки угощали сами себя. Суженые смотрѣли на нихъ изъ-подлобья, перебирая пальцами пуговицы на кафтанахъ, или поправляли свои длинные курчавые на головѣ волосы.

Пѣніе славы.

Вино скоро разшевеливало сердечушки; самая строгая молчаливость забывалась. Неприступные и важные до того гости, дѣлались разговорчивѣе: шутили, смѣялись, а наконецъ принимались пѣть подблюдныя пѣсни. —

Подблюдными онѣ называются по той причинѣ, что ихъ пѣли, и теперь поютъ, за столомъ при кушаньи. Я назвалъ ихъ пѣніемъ славы, потому что каждый стихъ оканчивается припѣвомъ: слава.

Новыхъ подблюдныхъ пѣсней мы не имѣемъ, а потому помѣщаются здѣсь старыя, какія пѣли наши предки. Они пѣли отъ избытка радости и удовольствія, а мы, очуженемленные заморскими вычурами, повторяемъ ихъ пѣсни. Наши бояры, князья и знаменитые сановники не чуждались народныхъ увеселеній, и народъ соперничествовалъ въ томъ съ ними. Знатные люди собирались, въ старые годы,

чтобы повеселиться; нынѣ собираются большею частью для того, чтобы провести ночь за картами. Что скажетъ объ насъ потомство? Оно скажетъ, что мы открыли въ картахъ новый путь къ истребленію просвѣщенія. Больно, когда объ этомъ подумаешъ!—Посмотрите, какъ забавлялись прежде на святкахъ. Знатные гости первые заначинали пѣть славу всему тому, что было достойно славы, что было славно.— Нашъ Бѣлый Царь, всегда драгоцѣнный для русскаго сердца, привѣтствовался прежде всѣхъ:

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ,
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Красно солнце свѣтило,
Слава!
Чтобы Царева золота казна,
Слава!

Была вѣкъ полнымъ полна,
Слава!
Чтобы большимъ рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣкамъ до мѣльницы,
Слава!
А эту пѣснь мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшенье
Слава!
Добрымъ людямъ на усмѣханье
Слава!

Славу поютъ всѣ безъ различія, примѣняя ее къ предмету и обстоятельствамъ. Дѣвушки краснѣли, когда гости просили ихъ пропѣть, молодыя женщины понимали, къ чему клонилось прошеніе, начинали пѣть, и своими намеками о суженыхъ, забавляли все общество.

Замужество съ ровнымъ.

Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно къ яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ,
Слава!

Хорошъ женихъ съ невѣстою,
Слава!
Кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, не минуется,
Слава!

Три послѣдніе стиха присоединяются не только къ подблюднымъ пѣснямъ, но большею частію по-произволу къ игорнымъ и гадательнымъ.

Пѣніе славы въ честь дѣвицы невѣсты: *Дѣвичье прощенье.*

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота!
Слава!
Кузнецъ! кузнецъ! ты скуй вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй вѣнецъ, и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзчиковъ булавочку.
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкати,
Слава!

Исполненіе желанія молодыхъ.

Родители любятъ дочерей своихъ, а еще болѣе любятъ видѣть ихъ счастливыми. Съ какою радостію поютъ они согласіе и любовь молодыхъ!

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой,
Слава!
Сизыми крыльями обнимались,
Слава!
Ужъ и имъ добрые люди дивовались,
Слава!
Какъ соколъ съ голубкой уживался,
Слава!
Кому мы спѣли, тому добро,
Кому вышется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.

Во время пѣнія, держащая блюдо дѣвушка, даетъ кому нибудь изъ загадавшихъ, положить подъ платокъ руку и потомъ велитъ вынуть вещь на-удачу. Чья вещь вынется, тому спѣтая пѣснь служитъ предвѣщаніемъ.

Другія поютъ эту пѣснь иначе:

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой
Слава!
Слеталися цѣловалися,
Слава!

Сизыми крыльями обнимались,

Слава!

Кому мы спѣли, тому добро,

Слава!

Кому вынется, тому сбудется,

Слава!

Тому сбудется, не минуется.

Слава!

Дѣвушкамъ не суждено вѣчно жить въ родительскомъ домѣ. *Замужество.*

Грустно! но грустнѣе быть одинакой.

Ласточка, ласточка!

Слава!

Не вѣй гнѣзда въ высокомъ терему,

Слава!

Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывати.

Слава!

Сердце дѣвушки, вѣщунъ,—оно не обмануло, ожидая суженаго.

Ты мати, мати, порода моя!

Слава!

И ты выгляни, мати въ окошечко,

Слава!

И ты выкинн, мати, опутйнку,

Слава!

Чтобы было чѣмъ опутать ясна сокола,

Слава!

Что ясна сокола, то мово жениха.

Слава!

Замужество за милымъ.

Ахъ ты гнутое деревцо, черемушка,
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься,
Слава!

Суженой. Сердце дѣвушки груститъ: оно ищетъ суженаго, мысленно готовитъ ему полотенце и постель:

По огороду хожу, полотенцы стелю,
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю.
Слава!

Снимаетъ колечко, катаетъ его и идетъ за нимъ:

Покачу я колечко кругомъ города,
Слава!
А за тѣмъ колечкомъ, я сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, мила друга найду,
Слава!
Мила друга, суженаго.
Слава!

Подъ первой пѣснью разумѣютъ замужество съ милымъ, а подъ другою отъѣздъ.

Красныя дѣвушки сидѣли, какъ на иголкахъ, когда имъ пѣли про будущую ихъ долю; онѣ переставали играть въ переборочки и не смѣли поднять своихъ главъ. Не однѣ онѣ терпѣли, но и самые суженые:

Исканіе боярышни.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночку,
Слава!
Не груздочекъ то скачетъ, дворянской сынъ,
Слава!
Не бѣляночку ищетъ, боярышню,
Слава!

Суженые посматривали на своихъ красавицъ, не смѣя говорить; но разгулье поющихъ вызывало новыя пѣсни:

Отрокъ съ отрочицею.

Я брошу подушечку черезъ ворота,
Слава!
Ты поди, моя подушечка, черезъ ворота,
Слава!
Что черезъ ворота во высокъ теремъ,
Слава!
Изъ высокаго терема на тесовую кровать,
Слава!
Да кому на той подушечкѣ спать, почивать,
Слава!
Спать отроку съ отрочицею,
Слава!
Еще молодцу съ дѣвицею.
Слава!

Подчиваніе.

Хозяинъ радовался, что его гости веселились и снова подносилъ по чаркѣ вина. Если онъ не догадывался, то пѣли:

Чарочка поплывушечка,
Слава!

До чего тебѣ доплывати?

Слава!

Князьямъ и боярамъ вино подносить.

Слава!

Подобнымъ образомъ поются, со словомъ слава, всѣ нижеслѣдующія пѣсни:

Исполненіе желанія.

Стоятъ санки снаряженыя
И полостью они подернуты.
Только сѣсть въ сани, да поѣхати.

Отъѣздъ.

Саночки, самокаточки!
И сами катятъ, сами ѣхать хотятъ.

По огороду хожу, полотенцы стелю,
Я еще похожу, я еще постелю.

Будущая прибыль.

Разтворю я квашонку на донышкѣ,
Я поставлю квашонку на столбушкѣ,
Я покрою квашонку чернымъ соболемъ,
Опояшу квашонку краснымъ золотомъ.
Ты выйди моя квашонка полнымъ полна,
Полнымъ полна, со краями ровна.

Богатство.

Щука шла изъ Новгорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣла озера.
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная,
А головка у щучки унизанная.

Замужъ изъза денегъ.

Я на корытѣ сижу, я корысти гляжу;
Я еще посижу и еще погляжу.

И я глядь поглядь, корысть на дворъ,
Корысть на дворъ, сто рублей на столъ.

Ахъ сѣй, мати, мучицу, пеки пироги! *Замужество съ дворянином.*
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Какъ нечаянные и невѣданные,
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи;
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

Вился, вился ярый хмѣль, *Замужество съ чиновникомъ.*
Около тычинки серебряныя!
Такъ вилися князья и бояре
Около дѣвицы, красной души.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги, *Свадьба.*
У богатого мужика двѣ радости:
И онъ сына-то женитъ,
Дочь за мужъ отдаетъ.

Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку въ печурку спать: *Дѣвушкамъ замужество, а холостымъ женидьба.*
Ты поди, моя кошурка! въ печурку спать.
У меня у кота есть скляница вина,
Есть скляница вина и конецъ пирога;
У меня у кота и постеля мягка.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою, *Замужество съ богатымъ.*
Живутъ мужики все богатые,
Гребутъ золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.

Иные разумѣютъ подъ сею пѣснью смерть пожилымъ, а не замужнимъ бракъ, но это не-

правильно: самое содержаніе выражаетъ богатство, а не смерть. Значеніе же золота и серебра употребляется въ гаданіи вмѣсто богатыхъ женіховъ.

Несчастіе.

Жемчужина окатная!
До чего тебѣ докатитися?
Пора тебѣ выкатитися,
Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Великое богатство и счастіе.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Шубенька на немъ худенькая;
Одна то пола во сто рублей,
А другая пола въ тысячу,
А всей шубеньки цѣны нѣту:
Цѣна то ей у Царя въ казнѣ,
У Царя въ казнѣ въ золотомъ дворцѣ.

Забавы и разставанія.

Подблюдныя пѣсни пѣли по произволу: иногда прежде дѣвичьихъ игръ и гаданій, а иногда послѣ потѣхъ, которыя состояли въ пляскахъ, разсказахъ, прибауткахъ, сказочкахъ и наряжаньи. Не было правила для веселья: все зависѣло отъ расположенія духа гостей; но хозяинъ, чтобы болѣе развеселить ихъ, вводилъ въ комнату наряженыхъ шутовъ. Скоморохи выдумывали забавные наряды, чтобы поразсмѣшить. Узкіе брюки, трехугольная бумажная шляпа съ гусинымъ перомъ, длиннополый съ широкими фалдами до пядей фракъ, долгій носъ, сухощавое лице, ноги тонкія и высокія, и брюхо одавшееся

во внутрь тѣла, были изображеніемъ Нѣмцевъ. *Мой, твоя,* ходили съ низкими поклонами и ѣли траву. Другіе шуты представляли въ смѣшномъ видѣ и боярскую спѣсь, не въ бровь а прямо въ глазъ. Въ числѣ наряженыхъ находились часто самые суженые, которые принимали на себя разнообразные виды. Слѣпые лазари, одѣтые въ оборванное платье и съ кіемъ въ рукѣ, были суженые; они подходили къ дѣвушкамъ просить милостыню, стараясь разсмотрѣть ихъ поближе; съ намѣреніемъ вступали съ ними въ сердечный разговоръ; жаловались на тягостную судьбу, бездомную жизнь. Лазарь, бѣдный Лазарь, чего ты ищешъ? спрашивала суженая. Судьбы своей, отвѣчалъ онъ. Сердце дѣвушки сильно билось, когда она узнавала знакомый голосъ; гости старались открыть его, но приличіе не допускало. Суженому дозволялось тѣшить гостей, а невѣстамъ отгадывать. Иногда, неожиданно вбѣгала въ комнату толпа переряженыхъ мущинъ и женщинъ: лица ихъ окрашивались кирпичемъ и вохрою, а иногда вымазывались сажею; на головѣ торчалъ предлинный бумажный колпакъ, разрисованный произвольными изображеніями. Толпа начинала плясать и скакать. Къ ней принадлежали и не приглашенные гости.

Судя по разнообразію переряживаній, нельзя утвердительно сказать, какіе изъ нихъ были употребительнѣйшія. Говорятъ, что бука, коза, медвѣдь, яга-баба, плясуны и дорожные люди, употреблялись всего чаще. Бука наряжался всѣхъ забавнѣе: лице его было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обвернуты лохмотьями, руки изъ соломы, ноги толстыя и кривыя, тѣло обвивалось чѣмъ нибудь косматымъ, съ привѣшенными бубенчиками; во рту онъ держалъ раскаленныя уголья, и изъ онаго выпускалъ онъ дымъ. Коза шла за букою, одѣтая въ вывороченный тулупъ, и кричала: *бя*; за нею, неповоротливый въ лаптяхъ медвѣдь, съ палкою, и ревѣлъ: его велъ Литвинъ въ своемъ народномъ платьѣ; по его требованію, медвѣдь плясалъ и дѣлалъ разныя кривлянья. Яга-баба ѣхала въ ступѣ, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой слѣдъ и правила костылемъ. Зубы имѣла она черные и открытые, лице старое, морщиноватое; дѣлала загадки и сама отгадывала. «Загадаю я загадку, красная дѣвушка, отгадаешъ, сбудется.—Двое идутъ и двое несутъ, а самъ треть поетъ. — Или: два кольца водитъ одинъ отецъ; кому на руку, тому всему конецъ. —Не отгадала красная дѣвица! Вѣнчаніе, красавица-душа, вѣнчаніе!»—Загадаю еще загадку. «Подъ лѣ-

сомъ, лѣсомъ, пестрыя колесы висятъ; дѣвицъ украшиваютъ, молодцовъ дразнятъ.—Не отгадала? — «серьги». Еще загадаю загадку:

Бѣжитъ, летитъ,
На весь свѣтъ кричитъ:
Раздайтесь, разступитесь,
Меня спросите. (Сватовство).

Дарья съ Марьей видятся, да не сходятся. (Потолокъ съ поломъ).

Стоитъ баба на грядкахъ, вся въ заплаткахъ; кто пейдетъ, всякъ заплачетъ. (Лукъ).

Двѣ матрены, пять Филилѣевъ, да десять Андреевъ. (Дровни). (*)

Красной кочетокъ, по нашесткѣ бѣжитъ. (Огонь).

Быкъ желѣзной, хвостъ кудельной. (Огонь).

Стоитъ попъ низокъ, на немъ семьдесять ризокъ. (Рѣпа).

Стоитъ мостъ на семь верстъ, на мосту яблоня, на яблонѣ цвѣтъ, во весь свѣтъ. (Пасха).

Летитъ орелъ, несетъ во рту огонь, и позади его смерть идетъ. (Ружье).

Безъ окошекъ, безъ дверей, полна церковь людей. (Огурецъ).

Шерстка съ шерсткой сходится, по вечерошнему хочется. (Сонъ).

(*) Матрена въ простонародіи означаетъ полозъ, Филилей вязки, Андрей копыли. Отъ чего произошли эти названія, мнѣ неизвѣстно.

Гни меня, ломи меня: у меня на макушкѣ есть махнушка, въ махнушкѣ закрылось, то краснымъ дѣвушкамъ полюбилось. (Орѣхи).

Стоитъ рогатка, на рогаткѣ мохнатка, въ мохнаткѣ сладко. (Орѣхи).

Кто таковъ, какъ Иванъ Ермоковъ: сѣлъ на колъ, да поѣхалъ въ огонь. (Горшокъ).

Быкъ реветъ, хвостъ до небу деретъ. (Колодезь).

Сутулинькой, горбатинькой все поле пробѣжалъ. (Серпъ).

Сивый конь, чрезъ ворота смотритъ. (Луна).

Выгляну въ окошко, стоитъ рѣпы лукошко. (Звѣзды).

И у насъ и у васъ, поросенокъ увязъ. (Мохъ).

Четыре сестрицы, подъ одной фатой стоятъ. (Столъ).

Четыре сестрицы, въ одну лунку глядятъ. (Доспіе).

Загадаю загадку, закину за грядку, въ годъ пущу, въ другой выпущу. (Посѣвъ).

Выгляну въ окошко, стоитъ долгій Антошка. (Уголъ).

Черная корова, всѣхъ поборола. (Ночь).

Лѣзу, лѣзу, по желѣзу; лѣзу на мясную гору, сяду на деревянну бесѣдку. (Верховая ѣзда).

Стоитъ гора, въ горѣ нора, въ норѣ жукъ, а въ жукѣ море. (Чугунъ, стоящій въ печи съ водою).

Мать толста, дочь красна, а сынъ подъ облака ушелъ. (Печь, огонь и дымъ).

Старый баринъ, кусочками валитъ. (Овинъ).

Блоха быка родила. (Рѣдька).

Два борова грызутся, промежъ ихъ пѣна валится. (Жернова).

Рѣжу, рѣжу, крови нѣту; ѣду, ѣду, слѣду нѣту. (Корабль).

Утка крякнетъ, берега звякнутъ, собираются дѣтки къ одной маткѣ. (Церковь) (*).

Загадки примѣнялись къ мѣсту и обстоятельствамъ. Яга-баба, (**) высказывая двусмы-

---

(*) Это самая малая часть загадокъ, а ихъ очень много. Должно жалѣть, что онѣ доселѣ не собраны у насъ и не объяснены.

(**) Венгерскіе Славяне произносятъ Езги-баба.

Езги-баба,
Стара-баба,
Ту мамъ зубъ костяны,
Дай ми зань железны.

У нихъ сохранилась про нея легенда. Одинъ охотникъ, который давно желалъ найти дорогу къ аду, ходилъ, искалъ и долго блуждалъ напрасно. Перезябшій и голодный онъ пришелъ въ лѣсъ случайно, разложилъ около рѣки огонь, вынулъ изъ мѣшка кусокъ солонины, продѣлъ на деревянный вертель и пекъ такъ сильно, что потекло изъ него масло, которое капало на подставленный имъ кусокъ хлѣба. Вдругъ онъ слышитъ, въ сторонѣ отъ рѣки, кто-то скрежещетъ зубами, и кричитъ: ой, какъ мнѣ

сленно свои загадки, обращала ихъ преимущественно на семейные домы. Если она замѣчала въ нихъ какія-либо недостатки или пороки, то никого не щадила.—Яга-баба всегда ловко отдѣлывалась отъ вопросовъ. Молодые люди подступали къ ней и спрашивали: «яга-баба, костяная нога! отъ чего болитъ голова?» Отъ того, что болитъ сердце, отвѣчала она.—Ее дергали за косу, и смѣялись надъ нею.

Наряженые важничали, и корчили знатныхъ. Къ ихъ толпѣ приставали плясуны. — Сколько сладостныхъ чувствъ въ русской пляскѣ! Это разговоръ сердца съ сердцемъ, выраженіе мысли и желаній. Почтенные гости

холодно! Ой, какъ мнѣ холодно!—Онъ посмотрѣлъ на рѣку, и видитъ стоящую тамъ женщину. Эй! закричалъ онъ ей, поди сюда и согрѣйся. Она пришла и начала грѣться. Запахъ солонины возбудилъ въ ней пріятный апетитъ. Взявъ сучекъ дерева, она пошла къ ближнему озеру, вторкнула на сукъ жабу, возвратилась къ огню, и начала жарить ее, приговаривая:

Кому се печи печена,
Того буде жаба;
Кому се печи жаба,
Того буде печена.

Въ другихъ мѣстахъ утверждаютъ, что она говорила такъ:

Мнѣ се печи печена,
А тебѣ се жаба;
Ты хцешь итти до пекла;
Я сомъ Ензи-баба. —

Яга-баба разсказала ему потомъ про адъ, и указала дорогу, посовѣтовавъ, чтобы онъ прежде всего запасся мясомъ, пото-

усаживались на скамьяхъ, и о мотрѣли съ невыразимымъ удовольствіемъ на пляску, которая перерывалась на-время переряженными. Входили дорожные люди, изъ всѣхъ опаснѣйшіе для суженыхъ. Это были нарядные съ дѣломъ отъ матушекъ, чтобы высматривать и вывѣдывать разговоры суженыхъ. Они одѣвались по-просту: ходили съ палкою въ рукѣ, въ лаптяхъ и дорожномъ кафтанѣ. Лица имѣли подкрашенныя; иные изъ нихъ разыгрывали калекъ съ поддѣльными горбами, привязавъ къ спинѣ рѣшето или коробъ; иные были съ отвислыми животами, поддѣланными изъ подушекъ, и съ кривыми, уродливыми ногами. Дорожныхъ людей распрашивали про новости: гдѣ что слышно, и изъ-далека ли идутъ они? Угощали

му что змѣй, который сидитъ у входа, донесетъ его на себѣ до ада, а потомъ онъ будетъ ѣхать на лошади, и въ то время, когда змѣй раскроетъ свою пасть, бросалъ бы ему по куску мяса въ пасть, иначе сожретъ онъ его самого.—Охотникъ набралъ, сколько могъ, всякаго мяса, отыскалъ дорогу къ змѣю, сѣлъ на него и ѣздилъ на немъ по адской пропасти, бросая всякой разъ, въ раскрываемую пасть змѣя, по куску мяса. Охотникъ, осмотрѣвъ весь адъ, опять сѣлъ на змѣя и полетѣлъ изъ преисподней, но къ своему ужасу онъ увидѣлъ, что у него остается мяса немного. Онъ летѣлъ, и уже былъ недалеко отъ земли. Боясь чтобы не быть съѣдену отъ змѣя, онъ отрѣзалъ свою ногу и готовился бросить ея въ разинутую пасть змѣя, но послѣдній проглотилъ охотника со всѣмъ тѣломъ. — Kollar. Národn. Zpiew. Ч. I. c. 12.

ихъ и вновь спрашивали: куда теперь идутъ, и какъ Богъ привелъ ихъ сюда?—Дорожные отвѣчали: слыхали мы, матушка Ивановна, что сего дня вечеръ красныхъ дѣвушекъ у боярина Ильи Артамоновича, и мы незваные пришли погрѣться; да не прогнѣвается хозяинъ, говорили они, и кланялись послѣднему въ поясъ.— Безъ васъ веселье не веселье, отвѣчалъ хозяинъ. — Не нами оно начиналось, не нами кончится, дорожные отвѣчали ему съ поклономъ. Испоконь вѣка такъ ведется на Руси: гдѣ веселье, такъ дѣвичье потѣшенье. — Вѣстимо, добрые люди, отвѣчалъ имъ хозяинъ. Сажалъ ихъ на лавку, угощалъ виномъ. Между тѣмъ шли обиняком разговоры о суженыхъ.

Вино текло рѣкою. Хозяинъ для поддержанія важности своего дома, не переставалъ угощать званыхъ и незваныхъ, наряженыхъ и не наряженыхъ. Тѣ, которые ничего не пили, считались важными и *непитущими* (непьющими). Если же кто изъ почтенныхъ гостей, напившись, началъ засыпать, того принимались качать на рукахъ дворовые люди, и пѣли ему: *слава.*

При наступленіи разъѣзда гостей, сговаривались у кого попировать, и новые снаряжались поѣзды. Не всѣхъ приглашали одинаково ласково. Если пріѣзжали наряженые, то тщательно старались узнавать про нихъ; когда же не бы-

ло возможности успѣть въ этомъ, то принимались качать ихъ. Подхвачивая гостя на руки, раскачивали и бросали его вверхъ; потомъ опять раскачивали и бросали, при пѣніи славы, пока гость не скажется. Тогда принимались пить за его здоровье, если гость по сердцу; въ противномъ случаѣ, притворялись, что рады его пріѣзду. За здоровье боярыни, или красной дѣвушки пили изъ башмака, снявъ оный почтительно съ ноги. Это обыкновеніе перешло къ намъ изъ Польши. Считалось великою обидой, если женщина отказывалась отъ этой чести.

Нагулявшись и навеселившись, гости разъѣзжались чинно. Хозяинъ и хозяйка упрашивали ихъ посидѣть еще не множко; они отказывались; хозяинъ и хозяйка кланялись въ поясъ, но они на-отрѣзъ говорили: матушка, свѣтъ! не все пить, надо и спать. Чай пѣтухи пѣли, только черти веселятся въ полночъ. Мы же ни какіе нехристи, и ни какіе окаянные. — И знаемо, Анна Степановна, отвѣчалъ хозяинъ, перекрестя лобъ, и говоря: не при насъ будь сказано, нечистая сила давно гуляетъ въ полѣ! —

Прощанье продолжалось нѣсколько часовъ: гости присѣдали и вставали, отказывались пить на дорогу, и пили; цѣловались, обнимались, и вся-

кое объятіе скрѣплялось новою чаркою вина. Но уже нѣтъ возможности удерживать гостей: давно разсвѣло, и всѣ кричатъ: отпусти насъ хозяинъ!—Начиналось провожанье и наступало новое чмоканье: всѣ должны были перецѣловаться, разцѣловать хозяина, хозяйку и его дѣтей—что частыя звѣзды. — Двинулись санные поѣзды, а гости все кричали издали хозяину, стоявшему еще у воротъ: пожалуй, не забудь, батюшка, побесѣдовать на нашемъ вечерѣ.

У старикова понынѣ льются слезы, когда вспомнятъ про былое.

III Святочныя гаданія и переряживанія.

Подблюдное гаданье.

Святочные вечера провожались въ старые годы угощеніями, многообразными забавами и гаданіями, которыя назывались *дѣвичьимъ веселъемъ*. Гости, особенно суженыя, ожидали гаданій съ нетерпѣніемъ. Къ общему желанію выдвигался столъ, накрытый бѣлой скатертью, и ставился свахою посреди комнаты. Старые люди просили молодыхъ попытать свою судьбу. Сердце дѣвушекъ сильно билось, особенно въ то время, когда няня или кто-либо изъ гостей, ставили блюдо съ водою на столъ. Всѣ усаживались около стола, молодые поглядывали. Сва-

ха собирала перстни и кольца у красныхъ дѣвушекъ и клала ихъ на столъ; придвигались тогда поближе къ столу. Красавицы стояли у блюда, или поодаль, и пристально смотрѣли на дѣйствіе свахи, которая принимала на себя важный видъ. Она клала на столъ нѣсколько угольевъ, кусокъ ржанаго хлѣба, нѣсколько кусочковъ крупной соли. Въ иныхъ мѣстахъ клались, по числу загадывающихъ, угольки, соль и хлѣбъ. Сваха прошептывала надъ ними таинственныя слова, и потомъ приступивъ къ столу, говорила: «суженаго ряженаго, конемъ не объѣдешь» и просила прочихъ гостей также вопросить судьбу о будущности своей.—Гости напередъ задумавъ, отдавали ей свои вещи, которыя складывались вмѣстѣ.

И нынѣ почти также совершаются подблюдныя гаданія, только безъ свахъ, а однѣми дѣвушками, которыя, взявъ блюдо, кладутъ въ него сначала хлѣбъ и соль, потомъ вынутую изъ печи глину и уголь, напослѣдокъ каждая, положа въ блюдо какую нибудь изъ своихъ вещей, на прим., кольцо, перстень, или что нибудь другое, и замѣтя свою вещь, загадываютъ о судьбѣ, начиная обыкновенно пѣснію хлѣбу, съ припѣвомъ къ каждому стиху: слава.

Въ прежніе годы гаданія начинали свахи пѣснью хлѣбу и соли, за нею пѣли дѣвушки:

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ,
Слава!
Боярышнѣ нашей болѣ того,
Слава!
Кому мы спѣли, тому добро.

Послѣ этихъ словъ сваха опускала въ блюдо хлѣбъ, соль, угольки, перстни, кольца и другія вещи, и пѣла.

Кому выпется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, неминуется,
Слава!

Потомъ трясла блюдо и вынимала вещи. Если вынимали вдругъ два кольца, то пѣвали:

Какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
Первая то радость, сына женитъ,
Слава!
Другая радость, дочь замужъ отдаетъ,
Слава!
Кому спѣли, тому добро.
Слава!

Изъ самыхъ важныхъ святочныхъ вечеровъ, есть Васильевъ вечеръ. Для него дѣлались богатыя семейныя собранія; тутъ ничего не щадили для угощеній, и производили всѣ

возможные способы гаданій. Наши старые люди думали, что всѣ гаданія, произведенныя въ этотъ вечеръ, непремѣнно сбывались. Случалось, что сваха, или другая какая-либо женщина, вынимала съ памѣреніемъ вещи суженаго и суженой:

Разцвѣтали на небѣ двѣ радуги,
Слава!
У красной дѣвицы двѣ радости,
Слава!
Съ милымъ другомъ совѣтъ,
Слава!
И растворенъ подклѣтъ,
Слава!

Вынутыя такимъ образомъ вещи означали немнуемый бракъ. Сваха продолжала искать два колечка, и пѣла:

Пойду млада къ вереюшкѣ,
Слава!
Брякну, млада, во колечушко,
Слава!

Отыскавъ два кольца, она брякала ими въ блюдѣ и обращаясь къ гостямъ, пѣла:

Какъ колечко скажется,
Слава!
Такъ суженой откликнется,
Слава!

Вынувъ два кольца и показавъ ихъ присутствующимъ, она толковала: «чему быть, то-

му неминовать.» Если же случалось, что вынимала два дѣвичьихъ, то одно откладывала и искала суженаго.

Не одна сваха могла гадать, но и дѣвицы. Для этого избирали красавицу и ловкую; избранная подступала къ столу съ трепетомъ и, сѣвъ, пѣла:

За столомъ сижу,
Слава!
Я на чашу гляжу,
Слава!
Я патерпею вожу,
Слава!
Золото кольцо ищу,
Слава!

Если не находила кольца, или боялась взять не то, которое бы желала, то продолжала:

Я еще поснжу,
Слава!
Я еще повожу,
Слава!
И суженаго найду,
Слава!

Въ этотъ разъ она должна была показать, что вынула. Хорошо если вынула вещь по сердцу особы загадывающей. Матушки обращали тогда особое вниманіе на жениха.

Въ иныхъ мѣстахъ дѣвушки ставятъ на столъ красное деревянное блюдо, покрываютъ

его большимъ бѣлымъ платкомъ и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба, и нѣсколько угольевъ; потомъ каждая изъ дѣвицъ загадываетъ кольцемъ, перстнемъ, запонкою, серьгами, и проч. Перекрещиваютъ блюдо загаданной вещью, и кладутъ каждую отдѣльно подъ платокъ. Пропѣвъ пѣснь хлѣбу, ломаютъ его и уголь на кусочки, дѣлятъ между собою, и потомъ завертываютъ въ рукахъ рубашки, съ коими должны лечь спать, и что приснится, то должно случиться. Послѣ, достаютъ каждую вещь при пѣніи славы, и толкуютъ будущую жизнь по вынутому предмету. Если съ дѣвичьими вещами вынимаются и мужскія, то поютъ:

Пошли гусли вдоль по лавкѣ,
Слава!
Впередъ по скамейкѣ,
Слава!

Дѣвушка ходитъ между рядами суженыхъ и отбираетъ у нихъ вещи:

Мы дойдемъ до умника,
Слава!
До разумника Ивана Михайловича,
Слава!
Ты пожалуй намъ умникъ,
Слава!
Съ правой руки золотъ перстень,
Слава!
Съ буйной головы золотъ вѣнецъ,
Слава!

Когда пѣли для дѣвушки, или для мущины, тогда оставляли ихъ имена.

Пошли гусли вдоль по горницѣ,
Слава!
Ай вдоль да по скамѣечкѣ,
Слава!
Дошли гусли до столечника,
Слава!
Что до дубоваго,
Слава!
Ты возьми, возьми умница,
Слава!
Съ правой руки золотъ перстень,
Слава!
Съ своей ли головы золотъ вѣнецъ,
Слава!

Дѣвушка перемѣшиваетъ вещи и беретъ одну на удачу:

Кому вышется, скоро сбудется,
Слава!
Скоро сбудется, немишуется.
Слава!

Если изъ собранныхъ вещей доставался кому нибудь платокъ, то это означало дорогу съ суженымъ.

Или:

Золотая парча развивается,
Слава!
Кому въ дорогу сбираться,
Слава!
Столтъ сани спаряженые,
Слава!

И полостью подернуты,
Слава!
Только сѣсть, да поѣхати,
Слава!

Золото хоронить.

За подблюдными пѣснями слѣдовали игры, изъ коихъ самая старинная и понынѣ употребляемая между всѣми сословіями, съ небольшими мѣстными измѣненіями, это есть: «золото хоронить». Дѣвушки садятся въ кружокъ, положивъ руки на колѣна. Одна изъ нихъ, подходя къ сидящимъ въ кружкѣ, отдаетъ тайно которой нибудь свое кольцо, а другая должна отгадывать, кому оно отдано. Отдавшая кольцо поетъ:

И я золото хороню, хороню;,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки во терему, во терему;
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.
Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?

Въ это время дѣвушка ходитъ въ кругу, другія передаютъ незамѣтно кольцо, которое быстро обходитъ цѣлый кругъ или остается въ рукахъ хоронящей, иногда весьма долго, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сбить ищущую, обманывающуюся мнимою передачею кольца:

она часто ищетъ послѣдняго у той, у другой, третьей дѣвицы, и не находитъ. Когда кольцо ходитъ по рукамъ, тогда поютъ:

Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная,
Въ коей рукѣ былица.
Змѣиныя крылица?

Стоявшая въ кругу ищетъ золото по рукамъ дѣвушекъ, коихъ особая ловкость состоитъ, показавъ кольцо, успѣть вдругъ передать другимъ или скрыть его такъ, чтобы ищущая не знала, гдѣ искать. Если она отыщетъ, то схоронившая золото занимаетъ ея мѣсто, хотя бы не кончилась пѣснь. Въ противномъ случаѣ должно искать, и ходя въ кругу, пѣть:

И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Какъ бы знала, какъ бы вѣдала,
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи.
Шелкомъ перевиваючи.
Златомъ приплетаючи-
Охъ вы, дѣвушки!
Подруженьки (*);
Вы скажите, не утайте;

(*) Въ иныхъ мѣстахъ поютъ:
Ахъ, вы кумушки,
Вы голубушки.

Мое золото отдайте.
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Ей отвѣчаютъ:

Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная.

Если золото не отыскивалось, то снова:

Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень,
Да у боярина, да у молодаго,
На правой ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ. —
Дѣвушка гадала,
Да не отгадала;
Красная гадала,
Да не отгадала,
Его съѣла рыба!
Проглотила рыба
Еще соли солонку.
Наше золото пропало,
Да и порохомъ запало,
Да и мохомъ заросло.
Призаиндевѣло, призаплеснѣвѣло.
Вечеръ, вечеръ молоденька,
Съ дворяниномъ поиграла,
Съ руки перстень потеряла.
Молодайка, отгадайка!

*

Искавшая золото нашла и тѣмъ прекращается игра. Тогда занимаетъ мѣсто та, у коей было найдено, и продолжаютъ играть прежнимъ порядкомъ.

Всѣ сословія праздновали святочные вечера, и сколько они доставляли потѣхъ, столько приносили съ собою тягостей; потому что въ семейные домы появлялись неожиданно хожалые сваты, коихъ должны были угостить. Они приходили съ порученіями высмотрѣть невѣстъ, и пригласить на вечеръ семейнаго сосѣда: посидѣть, поговорить. Хожалый сватъ одѣвался въ праздничный кафтанъ, голову приглаживалъ квасомъ, а волосы расчесывалъ въ кружокъ; шапку надѣвалъ на бекрень, и взявъ палку, ходилъ по домамъ сзывать добрыхъ людей. Пирушки, разъѣзды и приглашенія были шумныя, и въ домъ званый ѣздили семействами въ огромныхъ саняхъ. Гостей встрѣчали въ избѣ; посадскіе и простые люди подчивали стариковъ и старухъ зеленымъ виномъ; молодые угощались орѣхами, пряниками и брагою. Пѣли и плясали. Появлялись наряженые и шуты; въ числѣ ихъ скрывались суженые. Они тѣшили гостей и вступали въ разговоръ съ тѣми, кого любили. Дѣвушки и молодцы пѣли хороводныя и игорныя пѣсни. Обыкновенно начинали подблюдной пѣснью и оканчивали

гаданіями. Подблюдныя пѣсни дѣвушекъ здѣсь были живѣе, потому что въ нихъ принимали участіе всѣ веселившіеся, старики и молодежь. Какія пѣлись пѣсни въ боярскомъ кругу, такія и между ними. Тоже самое было съ игорными пѣснями, загадками и гаданіями, съ той разницею, что въ высшемъ сословіи господствовало приличіе и вкусъ, а въ обыкновенномъ было болѣе простоты и радушія.

Мѣстное отправленіе святочныхъ вечеровъ.

Духъ веселости Русскаго проявляется на святкахъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ: въ радостномъ разговорѣ, радушномъ пріемѣ, красивой одеждѣ и въ избѣ, оглашаемой пѣснями. Еще до наступленія святокъ, въ мысляхъ каждаго сооружается цѣлый міръ предстоящихъ забавъ: тамъ наряды, тамъ дружескія пирушки, игры и молодецкія пѣсни. Тамъ,—да всего не перечесть!...Чувство дѣвушекъ занято еще болѣе. Каждая изъ нихъ думаетъ тогда проникнуть въ свою судьбу; узнаетъ напередъ своего суженаго, узнаетъ каковъ онъ будетъ, и будетъ-ли она счастлива съ нимъ,—другая даже увѣрена, что она будетъ счастлива!—Но вотъ приходятъ святки, и мечтанія красавицъ разыгрываются сильнѣе. Тутъ все: уборы, игры, гаданія, вечерушки и посидѣлки. Самые разговоры пожилыхъ людей идутъ тогда важно, начинаются съ-высока, толкуютъ уже не о томъ, о чемъ въ простые

вечера, потому что каждый, въ своей новой и щегольской одеждѣ, представляетъ изъ себя старосту, бурмистра, приказнаго, или другаго кого-либо повыше.

Съ Рождества до крещенскаго сочельника,— періодъ собственно святокъ; тогда все наслаждается удовольствіями, особенно дѣвушки и парни; все дѣлается живымъ, игривымъ. Нѣтъ уголка въ Россіи, который-бы не встрѣчалъ святокъ съ бьющимся отъ восторга сердцемъ и не разставался бы съ ними грустно. Также нигдѣ нѣтъ столько заманчивыхъ удовольствій, какъ въ нашей столицѣ, — но увы! онѣ не русскія. Даже многаго не достаетъ въ самой матушкѣ-Москвѣ. Напрасно она хвалится и кичится, что у нее духъ чисто-русскій: нѣтъ, въ ней смѣсь, чего хотите; — старины, чванства и подражанія. — Гдѣ же старая Русь? — Въ ея Кремлѣ, монастыряхъ, церквахъ, старинныхъ зданіяхъ, кривыхъ и темныхъ улицахъ, и раскиданныхъ домахъ, выстроенныхъ словно для дачь.—Въ уѣздахъ московской губерніи, можно еще отдохнуть русской жизнію. Тамъ святки, тамъ и свои забавы! Но чѣмъ далѣе отдвигаетесь отъ Москвы, тѣмъ болѣе видите, что она, какъ старушка, только ворчитъ про свое былое; разсказываетъ тысячу разъ одно и тоже, какъ она ходила въ цвѣт-

ныхъ и парчевыхъ одеждахъ, гуляла разряженная, пировала во всемъ разгарѣ чувствъ народныхъ, тѣшилась играми, пѣснями и праздничнымъ разгульемъ. Не то нынѣ!—Въ отдаленности отъ нея, сохранилось еще много своего неподдѣльнаго: тамъ забавы и праздники, гаданія и святки, совершаются безъ всякихъ причудъ, просто, по желанію каждаго. Встрѣчается видѣть, что обыкновенія старины измѣнились довольно; однако онѣ не измѣнили общаго духа веселостей.

Въ орловской губерніи, молодые люди собираются на святкахъ въ одинъ какой-либо домъ, и тамъ поютъ пѣсни; гадаютъ, играютъ, пляшутъ, наряжаются, кто чѣмъ вздумалъ: козою, собакою, медвѣдемъ, пѣтухомъ и т. п., и ходятъ пугать по домамъ. Главныя забавы составляютъ гаданія и катанье на саняхъ, при пѣніи пѣсень. Старики проводятъ время въ разговорахъ о быломъ. Боятся веселиться за полночь, думая, что черти разгуливаютъ по перекресткамъ и улицамъ. Даже по захожденіи солнца, страшатся ходить на гумно. Простой народъ, особенно малолѣтнія, боятся въ то время попа. Когда священникъ славитъ Христа на святкахъ, тогда старухи, указывая дѣтямъ на нихъ, гро-

зятъ, что ихъ отдадутъ попу, коль скоро не перестанутъ шумѣть или плакать.

Первые дни Р. Х., въ смоленской губерніи, считаются *неприкосновенными.* Первый день проводятъ дома или у родныхъ. Второй, называемый *молодіоны* (день младенцевъ), всѣ женщины, имѣющія дѣтей менѣе годичнаго возраста, носятъ ихъ въ церковь причащать, не смотря ни на какую погоду. Это обыкновеніе, самое старинное въ этомъ краѣ, соблюдается свято. Можетъ быть, оно совершается въ воспоминаніе избіенія младенцевъ, или избавленія нашего Спасителя отъ смерти, коему поручаютъ судьбу своихъ дѣтей. — Въ третій день начинаются посѣщенія и угощенія, а тамъ ужъ наступаютъ святые вечера, въ которые никто не работаетъ: хозяйка не шьетъ, не вяжетъ, не прядетъ и не сучитъ нитокъ; хозяинъ даже не вьетъ веревокъ; ни одинъ мущина не станетъ плесть лаптей, и еслибъ имѣлъ въ нихъ надобность, то скорѣе купитъ; замужняя женщина даже не заплетаетъ косы, но расчесавъ волоса, кладетъ пластомъ вокругъ головы, и потомъ завязываетъ платокъ или наметку. Зажиточные крестьяне вовсе не занимаются работой въ святочные вечера. Если бы кто замѣтилъ о семъ кому нибудьизъ нихъ, то получилъ бы въ отвѣтъ: «помилуй! я живу дворомъ, у меня есть

скотинка: къ чему-же мнѣ гнѣвить Бога!—Вонъ, Прокопычь, прошлогодними святками вилъ веревки: у него отелилась корова, а у теленка завитыя ноги. Сплячь лапти плелъ, ашъ, жеребенокъ родился сплетенной, будто лапоть».—Обратитесь ли съ вопросомъ къ хозяйкѣ, она тоже скажетъ: и ахъ, сударь, что вы это? Вѣдь я замужняя.—Вонъ, у Петровичевой окатился ягненокъ: ноги согнуты, какъ петли, а вѣдь за то, что чулки вязала о святкахъ.—Сосѣдка наша стала чинить рубахи, такъ и родила нынче ребенка съ заплатою на щекѣ; а другая сосѣдка нитки сучила,—что жъ? родила дѣвочку, а у дѣвочки нога ссучилась съ рукою.—А сколько мучилась бѣдняжка!»—

Вечеринки, занимая здѣсь важное дѣйствіе въ сословіи крестьянъ и однодворцевъ, раздѣляются на *безденежныя* и *со взносомъ денегъ*. На безденежныя собираются гости, по приглашенію хозяевъ, которые подчиваютъ ихъ орѣхами, клюквою съ медомъ, и макомъ съ медомъ, и нанимаютъ музыкантовъ для плясокъ. — Вечеринка со взносомъ денегъ, составляется молодыми людьми, изъ одной какой-либо деревни. Выбравъ по общему согласію горницу, (*) просятъ у хозяина по-

(*) Чистая комната, въ коей не живутъ сами хозяева, а только принимаютъ въ ней гостей.

зволеніе сдѣлать въ его домѣ вечеринку, и потомъ отправляютъ въ сосѣднія деревни *съ вѣдомомъ*, что въ такомъ-то домѣ будетъ вечеринка. Молодежь обоего пола, запасшись кормомъ для лошадей и мелкими деньгами для музыкантовъ, съѣзжается на зовъ, пируетъ до разсвѣта; при концѣ вечеринки, музыканты подходятъ къ каждому изъ пирующихъ съ тарелкою, куда кладутъ деньги. Веселье на этой вечеринкѣ сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходятъ ряженые на сцену: журавль, одѣтый въ шубу, съ длинной шеею изъ шубнаго рукава и деревяннымъ носомъ. Онъ важно расхаживаетъ между гуляющими, и поклевываетъ тѣхъ, которые мѣшаютъ его длинноногой походкѣ. Тутъ гуляетъ жидъ съ бородой и пейсами (локонами) изъ льну и съ коробкою подъ мышкой. Онъ навязываетъ свой товаръ, или правитъ старый долгъ: *а кились отдась гроси, паньицю?*—Тамъ цѣлая гурьба цыганъ и цыганокъ, которые мѣняютъ вещи, продаютъ, ворожатъ и пляшутъ, съ свойственными имъ ухватками, и часто весьма забавно. Здѣсь тащится Антонъ съ козою. Его появленіе есть вызовъ къ пляскѣ. Музыканты дернутъ смычками, и пойдетъ присядка, съ припѣвомъ:

Антонъ козу ведетъ,
Антонова коза нейдетъ;
А онъ ее подгоняетъ,
А она хвостикъ подымаетъ;
Онъ ее вожками,
Она его рожками.

Сначала коза пляшетъ, потомъ упрямится. Антонъ бьетъ ее веревкою, а она бодаетъ его рогами и дрыгаетъ ногами. Приводятъ еще медвѣдя, въ вывороченной черной шубѣ. Онъ представляетъ: какъ парни ходятъ къ дѣвкамъ, какъ дѣвки крадутъ на полѣ горохъ, какъ богатый баринъ величается на кутѣ. Иногда въ веселый кругъ является смерть, одѣтая въ саванъ; голова ея повязана наметкою, глаза и носъ красные изъ свеклы; огромные клыки изъ рѣдьки. Въ лѣвой рукѣ она держитъ свѣчу со свиткомъ бумаги, или чашу съ зажженой водкою, а въ правой деревянную косу.

Когда ряженые перебываютъ, всѣ напляшутся до упаду и музыканты устанутъ играть, тогда начинаютъ порываться домой; однако тутъ еще затѣваютъ игры, окончаніемъ коихъ бываетъ женитьба *бахоря*. Онъ обыкновенно выбирается изъ пожилыхъ, и избираетъ себѣ въ жены одну изъ пожилыхъ женщинъ. Тотъ и другая представляютъ изъ себя родителей

всей играющей молодежи. Жена бахоря свиваетъ изъ полотенца жгутъ и подаетъ мужу. Ставъ въ кружокъ, молодежь поетъ подъ музыку пѣснь:

Поѣхалъ бахорька по дрова, по дрова,
А его сѣкира тупа, тупа,
А его кобыла лѣнива, лѣнива.
Не стали дрова рубиться, рубиться.
Такъ задумавъ іонъ жениться, жениться,
Чтобъ за дѣтьками лѣниться, лѣниться (*).

Въ продолженіе пѣсни, подаютъ на-крестъ другъ другу руки, и потомъ кружатся. Во время этого дѣйствія, бахорь беретъ за руку котораго нибудь сына, а мать дочь, выводятъ ихъ на сцену и заставляютъ цѣловаться. Тогда они уже женатые, и садятся по-парно. Никто изъ постороннихъ не смѣетъ разлучить ихъ. Такимъ образомъ женятся всѣ. Если сынъ или дочь упрямятся, то бахорь хлещетъ ихъ жгутомъ. Послѣ женидьбы музыканты играютъ какую-нибудь плясовую, а бахорь съ маткою пляшутъ, какъ здѣсь говорятъ, *на долгій лень*, и потомъ цѣлуются, показывая чрезъ то добрый примѣръ своимъ дѣтямъ. За ними пляшетъ каждая пара отдѣльно, и также цѣлуется; потомъ всѣ пары пускаются въ пляску, на подобіе экоссеса. Эта игра, позволяя нѣкоторыя воль-

(*) Послѣднія слова каждой строки поются протяжно.

ности—свободно держать руку на плечѣ, и даже обнявъ, поцѣловать—скрываетъ въ своемъ началѣ ухищренія молодыхъ людей: здѣсь они перешептываются съ бахоремъ и предварительно назначаютъ себѣ пару; бахорь передаетъ тайну своей женѣ, и такимъ образомъ сводятся пары, любящія другъ друга.

При повсюдномъ употребленіи «золото хоронить,» встрѣчаются въ большей или меньшей степени измѣненія, на-прим., въ смоленской губерніи. Тутъ, часто послѣ танцевъ или другихъ забавъ, начинаютъ золото хоронить, и обыкновенно этотъ долгъ лежитъ на хозяйкѣ или на близкой къ ней. Усѣвшись въ кружокъ, кто-либо изъ молодыхъ принимаетъ на себя обязанность отыскивать золото.

Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему, въ терему;
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Думай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиное крылице?
Ужъ я радабы гадала,
И я рада бы отгадала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ увиваючи,

Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки, голубушки,
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте.
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые;
Четвертой жемчужный.—2.
Съ дворяниномъ проиграла,
Вечеръ перстень потеряла.
Палъ, палъ перстень
Въ калину малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень:
Да у дворянина,
Да у молодаго.
На правой на ручкѣ,
На мизинномъ пальцѣ.
Дѣвушки гадали, да не отгадали,
Красны гадали, да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чисто золото запало,
И снѣжкомъ занесло.
И занѣло.

Въ продолженіе пѣсни, дама или дѣвица ходитъ въ кругѣ и показываетъ, будто бы она каждому отдаетъ перстень, но между тѣмъ тайно оставляетъ у кого-либо. Послѣ этого отыскиваетъ перстень молодой человѣкъ, и когда онъ не найдетъ у той особы, у кого думалъ найти, то уже не смѣетъ искать у ней

другой разъ. Онъ повторяетъ искать до трехъ разъ, но если не найдетъ въ третій разъ, то дама, хоронившая золото, женитъ молодаго человѣка, а если отыскивала золото дѣвушка, то она выдаетъ ее за мужъ. При этомъ поютъ:

На улицѣ матушка, хороводъ дѣвокъ,
хороводъ дѣвокъ!
А я у тебя, матушка,
Не женатъ, холостъ!
Не женатъ, холостъ!
Жени меня матушка,
Жени государыня. 2.

Если поютъ про дѣвушку, то прибавляютъ:

А я у тебя, матушка,
Незамужняя,
Незамужняя!
Выдай меня, матушка, за мужъ,
Выдай государыня!

Хоронившая золото беретъ молодаго человѣка или дѣвицу за руку, и потихоньку спрашиваетъ: кого хотите выбрать? Потомъ, подводя ихъ къ играющимъ, говоритъ: мнѣ удалось женить, или выдать замужъ. Теперь отгадайте, кому онъ, или она нравится? Играющіе отгадываютъ по очереди, пока не дойдутъ до особы, на которую палъ выборъ отыскать золото, а прежде хоронившая садится на мѣсто отыскивающей. Такимъ образомъ повторяется игра, по желанію.

Если перстень отыщется за первымъ или вторымъ разомъ, то особа, у которой онъ нашелся, должна искать его; которая искала, должна хоронить его; а хоронившая садится на мѣсто той особы, у которой онъ нашелся.

Въ пензенской губерніи, первые два дня Р. Х. посвящены посѣщенію родныхъ, а съ третьяго дня начинаются наряживанія, игры и гаданія, и продолжаются до крещенскаго сочельника. Въ наряживаніи бываетъ произволъ: иногда являются генералы съ бумажными звѣздами и офицеры разныхъ полковъ. Толпы наряженыхъ отправляются на званые вечера, гдѣ встрѣчаются дѣвушки переодѣтыя въ татарокъ, турчанокъ, жидовокъ и т. п. Начальная игра состоитъ въ хороненіи золота, при чемъ поютъ:

Ужъ я золото,
Хороню, хороню,
Чисто серебро,
Хороню, хороню.
Я у батюшки,
Въ терему, въ терему;
Я у матушки,
Въ высокомъ въ высокомъ.
Ищи, гадай дѣвица,
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиное крылице?
Рада-бъ, сударь, гадати,

Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ пересыпаючи.
Ой вы дѣвушки,
Вы мои, вы мои!
Вы скажите, не утайте,
Вы пожалуста отдайте,
Мое золото пропало.
Меня мати хочетъ бить,
По три утра, по четыре,
По три прута золотыхъ,
Четвертый жемчужный.
Вечерокъ проиграла,
Съ руки перстень потеряла.
Палъ, палъ перстень,
Въ калину, малину,
Въ черну смородину.
Очутился перстень,
Да у дворянина,
Да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.

У кого найдется перстень по окончаніи пѣсни, тотъ долженъ искать его, а хоронить тотъ, кто угадывалъ прежде. Послѣ этого играютъ въ сосѣди, наборъ и фанты, при коихъ постоянно раздаются поцѣлуи. Играютъ еще съ большимъ удовольствіемъ въ «подушечку». Одна

изъ дѣвушекъ беретъ картузъ, и надѣвъ его на голову, поетъ вмѣстѣ со всѣми:

Подушечка, подушечка,
А, ты пуховая!
Я барышня, я барышня,
Очень молодая.
Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечеринка.
Кому дѣти, кому дѣти,
А мнѣ красны дѣвки.
Кого люблю, кого люблю,
Того поцѣлую;
Пуховою подушечкой,
Того подарую.

Тутъ дѣвушка надѣваетъ картузъ на кого захочетъ и цѣлуется. Если эта игра наскучитъ, то заводятъ другую. Дѣвушка беретъ палку и поетъ вмѣстѣ съ другими:

Да не то-то я катиться могу,
Да не то-то я молиться могу.
Я могу, могу по келейкѣ пройти,
Я могу, могу пивца, винца испить,
Изъ винаго ковша,
Изъ чарочки позолоченой;
До кого-то я младешенька дойду.
Я приставлю свой костыль, (*)
Я ко золоту, ко серебру,
Ко дѣвичьему ко терему.
А сама я поскачу, попляшу,

(*) Здѣсь она приставляетъ костыль, къ кому захочетъ.

Взвеселю своихъ милыхъ гостей.
Ужъ я батюшку съ матушкою,
Роднаго братца со невѣстушкою,
А сестрицу со подруженьками.—

Забавы оканчиваются по большей части игрою «мостить мостъ»; но веселости продолжаются до крещенскаго сочельника. Въ самый день Крещенія, простолюдины считаютъ за долгъ омыться отъ святочной нечистоты, въ прорубѣ, послѣ погруженія въ ономъ креста. Но въ губернскомъ городѣ это не удается имъ, потому что приставляютъ особую стражу. Ускользнувшіе отъ бдительности будочниковъ, бросаются въ прорубь, за что иногда получаютъ отъ нихъ палочныя воздаянія по спинѣ. Вообще, по совершеніи водоосвященія, святочники кидаются на-перерывъ въ воду, а изъ нее устремляются опрометью въ орловскую (питейный домъ), для согрѣванія тѣла.

Но еще болѣе представляютъ разнообразія святочныя забавы вологодской губерніи, гдѣ самыя святки называются *кудесами*. На другой, но болѣе на третій день праздника, собирается молодежь на вечера, или, какъ здѣсь выражаются, на посидѣлки. Каждый зажиточный, включая сюда все купеческое сословіе и чиновничество, поставляетъ себѣ за долгъ сдѣлать въ своемъ домѣ нѣсколько посидѣлокъ,—

особенно у кого побольше дочерей. Послѣднія приглашаютъ къ назначенному дню своихъ подругъ и знакомыхъ. Обыкновенное время съѣзда бываетъ шестой и седьмой часъ вечера, иногда ранѣе. — Угощеніе составляютъ: чай и конфекты. Кто побогаче, у того весь столъ установленъ конфектами, вареньями, орѣхами и яблоками. — Послѣ чаю, начинаютъ вмѣсто танцевъ пѣть пѣсни, которыя ни болѣе ни менѣе какъ музыка, потому и танцуютъ подъ пѣніе. — Мущина подходитъ къ дѣвушкѣ и беретъ ее, чтобы съ нимъ играть и пѣть (*). Въ концѣ всякой пѣсни, каждая дѣвица даритъ поцѣлуемъ своего мущину, потому всѣ святочныя пѣсни здѣшняго края, направлены къ этой цѣли! Должно думать, что въ холодныхъ странахъ, на-перекоръ природѣ, кипятъ страсти. —

Вечеръ открывается этой пѣснью, которую поютъ вдвоемъ:

Летѣлъ голубь,
Леталъ сизой,
Съ голубушкою;
Удалой молодецъ,

(*) Брать дѣвушку при играхъ и пѣсняхъ, означаетъ здѣсь играть и пѣть съ нею, потому встрѣчаемое выраженіе въ пѣсни: *бери дѣвушку*, принимается только въ этомъ смыслѣ.

Съ красной дѣвицею.

Еслибъ эта-то голубушка,
Со голубемъ жила;
Еслибъ эта красна дѣвица,
Со молодцемъ росла:
Я бы золотомъ усыпалъ,
Жемчугомъ унизалъ;
Я бы лѣтнею порою,
Во каретѣ бы возилъ;
Я бы зимнею порою,
Въ Петербургъ городъ свозилъ:
На ямскихъ лошадяхъ,
На Казанскихъ саняхъ;
Что на кучерѣ кафтанъ,
Само-лучшаго сукна,
На дѣвицѣ сарафанъ,
Хорошо очень убранъ.
Кладу голубя на ручку
Не тряхнется;
На другую переложу,
Не ворохнется;
Скажу: шишь, голубь мой!
Полетай сизой домой,
Полетай сизой домой,
Мы простимся съ тобой.

Эта пѣснь играется очень просто. Мущины берутъ дѣвушекъ и парами ходятъ по комнатѣ; только въ концѣ, когда поютъ:

Кладу голубя на ручку

каждая пара вальспруетъ въ одну сторону, а когда запоютъ:

На другую переложу,
Не ворохнется, и т. д.,

тогда вертятся въ другую сторону. Въ заключеніе каждая пара цѣлуется, или каждый мущина цѣлуетъ дѣвушку, съ которою онъ игралъ.

Ѣду, поѣду
Въ Новгородъ гуляти,
Ахъ калина, ахъ малина!
Въ Новгородъ гуляти,
Товаръ закупати,
Ахъ калина, ахъ малина!
Товары новые,
Купцы молодые,
Ахъ калина, ахъ малина!
Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку,
Ахъ калина, ахъ малина!
Прими жена фатку,
Прими коноватку, (*)
Ахъ калина, ахъ малина!
Прими же, не чванься,
Много не ломайся;
Ахъ калина, ахъ малина!
Люди вы, люди,
Вы на насъ взгляните.
Ахъ калина, ахъ малина!
Вы на насъ взгляните,
Съ женой разсудите.
Ахъ калина, ахъ малина!

(*) Коноватка — шелковый платокъ, вышитый золотомъ.

Женушка не любитъ
Душа ненавидитъ,
Ахъ калина, ахъ малина!
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Ахъ калина, ахъ малина!

Послѣ этого, снова начинаютъ ту же самую пѣснь; только въ срединѣ, вмѣсто:

Куплю женѣ фатку,
Куплю коноватку,

поютъ:

Куплю женѣ юбку,
Куплю парчевую.

Пѣснь эта играется слѣдующимъ образомъ: мущины ходятъ по комнатѣ, одни, безъ дѣвицъ, но когда запоютъ: «*прими жена фатку . . .*» тогда каждый изъ нихъ становится предъ избранною дѣвушкою на одно колѣно и даритъ ее фатою. — Она въ первые два раза отказывается отъ его подарка, и даже нехочетъ смотрѣть на него. Когда же повторяютъ въ третій разъ пѣснь, и запоютъ:

Куплю женѣ плетку,
Куплю шелковую.
Ахъ калина, ахъ малина!

Тогда она дѣлается ласковою, ходитъ уже не плечикомъ а личикомъ, и въ то время поютъ:

Женушка и любитъ,
Душа все цѣлуетъ.
Ахъ калина, ахъ малина!
Къ людямъ ходитъ плечикомъ;
Ко мнѣ ходитъ личикомъ.
Ахъ калина, ахъ малина!

Въ заключеніе же всѣ цѣлуются.

Черезъ рѣку, рѣку,
Лежала дощечка,
Доска дубовая,
Тоненька, гибкая;
По этой дощечкѣ,
Никто не прохаживалъ,
Ни кого не важивалъ.
Молодецъ тутъ перешелъ,
Красну дѣвку перевелъ,
Переведши цѣловалъ,
Тремя лептами даровалъ:
Перва лента алая,—
Дѣвушка-то бравая,
Другая зеленая,—
Дѣвушка хваленая;
Третья лента масака,—
Роста дѣвушка высока—
До самаго потолка.

Эту пѣсню поютъ и играютъ какъ первую.—
Въ заключеніе дѣлаютъ тоже самое (цѣлуется).

Я кругъ келейки хожу,
Кругъ я новенькія,
Кругъ сосновенькія,
Младу старицу бужу:
Ужъ ты, старица, встань!
Спасеная душа, встань!
Встань, къ заутрени звонятъ,
На расходъ говорятъ:
Люди сходятся,
Богу молятся.—
Отойди прочь, пономарь,
Отойди прочь, пустозвонъ,
Не могу я встать,
Головы поднять,
Голова моя болитъ,
Худо можется,
Да не здоровится.

Потомъ начинаютъ пѣть ту же самую пѣснь, съ нѣкоторыми перемѣнами,—а именно вмѣсто куплета—

Встань, къ заутрени звонятъ—

поютъ:

Къ тебѣ молодецъ идетъ,
Чаю, кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.
Ужъ какъ встать было мнѣ,
Походить было мнѣ,
Поломать костей,
Для милыхъ гостей.—

За этимъ садится на стулъ тотъ мущина, который ходилъ около ея кельи. — Тутъ подходитъ другая дѣвица, и ходитъ около кельи, прочія поютъ:

Я кругъ келейки хожу,
Кругъ я новенькія,
Кругъ сосновенькія,
Млада старца бужу,
Ужъ ты, старецъ встань! и пр.

Повторяется тоже самое, что пѣли въ первый разъ.

При пѣніи же во второй разъ, вмѣсто стиха —

Встань къ заутрени звонятъ,

поютъ:

Къ тебѣ дѣвица идетъ,
Штофъ рому несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться. —
Ужъ какъ встать было мнѣ и пр.

Какъ въ первый разъ. Съ этими словами онъ встаетъ, кружится и цѣлуетъ дѣвицу, которая садится на мѣсто прежняго мущины, и потомъ другой мущина начинаетъ ходить около кельи старицы. Такимъ образомъ продолжаютъ играть до тѣхъ поръ, пока не переберутъ всѣхъ по очереди, и пока игра не наскучитъ.

Эту пѣснь играютъ такъ: по срединѣ комнаты ставятъ стулъ, на которой садится

одна изъ дѣвушекъ. Кто нибудь изъ мущинъ зачинаетъ пѣснь; въ продолженіе пѣнія онъ ходитъ вокругъ стула. Со словами же:

Ужъ какъ встать было мнѣ,

дѣвушка встаетъ со стула, оборачивается нѣсколько разъ съ мущиною, который ходилъ около ея кельи, и заключаютъ пѣснь обоюднымъ поцѣлуемъ.

Какъ на горѣ калина, (2)
Подъ горою малина, (2)
Тутъ дѣвушка гуляла, (2)
Калинушку ломала, (2)
Во пучечки вязала, (2)
Въ молодчика бросала: (2)
Ты молодчикъ молодой, (2)
Возьми меня за себя! (2)
А я тебѣ угожу, (2)
Пару коней подарю; (2)
Еще болѣ угожу, (2)
Съ руки перстень подарю; (2)
Еще болѣ угожу, (2)
Поцѣлую, обойму. (2)

Когда начнутъ пѣть эту пѣснь, тогда дѣвицы, взявшись подъ руки, ходятъ по комнатѣ; когда же запоютъ:

Во пучечки вязала —

онѣ свертываютъ свои платки, а когда запоютъ:

Въ молодчика бросала —

бросаютъ платки въ того изъ молодцовъ, который болѣе имъ нравится. Заключеніе общее съ другими пѣснями.

Поютъ еще эту пѣснь и такъ:

Какъ на горѣ, душа—радость, калина, (2)
Подъ горою, душа—радость, малина, (2)
Тутъ дѣвушка, душа—радость гуляла. (2)

Бываетъ припѣвъ еще такой:

Ну что-жъ? кому дѣло? бросала,
Ну, кому какое дѣло? бросала.

Иногда и тотъ и другой припѣвъ поютъ вмѣстѣ, или поперемѣнно, на-пр. такъ:

Еще болѣ, душа – радость, – угожу. (2)
Ну чтожъ, . . . кому дѣло? подарю,
Ну, кому какое дѣло? угожу.—и пр.

Какъ во улицѣ во швецкой,
Въ слободѣ было нѣмецкой,
Молодой молодчикъ гуляетъ,
За собой онъ дѣвушку водитъ,
Дѣвушку, дѣвушку иноземку.
Дѣвушка рѣчь говорила,
Говорила не стыдилась:
Какъ поѣдешъ, другъ, жениться,
Приворачивай проститься,—
Привяжи коня ко кусту,
Что къ тому кусту калинѣ.
Каково кушать калину,—
Таково житье за старымъ.
Что у стараго у мужа,
Ни грозы нѣтъ и ни воли,

Отъ людей нѣтъ обороны,
Его люди мало знаютъ,
Господа не почитаютъ.—

Потомъ начинаютъ эту пѣсню снова, и оканчиваютъ уже:

Привяжи коня ко кусту,
Что къ тому кусту малинѣ.
Каково кушать малину,
Таково житье за ровней.
Что у ровнюшки у мужа,
И гроза есть и свобода,
Отъ людей есть оборона:
Его люди много знаютъ,
Господа всѣ почитаютъ.

Какъ по первой по порошѣ (2)
Шелъ мальчикъ хорошій, (2)
Не путемъ шелъ, не дорогой, (2)
Чужою тропою,
Онъ чужою шелъ тропою,
Чужимъ огородомъ.
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣгу,—
Онъ бросаетъ и кидаетъ
Дѣвушкѣ на колѣни.
Не шути бѣлой, кудрявой,
Мнѣ теперь не время.
У батюшки гости, гости,
У матушки гостьи,
У мила братца компанья,
У меня подружки.

Я съ тобою застоялась,
Подругъ растеряла;
Я подружекъ растеряла,
Тебя цѣловала.

Сначала ходятъ по комнатѣ одни мущины и поютъ. Когда дойдетъ дѣло до стиха:

Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣгу—

они свертываютъ свои платки, и при слѣдующемъ стихѣ бросаютъ къ дѣвицамъ на колѣна, кому которая нравится. Каждая изъ дѣвицъ становится противъ того изъ мущинъ, отъ котораго получила платокъ; потомъ всѣ рядомъ подходятъ къ нимъ и поютъ:

Не шути бѣлой, кудрявой,
Мнѣ теперь не время:
У батюшки гости, гости,
У матушки гостьи;
У мила братца компанья,
У меня подружки.
Я съ тобою застоялась,
Подругъ растеряла.

Потомъ, приближившись каждая къ своему мущинѣ, цѣлуетъ его.

Ужъ мнѣ надобно сходити до зелена луга;
Мнѣ тамъ надобно увидѣть сердечнаго друга.
Что вечеръ ко мнѣ младенкѣ прилеталъ голубчикъ;
Что садился голубчикъ на мой теремочикъ,
Со моего теремочка на красно крылечко,—
Онъ со краснаго крылечка на мое окошко,

Въ первомъ часѣ полуночи, меня милый будитъ:
Встань! красавица драгая, встань! ты пробудися.
Я пришелъ къ тебѣ, вопервыхъ: отворяй мнѣ двери;
Не отворишъ, радость, двери, хоть открой окошко.
Я изъ спальни выходила, двери отворила,
Новы двери отворила, друга пропустила,
За бѣлыя ручки брала, въ уста цѣловала;
За убраной столъ садила, чаемъ напоила;
Чаемъ, кофеемъ я поила, дружку говорила:
Какъ поѣдешъ, моя радость, въ дальную сторонку,
Тамъ, во дальной во сторонкѣ ты много не хвастай.
На что мальчикъ разсердился, съ дѣвушкой разбранился,
Онъ ударилъ ручкой во столикъ, полно мила вздорить.
Пошелъ стукъ, пошелъ брякъ по моей по спальнѣ.
Что про это про несчастье, всѣ люди узнали,
Всѣ дворовые узнали, маменькѣ сказали.
Присылаетъ ко мнѣ мать, вѣрную служанку.
«Сударыня, барышня! что съ вамм случилося?»
Сѣра кошечка скочила, зеркальцо разбила,
Шельма зеркальцо разбила, меня разбудила,
Меня младу разбудила, съ милымъ разлучила.

Эту и слѣдующую пѣснь играютъ одинаково: по одну сторону становятся мущины, а насупротивъ ихъ избранныя ими дѣвицы. Мущины, въ продолженіе всей пѣсни, переходятъ на то мѣсто, гдѣ стояли дѣвицы, — дѣвицы туда, гдѣ стояли мущины, и такимъ образомъ продолжаютъ переходить до конца пѣсни. Въ заключеніе цѣлуются.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мостика,
Трава росла;
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я въ три косы косила
Ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Что задумалъ, моя радость,
Другъ жениться.
Онъ не хочетъ со мной бѣдной,
Онъ не хочетъ со мной бѣдненькой проститься.
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ,
Другъ проститься;
Неравно, моя надежда,
Что случится:
Черезъ рѣченьку поѣдешъ,
Другъ утонешъ;
Черезъ быстру понесешся,
Захлебнешся:
Про меня красну дѣвицу,
Другъ помянешъ:
Какова-то я младенька;
Какова я молодешенька бывала;
По утру ранымъ раненько,
По утру ранымъ ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки
Надѣвала,
И на плечики салопчикъ накидала,
На головушку платочикъ
Навязала;

Встрѣтить друга дорогова
Поспѣшала.

Веселая голова,
Неходи мимо двора; (2)
Непрокладывай слѣда,
Дороженьки не тори:
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возметъ:
Ни бояринъ, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ.
Отцу матери безчестье,
Роду-племени укоръ,
Мнѣ нельзя притти домой,
Сказать маминькѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ, и вотъ такъ:
Скажу въ садикѣ была,
Во зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки щипала,
Все наливчатыя,
Милу дружку отсылала,
Во высокой во теремъ:
Милый яблочки не принялъ,
Ничего не говоритъ;
Не отказываетъ, не приказываетъ.
Ужъ я топнула ногой!
Ворочусь млада домой:
Дружку выговорю,
Въ глаза выпѣняю:
Ты послушай-ка, невѣрной,

Погадай, негодяй!
Я за что тебя люблю?
За что жаловать хочу?
Я за то тебя люблю,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ, —
Во полночь гулять готовъ.

Не спасибо игумну тому,
Не благодарствуй безсовѣстному.
Рано молодца
Въ чернички стригутъ,
Молодешенька посхимниваютъ.
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло, молебны служить;
Только мое дѣло,
Скакать, да плясать,
Игрища сбирать. —
Посашеньце подъ лавку брошу,
Черну мантію на столъ положу.
Подарю я, подарю,
Сестрицу свою
Любезненькую.

Эта пѣснь начинается тѣмъ, что одинъ изъ мущинъ, надѣвъ на голову платокъ, прохаживается вдоль комнаты и поетъ съ другими, — «Не спасибо игумну тому»... и когда дойдетъ до словъ: «Только мое дѣло скакать да плясать» — весело выплясываетъ, и въ концѣ пѣсни, цѣлуетъ избранную имъ дѣвицу. Послѣдняя встаетъ со стула и разыгрываетъ

туже самую пѣснь, съ той разницею, что дѣвица ходитъ скромнѣе и начинаетъ уже:

Не спасибо игуменьѣ той,

и оканчиваетъ:

Подарю я, подарю братца своего любезненькаго.

Въ заключеніе она цѣлуетъ избраннаго ею мущину. Эта пѣснь играется дотолѣ, пока не переберутъ всѣхъ.

Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая, парядочная!
Вотъ лёли, лёли, лёли,
Чернобровая парядочная!
Ужъ какъ пѣкому голубушки моей,
Приголубить, приласкать безъ меня!
Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна,
Одѣяличко запндевѣло.
Сголовьецо потонуло во слезахъ,
Подушечки раскидала во тоскахъ:
Все тебя, мой другъ, ожидаючи,
Свою участь проклинаючи.
Ахъ ты участь, участь горькая моя!
Пожалѣй хоть на минуточку меня.
Вдоль по улицѣ метелица метётъ,
За метелицей мой миленькій идётъ,
Во правой рукѣ гитарочку несётъ,
За собою ворона коня ведётъ,
За конемъ его любезная идётъ;
Кричитъ: молодецъ! постой, постой, постой,
Саша миленькій, гитарочку настрой,
Свою пѣсеньку любезную пропой:

*

Какъ у дѣвицы русые волоса,
И гребеночкой приколота коса,
Я за то ее цѣлую три раза.

У дѣвицы, у дѣвицы русый локонъ до плеча,
Онъ завитъ былъ со вкусомъ;
Но къ несчастію развился.
Тутъ молодчикъ подбѣжалъ,
Русый локонъ завивалъ,
Русый локонъ завивалъ,
За то три раза цѣловалъ.

Эти двѣ пѣсни играются, какъ:

Леталъ голубь,
Леталъ сизой, и т. д.

Дѣвушка голубка,
Алинькая юбка;
Дѣвушка баска, баска,
Поцѣлуй-ка три разка. —

Сколько бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ, красныхъ....и т. д. юбокъ, столько разъ поютъ эту крошечную пѣсенку, которая въ игрѣ очень забавная и веселая....

Около Дону, Дону, Дону,
Около тихаго Дону,
Ходятъ дѣвицы, гуляютъ,
Пару коней выбираютъ.
Пара коней, — вороные;
Узды, — узды тесмяныя.
Пряжки, — пряжки золотыя.
Вздогадайся, вздогадайся,

Красна дѣвица душа;
Принимайся, принимайся,
За добраго молодца:
Кой взлюбится,
Приголубится,
Поцѣлуется.

Пѣснь эту начинаютъ снова, и вмѣсто:

Ходятъ дѣвицы гуляютъ —

поютъ:

Ходятъ молодцы, гуляютъ;

вмѣсто:

Вздогадайся, вздогадайся
Красна дѣвица душа и т. д.

поютъ:

Вздогадайся, вздогадайся
Удалый молодецъ;
Принимайся, принимайся
За душу красну дѣвицу:
Коя взлюбится,
Приголубится,
Поцѣлуется.

Мущина избираетъ для себя дѣвушку, которая нравится ему, и становится съ нею посрединѣ комнаты; тоже самое дѣлаютъ всѣ играющіе. Потомъ начинается пѣснь, которая поется словно танецъ. Въ продолженіи пѣнія каждая пара мѣняется мѣстами, сходится и расходится. Потомъ двѣ пары берутся за руки, кружатся, и сдѣлавъ какую нибудь фигуру,

даютъ мѣсто другимъ. Въ заключеніе каждая дѣвица даритъ своего мущину поцѣлуемъ.

Не летай соловей,
Не летай молодой,
При долинѣ!
Ты не вей гнѣзда,
При осинѣ!
Ты совей гнѣздо,
При теремѣ!
Что въ которомъ теремочкѣ,
Сидѣла дѣвочка.
Дѣвушка шила коверъ,
Вышивала;
Шивучи красна дѣвица,
Рѣчь говорила:
Кому этотъ коверъ
Достанется?
Доставался коверъ
Старому мужу,
Стару мужу негодяю,
Негодяю!
Я могу этотъ коверъ
Приубавить!
Со всѣхъ со сторонъ,
Со четырехъ;
Я по шитому узору,
Золотому.

Послѣ этого начинается пѣснь снова, только вмѣсто:

Старому мужу негодяю,

поется:

Младому мужу негодяю,

и оканчивается также, какъ и въ первый разъ. — Когда же въ третій разъ коверъ достается *ровнъ мужу;* тогда слово негодяй выпускается, и вмѣсто прежняго окончанія, поютъ:

Я могу этотъ коверъ,
Принаставить!
Со всѣхъ сторонъ,
Со четырехъ;
Я по шитому узору,
Золотому. —

Эта пѣснь играется также, какъ и первая.

У меня ручки бѣлыя,
У него ноги грязныя. —
Я пойду млада въ торгъ торговати,
Я куплю млада сѣръ камешекъ:
Я за камешекъ три денежки дамъ,
За цѣпочку два грошичка.
Я возьму камень на руки,
Наложу стару на воротъ,
И спущу его на море;
А сама взойду на гору,
Посмотрю млада на воду:
Каково старой плаваетъ?
Глубоко ль воду мѣряетъ?
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ сѣда борода.
Какъ взмолится мнѣ старый мужъ:
Ужъ ты, душка, женушка моя!

Переймн ты, меня старика!
Ужъ я радъ на тебя работать,
По три утра не ѣвши молоть,
По четыре не завтракавши,
По три вечера постелю стлать,
Во четвертый на мѣсто звать.

Достойна замѣчанія любимая поселянками пѣснь:

Походите вы дѣвушки,
Погуляйте голубушки,
Во своей волѣ у батюшки,
И во нѣгѣ у матушки!
Неровно за мужъ выйдется,
Неровенъ чёртъ наверпется,
Либо старое удушливое,
Либо малое капризливое,
Либо младое недружливое.
У меня млады, старой мужъ,
Онъ вечоръ поздно изъ гостей пришелъ;
Онъ велитъ разувать, раздѣвать, распоясывать,
Частыя пуговки разстегивать.
Не того поля ягода брана,
Не того отца дочь отдана.

Послѣ того, какъ она сказала своимъ подругамъ, что мужья часто бываютъ не по сердцу, или удушливые старики, или и молодые, но гордые и недружелюбные, она представляетъ въ доказательство собственную свою жизнь. Эта пѣснь замѣчательна еще потому,

что въ ней изображено обращеніе съ женами нашихъ предковъ, которые буквально понимали слова: «жена да боится своего мужа»; поэтому, заставляли женъ весьма часто исправлять должность служанки.

Любимыя еще пѣсни, употребляемыя на посидѣлкахъ и вечерахъ святочныхъ, извѣстны подъ именемъ «заенько». Такъ онѣ названы потому, что ими начинается: заенько сѣрпинькой. Играются же слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ мущинъ беретъ дѣвушку, и бѣгая съ нею по комнатѣ, поетъ первую пѣснь—потомъ цѣлуется при концѣ. За тѣмъ поютъ вторую, но уже дѣвушка, по окончаніи этой пѣсни, беретъ другаго изъ мущинъ, который ей нравится, и вмѣстѣ поютъ третью пѣснь. По окончаніи ея, тотъ мущина, который дѣйствовалъ въ первой пѣсни, приглашаетъ иную дѣвушку, которая, когда запоютъ слѣдующую пѣснь, выбираетъ для себя другаго мущину; этотъ приглашаетъ снова другую дѣвушку; она избираетъ опять новаго мущину. Такой переборъ продолжается до тѣхъ поръ, пока никого не останется на мѣстахъ, и всѣ уже на сценѣ. Тогда становятся всѣ въ одинъ кругъ и поютъ:

Какъ на нашей на сторонкѣ, и пр.

Наборныхъ пѣсенъ великое множество; но вотъ болѣе употребительныя:

1.

Заенько
Сѣренькой.
Ушки долгонькія,
Ножки коротенькія. —
Зайко въ сторону скочилъ,
Много солоду купилъ,
Онъ въ другую скочилъ,
Тутъ рѣка глубока,
Рѣка тиновата,
Рѣка рябиновата,
Что рябинушка часта,
Цѣлуй молодца въ уста.

2.

Ужъ я улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла.
Клубокъ катится, —
Нитка тянется; —
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ;
Нитка долѣ, долѣ, долѣ.
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась.

3.

Самъ толку, самъ мелю,
Самъ по воду хожу,
Самъ щи, кашу варю;
Кашеварничаю, пивоварничаю, —

Сажу барыню—жену,
На перину пухову.—
Сиди моя жена,
Всегда весела,
Всегда радостна.
Ужъ ты шей, вышивай
Широкіе рукава,
Широкіе и долгіе:
Въ три полотнища.
Чтобы было во что класть,
Небылыя словеса;
Небылыя, несталыя,
Неотчетливыя. —
Ты душа красна-дѣвица,
Поди выйдь за меня.

4.

Ахъ тиги, тиги, тиги,
Гуси, лебеди мои!
Со ржавчинки. —
Со болотянки; —
Со Дуная со рѣки
Со ключевыя воды.
Наѣзжали гостеньки:
Это нашъ, это нашъ,
Это нашъ гостепекъ,
Этотъ къ намъ въ гости идетъ.

5.

Я усаживала, угораживала
Отъ лютаго звѣря
Отъ волчища . . . .
Вотъ ушелъ, вотъ ушелъ

Вотъ и негдѣ взять!
Не Маланьинъ зять.

6.

Что первой день понедѣльничекъ,
Что второй-то день во вторничекъ,
Сива, сива середа, середа,
Полевой нашъ четвертокъ, четвертокъ,
Веселая наша пятница,
Что въ суботу во коверъ, во коверъ,
Въ воскресенье выводить, выводить,
Въ понедѣльникъ цѣловать, цѣловать.

7.

Сковородникъ на печи,
Ты не много хлопочи,
Десяточка два блинковъ испеки.
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Двое сойдутся,
Пріобоймутся,
Поцалуются.

8.

Дѣвушка сердце!
Вари ушку съ перцемъ.
Вари, вари поскорѣе,
Вари посмѣлѣе.
Кланяйся пониже,
Говори потише:
Мнѣ повеселѣе. —

9.

Дѣвушка голубка,
Алепькая юбка,
Дѣвушка баска, баска,
Поцѣлуй-ка три разка. —

10.

Сдѣлалось чудо
во Фрязиновѣ;
Съѣли корову
Зимою пауты (большая муха).

11.

Заенько по сѣничкамъ гуляй, гуляй, гуляй,
Сѣренькой по новенькимъ погуливай—гуляй.
Некуда заинькѣ выскочити,
Всѣ ворота призатворены стоятъ,
У всѣхъ у воротъ по три сторожа стоятъ,
У всѣхъ у воротъ по три дѣвицы сидятъ:
Первая въ камкѣ, другая въ тафтѣ, —
Третья въ золотѣ.
Не хочу въ камкѣ,
Не хочу въ тафтѣ,
Хочу въ ситчикѣ,
Въ полосатенькомъ.
Люблю дѣвушку,
Тороватенькую;
Я которую люблю,
Ту и поцалую.—

12.

У попа за дворомъ,
Пироги съ творогомъ.
Еслибъ было съ кѣмъ,
Разломилъ бы да съѣлъ.
Милому середка,
Постылому конецъ.
Что за то ему конецъ,
Что удалой молодецъ. —

Много есть другихъ подобныхъ пѣсенъ, но большею частію поютъ эти.

Теперь становятся въ кругъ, и переходя съ мѣста на мѣсто, поютъ:

Какъ на нашей на сторонкѣ (2)
Хороша угода, (2)
Что хорошая угода, (2)
Хорошъ хмель родился, (2)
Что хорошъ хмель родился, (2)
Кругъ колышка вился, (2)
Вился, вился, извился, (2)
Въ вѣнцы золотые. (2)
Золотые вѣнцы вьются, (2)
Серебряны листья, (2)
Что серебряные листья, (2)
Жемчужныя шишки. (2)
Нащиплю я млада хмелю, (2)
Хмелю зеленова, (2)
Наварю я млада пива, (2)
Пивушка пьянова, (2)
Созову я млада въ гости, гостя, (2)
Гостя дорогова, (2)
Гостя, гостя дорогаго (2)
Батюшку роднаго. (2)
Мой батюшка пьетъ, пьетъ пиво, (2)
До пьяна не напьется, (2)
Онъ до пьяна не напьется, (2)
Домой соберется. (2)
Мой батюшка сбирался, (2)
Меня оставляетъ; (2)
Меня младу оставляетъ. (2)

На чужой сторонкѣ. (2)
На чужой дальней сторонкѣ, (2)
Горе горевати; (2)
Горе, горе горевати, (2)
Тоску тосковати.
А я млада не умѣю, а я млада не горазда
Горе горевати, тоски тосковати.

Когда наскучитъ играть и пѣть, тогда выдумываютъ игры, — напр.: хоронить золото, фанты, наборъ и многія другія.

Когда собираются гадать, тогда ставятъ закрытый бѣлымъ полотномъ столъ; на него кладутъ кусокъ ржанаго хлѣба, уголья, соль и золу. Все это завязываютъ дѣвушки въ платки, и кладутъ въ сухое блюдо. Прочіе гости также даютъ отъ себя свои вещи: ихъ складываютъ въ одно мѣсто; потомъ всѣ становятся вокругъ блюда и поютъ *слава!* При пѣніи поднимаютъ руки вверхъ, и по окончаніи каждаго стиха, притопываютъ ногою. Потомъ сажаютъ одного изъ гостей на высокомъ мѣстѣ, и когда пропоютъ пѣснь, снимаютъ его съ мѣста и качаютъ на рукахъ. Послѣ всѣ немедленно бросаются къ блюду, разбираютъ вещи на угадъ, и по нимъ выводятъ свои замѣчанія. Досталось ли мущинѣ кольцо дѣвушки, а ей кольцо или перстень мущины, то непремѣнно выйти ей замужъ. —

Играющіе должны завязать глаза свои, и взявшись за руки, ходить вокругъ стола.

Въ новогородской губерніи святки называются въ простонародіи кудесами. Въ это время ѣздятъ окрутники, которые въ тихвинскомъ уѣздѣ, той же губерніи, именуются кудесниками, куликами и щеголями (наряженные). Они ѣздятъ по городамъ и деревнямъ искать *свѣчи*, поставленной въ чьемъ нибудь домѣ. Свѣча означаетъ, что здѣсь посидѣлки, и сюда всякъ можетъ прибыть безъ приглашенія. Дѣвушки заранѣе ожидаютъ своихъ гостей, потому дѣлаютъ особое освѣщеніе въ избѣ и приготовляютъ угощеніе. Тутъ поютъ разнообразныя пѣсни, танцуютъ подъ музыку, и въ заключеніе веселья, гадаютъ о своей судьбѣ.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ псковской губерніи, святочные вечера носятъ названіе «субботокъ». Ими распоряжается извѣстная безпорочною жизнію вдова. Она вывѣшиваетъ по срединѣ комнаты цвѣтной бумажный фонарь, украшенный сборными отъ дѣвушекъ лентами. Внутри его теплятся восковыя свѣчи, которыя приносятъ къ ней дѣвушки съ своими значками. Чья свѣча горитъ ясно и плавно, той будетъ жизнь тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркнетъ, или не ясно, той будетъ жизнь безпокойная и печальная; чья догоритъ

той умрётъ прежде; чья догоритъ послѣ всѣхъ, той жить долго.

Ввечеру собираются дѣвушки въ нарядныхъ одеждахъ; всѣ усаживаются полукругомъ на скамейкахъ, и поютъ святочныя пѣсни. Гостей встрѣчаютъ величальнымъ пѣніемъ, за что каждый гость даритъ ихъ деньгами. На эти посидѣлки допускаются мущины, женщины и молодцы. Послѣдніе имѣютъ случай высмотрѣть себѣ невѣстъ. Вечеръ проводятъ въ пѣніи и гаданіи. Бываютъ потѣшные гости, наряженые, которые забавляютъ собравшихся. Угощенія происходятъ со стороны жениховъ; невѣсты и женскій полъ, соблюдаютъ строгое благоправіе. Мущины прежде не имѣли права участвовать въ суботкахъ, но время измѣнило обрядъ. По наступленіи глубокой ночи, всѣ расходятся по домамъ; остаются только для гаданій дѣвушки: онѣ загадываютъ что нибудь на сонъ, по коему толкуютъ о будущемъ счастіи и несчастіи. Ворожатъ на угольяхъ и бобахъ: по нимъ объясняютъ будущее.

Суботки продолжаются нѣсколько дней сряду.—Собранныя деньги за величанье отдаютъ вдовѣ за ея труды.

Не всѣ гаданія дѣвушекъ произвольныя: нѣкоторыя изъ этихъ гаданій ведутся изстари, *Смотрѣть въ зеркало.*

по преданіямъ, а другія приноровлены къ случаямъ. Дѣвушка наперед желаетъ видѣть своего суженаго. Для этого она смотритъ въ зеркало, въ полночь. Ужасъ обнимаетъ ее: она одна должна сидѣть въ пустой, замкнутой комнатѣ. Прежде всего она приноситъ съ собою два прибора, зеркало и двѣ свѣчи; столъ застилаетъ скатертью, и становитъ одинъ приборъ для себя, а другой для суженаго, который долженъ притти къ ней на ужинъ. Иныя дѣвушки ставятъ два зеркала: одно большое, а другое меньшее, противу большаго, и всѣ сидятъ за однимъ столомъ, въ глубокомъ молчаніи, говоря тихо про себя: *покажись мнѣ въ зеркалѣ, мой милой; покажись!*—Когда зеркало начинаетъ тускнуть отъ теплоты, тогда думаютъ, что суженые не явятся болѣе.—Если гадаетъ одна дѣвушка, то она, разставивъ на столѣ въ должномъ порядкѣ принесенныя ею вещи, садится противу зеркала, смотритъ въ него, не сворачивая ни въ какую сторону глазъ, и говоритъ: суженой, ряженой, прійди ко мнѣ ужинать. За нѣсколько минутъ до его прихода, зеркало начинаетъ тускнуть; она протираетъ его, нарочно для этого случая приготовленнымъ полотенцемъ; она робѣетъ и пугается: кто-то идетъ и смотритъ въ зеркало чрезъ ея плечо. Она разсматриваетъ при-

стально, не смѣя оглянуться; дрожитъ и кричитъ: чуръ сего мѣста! Если бы случилось, что самое чураньe не поможетъ, то надобно взять съ собою пѣтуха и давнуть его хорошенько: онъ запоетъ, и привидѣніе, или нечистый духъ, принявшій на себя видъ суженаго, изчезаетъ мгновенно. Дѣвицѣ остается одно только,—воспоминаніе. Хорошо, если оно сходно съ ея мечтою! Это былъ онъ, — и сколько тутъ пріятныхъ грезъ. — Онъ бѣлокурой, или почти черноволосъ; румяной, или похожъ на румянаго; руки, губы, глаза, ну, глаза совершенно голубые. Знаешъ ли моя милая, онъ тотъ самый, котораго я часто вижу. Дѣвицы чаще всего видятъ въ зеркалѣ тѣхъ, кого любятъ; воображеніе ихъ всегда устремлено на любимый предметъ, и потому не мудрено, что онъ постоянно вертится въ ихъ головѣ. Есть нетерпѣливыя дѣвушки, которыя желаютъ видѣть своего суженаго въ лицо, поговорить съ нимъ; но это страшно, потому что все должно происходить ночью. Онѣ, если увидятъ своихъ суженыхъ, то не чураются. Примѣта: когда является суженый въ комнатѣ, тогда раздается около оконъ свистъ вѣтра и хлопанье ставень; потомъ суженый стучится въ дверь и входитъ незамѣтно. Явившійся женихъ не долго глядится

въ зеркало: онъ садится подлѣ своей невѣсты за столъ, снимаетъ съ своей руки перстень, или кольцо, и даритъ ей; тогда она чураетъ: чуръ этого кольца! На другой день дѣвушка хвалится своимъ подругамъ, что она разговаривала съ суженымъ, который являлся ей привидѣніемъ, и вотъ отъ него даже кольцо! Хитрыя дѣвушки понимаютъ дѣло иначе, но онѣ не перестаютъ увѣрять горничныхъ, а горничныя распускаютъ молву.

Другія дѣвицы выходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ, въ лунную свѣтлую ночь; становятся такъ, чтобы мѣсяцъ былъ за плечьми, смотрятъ въ зеркало, говоря: суженой ряженой! покажися мнѣ въ зеркалѣ. Онъ такъ же приходитъ сюда, какъ и въ комнату.

Другія выходятъ на перекрестокъ, наводятъ зеркало на мѣсяцъ и говорятъ: суженой, ряженой, покажись мнѣ въ зеркалѣ. — Суженой непремѣнно показывается въ зеркалѣ, и тогда дѣвица ищи его.

О происхожденіи зеркала суевѣры разсказываютъ слѣдующее. — Одинъ монахъ, спасаясь въ пустынѣ, усомнился въ истинныхъ словахъ Св. Писанія: просите и дастся. Желая удостовѣриться, все ли можно получить, чего попросишь, онъ пошелъ къ одному царю про-

спть руки его дочери. Удивленный царь объявилъ объ этомъ своей дочери, которая отвѣчала: это дѣло чрезвычайное, но надобно, чтобы монахъ напередъ сдѣлалъ для меня также что нибудь чрезвычайное: доставилъ бы мнѣ такую вещь, въ которой бы я могла видѣть самую себя. Монахъ пошелъ искать такой вещи. — Скитаясь долго по лѣсамъ, онъ зашелъ въ одну пустынь, гдѣ услыхалъ тяжелый стонъ, а потомъ печальный голосъ: почтенный монахъ! я сижу въ этомъ рукомойникѣ, давнымъ давно; сюда заключилъ меня такой же монахъ, какъ ты. Избавь меня! я могу тебѣ служить всѣмъ, чего ни пожелаешь. Монахъ былъ радъ этому случаю. Онъ предложилъ доставить ему желанную вещь, которую ищетъ столько времени напрасно. Дьяволъ согласился; монахъ снялъ съ рукомойника крестъ, и нечистаго выпустилъ оттуда. Спустя нѣсколько времени, дьяволъ принесъ ему зеркало. Монахъ удивился. Онъ отнесъ его къ царю, но отъ брака отказался. Возвратясь въ свою пустынь, онъ молился о своемъ согрѣшеніи, каялся въ томъ, что усомнился въ истинѣ словъ Св. Писанія.— Какъ эта вещь доставлена монаху нечистой силою, то раскольники никогда не глядятся въ зеркало, и не держатъ его въ своихъ домахъ: по ихъ мнѣнію, въ ны-

нѣшнія зеркала смотрятся дьяволы въ глубокую полночь.

Гаданіе въ зеркало перешло къ Грекамъ съ Востока; отъ нихъ оно распространилось по Европѣ, и усвоилось у насъ съ прочими игорными обыкновеніями.

Евреи, Греки и Римляне употребляли стальныя зеркала. Греческій художникъ Пракситель, за 70 лѣтъ до Р. Х., ввелъ серебряныя. Венеціяне первые начали дѣлать зеркальныя стекла около 1380 г. Отъ нихъ онѣ распространились по Европѣ. Большія стѣнныя введены во Франціи Тавортомъ.

Спрашиваніе чужаго имени.

Выходятъ за ворота, въ сумерки, съ первымъ кускомъ хлѣба во рту, или просто безъ куска хлѣба, и спрашиваютъ у проходящаго объ его имени, думая, что тѣмъ именемъ будетъ называться ихъ мужъ. На улицѣ спрашиваютъ имя встрѣчнаго, только до трехъ разъ.—Какъ васъ зовутъ? Если кто отвѣтитъ: Александръ,—то это будущій ея. Равномѣрно, мущины спрашиваютъ встрѣчныхъ дѣвушекъ: какъ васъ зовутъ? — Олинька, — это Олинька будущая его.

Въ иныхъ мѣстахъ вывѣшиваютъ ключи за окошко, и если они пошевелятся, то дѣвушка спрашиваетъ имя, которое должно быть будущаго ея мужа. Если пошевелятся отъ вѣт-

ра, то думаютъ, что это шалитъ нечистый духъ.

Слушаніе подъ чужимъ окномъ и на перекресткѣ.

Загадавъ напередъ про свою судьбу, идутъ подслушивать подъ окнами разговоръ, и какое было первое слово, по нему объясняютъ его значеніе и свою судьбу. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пензенской губерніи, ходятъ слушать подъ окно съ первымъ огаркомъ лучины. О чемъ говорили въ домѣ, то сбудется съ слушающимъ, на прим.: говорили о свадьбѣ, то значитъ быть замужемъ въ тотъ годъ, а если была рѣчь о покойникахъ, то это значитъ смерть и т. п. Если примѣтятъ подслушивающую подъ окномъ, то говорятъ ей: «гробъ да могила, да ободранная кобыла»; такія слова предрекаютъ вѣрное несчастіе. Въ другихъ мѣстахъ, мущины и женщины ходятъ слушать на перекрестокъ, кто какъ ѣдетъ. Если тянутся сани по дорогѣ, на подобіе обозовъ, и слышится: но, но,—то это означаетъ, что слѣдующій годъ будетъ урожайный; если же представляется скачка, то неурожайный.

Слушанье подъ своимъ окномъ.

Когда всѣ лягутъ спать, тогда садится одна дѣвушка подъ окно, и говоритъ: «суженой, ряженой! поѣзжай мимо окна», и со страхомъ ожидаетъ проѣзда. Услышитъ ли ѣдущаго? Она замѣчаетъ, какъ онъ ѣдетъ: скоро ли, съ шумомъ, свистомъ или съ крикомъ, или медленно

и тихо. Когда проѣхалъ скоро, тогда означаетъ скораго жениха; съ шумомъ, богатаго; со свистомъ, веселаго; съ крикомъ, безпокойнаго или пьяницу; медленно, бѣдную жизнь, а тихо, покойную и счастливую. Каждое движеніе проѣзжаго имѣетъ свое значеніе и толкуется дѣвушками.

Бѣлое полотенце предъ окномъ.

Ночью вывѣшиваютъ бѣлое полотенце предъ окномъ, говоря: суженой, ряженой! прійди и утрися. Если вывѣшенное полотенце скоро засырѣетъ, то означаетъ, что того же года быть дѣвицѣ замужемъ; если не намокнетъ оно къ утру, то долго ей ждать жениха; если снимется сухимъ, то не быть ей никогда замужемъ.

Смотрѣніе въ окно, во время ужина.

Смотрѣть въ окно, во время ужина, есть древнее обыкновеніе. Нетолько на святкахъ, но и въ обыкновенные дни ходятъ смотрѣть и подслушиваютъ, о чемъ разговариваютъ. Когда сидятъ за столомъ тихо, тогда заключаютъ, что родня будетъ хорошая. Если разговариваютъ громко и смѣются, то это обѣщаетъ будущее счастливое семейство. Когда видны головы ужинающихъ, то это значитъ, что будущіе родные долго проживутъ; если не было видно головъ, то они скоро перемрутъ. Богатый ужинъ предвѣщаетъ богатую жизнь; бѣдный, убожество. Смотрѣніе подъ конецъ ужина, близкая смерть для суженой. Если мущина солитъ хлѣбъ, то

суженый будетъ хлѣбосолъ, — когдажъ пьетъ воду, — пьяница.

Церковное пѣніе.

Ходятъ ночью къ церковнымъ дверямъ и слушаютъ. Если представится, что поютъ печальное, или погребальное, умереть въ томъ году дѣвицѣ; а когда пѣніе благодарственное и хвалебное, радостную жизнь. Причудится ли, что поютъ брачное пѣніе, — непремѣнно замужъ, и въ скоромъ еще времени.

Выдернутое дерево изъ полѣницы.

Въ глубокую темную ночь выдергиваютъ изъ полѣницы дерево. Когда оно гладкое, тогда мужъ будетъ тихій и добрый; суковатое, сердитый; расколотое, дурной и волокита. Эти значенія не вездѣ принимаются одинаково. У иныхъ, суковатое и расчелистое, означаетъ богатство; ровное и гладкое, бѣдность.

Въ другихъ мѣстахъ идутъ къ полѣницѣ дровъ, пятясь спиною, и вывернувъ полѣно, несутъ домой, разсматриваютъ и объясняютъ его значеніе. Сколько окажется на немъ сучковъ, столько будетъ дѣтей; полѣно безъ сучьевъ, означаетъ одиночество.

Полоть снѣгъ.

Въ свѣтлую ночь собираются нѣсколько дѣвицъ, — полоть снѣгъ. Надобно, чтобъ было тихо, и все спало. Онѣ потихоньку выходятъ за ворота, обращаются въ ту сторону, съ которой дуетъ вѣтеръ, и бросаютъ противу него снѣгъ. Если паденіе было скорое и громкое,

то быть за мужемъ молодымъ; если упало глухо и криво, то быть за глухимъ, или за старикомъ. Иныя полютъ снѣгъ, замѣчая лай собакъ: если она лаяла толстымъ голосомъ, то быть замужемъ за старымъ, залаяла тонкимъ, за молодымъ. Недовольствуясь этимъ, берутъ скатерть, высыпаютъ на нее снѣгъ, въ чемъ помогаютъ имъ старушки или горничныя; скатерть раскачиваютъ по воздуху, приговаривая: «полю, полю, бѣлъ снѣгъ, среди поля. Залай, залай собаченка, познай суженаго». Дѣвушки прислушиваются, гдѣ и какимъ голосомъ лаютъ собаки. Храпливый лай,—суженый старикъ; скавучитъ ли,—больной; крѣпкій лай,—молодой.—Выносятъ еще на снѣгъ воду, и льютъ подъ столбомъ, говоря: «полю снѣгъ, и умоюсь бѣлымъ». Берутъ горсть снѣга, и имъ натираютъ свое лице. Потомъ каждая, взявъ горсть снѣга, несетъ въ комнату, и тамъ гадаетъ по его цвѣту о суженомъ. Если снѣгъ не издаетъ ни какого цвѣта и скоро растаиваетъ, то будетъ мужъ тихій; если снѣгъ бѣлый и издаетъ искры при огнѣ, то обѣщаетъ счастливое супружество. Наконецъ умываются водою изъ подблюдныхъ пѣсней. Эту же самую воду льютъ также при поленіи снѣга.—Иныя, вышедъ на перекрестокъ дороги, кладутъ снѣгъ въ подолъ, и стряхнувъ, говорятъ: «взлай, взлай

собака, на моей сторонѣ». Съ которой стороны раздастся лай собаки, съ той появится женихъ. Другія выходятъ на дворъ, и говорятъ: «залай, залай собаченка; залай сѣренькій волчокъ». Въ которой сторонѣ будетъ услышанъ лай, въ ту сторону она будетъ отдана замужъ. Если залаетъ близко отъ дому, то значитъ быть замужемъ недалеко; если тихо и едва слышно, то быть замужемъ въ дальней сторонѣ.—Выходятъ еще дѣвушки на перекрестокъ, и насыпавъ снѣга въ полу, приговариваютъ:

Полю, полю бѣленькій снѣжокъ,
Гдѣ собачка вякнетъ, тамъ мой женишокъ.

Гаданіе курицами и пѣтухами.

Берутъ ночью курицъ съ насѣсти, приносятъ въ комнату и даютъ имъ клевать пшеницу, ячмень или просо. Если онѣ клюютъ шибко, и въ одну сторону,—то быть скоро замужемъ; если клюютъ не скоро и безпрестанно поворачиваются,—то суженые ихъ обманываютъ; если курицы мѣшаютъ клевать другъ другу, и начинаютъ драться,—то суженые будутъ за нихъ ссориться и драться. Иныя гадаютъ одними пѣтухами, наблюдая тѣже примѣты, за исключеніемъ того, что если они поютъ при клеваніи, то это означаетъ скорое исполненіе желаній.—Другія, снявъ курицъ съ насѣсти, приносятъ ихъ закрытыми въ комнату, гдѣ заранѣе приготовлены вещи въ трехъ разныхъ

сосудахъ: вода въ одной чашкѣ, хлѣбъ зерновой въ другой, кольца въ третьей. Каждая дѣвушка гадаетъ своею курицею: чья прежде начнетъ клевать зерно, вѣрный знакъ, что у нее будетъ бѣдный мужъ; чья начнетъ пить воду, будетъ пьяница; если схватитъ золотое кольцо,—богатый мужъ; серебряное,—посредственнаго состоянія, а мѣдное,—бѣдный мужъ. Когда запоетъ курица,—немпнуемая смерть кому либо изъ родныхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ костромской губерніи, нетолько дѣвицы, но и холостые ходятъ въ курятники, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣсти. Если она закричитъ громко, то по голосу судятъ о нравѣ суженой. — Другія судятъ о суженыхъ по цвѣту курицы. Рыжая,—значитъ коварный мужъ, черная,—вспыльчивый, каштановая,—обманчивый, и пр.

Чтобы узнать нравъ жениха, приносятъ куръ съ насѣсти. Если внесенная курица, бывъ брошена на полъ, сядетъ спокойно, то суженый ея будетъ кроткій; если же она будетъ кукудахтать и начнетъ пить воду, нарочно на этотъ случай поставленную, то мужъ будетъ сердитый и пьяница.

Дѣлаютъ еще иначе: бѣгутъ дѣвушки въ курятникъ, и каждая изъ нихъ ловитъ по курицѣ. Которой попадется пестрая,—той будетъ

мужъ рябой, которой черная,—чернобровый.— Потомъ наливаютъ воды въ корыто, и каждая дѣвушка выпускаетъ изъ рукъ курицу. Если она напившись, станетъ кукудахтать, то суженый будетъ пьяница и озорникъ; а если не пьетъ и сидитъ смирно, то суженый не будетъ пить и будетъ смирный.

Въ Бѣлоруссіи берутъ соннаго чернаго пѣтуха, завертываютъ ему голову подъ крыло, крутятъ при свѣчахъ до обморока, и потомъ кладутъ его на полъ. Вокругъ пѣтуха, каждая дѣвушка насыпаетъ по кучкѣ зерноваго хлѣба, который обставляется свѣчами. Когда пѣтухъ прійдетъ въ себя, тогда онъ встаетъ и ходитъ около кучекъ, ничего не видя, (*) и потомъ, по внутреннему влеченію къ зернамъ, начинаетъ клевать первую попавшуюся ему кучку. Чьи онъ клевалъ зерна, той выйти замужъ. Такой обычай въ употребленіи по нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи.

Курица и пѣтухъ.

Связавъ хвосты курицы и пѣтуха, сажаютъ ихъ подъ рѣшето, и кто кого потащетъ за собою впередъ, по этому судятъ о будущемъ. Если курица потащетъ впередъ, то будетъ первенствовать въ домѣ жена, въ противномъ случаѣ, мужъ. Въ Малороссіи и Сибири, выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣту-

(*) Птицы не могутъ смотрѣть хорошо при огнѣ.

хомъ, и замѣчаютъ, какъ они расхаживаютъ. Когда пѣтухъ щиплетъ курицу, тогда будетъ сердитый мужъ; если курица не дастъ себя щипать или бить, то жена возметъ верхъ надъ мужемъ.

Бросаніе башмаковъ.

Дѣвушки бросаютъ ночью башмаки черезъ ворота, и замѣчаютъ паданіе. Если башмакъ упадетъ въ противуположную сторону воротамъ, то въ той сторонѣ быть ей замужемъ, когда къ воротамъ, тогда ей не выйти замужъ въ тотъ годъ. — Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Бѣлоруссіи, предъ новымъ годомъ, дѣвушки, снявъ съ ноги по одному башмаку, кладутъ въ корыто. Одна изъ подругъ, или горничная стряхиваетъ ихъ вмѣстѣ, и подойдя къ порогу, встряхиваетъ вновь, пока одинъ изъ башмаковъ не упадетъ черезъ порогъ. Если онъ упалъ носкомъ, то дѣвушкѣ скоро выйти замужъ; если на оборотъ, то не быть замужемъ.

Банныя примѣты.

Нѣсколько дѣвицъ идутъ ночью въ баню, и потихоньку отворяютъ двери; потомъ оборачиваются къ нимъ спиною, и наклонившись заднею голой стороной, говорятъ: *бань, бань, куньимъ хвостомъ, по голой сторонѣ.* Въ простонародіи говорятъ: *шени меня, шени меня, куньимъ хвостомъ по голой части.* Когда почувствуютъ прикосновеніе чего либо мохната-

го, тогда означаетъ богатую жизнь; прикосновеніе холоднаго, бѣдную жизнь.

Хрюканье.

Нарочно ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиньи, и слушаютъ, какъ онѣ сопятъ и хрюкаютъ, и по нимъ дѣлаютъ опредѣленіе о будущей своей жизни.

Лошадь.

Выводятъ ночью изъ конюшни бѣлую лошадь, за неимѣніемъ же бѣлой, другую какую либо, и завязываютъ ей глаза. Одна изъ дѣвушекъ садится на лошадь, даетъ ей волю итти, куда она хочетъ. Въ которую сторону она пойдетъ, съ той стороны пріѣдетъ суженый; но лошадь всегда идетъ въ конюшню. Бѣлая лошадь избирается потому, что на ней видны слѣды дьявола, если онъ успѣлъ поѣздить на ней.

Самое древнее славянское гаданіе лошадью состоитъ еще въ томъ, что ее переводятъ чрезъ оглоблю или шестъ. Если она зацѣпится ногами, то будетъ мужъ злой и жизнь несчастливая; если перейдетъ не зацѣпивъ, будетъ мужъ тихій, добрый и житье счастливое. Это доселѣ въ употребленіи въ Малороссіи, и сѣверовосточной части Россіи, Польши, Литвы, и Бѣлоруссіи. На островѣ Рюгелѣ жрецы переводили черезъ шестъ, съ замѣчаніями, бѣлаго коня, на коемъ ѣздилъ богъ Святовидъ. Въ Штетинѣ переводили воронаго коня черезъ копье. Если онъ не

касался конья ногами, то успѣхъ въ предпріятіи; а если дотрогивался, то неудача, или несчастіе.

Приметы: у мельницы, гумна и амбара.

Нѣсколько дѣвицъ идутъ къ мельницѣ, гумну или амбару, чтобы дѣлать свои замѣчанія. На мельницѣ онѣ слышутъ таинственное пересыпаніе хлѣба и стукъ отъ жерновъ; на гумнѣ, — удары цѣповъ, говоръ людей, укладку сноповъ и пр., и по нимъ узнаютъ, кому какая жизнь: богатая или бѣдная. Если пересыпаніе и умолотъ хлѣба большой, то богатый женихъ; если стукъ крѣпкій и укладка сноповъ рѣдкая, то бѣдная жизнь. Когда люди разговариваютъ болѣе, нежели работаютъ, тогда на обѣщаніе надѣяться не надобно, а выходить за перваго замужъ. Если при слушаніи подъ амбаромъ причудится, что пересыпаютъ хлѣбъ, означаетъ долгую жизнь; когда слышится набиваніе мѣшковъ, тогда дорога; когда выносятъ мѣшки, тогда предстоитъ перемѣна въ жизни.

Снопы.

Старые люди ставятъ, всѣхъ родовъ, снопы, на гумныхъ столбахъ или токахъ, чтобы узнать: какъ великъ будетъ урожай. На какой снопъ упадетъ болѣе инея, такого родится въ избыткѣ хлѣба.

Хлѣбные суспки (заспки).

Нѣсколько дѣвушекъ бросаются опрометью въ амбаръ. Кто попадетъ въ засѣку съ хлѣбомъ, та будетъ и богатая и счастливая.

Тихо выходятъ ночью изъ комнаты, чтобы дверь не скрыпнула, и аукаютъ: въ которой сторонѣ отзовется *ау*, въ той сторонѣ выдадутъ дѣвицу замужъ. Раздавшееся *ау* скоро, означаетъ, что скоро совершится; протяжно или медленно, встрѣтится препятствіе. Когда на *ау*, ничего не отзовется, тогда ничего не исполнится. *Аукание.*

Въ хорошее зимнее время, когда снѣгъ мягокъ, или только что выпалъ, дѣвушки ложатся на снѣгъ такъ, чтобы никто не видѣлъ, и поутру выходятъ рано, чтобы смотрѣть: какая вышла фигура: ровная, или неровная? Въ первомъ случаѣ, мужъ будетъ смирный и умный, а во второмъ недобрый и спорливый. Ходятъ еще ночью по ровному снѣгу, и по слѣдамъ ногъ, судятъ о будущемъ мужѣ. Если слѣдъ не заметется къ утру, или останется не затоптаннымъ, то будетъ раздолье и изобиліе въ домѣ и много дѣтей. Если слѣдъ поврежденъ, или кто другой перешелъ его, то недобрый знакъ: вся жизнь пройдетъ въ несогласіи съ мужемъ. *Снѣжные знаки.*

Ставятъ къ ночи на столъ три шапки, при чемъ загадываютъ имя суженаго. Если шапка окажется чрезъ ночь снятою, или не на своемъ мѣстѣ, то это означаетъ, что суженый приходилъ за нею, и дѣвушка выйдетъ *Примѣты шапочныя.*

замужъ въ скоромъ времени, а имя мужа будетъ то, которое она загадала. Не тронутая шапка значитъ,—долго сидѣть въ дѣвушкахъ.

Примпты по ложкамъ.

Послѣ ужина берутъ большое блюдо, раскладываютъ въ немъ кружкомъ столовыя ложки, съ отмѣтками, и потомъ ставятъ въ скрытномъ мѣстѣ на ночь. По утру смотрятъ, какъ онѣ лежатъ: перевернутая ложка,—означаетъ смерть; набокъ поворотившаяся,—болѣзнь; въ обыкновенномъ положеніи,—долгую жизнь. По этому самому способу, гадаютъ въ семействѣ: кому долго жить, а кому скоро умереть. Сколько слезъ, если перевернулась ложка! Я знаю, что когда одной дѣвушкѣ пришлось увидѣть перевернувшеюся свою ложку, тогда она задумалась крѣпко. Подруги шутили надъ нею, но задумчивость овладѣла ею до такой степени, что она впала въ чахотку и изтаяла какъ воскъ.—Такъ сильно дѣйствуетъ воображеніе!

Примпты по хлѣбнымъ фигурамъ.

Дѣвушки особенно любятъ гадать фигурами. Предъ новымъ годомъ, послѣ ужина, каждая дѣвушка лѣпитъ изъ оставшагося своего куска хлѣба, изображеніе или фигуру, какую хочетъ, и собравъ куски вмѣстѣ, раскладываютъ ихъ рядомъ, за порогомъ комнаты. Потомъ кличутъ какую нибудь собаку, и допускаютъ ее къ фигурамъ. Чью прежде она схватитъ,—той выйти замужъ. Случается, что собака, об-

нюхавъ фигуры, ни до чьей не дотрогивается и идетъ прочь. Тогда дурная примѣта: всѣмъ оставаться въ дѣвушкахъ.—И горе той собакѣ! Ее гонятъ со двора.

Печеные хлѣбцы.

Нѣкоторыя дѣвушки пекутъ небольшіе хлѣбцы изъ пшеничной муки, которые должны быть довольно поджаренными. Онѣ сами вынимаютъ ихъ изъ печи и прячутъ ихъ у себя. По наступленіи вечера, сходятся въ одну комнату, и тамъ кладутъ хлѣбцы на порогѣ, въ одинъ рядъ. Потомъ зовутъ собаку, и чей хлѣбецъ она схватитъ прежде, той прежде выйти замужъ. Чей же она обнюхаетъ, у той будетъ много жениховъ, но всѣ разборчивые. Въ другихъ мѣстахъ, дѣвушки и парни выходятъ изъ дому съ хлѣбомъ. Если гдѣ залаетъ собака, такъ дѣвушкѣ сыщется женихъ, а парню невѣста.

Сученая нитка.

Пускаютъ сученыя нитки въ воду и по извиванію ихъ гадаютъ о доброй и злой судьбѣ. Свернувшіяся въ кружокъ нитки,—печальная примѣта: кручина въ замужней жизни; плавающія въ водѣ свободно,—спокойствіе и довольство; опустившіяся прямо на дно,—смерть; выплывнувшія на верхъ,—свадьба близкая; плавающія по-верхъ воды, въ разныхъ направленіяхъ,—сидѣть въ дѣвушкахъ; перевившіяся между собою,—заплетать косу подъ вѣнецъ;

образующія изъ себя круги,—вѣрный знакъ обрученія; скомкавшіяся и слипнувшіяся,—измѣна и злословіе на невѣсту.

Примѣта по скрипу дерева и столба.

Выбираютъ старый дубъ или столбъ, становятся вокругъ его, и слушаютъ, какъ онъ скрыпитъ. По скрыпу и шатанію толкуютъ, какого званія будущій мужъ. Скрыпитъ ли наподобіе пишущаго пера,—мужъ будетъ гражданскій, или какой нибудь ремесленникъ; засвиститъ, — музыкантъ. — Всѣ дѣйствія дерева имѣютъ свое значеніе и опредѣленіе.

Примѣта по скрипу вереи.

Становятся подъ вереею, и замѣчаютъ, какъ она скрипитъ. По скрипу заключаютъ, изъ какого званія будетъ мужъ. Если слышится скрипъ пера, то быть замужемъ за приказнымъ; если хлопаетъ на подобіе плети, то за кучеромъ; если звучитъ шнорами или саблею, то за военнымъ: въ первомъ случаѣ, за адъютантомъ молоденькимъ, съ едва пробивающимися усиками, а во второмъ, за пожилымъ, только съ густыми эполетами. Если скрипъ ровный и тихій, то быть замужемъ за гражданскимъ чиновникомъ. Если скрипъ раздается глухой, то быть за разночинцемъ.

Гаданіе на кожѣ и шкурѣ.

Растилается коровья или лошадиная около прорубн кожа, на которой садится дѣвушка. Но напередъ она очерчиваетъ около себя кругъ, нарочно для того приготовленнымъ огаркомъ

свѣчи. Изъ проруби невидимо выходятъ водяные духи. Они, подпявъ дѣвушку на кожѣ, переносятъ въ жилище жениха или въ домъ суженаго, и потомъ относятъ опять на прежнее мѣсто. За дѣвушкой гонятся въ это время черти. Желая завладѣть ею, они погружаютъ ее съ чрезвычайною скоростью въ прорубь. Дѣвица, чтобы спасти себя отъ неминуемой бѣды, должна произнесть, при самомъ погруженіи: «чуръ сего мѣста.» Нечистая сила разлетается во всѣ стороны. Посѣщавшая домъ своего суженаго, узнаетъ напередъ про его жизнь и нравъ, но никто не можетъ ей сказать: будетъ ли она счастлива съ нимъ? Немногія дѣвушки рѣшаются летать на кожѣ, потому что рѣдко избѣгаютъ дьявольскихъ нѣжностей. Намъ ничего не извѣстно, какъ женщины увертываются отъ нихъ; но преданіе говоритъ, что женскія хитрости проводятъ самихъ чертей.

Въ другихъ мѣстахъ выходятъ въ лунную ночь слушать къ проруби. Разстилаютъ около проруби воловую шкуру, садятся на ней въ кружокъ, смотрятъ со вниманіемъ въ воду, и замѣчаютъ ея теченіе и шумъ. Въ этой водѣ дѣвушка можетъ видѣть своего суженаго, и въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ будетъ вѣнчаться съ нею, или по крайней-мѣрѣ, увидитъ своего суженаго. Въ тихой водѣ нельзя

видѣть, потому что черти притаиваются, сторожа гадающихъ. Недаромъ пословица: «въ тихомъ омутѣ, черти водятся.» Счастливая дѣвушка моется, послѣ гаданія, этой самой водою, чтобы быть здоровою и румяною, и всегда любимою отъ мужа. Которой изъ загадывающихъ причудится что нибудь страшное, той обречено сидѣть въ дѣвушкахъ.

Въ иныхъ мѣстахъ собираются нѣсколько дѣвицъ на перекрестокъ, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикъ, потомъ очерчиваютъ вокругъ себя ножемъ, чтобы не прикасалась до нихъ нечистая сила; покрываютъ лице скатертью или полотномъ, и взявъ другъ друга за мизинецъ, вопрошаютъ судьбу: что случится съ ними въ этомъ году? Дѣвушки сидятъ въ трепетномъ молчаніи, и прислушиваются къ свисту вѣтра, его дуновенію и всякому шороху и стуку. Иной чудится дальній звонъ колокола, — это погребеніе; другой представляется заунывное пѣніе, — покойникъ въ домѣ; иной слышится разговоръ людей, — свадьба; однимъ словомъ: каждой изъ дѣвицъ представляется особое чудное, и по нему судятъ и объясняютъ свою участь.

Еще дѣлаютъ проще. Въ полночь выходятъ нѣсколько дѣвушекъ на перекрестокъ, разстилаютъ тамъ кожу и садятся на ней. Но

прежде даютъ уговоръ не творить молитвы и не робѣть. Усѣвшись въ кружокъ, одна изъ бойкихъ говоритъ: *сужена-ряжена! вези меня съ подругами къ жениху.* Тутъ онѣ помчатся невидимо, — куда — и сами не знаютъ; но послѣ очутятся у воротъ тѣхъ самыхъ, гдѣ живетъ женихъ.

При этомъ гаданіи, дѣвушка должна выходить изъ комнаты съ большою осторожностью: не прищемить подолъ платья,—иначе она не будетъ имѣть ни въ чемъ успѣха; не плюнуть на платье,—въ противномъ случаѣ, потерпитъ злословіе. Если, при надѣваніи юпки, заворотится подолъ, то это знакъ, что въ томъ году непремѣнно родитъ дитя.

Чесаніе волосъ.

Подъ головы кладутъ гребень, загадывая: *суженой ряженой! причеши мнѣ голову.* Во снѣ приходитъ суженый, и причесываетъ дѣвушкѣ волосы. Когда волоса остались не причесанными, тогда горничная зачесываетъ, и увѣряетъ, что она сама видѣла, какъ шелъ къ ея барышнѣ суженой-ряженой: вошелъ тихо въ спальню, зачесалъ волосы и ушелъ, не мѣшая ей спать.

На ночь смачиваютъ волоса настоянною на чародѣйской травѣ водою, чтобы дьяволъ не приходилъ вмѣсто суженаго. Всѣ горничныя увѣряютъ, что нечистая сила, если начинаетъ

чесать, то расчесываетъ до крови, и дѣвушка на вѣкъ несчастная.

Четъ и нечетъ.

Четъ и нечетъ занимаетъ важное мѣсто въ гаданіи. Раскладываютъ по столу орѣхи, или накатанные изъ чего нибудь шарики, и говорятъ: *четъ и нечетъ.* Упадетъ загаданное на четъ,—исполненіе желанія, на нечетъ,—неудача. По нимъ задаютъ себѣ всевозможные вопросы: скоро ли замужъ? за кого? за того ли кого люблю? и пр. Четъ и нечетъ гадается еще на бобахъ, угольяхъ и соли: въ такомъ случаѣ гадаютъ дѣвушкамъ старухи, которыя превращаютъ этотъ способъ въ ворожбу.

Бумажные шарики.

Между многими пустыми бумажными шариками, кладется одинъ съ именемъ суженаго въ особую чашу и всѣ они перемѣшиваются. Потомъ каждая дѣвица вынимаетъ свое счастіе до трехъ разъ. Вынутые три раза пустые билета,—неисполненіе желанія; вынутый за первымъ разомъ съ именемъ,—исполненіе желанія. Вынутый однажды пустой не лишаетъ гадающей надежды. Если попадется за вторымъ разомъ пустой, то не должно вѣрить обѣщаніямъ: кто два раза обманулъ, тому въ третій разъ не вѣрятъ. На этомъ положеніи основано, кому сбудется, а кому нѣтъ.

Молодой вдовецъ.

Доселѣ въ обычаѣ гадать о суженомъ, по балясамъ лѣсницы: выйдетъ ли дѣвушка за

молодаго или за вдовца? Дѣвушка начинаетъ отъ первой балясы, говоря: *молодой, вдовецъ*, или *вдовецъ, молодой*, и доходитъ до послѣдней. На какую упало послѣднее слово, такой будетъ мужъ. Гадаютъ еще не по однимъ балясамъ, но по пальцамъ, камушкамъ и проч., наблюдая одно правило, что на чемъ упадетъ послѣднее слово, тому должно сбыться.

Счетъ кольевъ, или: замужъ, нытъ.

Ночью или въ сумерки, робко подходятъ дѣвушки къ плетню и начинаютъ считать колья. Если оказывается четное число, то исполненіе желанія. Другія пересчитываютъ отъ досады по нѣскольку разъ, и никакъ имъ неприходится выти замужъ. Иныя при счетѣ кольевъ, произносятъ: *замужъ, нытъ*. Дѣвушки всегда начинаютъ словомъ *замужъ* и оканчиваютъ *нытъ*: послѣднимъ словомъ онѣ никогда не начинаютъ гаданій.

Волъ и баранъ.

Послѣ неудачи отправляются дѣвушки въ хлѣвъ, гдѣ стоитъ рогатый скотъ или овцы. Если которая нибудь изъ нихъ наткнется на вола или барана, то непремѣнно выйдетъ замужъ, но съ тою разницею, что наткнувшаяся на вола, будетъ имѣть невѣрнаго мужа, а на барана, сама поставитъ рога мужу. Многія дѣвушки этому не вѣрятъ, смѣются надъ нелѣпостью предзнаменованій, но какъ скоро выйдутъ замужъ, то припоминаютъ рога.

Овцы.

Нѣсколько дѣвушекъ бѣгутъ въ овчарню, затворяютъ за собою двери, и въ потьмахъ, каждая изъ нихъ быстро выдергиваетъ клочекъ шерсти. Если шерсть черная,— то суженый будетъ чернобровый, а если бѣлая—то бѣлокурый.

Пуганіе воробьевъ.

Наткнувшіяся дѣвушки на животныхъ съ рогами не перестаютъ гадать. Онѣ отправляются толпою въ гумно или житницу съ фонаремъ, и пугаютъ воробьевъ: кричатъ, бросаютъ палками подъ кровлю, а другія, наболѣе отважныя взлѣзаютъ сами подъкрышу и гонятъ воробьевъ оттуда. «Кышъ, кышъ, воробьи! Летите и мнѣ мужа принесите,»—произносятъ онѣ въ тихомолку. Сонные воробьи летятъ прямо на огонь, и та, которая прежде поймаетъ воробья, выйдетъ прежде всѣхъ замужъ. Нѣкоторыя дѣвушки довольно долго хранятъ у себя пойманныхъ воробьевъ; тѣшатся ихъ щебетаньемъ, или по щебетанью ихъ, стараются узнать свое будущее: если оно громкое, — то мужъ будетъ сердитый, если писклявое, — то мужъ будетъ кроткій.

Объ узнаніи впередъ своей участи.

Дѣвушки всегда желаютъ знать напередъ свою участь. Для этого онѣ, во время гаданій, берутъ сборникъ (головной женскій уборъ), кусокъ ржанаго хлѣба и кусокъ дерева, и покрываютъ ихъ горшкомъ, съ приговоромъ: *чему быть, тому не миновать;* или *что сбудется, то сбудется; а сбудется то, что сбу-*

дется; или *задумаю загадаю, судьбу вопрошаю.* О томъ, что красавица вопрошаетъ, никому недолжна говорить: единственный свидѣтель ея тайныхъ думъ — ея сердце. Закрывъ глаза, подходитъ къ горшку и вынимаетъ наудачу первую вещь: вынутый кусокъ дерева,— печальная судьба, гробъ; кусокъ хлѣба, — не выттн замужъ въ томъ году; сборникъ, — скорый выходъ въ замужество. Позволяется вынимать вещь только одинъ разъ.

Березовая лучина.

Кому не хочется знать впередъ: долго жить, или нѣтъ? — Берутъ березовую лучину, обмакиваютъ въ водѣ и зажигаютъ. Горящая съ искрами лучина означаетъ — болѣзнь; потухающая при горѣніи,—близкую смерть; горящая ясно,—долгую жизнь. Еще обвертываютъ березовую лучину льномъ, втыкаютъ въ щель и зажигаютъ. Догоритъ ли лучина скоро,— смерть кому-либо изъ родныхъ; оборотится ли она въ какую нибудь сторону, — быть дѣвушкѣ замужемъ.

Узнаніе имени жениха.

Свертываютъ въ комъ клочекъ соломы и кладутъ на столъ. На свернутой соломѣ ставятъ сковороду съ камнемъ, и поливаютъ ее водою. Желающія знать имя жениха, выдергиваютъ потихоньку соломину, которая производитъ при этомъ глухой звукъ, и въ этомъ звукѣ отгадываютъ имена суженыхъ. Инымъ

слышится «дзинь», и изъ него выводятъ имя суженаго. Тутъ всегда раждаются споры между словообъясняющими: каждая изъ дѣвицъ старается увѣрить свою подругу, если соломинка выдернута неудачно, что звукъ предвѣщаетъ не то, какое даютъ ему значеніе. Споры всегда оканчиваются надеждами увидѣть въ скоромъ времени суженаго.

Кладутъ еще иглу безъ ушка подъ жерновъ. Одна вертитъ жерновъ, другая прислушивается къ звуку. Въ послѣднемъ дѣвушки слышатъ имя жениха.

Яичный бѣлокъ.

Берутъ свѣжее яицо, выпускаютъ изъ него въ стаканъ бѣлокъ, и ставятъ въ вольный духъ печи, на столько времени, во сколько онъ можетъ свернуться. Потомъ вынимаютъ стаканъ и замѣчаютъ: въ какомъ положеніи бѣлокъ? свернулся ли онъ, и въ какомъ видѣ? Видъ церкви, — означаетъ вѣнчаніе, кольца или перстня, — обрученіе, четвероугольной фигуры, — гробъ. Корабль съ парусами значитъ выходъ дѣвушки замужъ въ чужой сторонѣ. Мущинѣ такой корабль предсказываетъ дальнюю дорогу, а женщинѣ скорое возвращеніе ея мужа домой. Прочія фигуры, которыя трудно разобрать, объясняются съ особой таинственностію. Не рѣдко прибѣгаютъ къ женщинамъ, искуснымъ въ толкованіи гаданій. Если

бѣлокъ вовсе не поднялся, то не состоять-ся браку. Когда онъ вдругъ опустится на дно, тогда предвѣщаетъ смерть, а въ домѣ пожаръ.

Клокоченіе воды.

На влитую на сковороду воду кладутъ охлопки льну, зажигаютъ оный и покрываютъ горшкомъ. Если вода заклокочетъ, то у невѣстки будетъ сварливая свекровь; когда огонь погаснетъ, тогда свекровь будетъ добрая.

Кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы.

Накрываютъ платкомъ кольцо, кусокъ хлѣба и пукъ соломы. Дѣвушка, желающая знать счастливую свою жизнь, должна сама вынуть какую нибудь вещь, и что вынетъ, то непремѣнно сбудется. Вынутое кольцо означаетъ, что женихъ ея будетъ щеголь; хлѣбъ,—зажиточный мужъ; солома, — бѣдность. Другія кладутъ вмѣсто соломы какой нибудь крючекъ и если онъ вынется, то говорятъ: «бѣдный крючекъ». Это значитъ бѣдный человѣкъ. Иногда толкуютъ крючекъ въ прямомъ смыслѣ взяточника.

Перстень, хлѣбъ, щетка и табакъ.

Каждую изъ этихъ вещей, порознь, кладутъ подъ отдѣльную посуду. Угадывающія о качествѣ жениха не должны видѣть, куда какая положится вещь; но должны подходить къ вещи, закрытой посудою, и брать ее наугадъ: кому попадется перстень, значитъ женихъ будетъ щеголь, кому хлѣбъ,—богатый; кому щетка, у той будетъ мужъ бородобрѣй, а кому

табакъ, той мужъ будетъ табачникомъ. Надъ послѣдними двумя вещами дѣвушки смѣются, называя своихъ подругъ, одну бородобрѣйшею а другую табачницею.

Кусочки хлѣба въ окнѣ.

Наканунѣ новаго года кладутъ въ дымовое окно черной избы, столько кусочковъ хлѣба, сколько гадаетъ дѣвушекъ. Эти кусочки оставляютъ лежать во всю ночь. По утру каждая изъ дѣвушекъ смотритъ: цѣлъ ли замѣченный ею кусочекъ? — Если цѣлъ, то значитъ, что она проживетъ этотъ годъ, а если закушенъ или съѣденъ совсѣмъ, то умереть ей въ этотъ же годъ.—Помѣхою гаданій дѣвушекъ всегда бываетъ кошка. Добравшись до кусочковъ, она съѣдаетъ ихъ или закусываетъ, сколько ей угодно, а дѣвицы между тѣмъ толкуютъ. И какъ нарочно случается, что тѣ дѣвушки, коихъ кусочки были съѣдены, живутъ долѣе, нежели тѣ, коихъ остались невредимыми.

Ломаніе косточки, называемой дуга.

При подаваніи на столъ жареной курицы, или другой какой нибудь птицы, дѣвушки берутъ заднюю часть кости, имѣющей видъ дуги, и ею гадаютъ между собою: кому умереть прежде? Гадающія берутся мизинцемъ за дугу косточки, и кто переломитъ скорѣе, той прежде умереть.

Соломинка.

Закрывъ глаза, выдергиваютъ ртомъ изъ скирды по соломенки, и по немъ судятъ о сво-

емъ счастіи. Выдернутая съ колосомъ,—явная примѣта богатой жизни; безъ колоса,—убогая жизнь; двѣ выдернутыя вмѣстѣ, — рожденіе близнецовъ, а если болѣе,—то ничего не значитъ. Гаданіе не дозволяетъ дѣвицамъ имѣть болѣе двухъ близнецовъ.—Можно гадать только до трехъ разъ.

Еще ходятъ на гумно и дергаютъ колосья изъ одонья. Выдернутая солома съ колосомъ, означаетъ богатство, а пустая,—бѣдность.

Иныя выдергиваютъ колосъ изъ одонья зубами. Если выдернулся толстый, то дѣвушка будетъ жить въ полномъ удовольствіи.

Иглы.

Дѣвушки не могутъ гадать иглами. Онѣ должны просить о томъ или своихъ нянь, или старухъ. Намазываютъ двѣ иглы свѣжимъ саломъ или воскомъ, опускаютъ ихъ остріемъ, а иногда безъ всякаго разбора, въ стаканъ съ водою, и замѣчаютъ: какъ онѣ тонутъ. Если пошли скоро на дно и прямо, — то исполненіе желанія; сошлись ли вмѣстѣ,—выходъ замужъ; остановилась ли одна противу другой,—встрѣтится препятствіе; совсѣмъ разошлись,—великое для невѣсты горе: оставаться незамужней. Послѣднее обстоятельно касается до дѣвицъ, но для женщинъ это означаетъ разговоръ, или семейное горе, а для мущинъ неуспѣхъ въ дѣлахъ.

Гадаютъ еще иначе. Раскладываютъ хлѣбъ, соль, уголь и печину (отвалившійся изъ внутри печи кусокъ кирпича): хлѣбъ противу соли, уголь противу печины. Потомъ берутъ продѣтую на длинной ниткѣ иголку, втыкаютъ ее въ другой кусочекъ хлѣба, и взявшись за конецъ нитки, держатъ ее противу лба; послѣ раскачиваютъ тихонько, съ приговоромъ: «хлѣбъ да соль, уголь да печина, скажите правду, истину.» Тутъ замѣчаютъ, куда станетъ качаться иголка съ кусочкомъ хлѣба: если отъ хлѣба къ соли,—то предвѣстіе доброе; а если отъ угля къ печинѣ,—то дурное.

Бобы. Гаданіе на бобахъ извѣстно было у насъ еще въ XVI вѣкѣ и строго воспрещалось *имать вѣру въ бобы.* Сохранившаяся пословица,—*чужую бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу*,—объясняетъ, что человѣкъ въ своемъ горѣ не находитъ ума, а о чужомъ думаетъ легко. Многіе, вѣря въ гаданіе на бобахъ, утѣшаются словами ворожеи, которыя искусно опредѣляютъ свойство и значеніе каждаго боба. Для этого берутъ 41 бобъ, и раздѣляютъ ихъ на три половины: отсчитываютъ по четыре, и откладываютъ ихъ въ сторону, въ одинъ рядъ, пока въ рукѣ останется лишекъ, который кладется въ особую кучку. Потомъ изъ одного ряда дѣла-

ютъ нѣсколько кучекъ, и даютъ имъ названіе: первой, *головы*, второй *сердца*, третьей *руки*, четвертой *ноги на походъ*; названіе остальныхъ рядовъ зависитъ отъ искуства ворожеи. Когда бобы разложатся въ должномъ порядкѣ, тогда ворожея водитъ по нимъ рукою, шепчетъ про себя извѣстныя ей выраженія, и потомъ объясняетъ каждой дѣвушкѣ: «это упало на голову, твой суженой думаетъ о тебѣ, и давно думаетъ! а это лежитъ на сердцѣ, печаль у него, и у тебя. Онъ будетъ твой, только встрѣтишъ слезы. — Руки? оно то хорошо, да вѣдь другія дѣвушки уже любятъ его; онѣ вяжутъ ему руки, а онъ все къ тебѣ. — Ноги? не бывать ему въ томъ домѣ; онъ ѣдетъ въ дальную сторонушку, а тамъ ему слюбится другая. Не кручинься, красная душа—дѣвица: сердце молодыхъ людей, то на ту, то на другую сторону, — куда повѣетъ вѣтеръ.» Лишекъ объясняется въ заключеніи полученіемъ письма, извѣстія, посылки, наступленіемъ близкой дороги и т. п.—Когда удачно оканчивается гаданіе, тогда говорятъ: «голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ.»

Другіе описываютъ гаданіе на бобахъ слѣдующимъ образомъ: берутъ 41 бобъ и раздѣляютъ ихъ, безъ счета, на три части. Первую часть берутъ въ одну руку, а другую отсчи-

тываютъ по 4 боба и откладываютъ въ сторону, пока останется въ рукѣ три, два и одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ первую линію, подлѣ первой части; потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, и кладутъ остатокъ въ первую линію подлѣ третьей части. Потомъ составляютъ впереди линію въ три порядка, а третью безъ счета въ три порядка. По оставшимся бобамъ отъ первой и второй линій, по устроеніи трехъ линій, приступаютъ къ разгадыванію. Второй порядокъ первой линіи называютъ *головою*; третій въ той же линіи, *рукою*; второй во второй линіи, *сердцемъ*; третій, въ третьей линіи, *ногою на походъ*. — Голова предвѣщаетъ мысль, веселость, быстроту, ученое состояніе; рука, — богатство; сердце, — печаль и радость; ноги на походѣ, — пріѣздъ и путешествіе, полученіе посылки и исполненіе желанія.

Рѣшето. Однѣ замужнія только могутъ гадать на рѣшетѣ. Ворожеи вѣютъ рѣшетомъ снѣгъ, а потомъ вытряхиваютъ его въ лунную ночь. Главное въ томъ, чтобы умѣть сдержать рѣшето на указательномъ пальцѣ, въ равновѣсіи, протянувъ правую руку. На рѣшетѣ гадаютъ болѣе поселяне по деревнямъ, когда случится пропажа или воровство. При держаніи рѣшета, произносятъ имена людей, подо-

зрѣваемыхъ въ воровствѣ. При чьемъ имени оно повернулось, тотъ изобличается. Точно такъ поступаютъ при святочномъ гаданьи, съ тою только разницею, что, при чьемъ имени рѣшето повернулось, тотъ не суженый. Если оно повернулось отъ дрожанія руки, или дуновенія вѣтра, то это приписывается дѣйствію нечистой силы, и снова начинаютъ гадать.

Кофейная гуща.

Кофейницы — ворожеи гадаютъ во всякое время. На святкахъ гадаютъ только по желанію, или по просьбѣ. Сливаютъ кофейную гущу въ чашку, накрываютъ ее блюдечкомъ и опрокидываютъ вверхъ дномъ. Потомъ, снявъ чашку съ блюдечка, наливаютъ на него воду и погружаютъ ту же чашку на блюдечко, при троекратномъ произнесеніи словъ: «вѣрность, дружба и согласіе,» или, «что загадано, то сбудется,» и разсматриваютъ, какія вышли на чашкѣ знаки. Изображеніе человѣка, означаетъ свиданіе влюбленныхъ; цвѣты, — любовныя связи; дерево, — разрывъ любовниковъ, въ семействѣ раздоръ, несогласіе, и въ дѣлахъ неудача. Виды домовъ, церквей и башенъ,—выполненіе желаній; если жъ при этомъ соединилось нѣсколько изображеній вмѣстѣ, наподобіе людей, то означаетъ свадьбу; четырехугольные виды предвѣщаютъ гробъ или несчастіе. Изображенія какихъ нибудь животныхъ толкуются различно: соба-

*

ка означаетъ вѣрность и друга; кошка,—коварство; лисица,—лукавство; волкъ и медвѣдь,—неудачу или препятствіе въ дѣлахъ и любви; змѣя,—наговоры отъ злыхъ людей. Трудно исчислить значеніе кофейныхъ знаковъ: объясненіе ихъ зависитъ отъ кофейницъ. Дѣвицы гадаютъ на кофейной гущѣ только предъ сномъ.

Гаданіе на картахъ.

Ни одинъ родъ занятій не распространился у насъ въ такой степени, какъ карты. Вездѣ, куда не обратитесь, играютъ въ карты и гадаютъ на нихъ. Даже высшаго сословія особы не изъяты отъ этой слабости. Есть люди, которые посвятили всю свою жизнь одному гаданію на карты.—Разгадываютъ другимъ несчастіе, а своего незнаютъ; предрекаютъ другимъ счастіе, а сами несчастливы!—Нѣтъ уголка въ деревнѣ, гдѣ бы не было прославленныхъ гадальщицъ. Ихъ съ почестію приглашаютъ на домъ, или нарочно пріѣзжаютъ къ нимъ изъ дальнихъ мѣстъ знатные люди.—Что этому причиной? Недостатокъ просвѣщенія. Гадальщицы живутъ на счетъ невѣждъ и слабоумныхъ. Онѣ ведутъ непосредственную связь съ плутами и обманщиками, и знаютъ, гдѣ что пропало; имѣютъ сношеніе съ дворовыми людьми, торговками и сплетницами. Окружая себя людьми шатающимися отъ дома къ дому, онѣ получаютъ отъ нихъ всѣ

нужныя свѣдѣнія; знаютъ что происходило въ домѣ, и когда кого обворуютъ. Прибѣгающіе къ нимъ за совѣтами, всегда суть влюбленные, суевѣры, потерявшіе собственность, легковѣрные, люди съ предразсудками, лишенные всякаго здраваго смысла и безъ теплоты Вѣры.— Вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть въ горести къ Богу, и Ему молиться, очень многіе обращаются къ обманщикамъ, не думая, что они совершаютъ великій грѣхъ. Вѣрить ворожеямъ, это значитъ отметать попеченіе о насъ Промысла.—Ворожеямъ охотно вѣрятъ на-слово, а разсудку ни мало. Гадальщицы часто отгадываютъ по лицамъ печальнымъ о случившемся несчастіи. И кто не можетъ отгадать! Отрывистыя слова, рѣзкая горесть и уныніе, слезы на глазахъ, или красныя глаза отъ слезъ, впалое и блѣдное лице, дрожащія руки, медленная и задумчивая поступь,—все это помогаетъ гадальщицамъ. На вопросы лѣгковѣрныхъ онѣ отвѣчаютъ скоро и всегда двусмысленно. Удачное разгадываніе распространяется повсюду, и всегда съ преувеличиваніемъ; неудачное приписывается не картамъ, а судьбѣ. Такъ было написано на роду его! — Если ворожея разгадываетъ слишкомъ неудачно, то переходятъ отъ ней къ другой и ни въ чемъ ее не обвиняютъ; вмѣсто ее новая ворожея пріобрѣ-

тает толпу поклонниковъ. — Страсти вездѣ господствуютъ, но въ картахъ онѣ явственнѣе. Одно нравственное направленіе умовъ можетъ уменшить безотчетную довѣренность къ гаданію. Всѣ усплія останутся слабыми, пока образованіе не предпочтутъ картамъ.

Должно думать, что гаданіе на картахъ увеличилось въ царствованіе Императрицы Елисаветы, по той причинѣ, что карты были тогда въ большомъ употребленіи. О нашемъ времени нечего говорить.—Способъ гаданій на картахъ многоразличенъ. Каждая гадальщица имѣетъ свои особыя примѣты, и даетъ имъ свой смыслъ. Раскладка картъ и объясненіе ихъ суть условные предметы, которые измѣняются по произволу и разнообразятся до безконечности. Иныя гадаютъ 36 картами, а другія цѣлой колодою. Самое невинное препровожденіе времени, гранъ-пасьянсъ, есть также гаданіе.

На святкахъ прибѣгаютъ къ карточному гаданію, по случаю гадательныхъ вечеровъ. Дѣвушки смотрятъ съ особою вѣрой на подающихъ королей, и замѣчаютъ ихъ съ жадностію; старыя обманщицы толкуютъ дѣвицамъ эти гаданія по своему усмотрѣнію. Гадать на одно лицо, допускается до трехъ разъ; болѣе же, въ одинъ вечеръ, это считается не дѣйствительнымъ; можно загадывать снова, въ другой вечеръ.

Четыре карточныхъ короля.

Предъ сномъ кладутъ подъ подушки четырехъ королей, и гадаютъ: «кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ приснись мнѣ!» Суженый ряженый долженъ присниться; если же нѣтъ, то это приписываютъ душевному разстройству дѣвушки, или другому постороннему обстоятельству, но во всякомъ случаѣ вину слагаютъ на память, и на то, что послѣ сна, не должно было браться за голову. Суженый, явившійся подъ пиковымъ королемъ, означаетъ старика и ревниваго; подъ трефовымъ, вдовца; подъ червоннымъ, молодаго и богача, а подъ бубновымъ, желаннаго.—Мущины кладутъ себѣ подъ подушку четырехъ дамъ, конхъ цвѣтъ означаетъ тоже самое, что королей, съ тою разницею, что если приснится пиковая или трефовая, то зажигаютъ ею трубку.—Гаданіе по королямъ и дамамъ, перешло къ намъ отъ Нѣмцевъ, въ половинѣ XVIII вѣка.

Три прутика изъ веника.

Когда всѣ заснутъ, тогда гадающая должна встать потихоньку съ постели, и никому не говоря, что она намѣрена загадывать, вынуть изъ веника три прутика, и этими прутиками отместь соръ отъ порога во-внутрь комнаты, три раза. Потомъ эти три прутика положить подъ подушку, лечь и загадать о суженомъ. Онъ явится, разбудитъ милую, обниметъ и проведетъ съ нею ночь въ сладост-

номъ упоеніи любви. Гадавшая не должна тогда трогать прутиковъ, иначе суженый скроется, и ей оставаться тогда вѣчно въ дѣвушкахъ.

Сниманіе сапога.

Мущина, ложась въ постель, съ однимъ сапогомъ на правой ногѣ, загадываетъ о суженой: «суженая моя, ряженая, прійди ко мнѣ и сними съ меня сапогъ.» Когда онъ заснетъ, тогда его суженая явится и снимаетъ съ него сапогъ.

Обычай разуванія есть самый древній. Еще предки наши, будучи язычниками, употребляли его. Невѣста должна была разувать въ первую ночь жениха, который держалъ въ то время плетку въ рукахъ. Если она снимала съ лѣвой ноги сапогъ, то женихъ билъ ее три раза по спинѣ, въ ознаменованіе власти надъ женою, которая дѣлалась съ того времени рабыней его; если невѣста снимала съ правой ноги сапогъ, то положенныя въ немъ деньги, она брала себѣ, женихъ цѣловалъ ее, и потомъ билъ слегка плетью (*).

Луковица съ солью.

Загадывающія выбираютъ свѣжую луковицу, очищаютъ ее отъ шелухи и разрѣзываютъ пополамъ; потомъ, снимаютъ первый слой луковицы, посыпаютъ ее солью, и въ то время, когда ложатся спать, съѣдаютъ, зага-

(*) О разуваніи см. въ статьѣ свадьба, въ описаніи древнихъ свадебныхъ обрядовъ.

дывая о суженомъ или суженой. «Суженая ряженая», или: «суженой мой, ряженой, подай мнѣ напиться воды. «Жажда, производимая отъ луку съ солью, не даетъ хорошо уснуть, и пока суженый или суженая явятся, сами встаютъ съ постели, и сами себѣ добываютъ воду.

Три ангела.

Ложась спать, надобно закусить который нибудь уголъ подушки, и потомъ, укрывшись одѣяломъ, загадать о суженомъ или суженой, говоря: «одинъ ангелъ скажетъ, другой укажетъ, а третій суженаго покажетъ».—Всѣ ангелы слетятъ и выполнятъ желаніе загадывающихъ.

Бросаніе монеты въ воду.

Чашу или тазъ наполняютъ водою, и потомъ берутъ мелкую монету, которая была бы самая тоненькая: обыкновенно брали для этого шелегъ,—который нынѣ вышелъ изъ употребленія,—и поднявъ монету довольно высоко, опускаютъ ребромъ въ воду. Брошенная такимъ образомъ монета, встрѣтивъ сопротивленіе въ сосудѣ, выскакиваетъ изъ него и падаетъ на землю, и тогда она означаетъ, что о чемъ было загадано, то сбудется непремѣнно. При бросаніи монеты, только должно загадывать о томъ, что сбудется или не сбудется. Если брошенная ребромъ монета, перевернется и ударится плашмя, то она потонетъ, и тогда означаетъ, что загаданное не сбудет-

ся.—Многіе такъ вѣрятъ этому, что во всякое время прибѣгаютъ къ сему способу загадыванія; но такое загадываніе преимущественно имѣетъ силу наканунѣ новаго года.

Кольцо въ водѣ.

За нѣсколько часовъ до сна, наливаютъ въ стаканъ воду, опускаютъ туда кольцо и выставляютъ на морозъ. Ложась спать, приносятъ стаканъ и смотрятъ: какія вышли въ немъ предметы? Замерзшая вода безъ бугорковъ, означаетъ бездѣтную жизнь, а сколько покажется бугорковъ, столько будетъ сыновей, а сколько ямокъ, столько дочерей. Потомъ надѣваютъ кольцо на руку, загадываютъ, и снявъ его, передаютъ другъ другу: что было загадано, то приснится и сбудется вѣрно. У иныхъ воображеніе такъ сильно дѣйствуетъ, что имъ видится во снѣ то, что происходило на яву, и представляется то, что задумали: а у другихъ, отъ сильнаго напряженія мыслей, происходитъ безсонница, и въ слѣдствіе этого головная боль; но это приписываютъ безпокойному посѣщенію суженаго—ряженаго. Появившіеся сны утромъ и предъ вставаніемъ, не считаются дѣйствительными.

Башмаки съ золой.

Посыпаютъ золой башмаки, и ставятъ ихъ на ночь подъ кроватью. Поутру смотрятъ: на чьихъ башмакахъ больше золы, той дѣвушкѣ предстоитъ счастливая жизнь.

Еще такъ: дѣвушка, съ завязанными глазами, обсыпаетъ свои башмаки золой и поручаетъ потомъ особо кому либо смотрѣть за ними, чтобы не думали, что перемѣняла ихъ. Перемѣна башмаковъ показываетъ перемѣну въ семействѣ: смерть, или болѣзнь. При надѣваніи башмаковъ, бывшихъ съ золою, замѣчаютъ: надѣвала ли дѣвушка впередъ на правую ногу, или на лѣвую? Если на правую, то исполненіе желанія, а на лѣвую, неудача. Въ этотъ день стараются ничего не предпринимать, и ничемъ не заниматься. Другія дѣвушки кладутъ свои башмаки, безъ золы, въ корыто, и потомъ бросаютъ ихъ всѣ вмѣстѣ, за однимъ разомъ: чей башмакъ прежде упадетъ, той непремѣнно выйти замужъ.

Кудель съ пряжею.

Расчесываютъ ночью кудель пряжи на гребнѣ, и выставляютъ ее за окно. Предъ сномъ смотрятъ, въ какую сторону развѣвается расчесаная кудель, съ той стороны явится суженый. Нѣкоторыя утверждаютъ: какія волокна на гребнѣ, такія будутъ волоса у суженаго.

Суженый съ водою.

На ночь ѣдятъ что нибудь соленое, и загадываютъ: «кто мой суженый, кто мой ряженый тотъ подастъ пить мнѣ.» Дѣвушки думаютъ что когда во снѣ захочется имъ пить, тогда будетъ стоять у постели суженый съ водою, и подастъ пить имъ. Дѣвушка не должна

пугаться, если суженый и сядетъ подлѣ нея, и обнимете.

Мостикъ изъ прутиковъ.

Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ его на сонъ подъ подушку и загадываютъ: «кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ». Когда все это приснится, тогда сонъ въ руку; но то бѣда, что дѣвушки скоро забываютъ сны. Никогда не надобно класть рукъ подъ головы.

Квашня.

Выносятъ изъ избы квашню и ставятъ ее посреди двора. Если, съ завязанными глазами, дѣвушка прямо пайдетъ на квашню, то выйти ей замужъ въ тотъ же годъ; если найдетъ бокомъ, то подъ сомнѣніемъ, чтобы она вышла замужъ, въ тотъ же годъ.—Бѣда, когда пройдетъ мимо,—не выходить ей замужъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, ставятъ квашню посреди дороги. Къ квашнѣ бѣгутъ спиною, и кто попадетъ въ нее, та будетъ выдана замужъ, въ тотъ же годъ.

Загадываніе предъ воскресеньемъ.

«Понедѣльникъ со вторникомъ, середа съ четвергомъ, пятница съ субботою, а ты воскресенье одно, скажи мнѣ правду: какой суженой явится мнѣ во снѣ»?—Это загадываютъ, ложась спать, и преимущественно предъ воскреснымъ днемъ; но какъ Р. Х. не всегда приходится въ воскресенье, то поэтому гадаютъ во всѣ святочные вечера.

Обыкновенное литье, это есть на воскѣ. Оно было въ большомъ употребленіи у Грековъ, и извѣстно у нихъ подъ именемъ керомантіи, предзнаменовавшее доброе и худое. Тоже самое нынѣ оно значитъ, и употребляется во всей Европѣ. Наши предки любили предаваться этому роду удовольствій, которое называлось «восколѣемъ»; но церковными постановленіями оно строго воспрещалось, какъ богопротивное дѣло.

Литье изъ разныхъ веществъ.

Лили еще не изъ одного воску, но изъ олова, свинца, серебра и золота. Говорятъ, что прежде лили изъ золота, будтобы въ томъ предубѣжденіи, что выльется счастіе золотое, и въ заключеніе пили воду съ золотаго блюда. Сохранилась доселѣ поговорка: «съ твоего слова, съ золотаго блюда».

Къ литью приступаютъ съ особымъ чувствомъ боязни. Его совершаютъ на сонъ, и въ это время считается гаданіе только дѣйствительнымъ. Растапливаютъ бѣлый воскъ, и выливаютъ его на блюдо, чашу, или другой какой нибудь сосудъ съ водою, и замѣчаютъ какія отлились изображенія. Представляющія видъ дома, означаютъ хозяйство; прочія зданія: сарай, гумно, и т. п.—сельскую жизнь; церковь,—обрученіе; яма и пещеры,—гробъ; деревья и растенія, имѣютъ особое свое знаменованіе:

склонившіяся деревья,—грусть, а прямыя,—радость; растенія и цвѣты, похожія сколько нибудь на Божее дерево, тюльпанъ, розу, незабудку и пр. объясняются по ихъ свойству; развалины какого нибудь города или дома, толкуются всегда въ дурную сторону: для невѣсты,—обманъ въ суженомъ, для женщины,—несчастіе въ домѣ. Истолкованіемъ такихъ видовъ занимаются прославленныя ворожеи, которыя часто упрашиваются невѣстами, говорить въ ихъ пользу. Ворожея предсказываетъ суженой брачный вѣнецъ, указывая съ намѣреніемъ на кольцо, вылитое изъ воску. Дѣвушка притворно не вѣритъ, ссорится съ ворожеею, но на другой день является женихъ, и дѣло идетъ къ концу. Предусмотрительный женихъ подкупаетъ заблаговременно ворожею, и все слаживается въ его пользу. Между дѣвушками начинаются неудовольствія, и дѣло объясняется само собой. Соперницы подговариваютъ ворожею, говорить на зло суженой. Случается весьма часто, что подкупленныя женихами ворожеи, говорятъ о нихъ съ великой похвалою, выставляя ихъ честными, безкорыстными, благородными, нравственными и точно любящими свою суженую, хотя всѣ знаютъ, что они низкой души, безнравственные и имѣютъ въ виду получить отъ суженой денежки. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе

и глупѣе, когда сама суженая знаетъ о своемъ женихѣ, что онъ дѣйствительно человѣкъ подлый; что она не могла терпѣть его прежде: рѣшалась лучше лишить себя жизни, нежели выйти за него замужъ; одинъ взглядъ его пугалъ ее прежде, и она въ глаза издѣвалась надъ нимъ, — но ворожея сказала, что онъ суженый ея, а суженаго конемъ не объѣдешь,—мать подтвердила это, и дѣло въ шляпѣ. Такое совершаютъ зло ворожеи, но и подобныя невѣсты, вопрошающія ихъ о своей судьбѣ, не заслуживаютъ ни добраго имени, ни сожалѣнія.

Дѣвушки, коимъ наворожили въ пользу, торжествуютъ, а тѣ, коимъ наговорили и несчастія и горя, ломаютъ отъ испуга свои руки, и ложатся спать съ оханьемъ. Во снѣ бредятъ, и разсказываютъ свои страданія. Но наперекоръ гаданіямъ бываетъ, что охавшая дѣвушка скорѣе находитъ себѣ жениха, нежели та, которой было наворожено въ пользу.

Другія нетерпѣливыя дѣвушки, желая видѣть суженаго глазъ на глазъ, гадаютъ воскомъ въ банѣ, въ полночь. Когда суженая начинаетъ гадать, въ то время предстаетъ предъ нею суженый, по милости ворожеи, даритъ ей кольцо и скрывается. Отъ испугу дѣвица падаетъ въ обморокъ; ее отводятъ въ спальню и укладываютъ спать. На другой день она раз-

сказываетъ страшныя вещи: кто-то ее цѣловалъ, обнималъ и нѣжился съ нею; потомъ кто-то надѣлъ ей на руку кольцо. — Въ домѣ всѣ въ ужасѣ, но спустя нѣсколько дней, появляются сваты. Любовь хитра на выдумки.

Дѣвицы, получившія неблагопріятныя предзнаменованія, прибѣгаютъ къ выливанію стада лебедей. Вечеромъ выливаютъ лебедей и лебедокъ, по числу гадающихъ; лебедокъ окрашиваютъ, а лебедей оставляютъ бѣлыми. Каждая избираетъ для себя лебедя и лебедку, пускаютъ плавать въ чашѣ и закрываютъ полотномъ. Предъ сномъ идутъ смотрѣть, какъ плаваютъ лебедь и лебедка. Плаваютъ ли они вмѣстѣ, то означаетъ супружеское согласіе; присоединились ли къ одной парѣ другія, будетъ много дѣтей.

Гаданіе на оловѣ и свинцѣ также производится, какъ на воскѣ, но только скрытно отъ родныхъ и знакомыхъ. Растопленный свинецъ сливаютъ въ холодную воду, и смотрятъ: на какую сторону отдѣляются пары, съ той стороны явится суженый. Отлитыя изображенія такъ же объясняются, какъ восковыя.

Литье изъ золота и серебра нынѣ не употребляется; но преданіе говоритъ, что встарь расточительные бояре лили фигуры для гаданій изъ золота. Князь В. В. Голицынъ, на-

перстникъ дѣлъ Царевны Софіи; Цезарь Ромодановскій; бояре: Борисъ Шереметьевъ, Шеинъ и др. тѣшили гостей на святкахъ *золотомъемъ*. Иностранцы съ изумленіемъ говорятъ о ихъ роскоши, особенно и Голицынѣ, который своею блестящею жизнію затмѣвалъ многихъ владѣтельныхъ князей.

Сженіе бумаги.

Листъ бѣлой бумаги жгутъ на свѣчѣ; потомъ подносятъ созженную бумагу къ стѣнѣ, а свѣчу держатъ нѣсколько поодаль, чтобы отбрасывалась тѣнь. По изображеніямъ, которыя рисуются на стѣнѣ, разсуждаютъ о ихъ значеніи. Дѣйствительно, бываютъ иногда заманчивыя явленія: то представляютъ вдали лѣсъ, дорогу, горы; то башни, храмъ, поля, людей, то разныхъ животныхъ. Само собою разумѣется, что объясненіе этихъ явленій, сопровождается приблизительными истолкованіями. Мнѣ часто случалось видѣть сженіе бумаги, и всякой разъ я удивлялся фантастическимъ, при сихъ случаяхъ, изображеніямъ. Нѣкоторыя части предметовъ выходили прекрасно. Одной дѣвушкѣ онѣ предсказали дальную дорогу; ей нарисовались на стѣнѣ: лѣсъ и дорога, а вдали человѣческая фигура въ печальномъ положеніи. Чрезъ нѣсколько времени одинъ молодой человѣкъ, издавна посѣщавшій домъ ея родныхъ, предложилъ дѣвушкѣ руку, но съ условіемъ,

быть постоянною. Дѣло разладилось. — Покамѣстъ дѣвушка молода, она можетъ имѣть своихъ поклонниковъ. Къ ней присватался офицеръ съ усами. (Ужъ эти усы! сбиваютъ они дѣвушекъ съ толку). Онъ ей не нравился, понравились ей усы—и она вышла за него замужъ и уѣхала съ нимъ на бивачную жизнь. Вотъ совершилась дальная дорога.

Цвѣтокъ изъ подвѣнечнаго убора.

Послѣ всѣхъ неудачныхъ гаданій, нѣкоторыя дѣвушки не теряютъ надежды выйти замужъ. Въ такомъ случаѣ помогаетъ имъ дружка во время какой нибудь свадьбы. Когда обрученную невѣсту раздѣваютъ, тогда приближенная дружка отламываетъ цвѣтокъ изъ головнаго убора молодой, и передаетъ той дѣвушкѣ, которой желаетъ жениха. По увѣренію многихъ, эта примѣта сбывалась. Одна моя знакомая разсказывала, что ея подруга просила позволить ей отломить цвѣтокъ изъ подвѣнечнаго головнаго ея убора. Дружка, отломивъ вѣточку, передала безнадежной дѣвушкѣ, которая въ скоромъ времени вышла замужъ. Это однакожъ не есть собственно гаданіе, но средство къ утѣшенію безнадежной. — Въ случаѣ, если гаданіе было зловѣщее и несчастное, — чего Боже сохрани! — то прибѣгали къ сотолкованію.

Сотолкованіе.

Не было человѣка въ мірѣ, который до извѣстнаго времени, не необращался бы къ

снотолкованію. Женскій полъ постоянно отличается вѣрованіемъ въ сновидѣнія. Бывало прежде, что ни снилось, все сбывалось, а теперь,—грѣшные мы люди,—ничто намъ не сбывается. Въ старину существовалъ особый разрядъ женщинъ, коихъ безпрестанно требовали на домъ, для изъясненія сновъ, какъ египетскіе цари своихъ волхвовъ-мудрецовъ! Попадаются у насъ, по городамъ и деревнямъ, записныя снотолковательницы, снискивающія себѣ пропитаніе этимъ занятіемъ. Беззубыя старухи, бабушки, кумушки, старыя няньки и расхаживающія съ узелками травъ, отъ разныхъ недуговъ, сами заводятъ рѣчь о снахъ и охотно берутся изъяснять ихъ. Всѣмъ извѣстно, что многіе прибѣгаютъ, для узнанія сновъ, къ сочиненіямъ, подъ именемъ: сонниковъ, оракуловъ, предсказателей и т. п., и вѣрятъ имъ безусловно; читаютъ нелѣпости съ бо́льшимъ вниманіемъ, нежели нравственное и полезное сочиненіе; руководствуются безтолковыми объясненіями, даже при начинаніи своихъ дѣлъ, и книгу о снахъ хранятъ и берегутъ, какъ душеспасительную. Таковое слѣпое расположеніе происходитъ отъ недостатка образованія, и дѣлаетъ людей безотчетно легковѣрными: они на все соглашаются охотно, и все пустое для нихъ есть таинственное, непостижимое.

*

Страсть находить въ природѣ все чудесное, сверхъ-естественное, произвело вѣрованіе въ сны, которые сноголкователями раздѣлены на вечерніе, полночные и утренніе, всѣ имѣющіе свою силу и свое значеніе: одни изъ нихъ сбываются скоро, другіе медленно. Сновидѣнія происходятъ ежедневно, но тѣ, которыя бываютъ на святкахъ, считаются важными и имѣющими вліяніе на судьбу человѣка. Дѣвушки загадываютъ на ночь, и разсказываютъ поутру сны свои съ трепетнымъ чувствомъ, боясь, чтобы не объяснили ихъ въ дурную сторону. Вечерніе, или первые засыпальные сны, не всегда сбываются, и потому не считаютъ ихъ такъ важными, какъ полночные, которые рѣшаютъ или предрекаютъ многіе случаи въ жизни. Только сноголкователи и сноголкователыницы занимаются изъясненіемъ ихъ. Утренній сонъ сбывается, но не такъ скоро. Думаютъ, что если онъ снится молодой четѣ, на первомъ году ихъ брака, то онъ всегда имѣетъ для нихъ свое значеніе.

Изъясняютъ сны, смотря по людямъ, отношеніямъ и пріемамъ. Бываютъ строгіе сноголкователи, которые представляютъ себя истинными вѣщателями, и къ таковымъ обращаются и вѣрятъ ихъ толкованіямъ.

Когда дѣвушки поутру вставали, то приходили къ нимъ бабушки и старыя женщины, и спра-

шивали, что имъ снилось. Хорошій сонъ повторялся, на святочныхъ вечерахъ, отъ слова до слова, не только между своими, но и знакомыми. Вотъ разговоръ дѣвушки съ няней:

«Няня, няня! поди сюда.»—А что дитя мое, дитятко ненаглядное? Не сонъ ли перепорхнулъ нерадостной? Не вѣсточка ли горькая? — «Не знаю, голубушка моя няня, а сонъ привидѣлся,» — и разскащица обнявъ няню руками, висѣла на ея шеѣ. Тяжелыя были вздохи въ ея груди и слезы на глазахъ навертывались. Но няня, не давъ ей плакать, говорила: ну разскажи жъ, моя звѣздочка ясная. —«Вотъ видишь,» продолжала встревоженная дѣвушка, «вечеромъ-то мнѣ малымъ мало спалось; что малымъ мало спалось, но чудно видѣлось. Привидилась мнѣ крута гора, а на той крутой горѣ, бѣлъ горючъ-камень лежитъ, и не движется и не пылаетъ; а на камнѣ выросталъ частъ ракитовъ кустъ, а на томъ на кустѣ младъ сизъ орелъ сидитъ, и голову склонилъ и крыльица опустилъ; пёрушками перебираетъ и ясными очами на меня поглядаетъ; предъ нимъ вьется въ воздухѣ голубка, а надъ голубкой носится сѣрой ястребъ. Ястребъ-то охъ, няня, страшно!» — Что мое дитятко? не бойся, возговори.— «Ястребъ-то, ... не скажу, боюсь! »— Знаемо, дитятко, ты напугано; по-

кончи жъ свой сонъ.—«Ястребъ точитъ кровь на сыру землю, и я въ крови .... Отъ ужастя я проснулась.» — Ну чтожъ, сонъ въ руку, сказала няня, и призадумалась.—«Ну, скажи, скажи, няня.» — Я разскажу тебѣ: крута гора, то домъ твой; ракитовъ кустъ, то дѣтушки твои.—«Какъ няня? У меня дѣтей нѣтъ.»—Ну, будутъ, отвѣчала она. — «А какъ же это?» — Эхъ, дитятко неразумное! Богъ пошлетъ. — «Съ неба?» — Вѣстимо. — Сизой орелъ, то твой суженой. — «Какъ же это, няня, Богъ и ему пошлетъ дѣтей? Чьи же будутъ лучше: мои, аль его?» — Всѣ ровные. Ну дай же покончить: голубка,—ты сама; а кровь-то—радость ваша на свадьбѣ; а ястребъ — злодѣй твой.

Подбѣгала къ нянѣ другая дѣвушка съ предложеніемъ разсказать свой сонъ: «а мой сонъ? Ну разсказать ли? — Снижу я во теремѣ, во свѣтлый день; невзначай день нахмурился, почернѣлъ и море синее возшумѣло. Въ бѣдовый день, не густой туманъ по синю морю опускался, а опускалася люта печаль, на высокій теремъ, на батюшкинъ домъ. Ужъ предъ тѣмъ днемъ, свѣтелъ мѣсяцъ свѣтилъ, не по старому; какъ выглянетъ, такъ опять за черныя тучи закроется. Ужъ привидѣлось, что упала звѣзда поднебесная, что твоя свѣча мѣстная соборная! — Что одѣвали меня

черным покровомъ, на тесовой кровати; на грудь сыпали крупны зерна бурмитскія и скатным жемчугомъ повивали голову; что во всю ночь держали меня въ свѣтлицѣ изъ трехъ досокъ, безъ верхней перекладины; что во всю ночь до бѣла свѣта, каркали вороны черные, а дятлы долбили желѣзными носами стѣну брусчатую.» — У, какъ страшно! кричали дѣвицы, отскакивали отъ разскащицы, блѣднѣли и прижимались другъ къ другу.—Богъ съ вами! Христосъ съ вами! вопіяла блѣдная няня, и начинала дѣвушекъ крестить; но сама дрожала, трепетала всѣмъ тѣломъ, и едва, стоя на ногахъ, произносила: да воскреснетъ Богъ и разточатся врази Его . . . . . аминь! аминь! аминь!— Плюнувъ на землю три раза, заставляла всѣхъ плевать, по три раза, и креститься. Нечистая сила изыди! антихристъ! дьяволъ! демонъ! лѣшій! изыди, изыди! да проклятъ ты будешь, во вѣки вѣковъ! аминь. — Дѣвушки, въ продолженіе ея проклятій, трепетали: они видѣли уже предъ собою дьявола съ длиннымъ, косматымъ хвостомъ, то съ поднятымъ вверхъ, то съ подобраннымъ подъ себя, какъ у бѣшеной собаки; съ большими рогами, съ козьими ногами: самъ играетъ и самъ пляшетъ, и языкомъ дѣвушекъ дразнитъ; то киваетъ пальцемъ, и моргаетъ глазомъ чертовскимъ, то перевернется и станетъ

ходить на рогахъ, или завернется, завернется и перевернется въ черную кошку, и прямо имъ подъ ноги. — Ухъ, ухъ! всѣ кричали, и отъ ужаса падали на землю. Няня чуть жива. На крикъ сбѣгались старыя женщины и бабушки, и окропляли дѣвушекъ крещенской водою. Когда дѣвушки приходили въ себя, ихъ увѣряли, что онѣ здѣсь спали, и пристыдятъ еще, что барышнямъ не годится спать на землѣ, а слѣдуетъ на лебяжей постелюшкѣ. По успокоеніи дѣвушекъ, приступаетъ уже няня: ты моя розонька розовая! скажи-ка свой сонъ.— «Хорошо, няня, слушай. По великому, по большому озеру, не сѣръ селезень плылъ, то плылъ кораблик. Той кораблик изукрашенъ, у того кораблика на носу левъ — звѣрь вырѣзанъ; вмѣсто очей вставлено по дорогому камешку, по брилліантику; вмѣсто бровей, повито чернымъ соболемъ; вмѣсто уса, торчали два ножа каленые булатные; вмѣсто ушей, развѣвались два горностая; вмѣсто гривы, двѣ лисицы бурластыя, вмѣсто хвоста, двѣ куницы волнистыя. А на корабликѣ тридцать богатырей, одинъ одного краше, а одинъ изъ нихъ отмѣтной, какъ ясной соколъ между соколами; какъ свѣтелъ мѣсяцъ между звѣздами. Онъ протянулъ ко мнѣ руку, заговорилъ: красная дѣвица—красавица! — Я хотѣла подойти къ не-

му и тутъ проснулась.»—Славный сонъ! закричала отъ радости няня: ты скоро замужъ выйдешъ. По тебя ужъ ѣдутъ поѣзжаные, и въ теремѣ у батюшки твоего, ай будетъ снова ликованье. Не успѣлъ батюшка сына женить, а ужъ дочь просваталъ.—Свадьба! Свадьба! право, звѣздочка моя утренняя.—«Няня, голубушка моя няня, одна изъ дѣвицъ говоритъ, сказать тебѣ про мой сонъ?»—Говори, сердце мое, ласточка моя, касаточка моя, канареечка моя; —я такъ тебя люблю,—говори про свое счастіе, лебедушка моя, пташечка моя.—«Слушай, няня: на малиновомъ кустѣ сизокрылая горлица; во темномъ лѣсу каркаютъ вороны; за лѣсомъ, на крутой горѣ, высокій теремъ; въ томъ теремѣ дѣвица плачетъ, рыдаетъ и крупны слезы полотенчикомъ утираетъ.—Кто-то ей возговоритъ: не жги свѣчи воску ярого, не жди дорогова; другу сердечному во-вѣкъ къ тебѣ не бывать; твое солнце перекатное, а доля твоя безталанная. А она восплачетъ: куда мнѣ отъ злой бѣды, отъ лютой тоски? Пойду во темны лѣсы, во круты овраги, созову звѣрей, накликаю: охъ, вы лютые звѣри, соберитесь ко мнѣ! вотъ вамъ мое тѣло: вы разстерзайте его на мелкія части; мое тѣло бѣлое, вамъ пища сладкая; разстерзайте его, но оставьте сердце: другъ найдетъ сердце, найдетъ

милъ и дознаетъ, какъ любила я его; какъ любила его, и вздохнетъ обо мнѣ, — вздохнетъ и поплачетъ. — На тѣ рѣчи прилетѣла горлица и ласковое слово проворковала: не роняй на бѣлу грудь горючихъ слезъ; не губи красу: милъ твой сердечной воротится; онъ узнаетъ, какъ тосковала и полюбитъ больше прежняго.—На тѣ рѣчи налетѣли вороны и закаркали: не грѣть солнцу жарче лѣтняго, не любить твоему другу крѣпче прежняго. — Тутъ буйные вѣтры завыли и съ теремомъ дѣвицу уносили. Прилетѣлъ молодецъ, дѣвицу высвободилъ, во свѣтлую церковьку съ нею пошелъ. Смотрю, на головкѣ моей вѣнецъ: я хотѣла поправить его, подняла ручку и проснулась. — Всѣ дѣвушки провозглашали: свадьба! — Вѣстимо свадьба, отвѣчала няня. — Нѣтъ не свадьба, отвѣчала одна изъ дѣвушекъ: церковь и на головѣ вѣнецъ, — это похороны, это смерть. — Нѣкоторыя вѣрили, другія спорили, а разсказывавшая дѣвушка уже плакала. — Ея сонъ зловѣщій, а няня сказала неправду. И начиналась тогда тревога, и стоило великихъ трудовъ увѣрить въ противномъ не только ее, но и всѣхъ тѣхъ, кому сны толковались къ несчастію или къ смерти. Послѣдней болѣе всего страшились. (*)

* Пересказывать всѣ сновидѣнія нѣтъ возможности пото-

«Послушай Ивановна, мой сонъ.» Ну, ну говори, моя ягодка малиновая, Аграфена Ѳедосѣевна.

«Вотъ видишь, Ивановна. Только что я вздремнула, и уже вижу: взошелъ мѣсяцъ,—да гдѣ же? у батюшки въ терему. Золоты рога глядятъ въ зеленъ садъ, а въ зеленомъ саду цвѣтутъ цвѣты пные, растутъ яблоки наливные, поютъ птички малиновочки. Какъ увидѣла все это, да такъ испугалась, что укрылась подъ подушку.»

Эка ты подруженька! ты бы зачурала, говорили дѣвушки.—«Страшно было, дѣвушки! Хочу сказать, языкъ не воротится; хочу привстать, ноги подкатываются. Слышу, кто-то душитъ меня подушкою. Встаю, и что же вижу? По саду гуляетъ жаръ-птица! Я въ садъ иду, она на встрѣчу мнѣ; я отъ ней бѣгу, она за мной летитъ; я къ батюшкѣ во теремъ, она за мной. Вхожу въ покои, а жаръ-птица взлетѣла на мѣсяцъ, сѣла на золотомъ рогѣ и манитъ меня къ себѣ. Не помню, какъ я поднялась къ мѣсяцу, какъ сѣла рядомъ съ жаръ-птицею.»—

му, что онѣ безконечны. Въ заключеніе, представляется здѣсь одинъ сонъ, очень мило и простодушно разсказанный г. Сахаровымъ. (См. его сочиненіе: Сказанія Русскаго народа, компактное изданіе).

Что же дальше? спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна.»—Ты не хватала ли рукой за голову?—«Незнаю.»—

«Мы всѣ видѣли, Ивановна, какъ Аграфена Ѳедосѣевна положила руку подъ голову, и заснула крѣпко.»

То-то и есть, красныя дѣвицы: сами виноваты, что сны забываются.

«Скажи намъ, Ивановна, что значитъ сонъ Аграфены Ѳедосѣевны?»

Да какой же хорошій сонъ, красныя дѣвицы! Слушайте только: свѣтелъ мѣсяцъ, то батюшка родимой, Ѳедосѣй Ивановичъ; что золоты-то роги у мѣсяца, то дѣтки у Ѳедосѣя Ивановича, Аграфена Ѳедосѣевна да Иванъ Ѳедосѣевичь; что зеленой-то садъ, чужой дворъ; что въ зеленомъ-то саду цвѣтутъ цвѣтки пные, то молодые молодушки, почтенныя невѣстушки; что яблочки-то наливные, то молодые деверьюшки; что поютъ-то птички малиновки, то красныя дѣвушки; что жаръ-птица во зеленомъ саду, то суженой у себя во двору; что жаръ-птица у Ѳедосѣя Ивановича во терему, то у него зять во пиру; что жаръ-птица сидитъ на золотомъ рогу, а Аграфена Ѳедосѣевна на другомъ, то быть замужемъ.

«А какъ скоро, Ивановна, сбудется сонъ?»—

Ахъ родимыя, мои голубушки! вѣдь сонъ-то не досмился. Вѣстимо скоро, такъ скоро, что не увидимъ, какъ святки пройдутъ; не замѣтимъ, какъ свахи пріѣдутъ; не подмѣтимъ, какъ росписки укрѣпятъ; не учуемъ, какъ рукобитье пробьютъ, за дубовой столъ посадятъ; не взвидимъ, какъ подъ вѣнецъ поставятъ,— а только опомнимся, какъ въ княжемъ пиру возвеличатъ. Вотъ какъ скоро!

«Ужъ ты всегда такъ, Ивановна, говоришь. Мой сонъ совсѣмъ не то значитъ; я тебѣ не вѣрю.» —

Охъ ты, Аграфена Ѳедосѣевна, вѣдь ты у насъ съ весны заневѣстилась; вѣдь суженые-то давно уже заглядывали росписи.

«Что ты, что ты Ивановна! говорила бабушка. Не пускай въ огласку дѣло Ѳедосѣя Ивановича. Можетъ быть, что и разладится.»

Ужъ что знаю, такъ знаю, а припаланнаго никому не открою. У насъ свадьба.

Соболемъ Аграфенушка всѣ лѣсы прошла, крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ; въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцомъ.

Дѣвушки думали о своихъ суженыхъ, и потому каждая изъ нихъ оставалась довольною, если сонъ объясняли въ хорошую сторону. Когда случалось, что онѣ плакали отъ сно-

толкованій; тогда утѣшали ихъ будущимъ счастіемъ,—такова жизнь человѣческая!—«Хорошъ твой сонъ, душка малина», говорила старая няня рыдавшей барышнѣ; «не плачь, на роду твоемъ написано счастіе. Смотри, золотая моя голубушка! какъ солнце взошло красно, такъ все будетъ тебѣ на утѣху, на радость. Много предстоитъ радости, а еще больше будетъ на яву и во снѣ. Сладкое тебѣ житье. Богачества твоего не сосчитать. А все то сонъ, согласіе да любовь, калина—ягодка моя! ни одной дѣвушки не будетъ тебя счастливѣе: красная семья твоя, то утѣха твоя; розовыя ягодочки, то дѣвушки твои; къ добру, къ радости твой сонъ.»—

Святочныя сновидѣнія большею частію составляютъ забаву, увеселеніе: имъ вѣрятъ и не вѣрятъ. Но тѣ сновидѣнія, которыя изъясняются ежедневно, еще болѣе обманываютъ легковѣрныхъ, ведутъ къ новымъ заблужденіямъ и дѣлаютъ ихъ суевѣрными, смѣшными и жалкими въ глазахъ здравомыслящихъ.

Такъ въ старые годы проводили дѣвушки святочные вечера! Ссорились и мирились въ тотъ же часъ; нянюшки подслушивали и разносили вѣсти съ своими дополненіями; хвалили дѣвицъ предъ суженымъ, а суженыхъ предъ дѣвицами.

Когда дѣвицы нагостились, тогда пріѣзжали за ними матушки, и уѣзжали съ ними домой, или на новые вечера. Все время Рождественскихъ праздниковъ не замѣтно протекало въ невинныхъ удовольствіяхъ. — Если мать узнавала, что ея дочь не хорошо принята подругами, или обижена въ предпочтеніи; то она немедлено пріѣзжала за нею, отвозила домой, подъ предлогомъ, что по ней взгорюнился батюшка, встосковались братцы, и она сама видѣла недобрые спы. Ея пріѣздъ понимали, но притворялись растающимися съ горестью, отпускали нехотя, но отъѣзду были рады и потомъ судили о гостяхъ по своему, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ.

Переходъ отъ впрованій къ гаданіямъ.

Преданія нашего народа о тайныхъ дѣйствіяхъ природы, пережили многія историческія событія. Были особыя сословія, которыя посвящали себя познанію непостижимыхъ вещей, обыкновенныхъ въ самомъ дѣлѣ. Предки наши боялись таковыхъ людей, думая и вѣря, что они имѣютъ сношенія съ невидимыми духами; что они живутъ съ ними въ дружбѣ, и послѣ своей смерти отдаютъ душу чертямъ, за подписаніемъ условія своею кровію, чтобы получить отъ нихъ черную книгу (магію), въ коей дьявольскими буквами были написаны тайны, заговоры, чары и предреканія о буду-

щемъ. Народъ ненавидѣлъ и страшился чернокнижниковъ, но въ нуждѣ прибѣгалъ къ нимъ.

Чародѣи, волшебники, колдуны, гадальщики, вѣдьмы, вѣщуны, волхвы, астрологи, чаровники, обаятели и морочители знали чернокнижіе. Но все это, есть ли произведеніе воображенія русскаго народа, или перенесено къ намъ изъ другихъ странъ? отвѣчать не трудно. Индія, колыбель чудовищныхъ вымысловъ, облекала ихъ въ таинственныя предзнаменованія, которыя производили чудеса между грубымъ народомъ; пылкіе и хитрые жрецы направляли мысли къ слѣпому вѣрованію, управляли людьми и царствами!—Явились толпы поклонниковъ всего таинственнаго, и потомъ образовались общества чернокнижниковъ, или маговъ, къ коимъ благоговѣли самые властители народовъ. Все вопрошало маговъ, и ихъ толкованія принимали за гласъ боговъ.

Египтяне, малоазійскіе Греки, Вавилоняне, древніе Мидяне, ведя торговыя сношенія съ Индіею, перенесли въ свое отечество сокровенныя знанія, которыя нашли между ними не только вѣрователей, но еще ревностныхъ распространителей. Отсюда быстро разлились повѣрья и чудеса по Персіи, европейской Греціи и Римскимъ владѣніямъ. Въ Персіи утверждались восточныя вѣрованія магами, а въ Греціи и

Римѣ жрецами. Европа ознакомилась съ вымыслами древняго міра еще до паденія Греціи и Рима; но она пересоздала ихъ по своему времени, оставивъ потомству разгадывать темные и глубокомысленные миѳы Индіи, коихъ основная идея была: твореніе міра и жизнь. Образованная Греція заставила своихъ мудрецовъ и философовъ доискиваться начала мірозданія. Многіе изъ нихъ, бывъ проникнуты чистымъ свѣтомъ наукъ, понимали таинственную природу, какъ созданіе невидимаго духа, вездѣ и повсюду парящаго и творящаго; но тѣ, разумѣнію коихъ тайны натуры были недоступны, остались при однихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Отсюда проистекло вѣрованіе въ то, чего народъ не понималъ и міръ увидѣлъ созданіе новыхъ понятій о самомъ себѣ, его жизни, назначеніи, и наконецъ, гаданія и предсказанія слились съ хаосомъ заблужденій и суевѣрій. Такъ Европа приняла въ свои нѣдра весь запасъ тысящелѣтнихъ догадокъ и миѳовъ. Наши предки, Славяне, скитаясь по Европѣ, въ вѣка необразованные и суевѣрные, позаимствовали многое отъ германскихъ народовъ; потомъ, когда получили осѣдлую жизнь, привили ихъ понятія къ своимъ обычаямъ.—Вѣрованія и знанія, которыя существовали въ Греціи и Римѣ, подъ назва-

ніемъ: *авгуровъ*, птицегадателей, *аэромантіи*, гаданіе по состоянію воздуха, *астрологовъ*, по теченію планетъ и созвѣздій, *антрологомантіи*, по внутреннимъ частямъ тѣла, *гороскепы*, по жертвамъ животныхъ, *гидромантіи*, по движенію и цвѣту воды, *гонтіи*, признаваніе духовъ и вызываніе тѣней умершихъ изъ гробовъ, *дактиломантіи*, узнаніе враговъ, *кабалистики*, значеніе таинственныхъ словъ, *капномантіи*, по жертвенному дыму, *катоптромантіи*, по зеркалу, *керомантіи*, по воску, *клеромантіи*, по шарикамъ, *икномантіи*, водою, *ливаномантіи*, по куренію душистыхъ веществъ, *метеоромантіи*, по воздушнымъ явленіямъ, грому и молніи, *мистагоніи*, по изъясненію признаковъ, *міомантіи*, по крику и прожорству мышей и крысъ, *некромантіи*, вызываніе духовъ изъ заколдованныхъ тѣлъ, *онихомантіи*, по ногтямъ, *роскопіи*, гаданіе на яйцѣ, (беременныхъ женщинъ: кого она родитъ), *прогностикомантіи*, изъясненіе по примѣтамъ, *психомантіи*, вызываніе умершихъ, *тераторомантіи*, по рожденію уродливыхъ животныхъ, *тефраномантіи*, по золѣ, *энотромантіи*, по зеркалу,—всѣ эти гаданія и суевѣрія, перешли къ намъ и перемѣшались съ предразсудками. Простой народъ, и даже посвященные въ таинства чернокнижныя,

не имѣя свѣдѣній о греческихъ и римскихъ жертвенныхъ обрядахъ, дѣйствовали по своимъ правиламъ, примѣняли ихъ къ своимъ гаданіямъ и обманамъ, и съ особеннымъ раченіемъ изучали чернокнижіе, которое было верхомъ человѣческихъ познаній и чудесъ. Русскій народъ, веселый и страстный къ забавамъ, присоединилъ къ своимъ празднествамъ предразсудки и гаданія, и мало по малу они вошли въ кругъ святочныхъ вечеровъ, гдѣ образовался отдѣльный міръ толковъ, предзнаменованій и вѣрованій.

Въ язычествѣ всякое гаданіе тѣсно соединялось съ богослужебными и гражданскими дѣлами. Тамъ ничего не начинали не посовѣтовавшись съ предсказателями. Съ распространеніемъ Христіянства, гаданіе упало; нынѣ же оно употребляется благоразумными людьми только для препровожденія времени и разнообразія увеселеній. Для суевѣрныхъ оно и теперь составляетъ вопрошеніе судьбы.

Наши святочныя гаданія, со всѣми своими забавами, оживотворяютъ прошедшую жизнь, гражданскій и семейный бытъ, который переданъ намъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Въ-старину всѣ сословія участвовали въ рождественскихъ гаданіяхъ — отъ великокняже-

*

скаго дворца, до убогой хижины земледѣльца. Царевны встрѣчали святочные вечера въ своихъ теремахъ съ верховыми и сѣнными дѣвушками. Не одно было ихъ желаніе повеселиться непринужденно, но и страсть погадать о будущей судьбѣ. Это чувство, врожденное каждому человѣку, еще сильнѣе привязывало пламенныхъ воздыхателей къ гаданіямъ.

Значеніе слова гаданія.

Нѣкоторые думаютъ, что гаданіе произошло отъ еврейскаго слова *гадъ*, счастіе, имѣющее одинаковый смыслъ съ *Демоніонъ*, богинею счастія и гаданія у Грековъ.

Донынѣ въ простонародномъ разговорѣ *гадать*, означаетъ думать; на польскомъ *гадаць* (gadać), говорить на-обумъ, неосновательно; по богемски *гадамъ* (hádám) предсказывать, догадываться; *гадацъ* (hadac) вѣщатель; всѣ эти слова соотвѣтствуютъ русскому гадательному глаголу—гадать и его смыслу. И гаданіе отнюдь не произошло отъ *гадъ*.

Происхожденіе переряживанія.

Святочныя игры развивались въ нашемъ отечествѣ, по мѣрѣ сближенія его съ Европою, которая сама много заимствовала ихъ отъ азійскихъ народовъ. Восточные народы, особенно малоазійскіе Греки, любили проводить многіе дни въ борьбѣ, танцахъ, скачкѣ и переодѣваніи. Европейскіе Греки, а за ними Римляне, усвоивая иноземные обычаи согласно съ

потребностію вѣка, учредили праздничные дни для самыхъ забавъ. Олимпійскія игры и римскія забавы въ циркахъ, составили со временемъ необходимую принадлежность жизни народной. Вакханаліи, перенесенныя изъ Индіи, распространились по всей Греціи, а въ Римѣ превратились онѣ въ безчинство и продолжались по нѣскольку дней сряду. Переряживанія, бѣганье, пѣсни и пляски подъ музыку, на улицахъ и въ домахъ, днемъ и ночью, производили безпорядки и несчастныя слѣдствія для жителей: родилась чрезмѣрная страсть къ шумнымъ удовольствіямъ, расточительность и повсемѣстная порча нравственности. Изнѣженные Грекъ и Римлянинъ сохнули отъ скуки, когда запрещали имъ наслаждаться, или такъ сказать, жить среди обрядныхъ забавъ. Въ Римѣ всѣ умы были настроены къ умноженію и изобрѣтенію постоянно новыхъ удовольствій. Воины ратовали съ врагами и гремѣли славными подвигами, а народъ смотрѣлъ на гладіаторскія битвы, рукоплескалъ не великимъ людямъ, но бойцамъ; увеселялся зрѣлищами и становился безчувственнымъ къ геніальнымъ произведеніямъ творчества. Словомъ, народъ дышалъ однѣми забавами.

Народы, разгромившіе западную имперію во второй половинѣ V вѣка по Рождествѣ

Христовомъ, не могли не заразиться сами утонченной роскошью: стали носить блестящія одежды, пировать и проводить ночи въ наслажденіяхъ. Побѣжденные совратили съ прямаго пути своихъ побѣдителей. — Готѳы охотнѣе всѣхъ предавались наслажденіямъ: они, по вторженіи ихъ въ Восточную Имперію, внесли туда свои забавы, которыя прослыли *готскими играми*. Мы знаемъ уже, что онѣ увеселяли константинопольскій дворъ въ рождественскіе дни: наряженные и шуты (scurra) одѣвались въ вывороченныя на изнанку платья, и покрывали свои лица разрисованными масками; плясали и пѣли подъ музыку; скакали, вертѣлись, представляли смѣшныя явленія, и сколько можно, уродливыя.

Восточные Греки весьма полюбили эти готѳскія забавы и усвоили ихъ съ своею жизнію. Наши Славяне, которые долгое время имѣли непосредственное сношеніе съ Царьградомъ, могли перенесть оттуда потѣшныя увеселенія въ свое отечество и совершать ихъ на святкахъ и на масляницѣ.

Лѣтописи наши называютъ переряживанія: *скуратами* (скуратъ, отъ латинскаго слова scurra, что значитъ шутъ), *лудами* (отъ латинскаго слова ludex, — одѣтые въ дурацкое платье), *окрутниками* (крутящіеся), *скоморо-*

хами (тоже что scurra), и *личинками* (замаскированными); въ Малороссіи они именовались *машкарями* (замаскированные шуты).

Названіе маски встрѣчается у насъ давно. Еще въ XII вѣкѣ Архіепископъ Лука, преслѣдуя многія языческія обыкновенія, воспрещаетъ *москолюдство имѣти* (носить маски). Во Франціи простой народъ вѣрилъ, что маски суть покрывало дьяволовъ. Такъ и у насъ нѣкоторые изъ простолюдиновъ думаютъ.

Въ прежнія времена маскированные корчили изъ себя демоновъ и страшилищъ, наряжались волками, лисицами, быками и т. п. Женщины переряживались въ мужскія, а мущины въ женскія платья; бѣгали по городу съ зажженными факелами, били въ бубны, кричали и ревели голосами разныхъ животныхъ. Въ средніе вѣки думали, что въ продолженіе 8 дней послѣ Рождества Христова, черти скитаются на землѣ переряженными, хватаютъ проходящихъ, бѣгаютъ и скачутъ съ ними по улицамъ, и потомъ уносятъ ихъ съ собою въ адъ. Нашъ простой народъ донынѣ думаетъ, что со дня Р. Х. до Богоявленія, посѣщаютъ ихъ домы дьяволы, подъ образомъ *оборотней*, *вулкулакъ*, *буки*, и хватаютъ маленькихъ дѣтей. Отъ этого вошло въ обыкновеніе пугать ребятъ, когда они за-

плачутъ: *бука тебя съѣстъ, не плачь!* Есть еще мнѣніе, кто во время святокъ наряжался чортомъ, особенно если кто надѣвалъ на себя рожу (маску), тотъ страшный грѣшникъ, и грѣхъ не иначе можетъ быть смытъ, какъ только рѣшимостью окунуться три раза въ крещенской прорубп.

Утонченное искусство переряживанія и маскированія принадлежитъ Италіянцамъ. Гранацци, воспитанникъ Микель Анджело, первый улучшилъ это (въ XVI в.).

Всѣ наши святочныя увеселенія и забавы не подвергаются нынѣ ни гоненію, ни отлученію отъ Церкви. Языческій міръ, вполнѣ наслаждавшійся удовольствіями жизни, ничего не видѣлъ въ нихъ противнаго ни своему вѣку, ни просвѣщенію; но ложныя понятія объ этихъ удовольствіяхъ были причиною, что въ жизнь народовъ вкоренилось множество суевѣрныхъ обрядовъ. Гаданія, предсказанія, исцѣленіе недуговъ травами, игры, пляски и маскированія представлялись въ глазахъ простолюдиновъ дѣйствіемъ чародѣйства, и потому вводили ихъ въ заблужденіе. Просвѣщенное правительство прибѣгало къ запрещенію и строго наказывало обманщиковъ. Христіянская церковь, чуждаясь языческихъ нововведеній, стремилась искоренить ихъ духовными поста-

новленіями: она желала, чтобы истинная Вѣра пребывала чистою, безъ примѣси суевѣрій. Церковь издавала по сему предмету назидательныя поученія и правила, и увѣщевала Христіянъ, чтобы они не слѣдовали богопротивнымъ забавамъ, хотя въ самой сущности онѣ ничего не заключали въ себѣ богопротивнаго; на непокорныхъ налагала эпитемію, или не допускала къ св. причастію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (*).

Опредѣленіе Стоглава: объ искорененіи богопротивныхъ и безнравственныхъ обыкновеній.

Суевѣрныя понятія еще долго потемняли здравое сужденіе. Въ XVI вѣкѣ мы встрѣчаемъ не только между простымъ народомъ, но среди самаго духовенства многіе закоренѣлые предразсудки. Просвѣщенные правители ревностно уничтожали языческіе и невѣже-

(*) Вотъ выписка изъ Номоканона (см. Требникъ, Кіевск. изд. 1817 г.), который имѣлъ силу не только въ церковныхъ, но и гражданскихъ дѣлахъ, воспрещая даже невинныя забавы и увеселенія. *О литіи воскомъ.* Восколей и оловолей не допускались къ причастію 20 л.

О гаданіи. Гадавшіе съ цыганками надъ больными не допускались къ причастію 5 лѣтъ; гадавшіе ячменемъ, или на бобахъ, 6 лѣтъ.

О забавахъ. Предававшіеся танцамъ на свадьбахъ или надѣвавшіе на себя въ какихъ нибудь собраніяхъ *личники* (маску), или наряжавшіеся мущины въ женскую одежду, а женщины въ мужскую, подвергались: міряне отлученію отъ Церкви, а духовные лишенію священническаго сана. Запрещалось еще строго, всѣмъ Православнымъ присутствовать при конскихъ ристаніяхъ во время Пасхи. Кто пировалъ на праздникѣ *варварскомъ* (иноземномъ), тотъ лишался причастія 2 года; духовные же лишались сана.

ственные обряды, возлагая на священство обязанность смягчать грубые нравы. Но какъ слабо было умственное развитіе даже между духовенствомъ, то видно изъ соборнаго опредѣленія Стоглава (бывшаго въ 1551 г. февраля 23), коего первымъ дѣломъ было: заведеніе училищъ въ Москвѣ и другихъ городахъ,— учрежденіе тѣмъ важное, что многіе священники тогда не умѣли читать, и вытверживали церковную службу напзустъ. Архіепископъ Новгородскій Геннадій, жалуясь Митрополиту Симону на состояніе духовныхъ (въ 1500 г.) въ своей паствѣ, такъ пишетъ: «приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю дати чести Апостолъ, и онъ не умѣетъ ступити.—И язъ велю азбуку учити, и онъ поучится мало, да проспится прочь. А моей силы нѣтъ, что ихъ неучивъ, мнѣ ставити.»—Для обузданія суевѣрія и пустосвятства, запрещалось строить церкви безъ всякой нужды, а бродягамъ ке-

---

Объ украшеніи. Всему духовенству возбранялось украшать себя разноцвѣтными одеждами, а свѣтскимъ ходить въ нарядномъ платьѣ, стричь бороду, напрыскиваться духами, или помадиться (ушарятн); женскому полу не дозволялось заплетать волоса. Не повиновавшихся отлучали отъ церкви.

О постѣ въ среду и пятницу. Не постившіеся въ среду и пятницу, лишались причастія до раскаянія.

О врачѣ изъ Евреевъ. Если кто въ болѣзни призывалъ на помощь врача изъ Евреевъ, то духовный лишался сана, а мірянинъ отлучался отъ церкви.

лій въ лѣсахъ и пустыняхъ; запрещалось монастырямъ покупать отчины, безъ вѣдома и согласія Царскаго, чтобы монашество не жило ко вреду общества и своей нравственности (*). Эти благія мѣры не производили желаемаго дѣйствія. Что же слѣдовало предпринять для обузданія суевѣрія и безнравственныхъ обыкновеній?—Не будемъ такъ строги къ нашимъ предкамъ. Политическія обстоятельства, отдѣливъ ихъ отъ Европы на многія столѣтія, были главнѣйшею причиною ихъ невѣжества. Если переряживанія преслѣдовались гражданскими и церковными постановленіями, то это происходило единственно отъ того, что первосвятители и образованные сановники хорошо знали господствующія понятія въ народѣ; имъ извѣстно было, что въ самыхъ невинныхъ забавахъ люди непросвѣщенные видѣли колдовство и чародѣйство: отъ нихъ-то и возникали заблужденія и суевѣрные обряды, которые совершались въ торжественные праздники. — На канунѣ Р. Х., Василія Великаго, Богоявленія и Св. Іоанна, мущины и женщины сходились ночью, пѣли, играли и плясали. Въ троицкую субботу плакали, вопили и глумили на кладбищахъ, прыгали, били въ ладоши и пѣли *сатанинскія* пѣсни. Въ утро великаго четверга жгли со-

(*) Кар. И. Г. Р. т. VIII. с. 110, примѣч. 203.

лому и кликали мертвыхъ, а священники клали у престола соль, и лѣчили ею недужныхъ; лживые пророки бѣгали изъ села въ село,—нагіе, босые, съ распущенными волосами, тряслись, падали на землю и баснословили о небесныхъ видѣніяхъ; скоморохи шатались по деревнямъ; мущины и женщины мылись, по какому-то обряду, въ однѣхъ баняхъ, и что всего мерзостнѣе, впадали въ содомскій грѣхъ (*). Самые святители часто волновали умы и совѣсть простодушныхъ людей. Между многими примѣрами: епископъ Ростовскій Леонъ утверждалъ (въ 1464 г.), что ни въ какіе Господскіе праздники, если они приходятся въ среду или пятницу, не должно ѣсть мяса, (**) между тѣмъ какъ Р. Х. и другіе подвижные праздники приходились въ эти дни.

Окрутники и опричники.

Изъ наряжавшихся, по наибольшимъ безчинствамъ, извѣстны Новгородскіе окрутники. На святочныхъ вечерахъ и на масляницѣ нарушали они всякое благочиніе и приличіе: буйство и чувственное наслажденіе увлекали ихъ такъ далеко, что они образовали даже еретическія секты. Жидъ Схарія, умомъ хитрый и языкомъ обольстительный, выѣхавшій изъ Кіева (въ 1470 г.) въ Новгородъ, произвелъ тамъ ересь: онъ плѣ-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 463.
(**) Кар. И. Г. Р. т. III. с. 31.

нилъ простодушныхъ каббалою, въ коей самые ученые люди XV вѣка искали разрѣшенія важнѣйшихъ задачъ для ума. Каббалисты хвалились книгою, полученною будто-бы Адамомъ отъ Бога, Соломоновой мудростію, изъясненіемъ сновидѣній, угадываніемъ будущаго, силою повелѣвать духами и знаніемъ всѣхъ тайнъ природы. Новгородскіе еретики, отвергая святыню Христіянства, соблюдали строгое постничество и казались ревностными исполнителями благочестія. Архіепископъ Новгородскій Геннадій открылъ этотъ расколъ, въ который вовлечено было много людей изъ духовнаго званія, и Княгиня Елена, невѣстка Іоанна Великаго, съ большимъ числомъ придворныхъ. Геннадій, приславъ Государю и Митрополиту на судъ дѣло, вмѣстѣ съ виновными, доносилъ (1490 г.), что эти отступники злословятъ Христа и Божію Матерь; плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, грызутъ ихъ зубами, бросаютъ въ нечистыя мѣста, не вѣруютъ ни царству небесному, ни воскресенію мертвыхъ. Судя по тогдашней суровости вѣка и важности разврата, поступлено съ отступниками весьма человѣколюбиво, что дѣлаетъ честь уму Іоанна Великаго. Нѣкоторыхъ осудили на заточеніе, а другихъ отправили въ Новгородъ: здѣсь посадили ихъ на коней лицемъ къ хвосту, въ выворо-

ченной одеждѣ, подражая окрутническимъ играмъ, съ высокими берестовыми шлемами, съ мочальными кистями, соломеннымъ венцемъ и съ надписью на немъ: *се есть сатанино воинство!* и въ этомъ окрутническомъ нарядѣ возили ихъ изъ улицы въ улицу. Народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!*—Въ заключеніе сожгли у нихъ на головѣ шлемы, и предали проклятію (*).

Надѣваніе личинъ и переряживанія составляли собственный предметъ святочныхъ увеселеній, которыя Царемъ Іоанномъ IV часто превращались въ страшныя зрѣлища. Законодатель великаго дѣла — Стоглава, ѣздилъ по Москвѣ съ своими опричниками въ скоморошныхъ, шутовскихъ и чудовищныхъ нарядахъ. Собачьи головы и метлы были привязаны къ седламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ Царскихъ лиходѣевъ и метутъ Россію. — Боярин Кн. Михаилъ Репнинъ, видя Царя, упоеннаго во дворцѣ крѣпкимъ медомъ и пляшущаго съ своими любимцами въ личинахъ, заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску, но Репнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами, и сказалъ: Государю ли быть скоморохомъ? — Царь велѣлъ умертвить его, когда онъ молился въ церкви! Со-

(*) Кар. И. Г. Р. т. VI. с. 184—189.

временники передали намъ, съ жестокой укоризною, о многихъ безславныхъ поступкахъ Іоанна Грознаго. Однажды въ воскресенье (1568 г.), въ часъ Божественной службы, Іоаннъ, сопровождаемый опричниками, вошелъ въ соборную церковь Успенія: онъ и вся его дружина были въ черныхъ ризахъ, съ высокими шлыками. Митроп. Филиппъ стоялъ въ храмѣ на своемъ мѣстѣ. Государь подошелъ къ нему и ждалъ благословенія; но Святитель обратилъ свои взоры на образъ Спасителя и молился мысленно. Наконецъ, одинъ изъ опричниковъ сказалъ: «Святый Владыко! се Государь, благослови его.» Филиппъ отвѣчалъ: «я не узнаю Царя православнаго въ семъ странномъ видѣ; не узнаю его и въ дѣлахъ Царства. Грабежи и убійства совершаются Царскимъ именемъ. Есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ.»—Государь затрепеталъ отъ гнѣва и вышелъ съ угрозою. — Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и скоморохами, конхъ присылали къ нему изъ Новгорода и другихъ областей, вмѣстѣ съ медвѣдями. Въ одно время опричники вломились въ домы многихъ знатныхъ людей, выбрали извѣстныхъ красотою женъ, увезли изъ города и представили Царю: онъ избралъ нѣкоторыхъ для се-

бя, прочихъ уступилъ своимъ любимцамъ, и ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, въ безобразныхъ переряживаніяхъ: жегъ усадьбы опальныхъ бояръ, даже истреблялъ скотъ, и при обыкновенныхъ восклицаніяхъ своей дружины: *гойда! гойда!* возвращался въ Москву, повелѣвъ ночью развесть женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда.

Отдадимъ справедливость Іоанну: во внѣшней политикѣ онъ неуклонно слѣдовалъ великимъ предначертаніямъ своего дѣда, Іоанна III; любилъ правду въ судахъ, каралъ сановниковъ-утѣснителей, тѣлесно и стыдомъ. Нарядивъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу.—Не терпѣлъ пьянства; дозволялось народу веселиться въ кабакахъ только въ Рождество Христово и на Святой недѣлѣ,—во всякое другое время отсылали пьяныхъ въ тюрьму (*).

Въ Новгородѣ переряженные донынѣ называются *окрутниками.* Со втораго дня Р. Х. до Крещенія они ходятъ въ тѣ домы, гдѣ увидятъ на окнахъ свѣчи; тѣшатъ хозяевъ плясками и шутовскими представленіями. Въ Тихвинѣ окрутники называются *кудесни-*

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 22, 87, 103, 105, 165, 167 и 441.

ками, куликами и щеголями. Тамъ украшаютъ разноцвѣтными знаменами лодку, кладутъ ее на нѣсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкѣ, въ разнообразныхъ одеждахъ и личинахъ сидятъ окрутники: они поютъ и играютъ; народъ провожаетъ ихъ; богатые угощаютъ окрутниковъ виномъ и кушаньемъ.

Переряживаніе.

Многіе святители смотрѣли на простодушныя святочныя увеселенія какъ на скверныя и бѣсовскія воплощенія, и потому строго запрещали ихъ. Патріархъ Іоакимъ, воспрещая переряживаніе и личины, такъ описываетъ ихъ (въ 1684 г.): «въ навечеріи Р. Х. совершаются *скверная и бѣсовская дѣйства.* Мущины и дѣвушки ходятъ толпами по улицамъ и поютъ бѣсовскія нѣсни (вѣроятно колядскія), произносятъ сквернословіе, пляшутъ для возбужденія *блудныхъ нечистотъ* и прочихъ грѣхопаденій.» Далѣе говоритъ онъ: «переобразовываются *въ неподобныя отъ Бога созданія* и измѣняютъ человѣческій образъ. Надѣваютъ личины кумирскія, бѣсовскія, косматыя, и одѣтые въ бѣсовскія одежды, скачутъ и пляшутъ. Тѣже самыя *бѣсовскія игрища и позорища* происходятъ съ Р. Х. до Крещенія Господа нашего, 12 дней.» Патріархъ Адріянъ еще далѣе простеръ свой гнѣвъ. Онъ, слѣдуя Кормчей, чтобы Христія-

намъ не вдаваться въ игры и не ходить на позорища, запретилъ (1697 г.) хоронить на кладбищахъ тѣхъ, которые во время игры утонутъ, или убьются съ качели. Въ мое еще время жители уѣздныхъ городовъ имѣли великое отвращеніе ко всѣмъ тѣмъ, которые представляли на площадяхъ свое искусство, или играли на театрѣ. Ихъ считали погибшими на томъ свѣтѣ, думали, что чортъ давно взялъ ихъ душу, какъ равно и тѣхъ, кои проводили всю ночь въ танцахъ,—въ томъ предубѣжденіи, что по-полуночи веселятся одни черти. Въ недавнее только время духовенство перестало считать актеровъ недостойными наслѣдованія Царствія Небеснаго. Кто не знаетъ, что были случаи, когда священники отказывались давать актерамъ причастіе и хоронить ихъ?

Петръ Великій смѣло искоренялъ суевѣрныя запрещенія. Насмѣхаясь надъ нѣкоторыми закоренѣлыми обыкновеніями, онъ самъ наряжался на святкахъ, славилъ Христа, или представлялъ, въ переряживаніи своихъ любимцевъ, недостатки и пороки вельможъ и святителей. Въ Царствованіе Императрицы Анны, народныя забавы преслѣдовались Бирономъ, который вводилъ все нѣмецкое, и самый тронъ хотѣлъ окружить своими клевретами. Народъ и даже высшее сословіе до такой степени

были имъ унижены, что тотъ, кто думалъ по-русски, считался почти преступникомъ. Примѣромъ тому—ревностный защитникъ народности, казненный Волынскій. По волѣ Бирона Сибирь наполнялась постоянно несчастными Русскими, и никто не могъ бороться съ сильнымъ временщикомъ. Современники проклинали его, и въ потомствѣ онъ наслѣдовалъ одно проклятіе. Время господствованія злодѣя обратилось въ укоризненное прозваніе *Бироновщины*. Заточеніе его въ Березовъ спасло отечество наше отъ униженія предъ нами самими.

Императрица Елизавета возобновила святочныя забавы, и народъ увидѣлъ себя въ своихъ увеселеніяхъ: родились потѣшные праздники, появились наряженные, и все прошедшее забыто! Народъ русскій незлопамятенъ. Екатерина Великая любила переодѣваться въ русскія одежды и веселиться на святкахъ по-русски: при дворѣ, въ ея присутствіи, лили воскъ, играли—«золото хороню», и т. п. Придворныя дамы и кавалеры принимали въ нихъ живое участіе.

Переряживанія и наряжанія, какъ прежде совершались, такъ и нынѣ совершаются вечеромъ. Одежды нашихъ наряженныхъ произвольныя, изысканныя, роскошныя. Нѣкоторые надѣваютъ платья, разумѣется въ

Петербургѣ, съ расточительной пышностію. Случилось однажды видѣть богача-щеголя, въ бархатномъ длинномъ доломанѣ (въ видѣ плаща), который былъ унизанъ жемчугомъ и бриліянтами; голова его была обвита бѣлой кашемирской шалью съ разноцвѣтными каменьями; туфли испещрены золотыми блестками; поясъ ослѣплялъ сіяніемъ, отъ множества драгоцѣнныхъ каменьевъ: щеголь представлялъ Персидскаго Шаха. Нигдѣ нѣтъ такой изысканной пышности въ переряживаніи, какъ въ здѣшней столицѣ. Дворъ, дипломатическій корпусъ и множество богачей соревнуютъ другъ предъ другомъ въ изобрѣтеніи изящнаго и фантастическаго. Но во всемъ прекрасномъ и обворожительномъ надобно отдать преимущество нѣжному полу. Нельзя смотрѣть безъ очарованія на нихъ и на ихъ одежды полувоздушныя и увлекательно-поэтическія, особенно же, когда красавицы являются въ русскомъ нарядѣ.

Небогатые или недостаточные наряжаются каждый по своему состоянію, не стѣсняя себя выборомъ нарядовъ. Безобразныхъ, уродливыхъ нарядовъ не видно; окрутническія одежды давно изчезли. Въ прочихъ городахъ Россіи одѣваются и понынѣ въ шутовскія и уродливыя платья. Тамъ, по недостатку въ святоч-

ныхъ уборахъ, личинахъ (маскахъ), шьютъ уборы сами для себя, по своимъ выдумкамъ; лицо окрашиваютъ вохрою или другою краскою, или сажею, а усы и бороду начерчиваютъ углемъ, и т. п.

Бѣганье, пляска и пѣніе подъ музыку ночью вышло изъ обыкновенія. Если нынѣшніе наряженные ходятъ по улицамъ ночью, то скромно, тихо, безъ шуму и безъ нарушенія благопристойности. Кромѣшное буйство опричниковъ и бѣсованіе окрутниковъ давно забыты, и остались въ одинѣхъ лѣтописаніяхъ, какъ воспоминанія о страстяхъ прошлаго времени.

II. МАСЛЯНИЦА.

Разгульные дни, общіе всѣмъ народамъ.

У всѣхъ жителей на востокѣ были однажды въ году разгульные дни, въ которые угощали другъ друга кушаньемъ, ходили замаскированными по улицамъ и домамъ, пѣли и танцовали подъ звукъ литавровъ и бубенъ. У Римлянъ и Грековъ эти забавы обращены были въ сатурналіи и вакханаліи; но послѣднія нарушали благопристойность и распространяли повсемѣстный развратъ. Многія консульскія и императорскія постановленія немогли пре-

кратить вкоренившагося зла; одно время, и это время было паденіе Западной Имперіи, которое изгладило безнравственныя удовольствія народа. Готѳы, позаимствовавъ многое отъ Римлянъ, переобразовали вакханальскія потѣхи въ переряживанія. Съ происхожденіемъ новыхъ государствъ, образовались другія понятія и правительства, повый образъ жизни и забавъ. Католическое духовенство, истребляя все, что было противно его духу, нещадя даже невинныя языческія празднества, остававшіяся еще въ народѣ, учредило, такъ сказать, прощальное увеселеніе, за нѣсколько дней до великаго поста, которое извѣстно подъ именемъ *Карнавала.* Онъ начинается отъ праздника трехъ королей и продолжается до пепельной середы. (*)

Карнавалъ. У Нѣмцевъ карнавалъ называется Faſtnaſht, Faſsangen и Faſenacht. У нихъ первый понедѣльникъ масляницы назывался еще *голубой понедѣльникъ* (blauer Montag). — Онъ сопровождался разными жирными кушаньями; пекли *кренделі* (kringele) на маслѣ и яйцахъ, замѣнявшіе наши блины; пили и забавлялись маскированіемъ и

(*) Пепельную середу установилъ Папа Григорій В. около 600 г.; съ нея начинается постъ, канунъ же этого дня, у Католиковъ, есть заговины.

переряживаніемъ; качались на качеляхъ.—Нынѣ русскіе нѣмцы употребляютъ наши блины, во время нашей масляницы, а на свою, во вторникъ нашего поста готовятъ вафли, катаются на саняхъ, и цѣлый день предаются забавамъ и напиткамъ. — Ихъ примѣру слѣдуютъ почти всѣ иностранцы, живущіе въ Россіи. Однако всѣ они въ одно время съ нами празднуютъ Рождество Христово, Свѣтлое Воскресенье и другіе праздники, и веселятся на масляницѣ вдвойнѣ—въ нашу и свою.

Названіе масляницы.

Между славянскими племенами масляница называется различно: у Словаковъ fasanek, у Богемцевъ masopüst, masopüstny, у Поляковъ zapust и mięsopust, у Сербовъ *била недѣля*; у Русскихъ называется мясопустомъ, мясопустною недѣлью, сырною недѣлью, и масляницею.—Всѣ эти названія означаютъ одно и тоже. По причинѣ воздержанія отъ мяса, произошло названіе—мясопуста; отъ употребленія сыра,—сырной недѣли; отъ повсемѣстнаго употребленія масла,—масляницы, которая продолжается цѣлую недѣлю, предъ великимъ постомъ. (*) Въ нашихъ святцахъ и церковныхъ

(*) Въ недѣлю мясопустную воспоминается, по утвержденію Св. отцевъ, время страшнаго суда; въ субботу совершается поминовеніе о просіявшихъ въ пощеніи святыхъ; въ воскресенье воспоминается, по завѣщанію Церковныхъ учителей, паденіе праотца нашего Адама.

книгахъ употребляется названіе сырной недѣли. Въ это время ничего не ѣдятъ изъ мяснаго; рыба, молоко, яйца и сыръ, есть общее для всѣхъ.—Употребительнѣйшее и обыкновенное названіе этой недѣли, по всей Россіи, извѣстно подъ именемъ масляницы.

Въ теченіе масляницы всѣ состоянія увлекаются разгульной жизнію и забавами; почему она въ сѣверо восточной Россіи называется въ простонародіи *честною масляницею*, а на западѣ *широкою масляницею*. Она начинается *встрѣчею*, въ понедѣльникъ; съ средины недѣли идетъ разгулъ масляницы; въ *широкій четвергъ* всѣ спѣшатъ угощать другъ друга; наконецъ слѣдуютъ прощальные дни: суббота и воскресенье.

Отправленіе масляницы.

Начало введенія масляницы современно у насъ принятію Христіянской Вѣры. Въ Несторовой лѣтописи, при описаніи моровой язвы, въ Кіевѣ, подъ 1090 г., въ первый разъ упоминается мясопустъ. Названія же сырной недѣли и масляницы мы не встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ ранѣе XVI вѣка, а объ образѣ ихъ отправленія ровно ничего не знаемъ. Иностранные писатели суть первые, сообщившіе намъ свѣдѣнія о забавахъ и значеніи масляницы, которыя остались донынѣ почти въ прежнемъ видѣ. — Какъ встарину, такъ и нынѣ, главное

угощеніе на масляницѣ состоитъ въ блинахъ. Во всю недѣлю пекутъ изъ гречневой или пшеничной муки блины на маслѣ, молокѣ и яйцахъ, круглые, во весь объемъ сковороды; блины же, не болѣе какъ съ чайное блюдечко, тонкіе, легкіе и большею частію на молокѣ и яйцахъ, изъ одной пшеничной муки, называются *аладьями*. Въ богатыхъ домахъ подаютъ къ блинамъ жидкую икру. Въ Малороссіи и смежныхъ съ нею мѣстахъ пекутъ такіе же блины, и сверхъ того готовятъ *варенники*. Это небольшіе пирожки, похожіе на сибирскіе пильмени, съ тою разницею, что ихъ начиняютъ свѣжимъ творогомъ, и потомъ на нѣсколько минутъ опускаютъ въ кипятокъ; вынувъ изъ воды, немедленно подаютъ къ столу горячими: ихъ ѣдятъ съ масломъ и сметаной. Блины подаются повсюду горячими; простывшіе теряютъ свое достоинство. Есть блиноманы, которые ѣдятъ такіе горячіе, что обжигаютъ языкъ и ротъ, но масло смягчаетъ ихъ обжогу. Повсюдное подчиваніе блинами на маслѣ и водкою, родило поговорку: *не житье а масляница.*

Въ высшемъ кругу людей масляница извѣстна по одному названію, и если блины подаются тамъ, то изъ приличія къ народному

обычаю, и чтобы, такъ сказать, не прослыть Нѣмцами.

Русскій съ чистосердечной простотою предается всякимъ потѣхамъ: скачетъ и пляшетъ, шутитъ и смѣется надъ скряжническою жизнію, гуляетъ въ городѣ и внѣ города, поетъ и выводитъ на рожкѣ радостную пѣснь; соритъ деньгами, опоражниваетъ бокалы съ виномъ, — тогда ему море по колѣно, и — хоть трава не расти!—

Въ иныхъ мѣстахъ масляница начинается съ понедѣльника, а съ четверга уже празднуютъ всѣ. Простолюдины, закусивъ порядочно блинами, принимаются распѣвать веселыя пѣсенки; потомъ катаются въ саняхъ и разъѣзжаютъ по знакомымъ. Послѣ катанья посѣщаютъ пріятельскій домъ, въ коемъ ждутъ ихъ новые блины, готовый обѣдъ, и тамъ пируютъ до полночи.

Всякое сословіе пируетъ по-своему: потому иные проводятъ время въ маскированіи, пляскахъ и шумныхъ пирушкахъ; другіе, съ меньшими требованіями на роскошь и свѣтское приличіе, катаются съ ледяныхъ горъ, на саночкахъ-самокаточкахъ, или на лубкахъ; качаются на разнозатѣйливыхъ качеляхъ и веселятся по-русски, припѣваючи.

Нѣтъ картины заманчивѣе, разновидиѣе и восхитительиѣе, какъ народная масляница въ

Петербургѣ. Тутъ всѣ состоянія спѣшатъ насладиться удовольствіемъ. Въ вечеру балы, маскарады и два раза въ день театры. По домамъ, какъ и въ рождественскіе праздники, расхаживаютъ замаскированные, — но вездѣ шумное и неутомимое гостепріимство.

Послѣдніе два дня на сырной недѣлѣ, (субботу и воскресенье), одни изъ приличія, другіе по набожности, посвящаютъ на испрашиваніе другъ у друга прощенія. Встрѣтясь, даже на улицѣ, они цѣлуются, говоря: «прости меня, въ чемъ я тебя обидѣлъ, умышленно и неумышленно, дѣломъ или словомъ.»—Богъ тебя проститъ и Божія Матерь, — отвѣчаетъ ему другой,—и въ знакъ примиренія цѣлуются. — Люди высшаго сословія не стыдятся ѣздить тогда къ своимъ врагамъ и мирятся съ ними. Иностранецъ Албертъ Кампензе, описывая Религію Русскихъ въ началѣ XVI вѣка, замѣчаетъ, *что они гораздо лучше* слѣдуютъ ученію Евангелія, нежели Католики (*). Эта похвальная черта не истребилась донынѣ у насъ.

Въ воскресенье, вечеромъ, совершаются проводы масляницы, и послѣ ужина заключаютъ ее, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, катаньемъ на саняхъ, почти до полночи.

(*) Lettera d'Alb. Campense intorno le cose di Moscovia, al. beat. padr. Clemente VII.

Въ небольшихъ городахъ Россіи, или вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ удовольствіе на масляницѣ сопровождается катаньемъ на саняхъ, и рѣдко вечернимн собраніями, простой народъ тѣшится пляскою, играми и пѣснями. Нельзя однакожъ скрыть слабости нашего добраго народа. Во всю масляницу, отъ чрезмѣрно-радушнаго угощенія виномъ, упиваются до того, что бываютъ драки и убійства. Не только иностранцы, описывавшіе нравы нашихъ предковъ, говорятъ объ этомъ, но мы современники сами этому свидѣтели.

По деревнямъ, парни съ дѣвками катаются на дровняхъ, саняхъ и большихъ салазкахъ съ природныхъ горъ. Катаются на скамьяхъ, подмороженныхъ коровьимъ навозомъ и политыхъ водою. Скамьи дѣлаются изъ двухъ большихъ досокъ, соединенныхъ ножками. На нихъ садятся только дѣвки, одна подлѣ другой, правятъ ногами и поютъ пѣсни. Мальчики катаются на скамѣечкахъ, садясь на нихъ верхомъ, а дѣвочки на ледянкахъ: это есть подмороженное рѣшето. Катаются еще на корытахъ подмороженныхъ, бычкахъ и кружкахъ (*); взрослые парни спускаются съ горъ

(*) Бычки имѣютъ видъ скамѣйки, коей низъ составляетъ старое разсошье, а передняя сторона отдѣляется полозьемъ. Разсошье намазываютъ коровьимъ навозомъ, потомъ поливаютъ водою, пока не обмерзнетъ хорошо. Мѣсто,

на ногахъ, сцѣпившись по нѣскольку вмѣстѣ. Но самое лучшее и разгульное катанье,— въ запряженныхъ лошадью саняхъ. Бабы и дѣвки, мужики и парни, усѣвшись около 15 человѣкъ въ сани, разъѣзжаютъ съ колокольчикомъ, при пѣніи разнообразныхъ пѣсней. Лошадь едва везетъ и останавливается весьма часто, какъ бы разслушивая пѣсни разгульныхъ своихъ сѣдаковъ; но ей не даютъ разслушать: дергаютъ возжами то въ ту, то въ другую сторону; она вытягивается лѣниво, поднимаетъ ноги, тащитъ шагъ за шагомъ; потъ на ней кружится паромъ, — она задыхается, лезетъ изъ кожи,—но везетъ.—Передъ сумерками увеличивается число парней, молодыхъ, женатыхъ, дѣвушекъ и молодицъ, — въ избахъ остаются однѣ старухи. Вывозятъ дрова и всѣ тѣснятся на нихъ. Удальцы сидятъ на краешкахъ и облучкѣ, и управляютъ бѣгъ ногами: такое гулянье продолжается до полночи.

Маскарадъ и санное катанье, данное Петромъ I.

Петръ I, насмѣхаясь надъ многими своеправными и застарѣлыми обыкновеніями, изо-

---

на коемъ садятся, устроиваютъ изъ небольшой гладкой доски, прикрѣпленной снизу четырьмя попарно столбиками: двумя напереди, а двумя назади. Кружки дѣлаютъ изъ старыхъ рѣшетъ, низъ переплетаютъ лыками, и потомъ обмазываютъ какъ бычки.

бражалъ ихъ часто въ потѣшныхъ забавахъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ представленная имъ маслянница въ Москвѣ (1722 г.). Въ четвертый день маслянницы начался большой поѣздъ изъ Всесвятскаго села. Тамъ было заготовлено множество разнаго вида и величины морскихъ судовъ, и всѣ они поставлены были на сани, которыя были запряжены звѣрьми. По данному ракетою знаку, флотъ двинулся и потянулся къ тверскимъ воротамъ пестрыми рядами. — Шествіе началось штукаремъ, ѣхавшимъ на большихъ саняхъ, въ шесть лошадей гуськомъ. Лошади брянчали бубенчиками и побрякушками. На другихъ саняхъ сидѣлъ Зотовъ, Князь—Папа. Онъ былъ одѣтъ въ длинную изъ краснаго бархата эпанчу, подбитую горностаемъ; въ ногахъ его сидѣлъ на бочкѣ пьяный Бахусъ; за нимъ ѣхалъ шутъ въ саняхъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. — Послѣ двинулся флотъ, съ Нептуномъ на колесницѣ и трезубцемъ въ рукахъ; колесницу его везли двѣ Сирены. За нимъ ѣхалъ Князь-Кесарь Ромодановскій, на большой лодкѣ, запряженной двумя живыми медвѣдями. Кесарь былъ въ порфирѣ и съ княжескою короной на головѣ. Потомъ шелъ 38-пушечный корабль, съ тремя мачтами и полнымъ вооруженіемъ: его везли 16 лошадей. Самъ Государь

сидѣлъ въ немъ, въ одеждѣ флотскаго Капитана, окруженный генералами и офицерами. За кораблемъ ѣхала гондола; въ ней сидѣла Государыня, въ одеждѣ остъ-фрисландской крестьянки; ее окружали знатныя и придворныя дамы и кавалеры, въ аравійскихъ одеждахъ. — За гондолою тянулась *неугомонная обитель:* такъ назывались маскарадные шуты: они сидѣли въ разныхъ смѣшныхъ положеніяхъ, въ длинныхъ и широкихъ саняхъ, которыя нарочно были сдѣланы на подобіе драконовой пасти. Шуты были наряжены журавлями, лебедями, лисицами, волками, медвѣдями и огненными змѣями. — Пестрое и разновидное шествіе, изумлявшее и забавлявшее жителей, шло въ Кремль, и сюда уже прибыло вечеромъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ. Слѣдующіе три дня были проведены въ угощеніяхъ и веселостяхъ. Участвовавшіе въ этомъ маскарадѣ, перемѣнялп на себѣ платья по нѣскольку разъ въ день. Послѣдній день заключился сожженіемъ богатаго фейерверка (*).

Разное отправленіе масляницы.

Между жителями петербургскими сохранилось преданіе, что масляница пріѣзжаетъ сначала на Охту, потомъ въ Ямскую, а послѣ

(*) Голик. Дѣян. Петр. В.; Сѣверн. Пчела 1833 г. No 125.

въ городъ. По этой причинѣ, Охта именуется первоначальницею масляницы, потому что въ старые годы строились тамъ ледяныя горы и кто охтенскимъ горамъ не сдѣлалъ чести своимъ посѣщеніемъ, тотъ считался отъявленнымъ врагомъ масляницы. Въ прежніе годы нигдѣ столько не пекли и не ѣли блиновъ, какъ на Охтѣ; въ прежніе годы подъ именемъ первоначальницы масляницы разумѣли Охтянку, которую представляли нагруженную блинами, аладьями и пирогами. Вотъ описаніе Охтянки, первоначальницы масляницы, которая, обращаясь къ своимъ подругамъ, говоритъ:

Сестрицы!
Встрѣчайте масляницу намъ любезную,
И къ веселью̀мъ нашимъ быть полезную.
Вотъ, здѣсь уже растворъ,
Блины и оладьи подпекать;
А вы готовьте
Болѣе масла подливать.
Не жалѣйте притомъ
Яицъ, сметаны и твороговъ
Для напеченія
Масляничныхъ пироговъ. —
А особливо для дородныхъ молодцовъ, —
Напечемъ мы поболѣе пряженцовъ!

Подруги ея, яичницы и городскія жительницы отвѣчали съ распростертыми объятіями:

Масляницу съ радостію нашею встрѣчаемъ,
Съ весельемъ и кочерги въ руки принимаемъ:
Въ готовности уже предъ вами строемъ стать,
Ухватами и кочергами честь отдать.
Все уже у нашихъ бабъ, все будетъ исправно,
И съ сковородниками пойдемъ регулярно.
Блины, оладьи, печь давно уже чтимся,
И о масляницѣ весьма веселимся,
Какъ возможно хворостъ намъ выше возгромоздится,
Тутъ всякой на то зритъ, пусть всякой тому дивится.
По утрамъ мы рано, скоро будемъ вставать,
Растворы и тѣсто спѣшно приготовлять.
Мы устроимъ башни, пирамиды и вышки,
Окружать конхъ будутъ масляныя пышки.
Наполнятся столы съ рыбой, пирогами,
Украсимъ ихъ лаврами и деревами.
Напекутся оладьи, блины и пряженцы,
Пускай сбираются къ намъ хорошіе молодцы,
Пріятельски съ нами обще забавляться,
Потомъ съ горъ на санкахъ вмѣстѣ покататься —
О! какое будетъ тутъ веселье и радость,
Когда вольется въ насъ, толь великая сладость!
Что будемъ мы винцо и пивцо попивать,
А блинами и оладьями заѣдать.

Вдругъ появились на Охтѣ горы, украшенныя флагами и ельникомъ. Отворились кабаки, въ конхъ спдѣли мужички, въ пристойномъ ихъ званію засаленномъ платьѣ, съ искривленными лицами. Повсюду раздавались пѣсни и крики. Въ домахъ били окна и тарелки,

на столахъ лежали горы хворосту, пироговъ, блиновъ и оладьевъ; полуштофики не сходили со столовъ.

Всякая домоводчица старалась, вставъ поутру рано, приготовить растворы, напечь блиновъ, оладьевъ и всякой всячины. Каждый хозяинъ старался, поутру рано, зазывать къ себѣ пріятелей и угощать ихъ, приговаривая отъ всего усердія:

Пожалуй меня послушай,
Сію рюмку водки кушай.
Принимай небось смѣло,
Вѣдь нынѣ то и дѣло.
Нечего кажется трусить,
Есть видишь чѣмъ и закусить:
Блины и оладьи стоятъ,
Которыхъ нынѣ ѣдятъ.
А если жажду утолить,
Извольте пивомъ промочить.
Не шутя, я васъ прошу,
И съ любовью подношу.

Гости отвѣчали, что они довольны хлѣбосольствомъ хозяина, и просили его посѣтить ихъ масляницу:

Довольны и такъ довольны,
Что утробы стали полны,
А сердца такъ развеселились,
Что иные съ стульевъ повалились.
Не ужели жъ до того дожить,
Что и чувство намъ позабыть?

Мы въ куражѣ, довольно тово,
А пріятство дороже всево.
Такъ за ваше угощенье,
Сдѣлайте и намъ посѣщенье.

Женщины, разгоряченныя маслянічнымъ восторгомъ, пѣли, плясали, плакали, скакали, обнимали другъ дружку за шею, приговарнвая: «матушка, кумушка, сватушка, кабы ты-то у меня, что бы тамъ было! — Наспу дождались такого праздничка, а его дожидали цѣлой годикъ! Да что дѣлать, хоть на часъ, да вскачь.» — Масляница сидѣла на верху своего торжества: повсюду было катанье, гулянье, пиршество. Наконецъ настало прощанье въ тотъ самый день, когда масляница достигла крайней точки разгула, и все разставалось съ нею грустно и со слезами (*).

Императрица Анна иногда дозволяла себѣ, для развлеченія, припоминать русскія забавы на маслянпцѣ. Она нарочно собирала въ своемъ дворцѣ унтеръ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя, бывъ одѣты въ простонародныя одежды, веселили пѣснями, плясками и играми. — Гонитель всего русскаго, Бпронъ, желая потѣшиться на маслянпцѣ маскарадомъ, велѣлъ, для свадьбы одного шута, состроить

(*) Магазинъ всѣхъ увеселеній; Москва, 1831 г., въ статьѣ: маловременные владѣтели, или блестящая масляница.

ледяной домъ, въ которомъ и заморозилъ того шута. Императрицы Елисавета и Екатерина II очень любили народныя забавы. Онѣ, въ сопровожденіи пышнаго двора, разъѣзжали на саняхъ, и ледяныя горы, если не болѣе, то не менѣе доставляли имъ удовольствія.—И нынѣ въ Петербургѣ знатныя дамы катаются съ ледяныхъ горъ, нарочно для нихъ состроенныхъ, какъ во время масляницы, такъ и въ нѣкоторые дни поста. Это на модномъ языкѣ называется journée falle или dejeuner dansant, а на обыкновенномъ—пикникъ. Сюда съѣзжаются, чтобы порѣзвиться на свободѣ; тамъ танцуютъ и катаются съ горъ на самолетныхъ саночкахъ: въ то время избранная дама сидитъ на колѣняхъ своего кавалера. — Цвѣтъ высшаго круга, утомленный скучными концертами великаго поста, безконечными представленіями живыхъ картинъ и фантастическихъ тѣней, задумываетъ разсѣять себя: онъ назначаетъ пикникъ. И едва эта мысль вырвалась изъ l'élit du beau monde, какъ она облетаетъ мигомъ дамскіе туалеты и петербургскіе салоны.—Всѣ собираются дружно въ условленный часъ, и всѣ, не на шутку, съѣзжаются въ указанный домъ. Говорливая молодежъ и молчаливый дипломатъ, и важный мужъ летятъ въ пошевняхъ, въ плетеныхъ прозрачныхъ са-

ночкахъ и на иноходцѣ: все торопится, все спѣшитъ, боясь опоздать или не заставить ждать себя.—Когда всѣ соберутся, тогда каждая дама сопровождается избраннымъ своимъ кавалеромъ. Длинный рядъ баловней роскоши несется пестрой вереницею по дорогѣ. Разноцвѣтныя попоны удалой тройки и узорчатые ковры саней, бархатные кафтаны кучеровъ съ бобровой опушкою, малиновыя и голубыя шапки на бекрень, выдвигаются на первомъ мѣстѣ картины; богатыя съ развѣвающимися перьями шляпки и полувоздушныя вуали, вьющіяся бѣлымъ пухомъ, обхватываютъ очаровательныя головки красавицъ; сребристые бобры и черный лисій мѣхъ, окутываютъ нѣжный станъ счастливыхъ сибаритокъ; сверкающіе безпечной радостью глаза, шутки и остроты красавицъ,— занимаютъ средину прекрасной картины. Избранные кавалеры, стоящіе на запяткахъ, дорисовываютъ картину неумолкаемой болтовнею, — все мчится съ восторженной веселостію. Ухабы, мятель, даже грязь и лужи ни по-чемъ... Поѣздъ вдругъ останавливается предъ назначеннымъ домомъ. Дамы, едва вошли въ пышно убранныя комнаты, немедленно садятся за туалетъ: иныя вновь наряжаются, а другія поправляютъ свои уборы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, всѣ

сходятся въ блестящихъ уборахъ: говоръ, шумъ и хохотъ разносятся повсюду. Подаютъ завтракъ, и каждый кавалеръ старается угостить свою даму; потомъ раздается музыка и начинаются танцы. Въ вихрѣ вальса забываютъ и время страстныхъ дней: все кружится до упаду. Безпрерывные танцы, смѣняемые утонченной изобрѣтательностію, никому не даютъ покоя. Отчаянное веселье въ полномъ разгарѣ, и только пріостанавливается въ то время, когда позовутъ къ обѣду, который начинается не ранѣе шести часовъ вечера. За обѣдомъ тотъ же кавалеръ угощаетъ свою даму, и тотъ же кавалеръ, послѣ обѣда, танцуетъ первый танецъ съ своею дамою. Танцы продолжаются до поздней ночи, потомъ всѣ разстаются, какъ сошлись, безъ сожалѣнія, и весьма равнодушно приглашаютъ: одни—«завтра ко мнѣ на вечеръ!» другіе—«ко мнѣ послѣ завтра на балъ!»

Пикникъ, полный странностей и противуположностей, выходитъ изъ круга обыкновеннаго веселія. Отъ того-то онъ и нравится: и что же онъ? Балъ не балъ, а вѣрное изображеніе пресыщенныхъ пирами и роскошью.

Въ Ярославлѣ масляница имѣетъ свои особенности. По понедѣльникамъ тамъ бываетъ рынокъ; на масляницѣ тоже, но мно-

голоднѣе. Всякій спѣшитъ тогда праздновать *честную масляницу*, — такъ она называется здѣсь. Въ обыкновенные торговые дни съѣзжаются только по надобности, (а въ это время, то есть въ масляницу), по старинному и причудливому желанію: *показать себя и людей посмотрѣть.* — Такъ поступаютъ всѣ, обвѣнчанные въ прошлый годъ. Молодые одѣваются чисто, и судя по деревенскому, даже щегольски. Женщины въ длинныхъ китайчатыхъ, заячьихъ шубахъ; шеи ихъ красиво перевязаны шелковыми платочками. — На верху шубы, накинуты большіе, длинные и пестрые платки. Мужья ихъ, не уступаютъ имъ въ щегольской одеждѣ. Молодые, взявшись рука за руку, образуютъ въ толпѣ народа тихо движущіяся, живыя картины. Около молодыхъ, или недалеко отъ нихъ, стоятъ ихъ отцы и матери, и простодушно любуются милыми дѣтушками. Мимо ихъ безпрестанно ходятъ любопытные. Кромѣ молодыхъ собираются въ этотъ день дѣвицы-невѣсты и парни-женихи. Они составляютъ совсѣмъ особое отдѣленіе. Нѣсколько дѣвицъ одного села, взявшись дружески за руки, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Парни, охорашиваясь, похаживаютъ мимо дѣвицъ и посматриваютъ на нихъ. Нагулявшись вдоволь, молодые съ родными и

знакомыми расходятся по трактирамъ и ресторацiямъ. Тутъ, за чашкою чая, встрѣчаютъ масляницу, а потомъ начинается пиръ горой.—Поклонники Бахуса также не отказываютъ себѣ въ удовольствiи. Поразвеселившись, начинаютъ пѣть и плясать, а потомъ оставляютъ городъ на цѣлую недѣлю. Всѣ вмѣстѣ они ѣдутъ къ тестю-батюшкѣ, и къ тещѣ-матушкѣ, и тамъ веселятся до первой недѣли поста.—Жители Ярославля и уѣздныхъ городовъ угощаютъ другъ друга блинами, катаются на горахъ и по улицамъ, поютъ *коледу*. Съ четверга сырной недѣли, толпы мастеровыхъ ходятъ по домамъ съ погремушками, бубнами, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *прикажи, сударь-хозяинъ, коледу пропть*. Получивъ позволенiе, они поютъ:

Ужъ какъ шли ребята коледовщики,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Коледовщики, все фабрищики,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
На семи верстахъ, на осьми столбахъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!

Посреди двора, посреди широка,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Стоятъ три терема,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Три терема златоверхіе,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Въ первомъ терему красно солнышко,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Во второмъ терему часты звѣзды,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Хозяйка въ дому, госпожа въ высок*о*мъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Молодыя дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду,
Виноградъ, красно зеленая моя!

Выслушавъ пѣсню, хозяинъ подчуетъ ихъ виномъ, даритъ мелкими деньгами, а коледовщики благодарятъ:

Благодарствуй, хозяинъ, на хлѣбѣ, на солѣ и на жалованьѣ,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, со двора пустилъ,
Виноградъ, красно зеленая моя!

По древнему обычаю, нашъ народъ поминаетъ усопшихъ блинами, потому въ тамбовской губерніи и смежныхъ съ нею мѣстахъ, первый испеченый блинъ кладется на слуховое окошко, въ томъ предположеніи, что души родственниковъ, знакомыхъ, особенно

родителей, невидимо съѣдаютъ его. Если онъ остается не тронутымъ, то думаютъ, что злые духи до сего не допускаютъ: въ такомъ случаѣ прогоняютъ ихъ заклинаніями.—Набожныя женщины, садясь за столъ, ѣдятъ первый блинъ за упокой усопшихъ, а слѣдующими блинами встрѣчаютъ масляницу, которая потомъ вся проходитъ во взаимномъ угощеніи и катаньи на саняхъ.

Увеселенія на масляницѣ въ костромской губерніи не вездѣ начинаются одинаково: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ со вторника, въ другихъ съ середы, а въ помѣщичьихъ съ четверга. Богатые катаются изъ одной деревни въ другую, или съѣзжаются другъ къ другу на блины, и потомъ отправляются снова кататься и пировать. Новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые дарятъ ихъ мыломъ, а тѣ отдариваются блинами. — По нѣкоторымъ уѣздамъ, изъ деревень съѣзжаются дѣвушки къ своимъ родственникамъ или знакомымъ, въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ; лице красятъ румянами и бѣлилами, а зажиточныя сверхъ того украшаютъ свои шеи коралловыми монистами, пальцы кольцами, а уши блестящими серьгами. Крашеный сарафанъ и пестрый большой платокъ, искусно обвивающійся около стана красавицы, обращаютъ об-

щее вниманіе. Новобрачные, равномѣрно одѣтые въ лучшіе наряды, также появляются на гулянье. Дѣвушки и новобрачные катаются съ горъ отдѣльно отъ мущинъ. Парни въ нарядныхъ одеждахъ стоятъ рядами и высматриваютъ пригожихъ невѣстъ. Въ субботу съѣзжается на горы еще болѣе народа; катанье усиливается: парни катаются съ дѣвицами, даже съ незнакомыми и угощаютъ ихъ пряниками и орѣхами. Другія же сами покупаютъ для себя лакомства на деньги, вырученныя за проданную ими въ ту недѣлю пряжу, и ходя около горъ, хрустятъ орѣхами. Въ послѣдній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мущинъ, съ соломенными на головѣ колпаками верховая поѣздка, называемая *обозъ*. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются,—это значитъ *сожигать масляницу*, и потомъ проводятъ ее виномъ.—По деревнямъ поютъ пѣсни, а вечеромъ мущины и женщины, взявъ съ своего двора по пуку соломы, складываютъ ее вмѣстѣ и зажигаютъ, что называется *сожечь соломеннаго мужика*.

Подобное обыкновеніе давно было извѣстно многимъ славянскимъ племенамъ, которыя совершали его при встрѣчѣ весны перваго марта. Они выносили изъ селенія соломенное чучело, представлявшее смерть, сожигали его

и пепелъ бросали въ воду. — Нѣтъ сомнѣнія, что сожженіе соломеннаго мужика есть остатокъ языческаго обряда, который измѣненъ въ послѣдствіи и въ настоящемъ видѣ уже вошелъ въ потѣшные проводы масляницы.

Хотя разгульная масляница начинается вообще съ четверга честнаго, однако по нѣкоторымъ мѣстамъ саратовской губерніи (хвалынскаго уѣзда), между поселянами она начинается съ пятницы. Тамъ старые и молодые обоего пола отправляются поутру рано на рынокъ, за исключеніемъ хозяевъ дома, и гуляютъ на рынкѣ до вечера. Потомъ всѣ, отправляясь домой, везутъ съ собою масляницу (деревянный истуканъ), которую сажаютъ верхомъ на передовой лошади и поютъ веселыя пѣсни. Оставшіеся въ домахъ выходятъ на улицу, встрѣчаютъ масляницу и кланяются ей. Привезенный истуканъ ставится посреди улицы, народъ окружаетъ его и провозглашаетъ: «пріѣхала масляница!» — Мущины и женщины обходятъ вокругъ, и кричатъ: «масляница! масляница!» — Тогда уже начинается общее угощеніе: пекутъ блины, подчуютъ другъ друга, поздравляя съ наступившей масляницею; поютъ пѣсни, играютъ въ гармонику и балалайку и пляшутъ. — Такъ продолжается до вечера воскресенья, въ который

погребаютъ истукана. Наряжаютъ старика въ черное рубище, и навязавъ на веревочку осколки битой посуды, подаютъ ему въ руки; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ, чрезъ всю деревню. Толпы людей провожаютъ истуканъ до другаго конца деревни. Тамъ бросаютъ его и оставляютъ до будущаго года, для того, чтобы масляница не возвратилась къ нимъ. Исполнивъ этотъ обрядъ, приходятъ домой, прощаются другъ съ другомъ, и тѣ, которые жили между собою въ враждѣ, примиряются.

Масляница въ пензенской губерніи начинается собственно съ четверга. Тамъ посѣщаютъ сначала родныхъ, послѣ знакомыхъ, наконецъ безъ разбора. Новобрачные обязаны ходить къ своимъ родителямъ, на горячій блинъ, въ честной четвергъ. Тутъ еще обыкновеніе, что молодой съ своею молодою долженъ прогостить у тещи два или три дня. Въ послѣдній день ходятъ, по заведенному обыкновенію, прощаться къ священнику: ему приносятъ гостинецъ, состоящій изъ мѣры ржи, или другаго какого либо хлѣба. Съ такими гостинцами обходятъ весь причтъ; но при этихъ прощаньяхъ, нерѣдко выпиваютъ гораздо болѣе, нежели чего стоятъ приношенія.

На парняхъ однакожъ лежитъ обязанность проводить честную масляницу съ почестію. Для этого они собираютъ нѣсколько десятковъ боронъ, громоздятъ одну на другую, наподобіе горы, и запрягаютъ молодыми телятами и жеребенками, а гдѣ нѣтъ ихъ, то волами: сколько впряжено скота, столько должно быть поводильщиковъ. На верху взгроможденныхъ боронъ сидитъ смѣльчакъ съ кочергою или помеломъ, и кричитъ на всѣхъ поводильщиковъ: «бравѣе!» Въ этомъ видѣ проѣзжаетъ масляница все село, изъ конца въ конецъ, съ разными прибаутками празднующихъ, какія только прійдутъ имъ въ голову. Почти всѣ поселяне провожаютъ масляницу съ крайнимъ сажалѣніемъ, что она прошла такъ быстро, не долго гостила между ними. По окончаніи шествія, которое прекращается въ концѣ селенія, всѣ прощаются между собою, желаютъ другъ другу благополучнаго перехода отъ блиновъ *на хрѣнъ да на рѣдьку, да на кислую капусту*.

Въ симбирской и пензенской губерніяхъ существуетъ обыкновеніе строить на рѣкѣ городокъ изъ снѣга, съ башнями, двумя воротами и прорубью въ рѣкѣ. Мальчики раздѣляются на двѣ стороны: на конницу—осаждающихъ и пѣхоту—защищающихъ свою позицію.—Конные, предводимые своимъ начальникомъ, устремля-

ются на приступъ. Пѣшіе отражаютъ ихъ помелами и метлами; но осаждающіе, послѣ долгой борьбы, прорываются черезъ пѣхоту и въѣзжаютъ въ крѣпостныя ворота,—городъ взятъ. Взявшіе городъ купаютъ въ проруби своего предводителя, а отличившихся на приступѣ и въ защитѣ угощаютъ виномъ. Потомъ всѣ вмѣстѣ разрушаютъ городокъ и возвращаются домой съ пѣснями.

Измѣненія въ отправленіи масляницы замѣтны своею особенностію во владимірской и частію въ вятской губерніяхъ. Тамъ возятъ на саняхъ, запряженныхъ 12 лошадьми, наряженнаго мужика. Онъ сидитъ на колесѣ, утвержденномъ посреди саней; въ рукахъ держитъ полуштофъ съ виномъ и калачи.—Съ нимъ сидятъ наряженные музыканты, которые поютъ и играютъ. Почти такое же дѣйствіе происходитъ въ симбирской, саратовской, пензенской, и нижегородской губерніяхъ. Сколотивъ вмѣстѣ нѣсколько дровень, застилаютъ ихъ досками; посреднѣ ставятъ толстое, высокое дерево съ воткнутымъ на верху его колесомъ; на этомъ колесѣ усаживается наряженный, который веселитъ народъ своими забавами и продѣлками. — Потомъ возятъ по всѣмъ улицамъ сани съ деревомъ и лошадьми наряженными, въ разныхъ другихъ животныхъ: все нароч-

но на нихъ непещрено странными уборами. Многіе, вмѣсто масокъ, расчерчиваютъ лице угольями и сажею; надѣваютъ на себя платье на выворотъ, или шкуры животныхъ съ рогами и скелетомъ головы; при шествіи, скачутъ и поютъ. Вмѣсто музыки, ударяютъ въ бубны и тазы. — Шествіе это называется *проводами честной масляницы* и обыкновенно случается въ прощеное воскресенье. Въ рязанской губ. тоже возятъ на саняхъ большое дерево, увѣшанное пестрыми лоскутьями и погремушками. Вокругъ него идутъ наряженныя толпы, и останавливаются на улицахъ предъ богатымъ домомъ, на нѣсколько минутъ. Тутъ прыгаютъ, скачутъ и потомъ двигаются впередъ. Вечеромъ сходятся на общую пирушку и гуляютъ до разсвѣта. Блины не сходятъ со стола въ продолженіе даже почи.

Въ пермской губерніи проводятъ масляницу какъ и вездѣ, съ радушіемъ и блинами. Тамъ во всю недѣлю катаются на саняхъ по городу и за городомъ; катаются на конькахъ и на замороженныхъ изъ снѣга катушкахъ съ рѣчки Слюдки на Каму.

Казалось бы, что угощеніе блинами въ Россіи есть повсемѣстное: однакожъ находятся мѣста, гдѣ замѣняютъ ихъ особыми явствами, и это—въ Сибири. Тамъ, вмѣсто блиновъ пода-

ютъ, жареное изъ тѣста на маслѣ, похожее на пирожное и называемое хворостами. Не смотря на старинный обычай употребленія хвороста, блины мало по малу вытѣсняютъ его изъ своего круга. Было тамъ обыкновеніе возить по улицамъ огромной величины корабль, съ парусами и снастями, поставленный на нѣсколькихъ вмѣстѣ сколоченныхъ саняхъ, запряженныхъ 20 лошадьми. Въ немъ сидѣли наряженные скоморохи, медвѣдь и госпожа масляница. Весь этотъ снарядъ назывался честной масляницею. Онъ возился по улицамъ, въ сопровожденіи толпы мальчиковъ и любопытнаго народа (*). Возка корабля съ парусами и снастями и пр., заимствована отъ маскарада, даннаго Петромъ Великимъ въ Москвѣ на масляницѣ, и введена въ Сибирь поселенцами и должностными людьми, которые понынѣ вводятъ въ этотъ край многое новое, и распространяютъ вкусъ и охоту ко всему хорошему и изящному. — Тамъ имѣются уже свои собранія, вечера и балы, на коихъ, если вѣрить разсказамъ, гремятъ отличные хоры музыки.— Обитатели Сибири умѣютъ веселиться: тамъ, среди снѣжныхъ горъ и морозныхъ вьюгъ, они забываютъ, что живутъ въ такой странѣ, ко-

(*) Записки и замѣчанія о Сибири. С. П. Б. 1817 г. 8.—

торая однимъ именемъ своимъ наводитъ трепетъ на каждаго человѣка. Избалованному роскошью столицы и въ голову не прійдетъ, чтобы тамъ могли радоваться и наслаждаться даже прихотями утонченной нѣги!

Въ енисейской губ. на масляницѣ, переодѣтые, въ маскахъ, ходятъ изъ дома въ домъ, или ѣздятъ на саняхъ изъ деревни въ деревню. Веселятся у хозяина: поютъ и пляшутъ и потомъ отправляются къ другому, третьему и т. д. Парни строятъ ледяную крѣпость съ воротами; сажаютъ туда охранительную стражу, и потомъ пѣшіе и конные идутъ въ атаку: пѣшіе лѣзутъ на стѣны, а конные врываются въ ворота. Осажденные обороняются метлами и нагайками. По взятіи крѣпости, побѣдители идутъ съ торжествомъ: поютъ пѣсни и кричатъ радостно. Отличившихся изъ нихъ ведутъ впередъ, а за ними плѣнниковъ. Потомъ всѣ отправляются пировать, и всю ночь проводятъ въ шумныхъ забавахъ.

На сѣверномъ концѣ Россіи, именно въ архангельской губерніи сохранялся обычай отправленія масляницы, нѣсколько сходствующій съ римскими вакханаліями. Въ Италіи понынѣ водятъ быка, обвѣшеннаго лентами, игрушками, и обвитаго цвѣтами. На немъ сидитъ мясникъ, представляющій Бахуса. — Въ

Архангельскѣ совершалось почти тоже. Въ пятницу, мясники возили по городу быка, на большихъ саняхъ, въ которыя сами впрягались по нѣскольку десятковъ. Здѣсь масляница начинается съ четверга. Въ этотъ день ѣздятъ по городу на большихъ саняхъ, съ кораблемъ, который обвѣшивается флагами разноцвѣтными и испещряется изображеніями рыбъ, птицъ, волковъ, медвѣдей, тигровъ, лисицъ, львовъ и пр., съ разинутою пастью. На мачтахъ висятъ шкуры этихъ животныхъ и чучелы птицъ и рыбъ. Замаскированные идутъ позади; музыка сопровождаетъ общее веселіе. Почетные жители, купцы, мѣщане и другіе горожане одѣваются въ нарядное платье; нѣкоторые изъ нихъ являются въ уродливыхъ маскахъ; за этой веселой толпою тянутся рядами экипажи, и всѣ отправляются съ поздравленіемъ къ начальнику города и другимъ почетнымъ особамъ. Послѣ поздравленія, возвращаются домой пировать. Въ пятницу и субботу продолжается поѣздъ, но съ меньшею пышностію, и уже ѣздитъ каждый ремесленный цѣхъ, съ своими значками, наприм., рыболовы, съ изображеніями рыбъ и другихъ предметовъ, принадлежащихъ къ ихъ ремеслу; мастеровые съ своими вывѣсками, а купцы съ вывѣскою своихъ товаровъ, кто чѣмъ торгу-

етъ. Въ воскресенье повторяется первый поѣздъ. Все это дѣйствіе называется *масляница ѣдетъ*. Въ эти дни также на саняхъ катаются съ горъ, качаются на качеляхъ и ѣдятъ блины съ икрою (*).

(*) Въ бытность мою въ Парижѣ, я видѣлъ карнавалъ, который происходилъ очень шумно. Тамъ онъ начинается въ воскресенье и оканчивается во вторникъ. Для учебныхъ заведеній позволяется гулять цѣлую недѣлю; почти тоже самое право, присвоили себѣ городскіе жители: балы, вечера, танцы и маскарады, занимаютъ ихъ до изступленія. — Въ воскресенье мясники водятъ по улицамъ откормленнаго быка, который обвѣшивается погремушками, украшается разноцвѣтными лентами и кусками матерій. — На немъ сидитъ мальчикъ, похожій болѣе на амура, нежели на бахуса. — Мясники, въ миѳологическихъ одеждахъ, ведутъ за рога быка, за ними идетъ музыка и ѣдетъ огромная колесница, которая биткомъ набита здоровыми мясниками, въ разныхъ положеніяхъ: иной держитъ дубину, представляя изъ себя Геркулеса; другой шатающагося Вакха, третій Силена, четвертый Сатира съ козьими ногами и рогами и проч. На колесницѣ развѣваются флаги; ее тащутъ весьма медленно нѣсколько паръ лошадей. — Ряды экипажей, съ замаскированными лицами, сопровождаютъ это шествіе; а тысячи народа замыкаютъ его. На пространствѣ полуверсты тянутся еще новые экипажи съ людьми въ уродливыхъ маскахъ. — Во вторникъ (mardi gras), водятъ быка ко двору Короля, потомъ по домамъ знатныхъ особъ, министровъ, пословъ и богачей, но преимущественно къ таковымъ людямъ, коихъ уважаютъ. Въ среду убиваютъ быка, и разрѣзавъ на извѣстное число кусковъ, разсылаютъ ихъ по тѣмъ домамъ, куда водили его. — Прежде всего отсылаютъ самый лучшій кусокъ Королю, который даритъ за то нѣсколько сотъ франковъ. Прочія особы также обдариваютъ ихъ. Въ послѣдній день веселья Парижъ кипитъ толпами за-

По деревнямъ не менѣе веселятся на масляницѣ. Наѣвшись блиновъ, ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями: женщины къ женщинамъ, дѣвушки къ дѣвушкамъ, старики къ старикамъ, а молодые парни къ тѣмъ и другимъ. Всѣ они одѣваются въ нарядныя одежды, особенно взрослыя невѣсты. Старики, сидя въ избѣ съ гостями, разговариваютъ о своихъ домохозяйственныхъ занятіяхъ, и запиваютъ бесѣду чарой водки. На улицѣ, подъ окнами избъ собираются дѣвушки, взрослыя и не взрослыя, въ праздничныхъ сарафанахъ и бѣлыхъ суконныхъ шушунахъ (родъ полукафтанья за колѣна); головы повязаны красными шерстяными платками, а шушуны подпоясаны шерстяными домашней работы поясами; ноги обуты въ лапти, обвязанные цвѣтными шнурками; зажиточныя обуваются въ сапоги и башмаки; косы переплетены лентами, болѣе красными. Точно въ такомъ уборѣ показываются тогда и молодухи, но съ тою разницею, что онѣ убираютъ голову повойниками, кичками и даже вѣнцемъ. Въ губерніяхъ: московской, рязанской, тамбовской и пензенской, мнѣ случалось видѣть, что въ эти дни, самыя

маскированныхъ, и это веселіе продолжается далеко за полночь.—На масляной и въ теченіе всего поста, продаютъ въ Парижѣ окрашенныя краснымъ цвѣтомъ яйца.

дѣвушки надѣваютъ на голову повойники и кички, крытыя позументомъ и вышитыя шелками. На пѣніе дѣвушекъ собирается толпа парней, которые, подступая къ нимъ, привѣтствуютъ ихъ снятіемъ шапки, и потомъ становятся въ кружокъ подлѣ нихъ. Тогда и пѣсни раздаются веселѣе и дружнѣе, и пѣніе часто продолжается безумолкно нѣсколько часовъ сряду. Въ то время, съ одного конца деревни въ другой разъѣзжаютъ на саняхъ, нарядныя молодухи, которыя на этотъ разъ не забываютъ пригласить къ себѣ дѣвушекъ. Парни ѣздятъ за ними на особыхъ саняхъ, а иногда и дѣвушки и парни вмѣстѣ; послѣ ѣдутъ пожилыя и старыя, мужья и старики на отдѣльныхъ саняхъ и всѣ поютъ. Сани у зажиточныхъ окрашены въ разноцвѣтныя краски, со звонкомъ на дугѣ и бубенчиками около лошади. Поѣздъ продолжается до поздняго вечера, который оканчиваютъ у кого либо изъ знакомыхъ пиршествомъ. Поѣзды начинаются иногда съ дальнихъ деревень. Случалось видѣть, что барыни и барышни, равномѣрно катаются изъ деревни въ деревню, и потомъ отправляются вечеромъ къ сосѣду. Въ послѣдній день масляницы всѣ ѣздятъ прощаться; пѣсенъ не поютъ, за исключеніемъ дѣвушекъ, которымъ позволяется пѣть. Набожность въ этотъ день доходитъ у многихъ

до того, что они, встрѣчая на улицѣ знакомаго и незнакомаго, останавливаются, и троекратными поклонами и слезными словами, просятъ взаимнаго прощенія. Одинъ, на-прим., говоритъ: *прости меня въ чемъ я виноватъ, или согрѣшилъ предъ тобою.* Другой отвѣчаетъ: *да проститъ тя Богъ и я прощаю*; потомъ цѣлуются и расходятся. Въ прощальный день грѣхъ ссориться, и если кто напьется, нагрубитъ или нанесетъ кому либо увѣчье, то на этомъ не взыскиваютъ, думая, что все должно прощать, не гнѣваться и *не серчаться*: для того-то и насталъ прощальный день, и что въ это время, самъ Богъ прощаетъ всѣ прегрѣшенія человѣческія, съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ поста покаялись, и не грѣшили болѣе. Многіе изъ набожныхъ становятся на проѣзжихъ дорогахъ на колѣна, и молятъ проѣзжающихъ, чтобы они простили ихъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ Малороссіи, было прежде въ обыкновеніи съ пѣніемъ носить по улицамъ чучело; толпа дѣтей сопровождала его крикомъ и бросала въ него снѣжные комки. Ввечеру сходились на вареники. Въ другихъ мѣстахъ возили на саняхъ масляницу,— деревянное изображеніе женщины, съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ, и потомъ бросали въ воду, или сожигали за го-

родомъ, въ воскресенье. Нынѣ отправляется масляница безъ всякихъ лицедѣйствій. На улицахъ появляются толпы людей, въ праздничныхъ одеждахъ, и забавляются катаньемъ по льду и съ горъ. Здѣсь не дѣлаютъ искусственныхъ ледяныхъ горъ, а наливаютъ на не большія возвышенія воду, которая замерзаетъ и образуетъ ледяныя горы. Все зависитъ отъ мѣстности. Дѣти строютъ себѣ снѣжные холмики и осаждаютъ ихъ: кто отличится изъ нихъ на приступѣ, того дарятъ орѣхами и пряниками. Катанье на саняхъ и здѣсь въ употребленіи. Во всю недѣлю столы бываютъ покрыты блинами и варениками, съ утра до полночи посѣщаютъ другъ друга и угощаютъ взаимно. Почти никакого не готовятъ другаго кушанья, кромѣ варениковъ. Въ субботу и воскресенье ходятъ прощаться, безъ подарковъ. Въ Россіи кумовья носятъ другъ другу большіе пряники и куски мыла.

Суевѣрныя замѣчанія.

Въ Малороссіи считается за великій грѣхъ, оставлять недоѣденными блины и вареники, почему остатки этихъ яствъ отдаютъ нищимъ и бѣднымъ. Есть домы, которые цѣлую недѣлю кормятъ ихъ. Если что остается къ первому дню поста, то все выбрасываютъ собакамъ, а самую посуду вымываютъ на-чисто кипяткомъ, чтобы нечистые духи не мучили ихъ

душу на томъ свѣтѣ. Когда остается на зубахъ сыръ,—то думаютъ, что черти будутъ выдергивать остатки его каждую ночь по не многу, пока всего не выдернутъ вмѣстѣ съ зубами: потому стараются выполаскивать ротъ, какъ можно чище; другіе встаютъ ночью по нѣсколько разъ для совершенія полосканья, и этимъ самымъ мѣшаютъ чертямъ выдергивать сыръ. Господствуетъ между суевѣрными еще предубѣжденіе, что кто хочетъ пріобрѣсть дешевою цѣною талисманъ, съ коимъ можно являться повсюду, и пріобрѣтать все, что пожелаетъ душа, въ такомъ случаѣ надобно, въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, положить въ ротъ кусокъ сыра, во время полночи, и держать его три дня сряду, не вынимая изъ рта и не дозволяя чертямъ дотрогиваться до него. Кто совершитъ этотъ подвигъ, тотъ счастливецъ въ мірѣ! Стоитъ ему пожелать, и все явится къ его услугамъ. Золото ли, красавицы, и все, что вздумаетъ, все будетъ въ его власти. По народнымъ преданіямъ извѣстно, что самые удалые козаки пробовали достигнуть этого сверхъ-естественнаго счастія, но и имъ это не удавалось. Многіе увѣряютъ, что для успѣха въ томъ, впередъ надобно продать душу чорту, но козакъ, правдивая душа, не полѣзетъ въ адъ прежде другихъ.

Есть въ Россіи мѣстами обыкновеніе, что въ послѣдній день, прощаясь другъ съ другомъ, ходятъ просить отпущенія грѣховъ у своихъ священниковъ, и потомъ отправляются къ могиламъ родныхъ и знакомыхъ. Въ семействахъ не прежде ложатся спать, какъ примирившись другъ съ другомъ: дѣти испрашиваютъ прощеніе у родителей, а слуги у господъ. Самые господа нетолько не считаютъ за стыдъ, испросить прощеніе у своихъ слугъ, но даже вмѣняютъ это въ священный долгъ. Такой обычай повсемѣстенъ въ Россіи. Въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни разводить огня, ни зажигать свѣчъ.

Пословица, — не все коту масляница, — произошла отъ того, что послѣ масляницы наступаетъ постъ, а съ нимъ вмѣстѣ строго воздержная жизнь. Съ перваго дня поста, многіе не пьютъ даже воды, пока не отслушаютъ утрени, не пьютъ чаю и не ѣдятъ, не отслушавъ часовъ. Первые три дня, ничего не варятъ: ѣдятъ одно сухое, соленые огурцы, грибы, квашеную капусту, хрѣнъ да рѣдьку, и пр. и пр. Съ четверга варятъ изъ овощей кушанье безъ постнаго масла.—Въ рѣзскую противоположность примѣрному пощенію вообще, къ сожалѣнію, можно представить людей, которые, въ теченіе всей первой недѣли, не пе-

рестаютъ ходить другъ къ другу, прощаться. Ничего не жаль для дружка! и какъ не порадоваться ему? Ну, похмѣлимся, братъ, авось не пройдетъ ли головная боль. Послѣ первыхъ рюмокъ, друзья говорятъ: довольно. Надобно же выполоскать всякую дрянь! Друзья подумавъ, не ломая головы, признаютъ это весьма здоровымъ и даютъ себѣ слово только полоскать ротъ, не болѣе. Они полощутъ ротъ и удивляются, чтобы это такое? ротъ моется усердно, а дрянь не выплевывается!—Когда порядочно наполоскаются, тогда, взявшись дружески рука за руку, и поддерживая одинъ другаго, идутъ къ своимъ знакомымъ тоже полоскать ротъ. Тамъ полосканье превращается въ круговую попойку, и продолжается почти всю первую недѣлю поста. Не одни мущины, но и женщины соревнуютъ имъ. Таковое постыдное обыкновеніе не прежде можетъ быть истреблено, какъ съ запрещеніемъ продажи водки по питейнымъ домамъ, хотя на время великопостныхъ дней.

Банные проводы.

По окончаніи масляницы, народъ стекается толпами въ бани, какъ бы для смытія съ себя всѣхъ нечистотъ. Тогда парятся болѣе обыкновеннаго; бани натапливаются жарче прежняго, и во время парки кричатъ: *поддай пару послѣ масляницы!* — Выпарившись хо-

рошенько, требуютъ водки и пьютъ за здоровье масляницы. — Это дѣлается для того, чтобы выпроводить честную масляницу изъ бани.

Первый понедѣльникъ великаго поста въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется чистымъ понедѣльникомъ. Тогда, во многихъ городахъ, поутру собираются кучами ребятишки, идутъ толпою къ дому каждаго хозяина съ ухватами, кочергами, помелами, сковородами, и кричатъ: «мы масляницу прокатали, святы вечеры проиграли; мы рожественъ постъ пропряли. Свѣтъ наша масляница, дорогая! гдѣ ты ночь ночевала? Подъ кустомъ на дорожкѣ. Ѣхали скоморошки, вырѣзали по прутичку, сдѣлали по гудочку, и вы, гудушки, не гудите, и вы масляницу не будити».

Въ Литвѣ, во время масляницы запрягаютъ необъѣзжанныхъ лошадей въ сани, и думаютъ, что объѣзжанныя въ это время, бываютъ крѣпкія, здоровыя и не подвергаются никакому дурному глазу.

ПОГРѢШНОСТИ

КЪ VII Ч. Б. Р. Ж.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Надобно читать.*
Въ содержаніи	12	Корпато-россовъ	Карпато-россовъ
5	25	и Юуля	или Юуля
7	15	Миреы	Миеры
—	19	праздникомъ.—	праздникомъ,—
19	21	привѣтствуютъ	привѣтствуютъ:
24	21	уходить	уходитъ
27	8	slota	zlota
28	19	ясель	яселъ
29	11	A tyszki	A lyszki
—	23	Za sta	Za sto
30	11	Dogodzitbym	Dogodzilbym
34	4	черомъ	вечеромъ
48	27	Спинку	Свинку
49	22	влѣзаетъ	взлѣзаетъ
56	20	олябушки	оладушки
60	27	Шейкурскомъ	Шепкурскомъ
68	27	знову	знову
70	6	прочнулся	прочнувся
80	2	швкова	шовкова
82	2	кавбаски	кивбаски
89	9	переряжались	переряживались
96	13	вѣщѣносного	вѣщеноснаго
—	28	водоосвященi-	водоосвященіемъ;
99	15	Knuſiſchen oder Mo= ſhowitiſchen	Ruſſiſchen oder Moſ= kowitiſchen
—	18	Moſhowitiſchen	Moſkowitiſchen
—	18	in dem Fahr	in dem Jahr
102	15	колѣнопреклоніемъ	колѣнопреклоненi- емъ
103	18	мнѣніи	мнѣніи,
—	24	у Поляковъ, рокъ	у Поляковъ рокъ,
126	20	выказывается	высказывается

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Надобно читать.*
128	22	Криловна	Краловна
129	26	die alt. Stary	die alt. Slavy.
129	26	Gebſch der Wenden	Geſchichte der Wenden
134	9	искнои	искони
135	14	молодыя вызывались	молодыя женщины вызывались
139	19	мать говоря	мать, говоря
142	1	красавицъ пока	красавицъ, пока
143	6	горничныхъ няню-шекъ	горничныхъ, няню-шекъ
155	11	одинакой	одинокой
160	28	одавшееся	вдавшееся
167	1	и омотрѣли	и осмотрѣли
175	9	въ рукахъ	въ рукавъ
181	4	молодешъ	молодёжъ
200	27	(цѣлуется)	(цѣлуются)
216	19	пъ	онъ
—	20	нъ	онъ
—	21	частыя	Частыя
237	25	Рюгелѣ	Рюгенѣ
241	17	такъ	тамъ
262	22	на подающихъ	на падающихъ
263	23	веники	вѣники
273	5	и Голицынѣ	о Голицынѣ
274	28	не необращался бы	не обращался бы
284	18	молодые молодушки	молодыя молодушки
—	19	яблочки-то наливные	яблочки-то наливныя
—	19	то молодые деверью-шки	то молодыя деверью-шки
295	17	ревели	ревѣли
302	3	венцемъ	вѣнцемъ
—	18	седламъ	сѣдламъ
310	18	Faſtnahht	Faſtnacht
313	12	варенники	вареники
324	11	journée falle	journée folle
343	11	на этомъ	за это